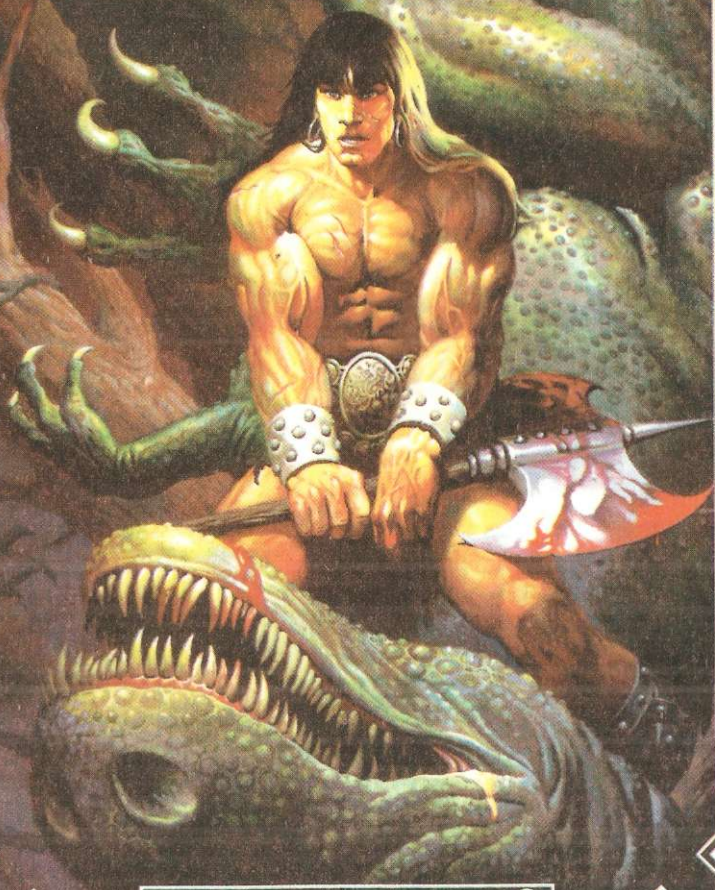
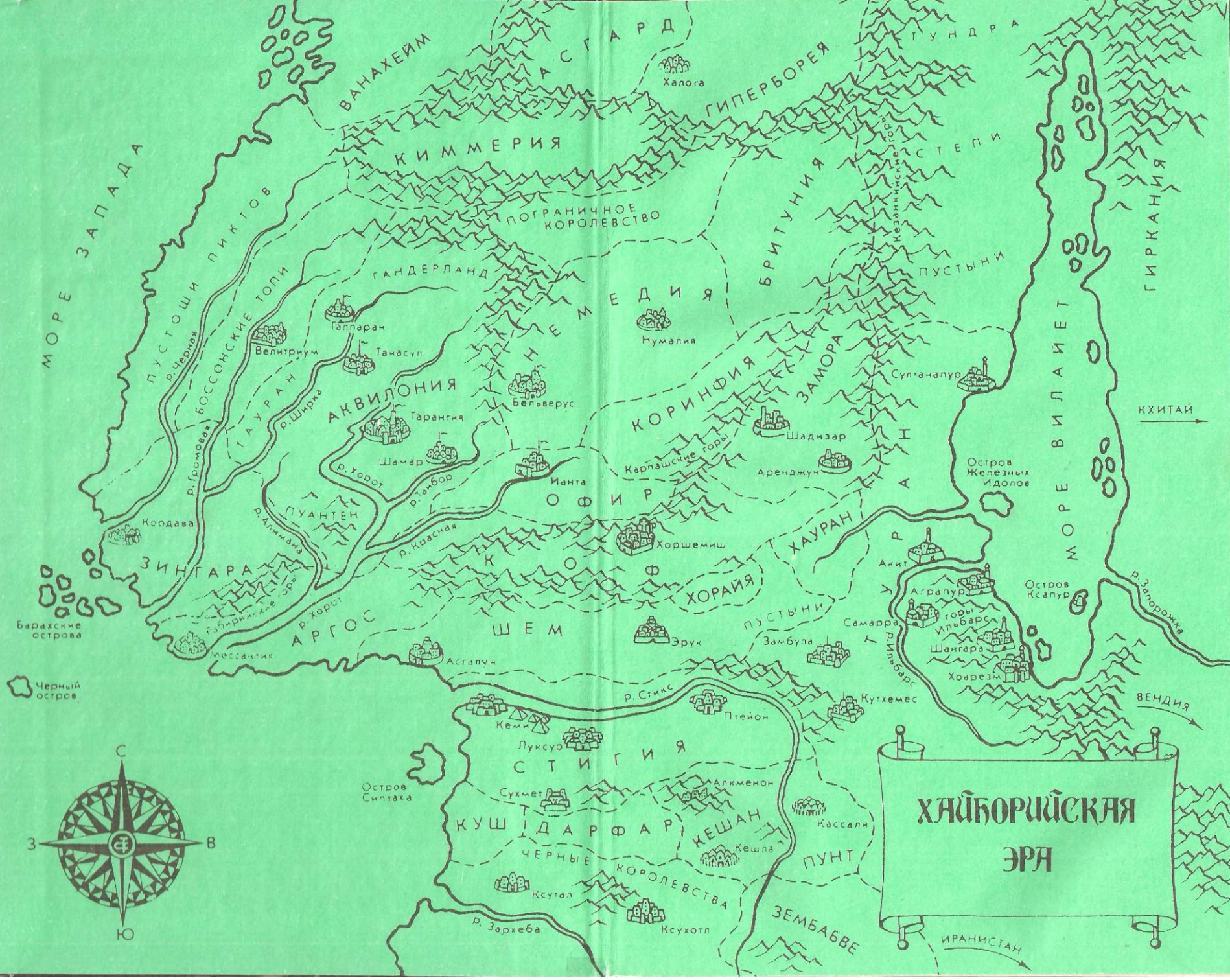

CONAN™

КОНАН И ХРАМ НОЧИ

Северо-Знаг®

МОРЕ ЗАПАДА

ПУСТОШИ ПИКТОВ
БОССОНСКИЕ ТОПИ
ТАУРАН
р. Гримова
р. Широк
р. Хорот
р. Алимана
р. Хорос

АКВИЛОНИЯ

ГАНДЕРЛАНД

МЕДИЯ

КОРИНФИЯ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

ПУСТЫНИ

ГИРКАНИЯ

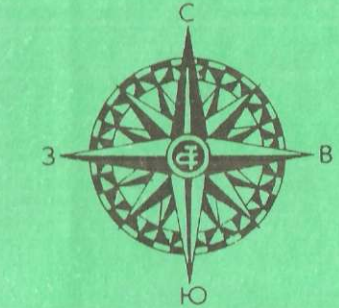
ХИТАЙ

МОРЕ ВИЛАЕТ

МОРЕ ВОСТОКА

Баракские острова

Черный остров

Остров Сиптаха

Кемп

ЛУКСУР

СТИГИЯ

ПТЕЙОН

КУШ

ДАРФАР

КЕШАН

ПУНТ

Зинтара

Аргос

Шем

Хауран

Хорайя

Зембабве

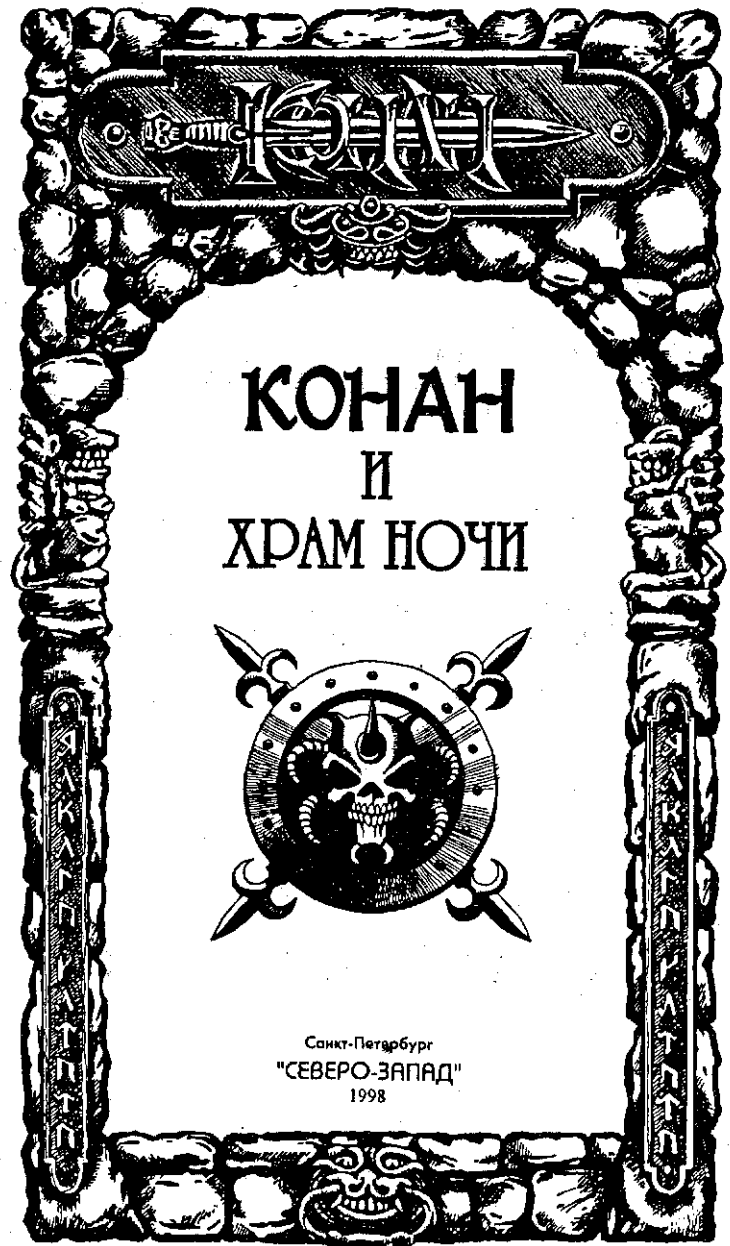
Иранистан

Вендия

Хитай

Хайборийская Эра

КОНАН
И
ХРАМ НОЧИ

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД"
1998

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
К 64

К 64 **Конан и Храм Ночи: Роман, повести.**—
СПб.: «Северо-Запад», 1998.—464 с.
ISBN 5-7906-0072-7

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

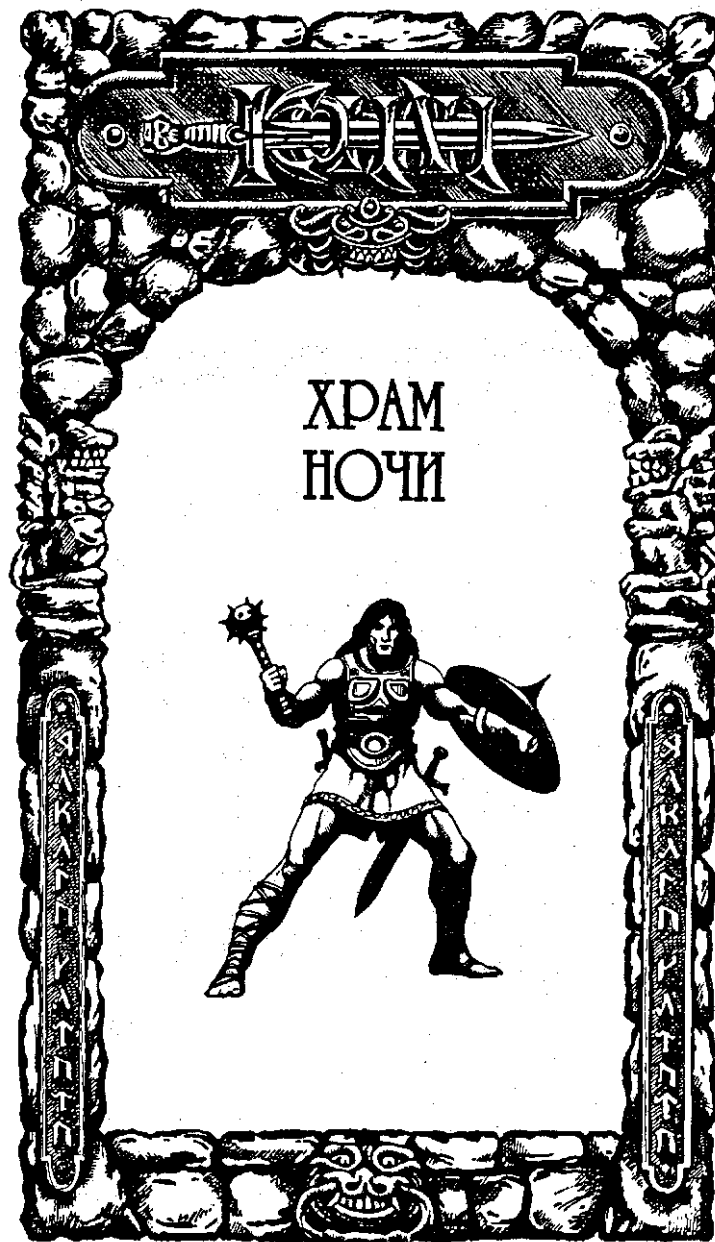
Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части в
любой форме в средствах массовой информации. Любые попытки
нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

- © К. Kelly, обложка, 1994
- © «Северо-Запад», составление и подготовка
текста, серийное оформление обложки
и форзаца, 1998

ISBN 5-7906-0072-7

Глава первая

Если бы вдруг Немедийская армия ни с того ни с сего перешла границу на этом Митрой забытом участке или на заставу обрушилась стая науськанных стигийскими чародеями драконов, то шуму было бы все равно меньше. Лагерь аквилонских пограничников напоминал горящий муравейник. Повсюду слышались истошные крики бестолковых команд, визг сигнальных рожков, лай собак и ржание коней. Меж палатками метались ратники, на ходу стараясь вникнуть в происходящее и вооружиться.

Перед своей палаткой навтыжку стоял командир заставы, толстые щеки его побелели. Сонная одурь, в которой нежился лагерь в течение всей бестревожной службы офицера, вдруг сменилась ледяным вихрем тревоги. И причиной тому был маленький отряд всадников, несколькими мгновениями раньше ворвавшийся в расположение заставы.

Глава прибывших только что отошел от ошеломленного офицера, высказав ему нечто такое, что заставило служивого трястись, словно пораженного внезапным приступом жестокой лихорадки.

...Несущийся по узкой горной дороге отряд миновал пяток солдат, расположившихся в уютном теньке и азартно стучавших игральными костями по порожнему пивному бочонку. Старший дозора сначала безразлично помахал всадникам рукой и вдруг рази-

нул рот, разглядев золоченых львов на запыленных пополах.

Миновав столь же беспрепятственно и остальные посты на дороге, кавалькада ворвалась в сонный лагерь через распахнутые деревянные ворота. Раздавая удары плетью направо и налево, всадники достигли командирской палатки, а мчавшийся впереди всех на могучем черном жеребце рыцарь в латах безо всяких украшений и гербов резко осадил коня, спрыгнул на землю и шагнул внутрь. Он был так высок, что плюмаж его шлема колыхнул шелковый полог.

Сбежавшиеся ратники разглядывали статных лошадей, богатую сбрую и роскошное оружие сопровождающих знатного тарантийского вельможи, прибывшего с таким шумом, пока один из них не разглядел герба на роскошном кафтане молодого паж, который соскочил с седла мгновением позже вельможи и взял под уздцы его боевого коня.

— Король... — сперва неуверенно проговорил ратник, растерянно шлепая себя по бедру, где должен был висеть клинок, затем, нахлобучивая на голову шлем, закричал увереннее:

— Король Аквилонии!

Вокруг него латники начали падать на колени, и лишь совсем немногие, оказавшиеся при оружии, замерли, отдавая воинский салют то ли юному пажу, то ли угрюмым запыленным королевским телохранителям, то ли колышущимся стенам палатки. Тревожный гул голосов смолк, слышны были лишь звон уздечек и фыркание разгоряченных долгой скачкой коней.

Полог откинулся, и командир заставы вылетел из палатки с такой скоростью, будто ему дали пинка. Следом, сдерживая рыдания, выбежала красная как рак девица в простом деревенском платье, и прошмыгнула меж замершими словно истуканы мужчинами. Потом вышел король.

Шлем свой, как и плащ, он оставил в шатре, и теперь длинные, со многими седыми прядями черные

волосы спутанной гривой падали на могучие плечи. Владыка Аквилонии сейчас так напоминал разъяренного льва, что окружающие невольно попятались. И королевский рык его оказался поистине звериным:

— Убирайся из лагеря, пока я тебя не пристукнул! — С этими словами Конан обвел горящими глазами строй недвижных фигур, плюнул в пыль и исчез в палатке. Телохранители спешили, стали неторопливо прохаживаться, разминая затекшие в бешеной скачке ноги, а из-под полога долетел еще один свирепый рык:

— Отправляйся на дорогу и лично выдери плетью старших в дозорах. Всему отряду — построение! Десятника ко мне.

Командир заставы, бледный и растерянный, все стоял, пялясь на свой шатер, а вокруг уже забегали, засуетились, раздались слова отрывистых команд.

Король меж тем недобрым взглядом обшаривал палатку, и ноздри на его грубом, властном лице раздувались от гнева.

Центральный столб палатки был изукрашен какими-то кусками ткани, на вбитом бронзовом крюке, в виде уставленного вверх птичьего когтя, висел длинный кавалерийский меч. Конан шагнул к столбу и, протянув руку, сорвал с крюка перевязь. Тонкий, в потускневших медных бляшках ремешок лопнул, вычурные ножны король презрительно отшвырнул на утопанный пол. Киммериец, привычно держа в могучих руках меч, разглядывал клинок, когда в помещение неслышно прошмыгнул паж, поднял с пола брошенные королевские плащ и шлем и, отряхнув, стал прилаживать их на крюк.

— Что скажешь, мальчик? — спросил король, протягивая меч, держа его двумя пальцами за острие. Кто-нибудь другой вряд бы удержал так запросто грозное оружие прославленных аквилонских рыцарей, но в лапе Конана он казался детской игрушкой.

Не чета тому чудовищному клинку, что висел на бедре киммерийца в обшарпанных ножнах.

— Когда-то это было хорошим оружием, мой король, — сказал паж, взяв меч двумя руками и поднеся к глазам. — Я вижу: он был в жарком деле, и, управляя зазубрины, его сточили едва ли не на палец в ширину. А потом...

Юноша полою кафтана попытался стереть подозрительный рыжий налет:

— А потом — он немало провисел вот на том когте, и правильный камень касался его очень и очень давно.

— Да уж, — пробурчал король, разом потеряв всякий интерес к словам пажа и обращаясь только к себе. — И весь этот сброд когда-то был неплохим отрядом, но всякий клинок без дела ржавеет, а если меч забывает точило, он становится дрянной железкой...

Киммериец тяжело вздохнул и сел на грубый деревянный стул, подперев голову кулаком. Те, кто знал этого необузданного вояку и искателя приключений в пору его молодости, были бы потрясены, услышав этот вздох: равно как и всю длинную тираду. Дикий варвар, наемник, разбойник, пират и победоносный король — все эти роли остались в прошлом, наполнив рокотом славы весь хайборийский мир. Теперь это был не тот Конан, одно упоминание имени которого заставляло бледнеть и трепетать всех, некогда многочисленных врагов киммерийца. Время взяло свое — на жалобно скрипнувший стул уселся человек, чья жизнь шла к закату. Лицо его, задубелое, иссеченное шрамами, обветренное и загорелое под солнцем всех морей и гор мира покрывала сеть морщин. В глазах временами исчезал столь знакомый окружающим ледяной блеск, уступая место сонной поволоке, а левая щека иногда слегка дергалась. С некоторых пор Конан завел привычку носить на левой руке плотную кожаную перчатку вроде тех, что

прикрывали руки королевских сокольников. Поначалу придворные недоумевали — ведь варвар так и не пристрастился ко многим цивилизованным развлечениям, в частности к соколиной охоте, отдавая предпочтение дедовской рогатине или доброму луку, но со временем привыкли и перестали обращать внимание на причуды киммерийца. И только самые близкие к Конану люди — оруженосцы, два-три пажа и немногие оставшиеся в живых друзья и соратники знали, что от усталости или волнения пальцы на левой руке короля начинают мелко дрожать. Даже в старости Конан остался верен себе — он не потерпел бы, чтобы кто-то заметил в нем признаки слабости или телесной немощи. Старые раны, на которые в пору безумной молодости варвар не обращал внимания, теперь начинали тяготить стареющего гиганта. Но слабело лишь тело, неистовый дух киммерийца оставался прежним, и даже не боящийся ничего на свете сын его — Конн не смел двинуть мускулом на лице, глядя, как отец прячет искалеченную ванирской палицей руку под плащом — без сомнения Конан пристукнул бы любого, рискнувшего открыто ухмыляться при виде его наивных уловок.

А со времени, как ушла на Серые равнины королева Аквилонии — Зенобия, некогда признанная первой красавицей хайборийского мира, все чаще долгие тягостные размышления киммерийца стали прелюдией для внезапных вспышек ярости или, напротив, — длинных периодов черной хандры, со временем становившихся все продолжительнее и беспросветнее. В Тарантии знали, что могут значить подобные теперешним вздохи, и страшились их, словно предгрозовых молний. Вот и теперь паж поспешил бочком выскочить из палатки, провожаемый новым вздохом, вырвавшимся из все еще могучей груди великана.

Перед входом переминался с ноги на ногу десятник. Пожалуй, если бы этому молодому вояке предстояло войти в логово жуткого тролля-людоеда из

местных горских легенд, он шагнул бы смелее, чем сейчас. Лев Аквилонии одряхлел, но все еще оставался самым грозным владыкой на просторах Хайбории. Легенды о его подвигах слышали в детстве и те, кто теперь стал седым ветераном, и те, кто только сменил деревянный меч на первый боевой, — и это заставляло трепетать сердца служивых в маленьком пограничном гарнизоне на окраине его огромной империи.

Десятник с немой мольбой посмотрел на нагло ухмыляющегося паж, перевел взгляд на неподвижных телохранителей государя, еще раз оглядел замершие шеренги выстроенных по тревоге латников и сделал шаг. Потом шагнул еще и еще. Очутившись внутри палатки, офицер с ужасом почувствовал, что грудь его распирает, словно кожу на пиктском барабане, внутри что-то глухо и чересчур громко бухает, а горло вот-вот разорвет.

Громадная темная фигура на стуле вздрогнула и слегка шевельнулась, раздался оглушительный храп, и тогда до перепуганного десятника дошло, что от волнения он так стиснул зубы, что просто не может дышать, и с облегчением выдохнул воздух.

Спящий король глухо заворчал, словно и впрямь был троллем-людоедом, умявшим целую деревню и прикорнувшим над грудой дымящихся костей. Офицер замер, не зная, что делать. Сзади неслышно появился паж, осторожными шагами направился к королю и накрыл плащом. Тут офицер стал свидетелем жутковатой сцены — не успел плащ, мягко шурша, опуститься на согбенные плечи дремлющего старика, как рука Конана стремительно рванулась, оплела запястье паж и с хрустом вывернула его. С еле слышным стоном юноша упал на одно колено, даже не помышляя о том, чтобы вырваться, — киммерийская лапа держала его, словно капкан. А король, видимо, еще не проснулся окончательно. Но вот глаз его из-под опущенного века резанул по комнате, оста-

новился на бледном от боли лице паж и потух — капкан разжался. Раздалось еле различимое бурчание:

— А, это ты... пшел вон, щенок, не то велю в масле сварить...

Юноша поднялся, разминая пострадавшую руку, аккуратно поправил на плечах господина плащ и направился к выходу. Для него, видимо, все происшедшее было делом привычным. По дороге слуга короля поманил офицера пальцем, указал рукой на валяющийся на полу ржавый меч, глазами — на вновь начавшего храпеть Конана и вывел офицера из палатки. Ткнув пальцем в сторону строя ратников, меланхолично промолвил:

— Еще у кого такое увидит... — и, безнадежно махнув рукой, направился расседлывать черного скакуна грозного аквилонского владыки.

Десятник сдавленно прохрипел команду, и строй рассыпался. Удалившись от командирской палатки на безопасное расстояние, воины судорожно драили клинки, потуже натягивали луки, лихорадочно носились в поисках нового древка для копья взамен треснувшего, ладили разболтавшиеся кольца кольчуг. Несчастный десятник, благодаря едва ли не во весь голос Митру, пославшего ему отсрочку, лично выпроводил из лагеря всех маркитанток и девиц известной профессии, отправил команду в ближайший лес за хворостом, ибо запас для сигнальных костров, понятное дело, давно растащили для обогрева нерадивые часовые. Под конец, едва не сбившись с ног, он, удостоверившись, что коронованная особа все еще изволит почивать, помчался проверять все посты и дозоры вблизи лагеря. Наорав, поотбирал у дозорных кости и баклаг. В секрете, притаившемся в укромной каменной норе, прямо над еле заметной тропкой, что вела в немедийские земли, он застал командира заставы. Тучный капитан был занят тем, что частил почем зря двух помрачневших арбалетчиков, при-

вычно делающих вид, что несут они службу не жалея живота своего, и с сожалением разглядывал измочаленный кнутик с витой серебряной рукояткой (состояние кнутика говорило о том, что распоряжение Конана насчет старших в дозорах капитан выполнил старательно, может даже с излишним рвением). Толстяк при этом не переставая потирал поясницу, равно как и место пониже ее.

— Как вы, мой господин? — спросил десятник, дыша, словно загнанный олень.

— Тебя когда-нибудь пинал в задницу горный тролль? — зло спросил капитан.

— Понятно, — сказал офицер. — Вы не появляйтесь пока, если что — я пришлю оруженосца.

— А как он?

— Спит.

— Как так спит? — ошарашено спросил капитан и попытался сесть на камень. Но тут же вскочил, а небеса получили еще одну порцию богохульных солдатских слов, и — Митра свидетель — не последних в этот суетный день.

— А так: объявил построение и — в лежку. Хвала светлым богам — я успел все подготовить к смотру. Все, бегу, бегу.

И устремился назад. На бегу десятник все пытался уяснить: зачем это главе сильнейшей из хайборийских держав сломя голову мчаться в Митрой забытый гарнизон? Тут и наместника-то провинции видали лишь разок, пару десятилетий назад, во время большого конфликта с Немедией, да и то — мельком.

«Неужели — из-за вшивых разбойников с Совиной Горы?» — с ужасом промелькнуло в его голове. «Вот и дождались. А я говорил капитану: еще по весне надо было всех их выкурить из каменных нор, и шкуры — на барабан. Дождались! Сам король пожаловал».

Год назад, когда мор взял в округе едва ли не всю скотину у здешних крестьян, наместник решил вдруг

повысить налог на соль. Выбрал он для этого совершенно неподходящее время. Поселяне развесили его посланцев на знаменитых местных дубах, взялись за косы и вилы... и это им весьма понравилось. Нашелся толковый вожак — некто Хват, по слухам — бывший наемник, немало повидавший на своем веку. Он быстро объяснил повстанцам, что со своих соседей многого не возьмешь, замок наместника штурмовать — руки коротки, монастыри Митры обирать — значит, гореть после смерти живыми факелами до конца времен, а с аквилонской армией задираться совсем уж неумно. И тогда повадились разбойные люди совершать набеги на немедийскую территорию — благо в двух переходах среди диких скал петлял тракт, по которому так и сновали богатые караваны. Нанеся удар, Хват уводил свою шайку на самый край аквилонской земли, к глухому урочищу у Совиной Горы. Пытались его оттуда выкурить — так разбойники, благо были все местные, рассыпались по горам и переждали недолгую активность армии, после чего отрыли запрятанное золото, серебро и оружие и вернулись к прерванным занятиям. Наместник был рад, что удалое воинство не чинило разорений в его землях, и относился к присутствию на какой-то Совой Горе какого-то Хвата со спокойствием, присущим ревностному почитателю благих богов. Немедийцы как-то сунулись вослед за разбойниками через перевалы, однако были перехвачены тогда еще не очень толстым капитаном и после короткой рукопашной и долгой арбалетной перестрелки ушли назад. Командира немедийской пограничной заставы не больше аквилонцев волновал хитрый и неуловимый разбойный атаман. «Пусть себе иноземные купцы на охрану раскошеляются. Или нам платят за сопровождение до ближайшего города», — дружно решили служивые по ту и по эту сторону границы.

Все эти перипетии пограничной жизни мелькали в голове загнанного и взмыленного десятника, когда

он вернулся к командирскому шатру. Следившие за суетой королевские телохранители не таясь веселились, рассевшись поудобнее на небрежно брошенных на землю роскошных седлах и попивали винцо из услужливо поднесенного бочонка. Попивали, веселились и ругали местную кислятину, вспоминая сказочные виноградники Пуантена.

На беглый взгляд — гарнизон был готов к смотру. А молодой офицер, наконец-то присев, все придумывал доводы, что могут оправдать нерадивость пограничного воинства, один убедительнее другого. В конце концов десятник и сам себя убедил в том, что он и его капитан, не имея реальной помощи от наместника, с пятью десятками латников никак не смогли бы выбить из непроходимого урочища и диких скал полторы сотни отпетых разбойников, которые к тому же все были из здешних диких мест, в отличие от основной части аквилонцев — уроженцев центральных провинций.

«Мы их атакуем — а они отступают на немедийскую территорию», — несколько раз повторил офицер. Успокоившись на сей счет, он придирчиво оглядел свой меч, а найдя его состояние пристойным, принялся сосредоточенно вытирать запыленные сапоги пучком травы.

На самом деле появление короля Аквилонии было и связано, и не связано с разбойным логовом на Совиной Горе. Конана гнала из дворцовых стен хандра, черная меланхолия, охватившая душу владыки сильнейшей хайборийской державы едва ли не на следующий день после смерти Зенобии.

Конан плакать не умел. Он сидел на краю холодной ступени, ведущей в роскошный мавзолей, места последнего успокоения королевы, единственной женщины, которую он по-настоящему любил, и молчал. Горе его было настолько полно, настолько пронзительно и безнадежно, что его оставили в покое. Вначале удалились придворные, у которых гудели ноги

от нескончаемых бдений у гробницы. Затем ушел, испугавшись звенящей тишины, Конн, который в тот день стал старше едва ли не на десяток лун.

Наступило утро, и, глухо стуча сапогами по узорным мраморным плитам, удалилась стража, унося бесполезные факелы. Лишь молчаливые телохранители-северяне, словно тени суровых северных богов, продолжали нести бессменную стражу, завернувшись в плащи и склонив головы в рогатых нордхеймских шлемах. Да у ног Конана затих любимец Зенобии — громадный большеухий волкодав, лая которого никто никогда не слышал, но взгляд желтых глаз этого пса мог остановить самого киммерийца на пороге дверей в покои королевы. И еще у отдаленной витой колонны сидел на свернутом плаще верный Троцero. Прошел день, и из груди неподвижно застывшего короля вырвался тяжкий вздох. Волкодав едва различимо вильнул хвостом, качнулись силуэты телохранителей, да встрепенулся Троцero. После невнятного ворчания Конан вздохнул вновь и стукнул кулаком по каменной ступени. Пес больше не шелохнулся. Он не покинул хозяйку и на Серых равнинах.

Тогда Троцero, тяжело переставляя старческие, скрюченные подагрой ноги, подошел к Конану и положил руку на его плечо.

— Когда-нибудь это должно было произойти, мой король, — сказал великий полководец скрипучим, слабым голосом, в котором трудно было уловить трубные раскаты повелительного баса, что ревел в самой гуще десятков сражений, через которые под его началом шла от победы к победе аквилонская армия.

Конан ничего не ответил, лишь поднял глаза и не видящим взором обвел все вокруг. А Троцero неожиданно мягким движением отпрыгнул назад и выхватил шпагу. Телохранители двинулись было, но Конан вяло махнул рукой, и они замерли, словно живые куклы в лаборатории чернокнижника-некро-

манта. Троцero отдал в сторону зияющего проема мавзолея салют, затем переломил шпагу о колено и повернулся к своему королю спиной. Конан безразлично следил, как он уходит, — плечи графа ссутулились, пустые ножны волочились сзади, гремя медным оголовьем о камни.

Когда Троцero с помощью королевских оруженосцев садился на нынешнего своего скакуна — смирную лошадку невзрачной, но послушной и понятливой аргосской породы, к нему подошел Конн.

— И величайший полководец вот так покинет свою армию, своего короля и свою страну? — спросил он мягко, но челюсти, судорожно сжатые после сказанной фразы, придали чертам юноши поразительное сходство с отцом, когда на Конана накатывала его пресловутая «киммерийская твердолобость», как называла это выражение, появлявшееся иногда на лице мужа, Зенобия.

— Я слишком стар для тех перемен, что ждут королевство, — ответил граф и тронул поводья.

Конн шагнул вперед и попытался взять коня под уздцы и сказать что-то гневное, но расслышав следующие слова старца, сказанные сквозь еле приоткрытые губы, пропустил его:

— Сегодня мы потеряли не только королеву...

Отстегнутые пустые ножны упали на землю, под ноги Конна, и Троцero поехал прямо сквозь толпу придворных, словно не видя их. Пестрая стая раздалась в стороны с возмущенными возгласами, а Конн все стоял, зачарованно глядя на перевязь.

Старик ехал по площади перед дворцом, где, отдавая последнюю дань супруге короля, замерли сверкающие стальные шеренги гвардии. Молодой ее командир, выходец из Бритунии, находился рядом со своим кумиром — Конном, а все старшие офицеры — среди придворных, перешептывающихся на аллее, ведущей к мавзолею. Когда ссутулившийся в седле Троцero поравнялся с первой шеренгой Черных Драконов,

стоявший с краю воин, седой ветеран, рванул из ножен меч и хриплым каркающим голосом отдал команду. Вначале крик подхватила лишь старая гвардия, затем, разобравшись, кому отдаются почести, заревела вся площадь. «Слава! Слава! Слава! Митра Непобежденный! Слава!» — клич, облетевший бесчисленные поля сражений окреп и гремел теперь, словно трубы в Последней Битве Мира.

Троцero даже не повернул голову. Аккуратно перебирая копытами, смиренная лошадка, едва сдерживаясь, чтобы не шарахнуться от со всех сторон протягиваемых мечей и копий, донесла полководца до арки, и он пропал из виду своего воинства. Граф неспешно доехал до городских ворот, а затем мелкой рысью направил лошадь на юг, в Пуантен, вон из столицы.

Конн ринулся по аллее, расталкивая придворных, помог отцу подняться со ступеней и повел его прочь от скорбного места.

С того самого дня и началась черная меланхолия. Ничего не могло рассеять тоску короля: ни роскошные травли красного зверя в охотничьих парках в окрестностях столицы, ни рыцарские турниры. По велению государя разогнали всю свиту фрейлин Зенобии, служившую некогда истинным украшением Тарантии и утехой гвардейцев. Услышав в дворцовых коридорах веселый смех или даже шорох бальных платьев, Конан на миг оживал, но затем лицо его застывало в маске такой жажды убийства, что Конн считал за благо удалить ветреных красоток подальше от стремительно дичающего старика.

Потом наступила очередь пиров и застолий, в которых еще не давно киммериец бывал главным заводилой и поражал окружающих умением выпить, не пьянея, кувшин другой вина. Теперь же он угрюмо цедил весь вечер стаканчик слабенькой немедийской кислятины, кривясь при взрывах хохота, которым дюжие гвардейцы, хлебнув лишку, встречали

выходки придворных шутов и записных тарантийских острословов. Просидев трапезу в гробовом молчании, король тяжело вздыхал, поднимался, сметая на пол нетронутые блюда с некогда любимыми грубыми яствами, и удалялся в свои покои.

От военных советов Конну пришлось его мягко отстранить, благо киммериец и не сопротивлялся. Это пришлось сделать после того, как король, откровенно дремавший при обсуждении дел в краю боссонцев, вдруг встрепенулся и отдал командирам столичных полков несколько энергичных и бессмысленных приказов, даже не взглянув в сторону озадаченно перешептывающихся полководцев.

Конн в это время отсутствовал во дворце, стараясь вызволить из добровольного заточения Троцера, а въезжая в столицу, заметил подозрительную тишину в казармах Черных Драконов. На его вопросы придворные лишь разводили руками и указывали на неподвижно сидящего перед камином в Зале Советов Конана. Закончилась королевская затея большими жертвами — кавалерийские полки ускоренным маршем выдвинулись в Боссонские Топи и, не имея общего командования, углубились в коварные Пиктские Пустоши. Посланные Конном сотники собрали все отряды следопытов и лучников пограничных наместников, но только на вторую седмицу, после изматывающих боев с вечно ускользающим противником, смогли вырвать из пасти лестных демонов сильно потрепанные, поредевшие полки латников.

На упреки сына Конан лишь зевнул и велел выгнать из Совета слабоумных ублюдков, «не обеспечивших прикрытие легкими войсками бронированного клина».

— Впрочем, я не очень помню, в чем был замысел... — проговорил король, зябко кутаясь в меховую мантию. — Наверное, надо было выйти к морю... Да, великое западное море... Простор, воля, кровавые схватки, жаркое солнце...

Голова киммерийца склонилась на грудь, и он захрапел, оставив Конна в полной растерянности и с нехорошими подозрениями в душе. Военные советы с тех пор проводились без короля.

Хандра была долгой, затем она сменилась неожиданным буйством.

Как-то раз паж в сопровождении телохранителей и оруженосцев вошел поздним утром в опочивальню короля. Это само по себе могло изрядно удивить бывлых соратников Конана — некогда верный своим варварским привычкам, киммериец и после кровавой битвы, и после утомительного марша или изнурительной попойки вскакивал с первыми лучами солнца. Затем, непременно самолично облачившись, будил задремавших караульных и слуг пинками и зуботычинами. С некоторых пор порядки в покоях государя сильно переменились.

На крики пажа примчалась половина дворцовой стражи, немедленно послали за наследником. Полный самых мрачных предчувствий, Конн вбежал в королевскую опочивальню и увидел лишь распахнутое окно.

Розовый куст внизу был совершенно смят могучим телом Конана, которое обрушилось в самую его сердцевину со второго этажа. Часовой, прибежавший на шум и попытавшийся поинтересоваться у отряхивающейся от лепестков и комьев земли августейшей особы причиной столь ранней прогулки, получил приказ отправиться в караулку и удавиться. Киммериец прошел на конюшню и, обнаружив, что парочка стражников распивают пиво вместе с помощником конюха в подвальчике, из непонятного озорства захлопнул дубовую дверцу и подпер ее вывороченной из земли мраморной урной, вывел своего коня... а далее следы короля терялись в лабиринте столичных улочек.

Конн задумчиво поглаживал с трудом водруженную на место двумя королевскими телохранителями

урну и размышлял, как отразится на последующих событиях то, что отец при несомненно начавшемся помутнении рассудка все еще весьма крепок телом.

Дознаватели мастера Хриса, поднятые по тревоге, вместе с дворцовой стражей в течение трех дней разыскивали короля. Но в знакомстве со злачными местами Тарантии с Конаном вряд ли могли потягаться даже лучшие ищейки Железной башни. Они шли по следу, перетряхивая кабаки, воровские притоны и дома терпимости. И потом, Конан оставался все еще легендарным Конаном в глазах столичных жителей, и у него не было шансов долго блуждать по городу, не привлекая внимания никого из своих подданных.

Его опознала торговка зеленью под личиной изрядно подвыпившего гвардейца, что затеял на речной пристани драку с тремя жуликоватыми слугами зингарского купца. Изрядно отлупив их, вояка с победным воем перевернул в мутные воды Хорота воз с благовониями. Торговка, услышав рык киммерийца, тут же признала короля. А до того его заметили в компании подозрительных личностей на ярмарке возле храма Митры Милостивого. Там гигант, прятавший свое лицо под полями шляпы, сделавшей честь любому забулдыге из кордавского кабака, швырнул в опростоволосившегося ярмарочного шута тыквенной бутылью с такой силой, что бедняга свалился с помоста. Видели его еще в десятке разных мест, совершенно непристойных для августейшей особы, и везде его появление сопровождалось воплями пьяной драки, женским визгом и грохотом перевернутой мебели.

Наконец Конн отыскал короля на заднем дворе донельзя грязной харчевни, где тот, будучи пьян до полубоморочного состояния, с подбитым глазом, разбитыми кулаками и в немыслимом рванье, сидел, привалясь к поленнице дров, в обнимку с кудлатым бродячим псом, и распевал скабрезную песенку на мешанине из шемского и кофского наречий. С боль-

шим трудом государя удалось препроводить в дворцовые пределы.

После того случая подобные вылазки повторялись еще несколько раз, в одной из них Конана даже пырнули под ребра ножом в какой-то пьяной драке. Приставленная к королю охрана неизменно упускала своего подопечного, причем киммериец проявлял буквально чудеса находчивости и смекалки, заставлявших вспомнить его аренджунское прошлое, бывший вор умело уходил от погони и погружался в самую клоаку столичных окраин.

Конан в пьяном угаре волок во дворец кого попало, и королевские покои наводнили какие-то темные личности. В толпе изысканных поэтов, томных красавиц и знаменитых стратегов сновали новые знакомцы короля, пугая детей благородных домов физиономиями отпетых висельников, все время норовя что-нибудь стянуть или дать кому-нибудь в ухо.

Но как нельзя кстати Аквилония оказалась на грани войны. Вернее, скучающему Конану незначительный набег объединенного воинства, вдруг пришедших к согласию Кофа и Офира, был представлен в качестве войны.

— Кром, это то, что мне надо! — взревел король и со своей новой свитой убыл в войска.

Набег конницы южан, малочисленной и не идущей ни в какое сравнение со стальной кавалерией Аквилонии, вкупе с пестрой ватагой из шемитских наемников король развернул в целую кампанию. Войска королевства искусно маневрировали, изнуряя себя и противника маршами, обходными маневрами и контрмаршами, устраивали укрепленные лагеря, вытаптывали плодородные поля, пускали на ветер богатейшие деревни, заставляя жителей вместе со скарбом и скотиной уходить в леса, разрушали мосты и только Тайбор перешли вброд раз пять туда и обратно. И все это при том, что полки Конана численно превосходили войска противника едва ли не в десять раз. Поход

изобиловал частыми стычками из-за обозов, аррьергардными сшибками и засадами, в которых Конан принимал самое деятельное участие, с каким-то удивительным наслаждением подвергая разграблению вражеские обозы. Оставив войска на попечение Конана и его военных советников, он со своей гвардией и пестрой новоявленной свитой словно коршун кружил вокруг сбитой с толку армии противника, ударяя и отскакивая, отступая и преследуя.

Все это продолжалось не одну седмицу и принесло некогда цветущему краю огромный ущерб, пока наконец взбешенный необъяснимыми действиями аквилонцев командующий объединенными войсками противника не вызвал короля на поединок. Примчавшийся, чтобы отговорить отца от губительного, по его мнению, и сумасбродного шага, Конн обнаружил в королевском шатре толпу оборванцев и пленных офицеров врага, спящих вповалку вокруг невообразимого ложа из досок и бочонков, на котором прикорнул король. На призывы сына киммериец отвечал невнятным мычанием и богатырскими взмахами рук, опрокидывая на собутыльников предметы нехитрого походного обихода.

Наутро Конан велел выстроить войска и помчался вдоль строя, воздев над непокрытой головой свой легендарный меч, и, как встарь, от рева восторженной солдатни глохли уши. Затем по всем правилам, с герольдами и завываньем труб прошел поединок. Рука короля была уже не так верна, как в былые годы. Победа над полководцем южан стоила ему опасной раны — клинок офира пробил легкое, и Конана отправили в столицу. А Конн решительным броском закончил военные действия: под его началом конница сомкнула железные объятия вокруг измученных малочисленных полков противника, прижав остатки к реке Красной. Запели рожки, под ноги горячих коней доблестных аквилонских рыцарей полетели золотисто-зеленые стяги Кофа и алые с золотой коро-

ной штандарты офирцев. Забрыцали, падая на землю, мечи, и враг сдался на милость победителя.

...Раны киммерийца теперь заживали куда медленнее, и Конан провалился в постели под неусыпным присмотром лекарей почти две луны. Затем наступил новый период меланхолии. Оставшихся в живых собутыльников короля быстро выдворили из дворца, и пиршественная зала вновь стала полна тишины и уныния. Конн стал подумывать, уж не затеять ли ему войну с кем-нибудь из соседей, когда в столицу вернулся Троцero.

Не говоря никому ни слова, граф прямиком отправился в покои Конана. Лекарей, пажей и оруженосцев немедленно выставили, только наследник престола и особо приближенные вельможи присутствовали при разговоре. Доподлинно потомкам стали известны лишь последние слова Троцero, когда король и его советники выходили из покоев:

— ...оставим после себя сильнейшее в мире королевство!

С тех пор Конан занялся созиданием аквилонской мощи. Если ранее он презирал крепостные стены, а все оборонительные сооружения считал вздором, предпочитая иметь в войсках побольше веревочных лестниц и морских крюков, то теперь дворец наводнили приглашенные из военных академий хайборийских держав знатоки оборонного дела. Шамар, Галпаран и Велитриум, а вместе с ними и более мелкие аквилонские города оделись в каменные брони. Старые, времен первых королей, башни были разобраны, на их месте во все четыре стороны света исподлобья взглянули могучие бастионы. Хитроумная механика управляла сложной системой шлюзов, в мгновение ока затоплявших лабиринты из рвов у крепостных стен; подъемные мосты, исчезающие в зияющих арках под площадками для баллист и катапульт, вызывали восхищение приезжих государей. Казна богатейшей державы, где не так давно горами лежали завоеванное

в бесчисленных войнах золото, серебро и драгоценные камни со всего света, изрядно оскудела. Но заново вымощенные дороги потянулись от столицы ко всем укрепленным городам. Вдоль них стали заставы с гарнизонами и сменными лошадьми, где над башенками трепетали алые стяги, на которых разрезали пасти сотни львиных морд. В Боссонских Топях одно за другим осушались болота и, на страх вззирающих из джунглей дикарей, вздымались зубчатые стены укреплений, поднимались над речками подвесные мосты.

Троцero в Шамаре возвел верфи, и вскоре по Тайбору, на страх Аргосу и Кофу заскользили галеры нового речного флота королевства. Конан, словно вспомнив свое тщательно скрываемое в хрониках королевства пиратское прошлое, прошел на флагмане до впадения Тайбора в Море Запада и встал на якорь напротив башен Мессантии. Зингарский флот жался в гавани, не решаясь выйти в открытые воды, а Конан с наслаждением ждал, когда ж из Кордовы придут герольдмейстеры с вестью о начале войны. Однако хитрые зингарские правители поспешили превратить появление кораблей Аквилонии с целой армией на борту в дружеский визит. По заливу заскользили лодки, крытые коврами, полные щебечущих красавиц, придворных щеголей и знатнейших нобилей. Восторженные славословия, богатые дары и немало бочонков отборных терпких вин изрядно поспособствовали вдруг вспыхнувшей дружбе зингарцев и аквилонцев. А Конан, прибыв во дворец мессантийского наместника и мрачно напившись на званом балу, вынужден был повернуть назад несолоно хлебавши.

— А какая бы драка вышла! — восклицал Конан, меряя шагами палубу флагманской галеры, словно тигр в клетке.

— Все к лучшему, мой король, — спокойно отвечал Троцero. — Договор, что мы везем с собой в столицу, мог стоить королевству немало крови.

— Вот именно, — мрачно сказал Конан и наподдал ногой моток каната. — А может, стоило дойти до Барахских островов и избавить от пиратов южные воды?

Троцero только хмыкнул и отправился вздремнуть, оставив короля вышагивать по нагретой зингарским солнцем палубе.

Когда впередсмотрящий возвестил с верхушки мачты, что флот подходит к гавани Шамара, губы Конана скривились в грустной усмешке.

«Коронованные выродки, с водой вместо крови, — бормотал он, идя навстречу ненавистным придворным, встречающим флагман. — Все короли хайборийского мира — безнадежные трусы. Вскоре Кром глянет на этот мир и найдет Великанскую зиму. Проклятье! Ни одной приличной драки за три года. Где храбрые и предприимчивые наемники, свергающие законных правителей? Где хоть один завалящий заговорщик? Кром, даже пикты ушли в глубь своих дебрей. Не могу же я воскресить Тот-Амона или напасть на своих соотечественников!»

Конн, вместе с Троцero и слышать не хотели о завоевании Стигии. Хотя Конан раз за разом пытался им доказать, что настоящих черных колдунов и демонов к этим, к радости Нергала, наступившим временам повывели, а хваленной армии стигийцев далеко до аквилонского воинства. Оставались лишь бесконечные смотры да учения. От безнадежности киммериец, некогда один из самых свободолюбивых натур среди наемников Хайбории, стал ревностным поклонником железной дисциплины. Любой полк, каждый гарнизон аквилонской армии был теперь вымуштрован и вышколен, королевство напоминало отлаженный боевой механизм, и это вселяло робость не только в ближайших соседей, уже наученных горьким опытом безнадежных войн с аквилонским владыкой, но и в дальних недругов.

Даже дремлющая за пустынями и горами таинственная Гиркания, казалось, стала кроткой овечкой,

направив свои жадные взоры на северные земли Вендии.

— Вендия! Кром! Как же я мог позабыть о прекрасной Вендии, славных Ильбарских Горах и очаровательной Жазмине! — в смятении заметался король по пиршественной зале. Веселье вмиг стихло, лицо Конна вытянулось, а Троцero, подавившись очередной шуткой, которую он самым любезным тоном нашептывал в розовое ушко хихикающей девице, замолк и схватился за голову. Вмиг глаза киммерийца лихорадочно заблестели. Он машинально опрокинул в себя целый кубок вина, услужливо протянутый оруженосцем, и принялся тереть знаменитую сокольничью рукавицу на левой руке.

— Жазмина! — правда, Конан с трудом мог вспомнить черты лица деви, но Кром, какая разница, как она выглядела!

— Что была за женщина! — воскликнул Конан и обрушился на трон, будто подвыпивший возница на стог сена. Посеребренные ножки жалобно скрипнули, а скипетр со стуком упал на ступени. Капитан одного из гвардейских полков подхватил его и благоговейно протянул киммерийцу, но государь отмахнулся от символа державной власти, как от назойливого насекомого, и продолжал восторженным голосом:

— Что это была за женщина, хвост Нергала мне в глотку!

— Южанки, если это, конечно, не гирканские скелетины, — само очарование, мой король, — проговорил капитан, продолжая протягивать скипетр. При этих словах Конан, наконец-то заметив гвардейца, сграбастал офицера своими лапищами и обнял, да так, что у того затрещали кости:

— Молодец, капитан! Налейте ему. Выпьем вместе. За южанок!

— За южанок, — провозгласила в одно горло свита, уже привычная к выходкам своего короля.

Конн остался сидеть с каменным лицом, так и не притронувшись к кубку. Троцero же медленно встал и провозгласил:

— За южанок, даже если они гирканского поганого племени. Я знавал когда-то одну танцовщицу из Кутхемеса... или нет, пожалуй, не танцовщицу, и... пожалуй...

Послышались смешки, а Конан, хлопнув себя по коленям, заревел:

— И пожалуй, не из Кутхемеса... и — не одну, а двух восьмигрудых плясуний из акитского циркового балаганчика, так, что ли, старый греховодник? Тоже мне, митраист досточтимый. А глаза, глаза у этих демониц, поди, зеленые были, с красными пятнышками, как у самого Нергала, а, Троцero?

И последовали такие подробности, что некоторых чувствительных матрон пришлось едва ли не на руках выводить из пиршественной залы. Бравые воины-гвардейцы, северяне-телохранители так и грохнули, стуча в восторге кубками о стол. Троцero продолжал невозмутимо улыбаться, но его недавняя собеседница поспешно отодвинулась от старого графа с таким ужасающим прошлым.

Отдохотавшись, Конан словно протрезвел:

— Господа советники! Конн, сын мой! Я немедленно хочу иметь исчерпывающие сведения о Вендии, о делах на границе с Гирканией и о правительнице Вендии, прекрасной Жазмине. Пирушка откладывается до вечера.

При этих словах все приуныли и стали подниматься из-за столов.

— Отец, зачем тебе вести из далекой и никому не нужной Вендии? — мрачно спросил Конн, понимая, куда дует ветер. Троцero же безнадежно тряхнул головой и поволок к выходу, держа за рукав, главного картографа королевства, делая свободной рукой приглашающий знак остальным членам военного совета.

— В давние времена, когда я носился по Ильбарским перевалам юным, безмозглым и веселым вождем горцев-авгулов, мне повстречалась деви. Я тогда во главе этих самых настоящих разбойников, не чета нынешнему трусливому ворью, резал глотки туранцам... нет, гирканцам... или каким-то черным колдунам, помилуй меня Митра, совершенно не помню кому, но точно помню, что глоток перерезал изрядно. Какое было время!

И Конан опрокинул в свою бездонную утробу еще один кубок. Конн буквально побелел, радуясь, что общий шум не доносит слова киммерийца до ушей стайки придворных красавиц, принявшихся прихорашиваться и чистить перышки перед громадным зеркалом в конце залы. Конн не раз умолял отца прекратить в присутствии утонченных столичных дам пересказывать солдатские байки, в особенности жутковатые истории его собственного далекого прошлого. Конан, пожав плечами, легко соглашался. Собственно, он никогда и не кичился своими подвигами — в основном потому, что не считал их таковыми. Для него это была просто жизнь, путь от колыбели до обители Крома, идущий по мутным волнам бытия с некоторыми приятными проблесками. Сразу же после захвата Конаном трона слухи о его необыкновенном прошлом долго будоражили жителей столицы и королевства, но со временем поднадоели и подзабылись. Некоторые деяния варвара уже приписывались древним легендарным рыцарям, чуть ли не божественным воителям — спутникам самого Митры. Другие перипетии его бурной жизни сделали варвара героем сказок и застольных трактирных баек. К тому ж давным-давно ушло в могилу поколение соратников и спутников киммерийца, не понаслышке знавших о его кровавых похождениях. Троцero никогда ничего не рассказывал о короле — кроме как наследнику престола. А Конн родился во дворце, совсем в другое время. И хотя он унаследовал от отца и кру-

той нрав, и богатырскую силу, но был, конечно, не диким варваром, прорубающим себе мечом и кулаком путь к неизвестной цели сквозь толпы демонов и врагов из крови и плоти, а вполне достойным, по хайборийским меркам, принцем.

— Ладно, ладно! Кром, вот это время! Сыновья не гордятся деяниями отцов! — воскликнул король, подошел к столу, налил себе еще вина и, повертев кубок, добавил, уже потише, так, что стоявший за плечом Конн еле расслышал:

— Впрочем, некоторыми из них я и сам никогда не мог гордиться!

— Так что деви, отец? — спросил Конн замолчавшего короля. Тот, мгновенно утратив весь свой пыл и едва не засыпая на ходу, повернулся к сыну, долго-долго на него посмотрел, и тихим будничным голосом сказал:

— Я взял ее в плен, но, спасая своих горцев, попавших в засаду, отпустил, пообещав, что вернусь к ее границе, когда у меня за спиной будет не горстка разбойников, а несколько тысяч закованных в сталь конников. И мы продолжим с ней приятное знакомство.

— Это не та ли таинственная восточная королева, что десять лет назад прислала в столицу богатый караван?.. Верблюды и слоны привнесли немало суматохи в жизнь добропорядочных тарантийцев!

Конан согласно кивнул, но видно было, что мысли его блуждают далеко. А Конн продолжал:

— Помнишь, от трубного рева слона моя лошадь понесла и я чуть не разбился насмерть прямо на глазах всего двора?..

— Да, да... сказочный восток и жаркий юг. Туранские верблюды и кшатрийские боевые слоны, — бормотал Конан.

— Еще они привезли удивительных факиров, которых приняли едва ли не за стигийских некромантов, когда они принялись глотать шпаги и пускать

из рта зеленые струи огня. А танцовщицы, своими прозрачными одеяниями перещеголявшие портовых шлюх, своими движениями — змей, а своими отрешенными лицами — весталок из монастыря почитателей Асуры?

— Да, да... я помню, тела восточных красавиц обжигают, словно гремучий огонь, они гибкие, словно бичи погонщиков мулов из Кушана. — Тут Конан словно очнулся от задумчивого оцепенения и хлопнул сына по плечу так, что тот еле устоял на ногах: — Помнит-ся, когда караван расположился во внутреннем дворе дворца, я учил тебя за городом падать с коня так, чтобы не сворачивать шеи и не ломать костей. А твоя мать, прочтя привезенное в бриллиантовой шкатулке послание, появилась пред нами, будто разъяренная валькирия из чертогов Валгаллы, и исхлестала мне всю морду. Кром! Мною же подаренный алмазный перстень сыграл со мной дурную шутку — я лишился половинки мочки правого уха!

— Отец! — умоляюще воскликнул Конн, оглядываясь на придворных, группками разбредшихся по пиршественной зале. — У короля лицо, а то и лик, никак не морда.

— Это смотря у какого короля, — воскликнул развеселившийся киммериец и бодро направился к зеркалу, к ужасу едва поспевающего за ним наследника престола.

— Ну, и ты скажешь, что это лик! Ха-ха! Это...

И тут он употребил такое выражение, что придворных красавиц вынесло вихрем из залы.

— А шрамов столько, сколько нет на шкуре с тролльской задней части, хотя сидят они на раскаленной лаве, ожидая захода солнца.

Конан еще некоторое время пристально смотрел в зеркало, затем вдруг размахнулся и ударил в него рукавицей. Посыпались осколки.

— Я женюсь на деви, если она еще жива, и женюсь втайне от гирканских псов. Молчи, Конн, и иди,

поторопи своих бездельников из академии. Пусть же туранцы, это пустынное Нергалово отродье, попытаются сунуться в мои горы!

Это «мои горы» прозвучало криком:

— Так все мы получим то, что хотим: гирканцы — кучи гиен над их дымящимися костями, я — хорошую драку, а ты — сильное королевство, в столице которого нет старого беспокойного вояки с его грязным языком и непристойными для твоих нежных ушей воспоминаниями!

Конн хотел что-то сказать, но киммериец гневно от него отвернулся, пнул осколки несчастного зеркала и направился к своему трону. Наследник престола горестно вздохнул и пошел поторапливать советников.

На совете король был таким собранным, каким его не видели уже давно. Он живо интересовался состоянием вооруженных сил Турана и Вендии, удивлял картографов и срочно вызванных из академии знатоков юга своими знаниями основных караванных путей, проходимых перевалов, особенностей климата и подробностью сведений о проживающих в тех краях племенах.

Познания Конана оказались более исчерпывающими и точными, чем все то, что впопыхах собрал Совет. Пораженным вельможам, путешественникам и географам королевства было невдомек, что, когда они еще играли в деревянных лошадок и слушали сказки про драконов, их государь с горсткой соратников являл чудеса храбрости в тех краях, став там личностью почти легендарной.

— Кром! — возмущался правитель, тыча пальцем в грудь растерянного тарантийца. — Вашу академию, гораздо только поглощать королевское золото, словно глотка Нергала, основал толковый географ Эйольв, и при нем глава государства и его советники получали исчерпывающие сведения о местах предстоящих боевых действий. Что же мы видим сейчас? Меня

кормят байками каких-то полоумных митраистских жрецов и явными домыслами, высосанными из пальца. Где точные карты? — Он указал на пергаментный лист, который удерживали за края Конн и Троцero. — Да я вижу здесь вранья больше, чем в писулях предсказателя на тарантийской ярмарке. Вы даже не знаете, жива деви Жазмина или Вендией правит кто-то другой. А вы?

Он повернулся к вельможе, главе аквилонских посольств:

— Я понимаю, что вы не переписываетесь от имени Аквилонии с каким-нибудь Кхитаем или богами забытым Меру, но вы не только не имеете сведений об атаманах мунган, авгулов и других славных народов, но даже не знаете — мир сейчас южнее Ильбарских Гор или проклятый Сет и его демоны наслали на тот благословенный край дух мятежей и бунтов.

Некоторое время Конан еще проглядывал письменные доклады, брезгливо кривил губы, водя пальцем по карте, и наконец закончил Совет:

— Я отправляюсь проверить состояние гарнизонов вдоль немедийской границы... — и жестом заставил замолчать собирающегося перебить его Конна. — Не по реке Красной — там стоят наши лучшие части, кроме того, там мне не обойтись без твоей с Троцero мелочной опеки. Речь идет о тихих горных заставах севернее основного пути в Немедию, где солдаты бьют вшей и таскают за вымя местных коров, не имея даже приличного полевого борделя. Я быстро приведу в чувство заплывших жиром пограничников, лично выбью из наместников недодаденные казне... — он пробежал глазами свиток, немедленно протянутый ему офицером, — два, нет, Кром, три — чтоб неповадно было, меры серебра — и буду в столице через две седмицы. Или через три. За это время соберите все необходимые сведения, снесите со всеми — всеми! — властями вокруг Ильбарских Гор, в особенности со всяки-

ми атаманами, самозванными пророками и наемниками — от них судьбы империй востока зависели и зависят больше, чем от всех правителей гирканского племени вместе взятых. А главное — узнайте о деви... жива ли она еще. Я намерен жениться на Жазмин. Посол сегодня же должен отправиться из Тарантий... молчи, Троцero, я устал от ваших с Конном слюнявых возражений. К моему возвращению Черные Драконы, полк боссонских лучников и полк гандерландских копейщиков, надлежащим образом вооруженных, обозы должны ждать выступления. Объяснить всем, что они уходят со своим королем... навсегда, так будет лучше. Набирать только добровольцев. Если не будет и пяти тысяч — Троцero, ты знаешь, как это делается, собери по кабакам наемников, воров, беглых каторжников — кого угодно, лишь бы умели держать меч в руках... Да, даже если деви уже мертва или отвергнет мое сватовство, состоится главное — война с гирканцами. Но я буду стоять во главе Вендийской армии, если моя Жазмина жива! — Конан грохнул по столу кулаком. — Или с тремя полками добровольцев я пробьюсь в горы и подниму горцев...

— Мой государь, Аквилония не может позволить себе такую войну, в столь отдаленных местах, да еще с могущественными гирканцами... — начал было лепетать один из советников, но Конан прервал его грязной руганью и топнул ногой.

— А ваша Аквилония и не будет вести войну. Войну буду вести я. Эй, герольды, если за три седмицы не будут подготовлены все бумажки по поводу моего отречения в пользу Конна, мой отъезд на восток ознаменуется казнью нерадивых слуг. Да, престол и вся эта страна, надоевшая мне как рабу ошейник, остается Конну. Троцero, друг мой, ты, я думаю, не покинешь его в течение первых лет правления. Хотя, по правде сказать, он уже справляется гораздо лучше меня, чем я в те годы, когда только вступил на престол. Мне же...

Конан посмотрел вокруг, на лица присутствующих, зачем-то даже потрогал занавесь на окне и подкинул в воздух скипетр:

— Мне же остается письменно подтвержденное право прохода к мавзолею, где упокоилась моя дорогая Зенобия, три полка, набранные из добровольцев на аквилонские деньги, да мое оружие, конь и сбруя. Все...

И он, провожаемый изумленными взглядами придворных, своего сына и старейшего сподвижника, направился вон из залы, по дороге потрепав по щеке стоявшего на часах угрюмого и бесстрастного северянина:

— Я решил. Все, хвала Крому, решил. И за королем захлопнулась дверь.

Глава вторая

Сносно, сносно...— бормотал король, вразвалку бредя вдоль жидкого строя латников. Воины заметно нервничали, пока тянулось ожидание объявленного смотра, однако к моменту, когда из командирской палатки вывалился заспанный Конан, ратники устали бояться и тупо застыли. Больше других суетился десятник. Он шел вслед за королем, и придирчиво осматривал внешний вид подчиненных, вытаскивал из ножен клинки. Меж тем времени у гарнизона, чтобы привести себя и оружие в порядок, оказалось предостаточно, и придираться к чему-либо было уже поздно. Конан и сам, хлопая по отвислым животам потерявших молодцеватость воинов и ухмыляясь, видя множество проколотых ушей — и при этом ни одной серьги или зингарского кольца, начал уставать от бессмысленности своей затеи. Дойдя до конца шеренги, он резко развернулся на каблуках и поманил пальцем командира заставы, который прятался в толпе телохранителей. Дрожа как осиновый лист, упитанный капитан подошел к своему владыке.

— Бравые вояки, что и говорить,— насмешливо хмыкнув, произнес Конан.— И что это они у тебя гниют по палаткам без дела?

— А... Мы...— невнятно начал бормотать командир, но король уже не слушал его. Он обращался к десятнику.

— Отправьте немедленно оруженосцев по ближайшим деревням — мне нужны подводы, телеги, брички — все что угодно, чтобы перевезти ваше пыльное воинство на расстояние прямой атаки от Совиной Горы. На ваших конях хоть сейчас можно пахать или возить навоз. Но для атаки в галоп, после сколь-нибудь длительного марша, они не годятся.

— Но мой король, не собираетесь ли вы атаковать разбойничье логово только силами гарнизона? — спросил капитан, переводя растерянный взгляд с Конана на своего десятника, который громким голосом уже отдавал распоряжения.

— Именно, именно, мой друг. — Конан прошелся еще раз вдоль строя и остановился напротив дюжего молодца, который, в отличие от остальных, не стоял навытяжку, а принял более вольготную позу и улыбался едва ли не в лицо всесильному владыке. Улыбка его была весьма своеобразной — отсутствие передних зубов и обезображенная нижняя губа придавали его физиономии сходство со стигийскими «масками смерти». Король замер и сощурился, словно пытаясь припомнить что-то весьма важное, не переставая говорить:

— Именно так. Эта свора грабителей настолько привыкла к вашему деликатному с ними обращению, что, мне кажется, вполне можно подобраться к ним поближе и вспугнуть, как куропаток. Что они будут делать, как ты считаешь? — И Конан хлопнул по плечу беззубого. Тот, словно бы только того и ждал, оскалился еще больше и произнес низким утробным голосом:

— Драться с солдатами вашего королевского величества — это им не глотки жирным купцам резать на большой дороге. Мы пройдем сквозь них, как нож сквозь масло, и турнем за немедийскую границу, мой король.

Конан покивал головой и произнес тише:

— Главное — это подобраться поближе, и как можно скрытнее. Капитан, есть в вашем отряде опытные следопыты или придется брать местных пастухов?

— Да, ваше величество, тот, что стоит перед вами, истоптал вокруг все горы и урочища — он старший обозный, а заодно и главный охотник...

— А местных лучше не брать, они Хвата обожают больше, чем своих костлявых жен, — перебил начальство беззубый, сопровождая свои слова характерным жестом, видимо, вошедшим у него в привычку, — ма-занул большим пальцем по переносице от лба до кончика носа, затем палец лихо встопорщил жесткий ежик пышных усов. Капитан было собрался отчитать нахала, столь вольно ведущего беседу с августейшей особой, но тут локоть короля пребольно въехал толстяку в бок, и он услышал радостный вопль Конана:

— Ройл, чтоб собаки выгрызли мне селезенку! Старый беззубый Ройл, чью никчемную жизнь я спас в пиктских джунглях. Да, тогда жизнь была повеселее, а вино — не таким кислым!

С этими словами Конан обнял за плечи старого воюку, а тот едва не прослезился, растроганный. Меж тем король взял капитана за перевязь и легонько встряхнул, отчего у того голова мотнулась на плечах, как у деревянного болванчика, и проговорил:

— Под твоим началом, капитан, служит великий воин, не будь я король Аквилонии! Помнится, что, пока он был одним из следопытов в гиблых боссонских городках, пиктское зверье и носа не казало по эту сторону от Громовой. И ведь славное было времечко — несколько отрядов вольных боссонских охотников прикрывали хайборийские поселения не хуже, а то и лучше, чем сейчас это делают полтора десятка линейных полков. Дармоеды, граница — что твое решето, а во сколько это обходится казне?

Вопрос этот был обращен в пустоту — офицеры заштатного пограничного гарнизона вряд ли могли

дать на него вразумительный отчет. Капитан же, поправив съехавшую перевязь, произнес:

— Мой король прав — это славный воин. Во время заварухи с немедийцами он проявил себя с наилучшей стороны.

— И, без сомнения, свое брюхо ты наел из-за того, что умелый охотник — везде добытчик, будь то гиблый пиктский лес или голые скалы на этой границе. — Король пришел в необычайное душевное волнение, которое всякий раз охватывало его, когда приходилось встречать, правда, все реже и реже, бойцов, служивших под его началом в былых сражениях. Он приказал латникам, рассыпав строй, ждать подвод для выступления, и увлек беззубого следопыта с собой в палатку.

— Ройл, нет, постой, эй, ты! — Во входном проеме немедленно возник паж. — Тащи вина. Как так — нет... Изыми именем короля у этого жирного капитана. Впрочем, нет, они тут пьют ослиную мочу или что еще похуже.

Казалось, Конан был обескуражен не меньше, чем если бы проиграл решающее сражение под стенами Тарантии. Под его взглядом паж весь как-то съежился и стал едва ли не прозрачным.

— Твоя правда, мой король, — Ройл уже выуживал из своего походного мешка деревянную баклагу, — честному воину и почитателю светлых богов не пристало пить эту местную дрянь. Вот, одна беда — мал запасец. Но, право, не знаю, пьют ли во дворце столь же восхитительные напитки.

Конан приложился к протянутой фляге, и лицо его посветлело.

— Кром! Наконец я понял, почему в последние годы мне вино в глотку не лезет! То есть лезет, конечно, но нет того, понимаешь, ощущения... а ну-ка, Ройл, дай-ка еще... уф. Все эти кубки, чаши и прочий хлам отшибают у пива, вина и эля самое главное — духовитость. Королям, знаешь ли, почему-то не пристало

хлебать, зачерпнув прямо из бочек. Но лишь в добром бочонке из старой душистой доски, да еще в такой вот фляге, или в кожаном бурдюке вино сохраняет настоящий, стойкий аромат.

Ройл уже расположился по-свойски, бросив в угол свое так и оставшееся при нем со смотра снаряжение, и собирался, хлебнув разочек, приложиться еще. Но насторожился и устремил взгляд за откинутый поллог.

Конан повернулся: прямо у входа в палатку расположилась охрана короля и, судя по возбужденным голосам и характерному позвякиванию и бульканью, собиралась приятно провести время до самого выступления.

— Совершенно распустились, — произнес киммериец и направился к выходу. — Хотя даже владыке Аквилонии не под силу навести дисциплину среди десятка асиров, гандерландцев и киммерийцев. Они, как и я в былые годы, только и умеют, что драться да пьянствовать, а еще подолы задирают. Эй вы, разгоготались, словно стадо хримтурсов. А ну-ка давайте сюда бочонок — поди, из самой столицы с собой тащили. Ха, да я вижу, охрана у Конана-киммерийца ему под стать — у вас и второй имеется. Давай, давай.

И Конан вошел в палатку, неся увесистый бочонок из тех, в каких шемитские купцы привозят на ярмарки Тарантии ароматические масла.

— Если вино пропахло стигийскими травами, я отправлю негодаев чистить конюшни! — С этими словами Конан ударом кулака выбил дно у бочонка и с размаху грохнул его на стол. Ройл меж тем прикончил свою припасенную на черный день фляжку и подсел поближе.

Через некоторое время, когда паж, надо отметить, уже с трудом державшийся на ногах, заглянул внутрь, то увидел, что оба собутельника сидят прямо на полу, положив руки друг другу на плечи, и Ройл буквально кричит в ухо короля:

— Ты тогда еще командовал отрядом наемников, к вам присоединили моих следопытов и еще какой-то сброд, который вербовщики переловили в ближайших деревнях...

— Да, это была настоящая банда. Герцог мне перед битвой так и сказал: «Ты, Конан, знай — у аквилонской короны не так много тюрем, чтобы вместить всю твою шайку, так что я ставлю вас в самом центре и надеюсь, что панцирники стопчут и порубят большую ее часть, ведь после битвы я все равно должен взять вас под стражу за грабежи и насилия в коронных землях». Редкой тонкости государственный ум, надо заметить, был у того герцога. В бою ему оторвало светлую его башку камнем из катапульты...

— Из баллисты, мой король, — солидно возразил Ройл и икнул.

— Кром, какая разница, все равно — оторвало напрочь. А центральный клин этих Нергаловых сынов ударил в нас, как колун в сырое полено, и застрял. Герцог оказался прозорливее многих моих нынешних полководцев — пока в центре мы с панцирниками вспарывали друг другу брюшины, крылья аквилонской конницы начали медленно смыкаться...

Король попытался показать, как именно смыкаться, — словно огромная черная птица, он распростер руки, смахнув при этом со стола плошку. Коптящий фитиль с шипением упал в полупустой бочонок и погрузил палатку во тьму. Однако беседы это не прервало. Ройл невозмутимо хлебнул прямо из бочонка, сплюнув в сторону пеньковую мочалку, и выдохнул:

— Но дело чуть не пошло псу под хвост, когда весь этот сброд дрогнул и побежал.

— Да, улепетывали они, как жирные мускусные крысы от беркута, когда на нас навалился резерв противника. Как сейчас помню — там были получившие волю каторжане — во-от с такими мордами и вот

с такими дубинами, баграми, вилами и Сет еще знает с чем.

— И я тогда выхватил у тебя из рук знамя, и зашвырнул его далеко в глубь их рядов...

— А я, сразу не поняв зачем, прямо из седла дал тебе сапогом по морде...

— И двух зубов как не бывало, прах побери окоченные носки тех сапог...

— Знатные были сапоги, я потерял их, когда праздновали победу и какой-то пьяный осел швырнул в мой шатер факел...

— Н-да... Победа висела на волоске, но наш отряд, даром что наемники без роду и племени, рванулся за своим знаменем так, что прошел по резерву и остаткам клина, даже не разобрав толком, что центр врага уже прорван, как гнилая мешковина...

Пока не опустел бочонок и не были упомянуты все подробности столь давней схватки, что о ней не слышали ни толстый капитан, ни десятник, сидевший прямо у входа в шатер, никто не осмеливался заикнуться о предстоящем походе. Телохранители приканчивали оставшийся бочонок, а гарнизон, разместившись в полном вооружении вокруг доставленных из окрестных деревень телег, вполголоса поругивал примчавшееся невесть зачем воинство короля да и самого правителя.

Будет поход на Совиную Гору, или не будет; старик король мается дурью, а может, ему не с кем пить во дворце, или он действительно так уважает старину Ройла, что для беседы с ним скакал от самой Тарантии; пойдут ли с ними, если все же выступление состоится, королевские телохранители или, напившись до умопомрачения, будут отлеживаться в тылу, — таковы были темы для обсуждения.

— Не, такие не упадут с одной-то бочки. Только злее будут.

— Ух, рожи такие, что у тех, на Совиной, почище и попристойней будут.

— Да, таким кровью ближнему пущать — видать, одно удовольствие.

— И где их таких набрали. По мне — так их и близко ни к каким дворцам подпускать нельзя. Одно слово — варвары, северяне.

— Точно, старина Ройл, в молодые годы от таких вот Аквилонию спасал.

— Да король, говорят, сам таким был. Варвар с севера, наемник, чуть ли не пират — пока к трону не пробился.

— Поговорите, поговорите еще — аккурат в каменоломни с поля боя и отправитесь.

— А что, про то все ведают. Не верите — Ройл вот выйдет, все и выложит начистоту.

— Как же, выйдет. У них с королем на пару — такая же вот баклажечка.

— Спроси, спроси у Ройла. Он и трезвый-то без врак двух слов не скажет.

— А я вот про короля, не верю. Видал я тех наемников. Вы всю жизнь под юбкой да за бутылкой. Теперь здесь вот гниете, света белого не видали, а я поколесил, побродил в свое время. Видал тех наемников. Зря вы на охрану эту напраслину возводите. Настоящие наемники — руки грязные, все в перстнях, под ногтями — кровь засохшая. Глаза пустые, сами дерганые, чуть что — сразу за ножи или, там, мечи хватаются. А про корсаров — про тех такое говорят...

— А ты уши развесь — и побольше слушай, ротозей. Мир он повидал. Это от таверны — в кабаке, что ли? Говорят тебе — из наемников наш лев. Но — из приличных...

— Не бывает приличных наемников. Был бы он корсаром или разбойником каким — стал бы о королевстве думать? Вот твои, с немытыми руками и кровью под ногтями, дотянись до трона — что бы стали делать? Города строить, корабли, академии всякие разводить, а? То-то. Варвар — это да, варвар и есть, но не корсар.

— А по мне — так хоть сам Сет на троне, лишь бы жалованье исправно платил и не трудил чрезмерно.

При этих словах полог откинулся и, держась друг за дружку, вышли Ройл и Конан. Капитан и его заместитель еле успели вскочить и отступить в сторону, иначе старые вояки неминуемо кувырнулись бы через них.

— Так, выступаем немедленно! — провозгласил Конан, обводя свое воинство покрасневшими глазами. — Авангард поведу сам, вернее, поведет старина Ройл. Где твои охотнички?

Ройл подозвал к себе четверых солдат:

— Значит, эти пятеро, десять моих телохранителей, и все. Остальные сорок ротозеев, кто трезвые, выступите чуть погодя за нами на подводах. Коней оседлать, но вести в поводу. Взберетесь на своих кляч прямо перед атакой. Сигналы — обычные, рожки там, или как вы тут... ага, свистки так свистки. Мы снимаем часовых, если у них таковые имеются, и подползаем к самому лагерю. Вы разворачиваетесь к Совиному Ручью на нашей стороне и ждете. Морды тряпками обвяжите. Я имею в виду лошадиные морды, и чтоб ни звука. А по свистку — в галоп. Не останавливаться, не грабить, в палатки не лезть — гнать эту сволочь к границе, гнать и рубить...

— Но, мой король, такое уже было — они уйдут в Немедию... встрял было капитан, но Конан грозно надвинулся на него и, вновь взяв за перевязь, энергично потряс:

— А ты можешь завязать морду себе, капитан, — и добавил, обращаясь ко всем и взмахом руки прекращая начавшийся среди охраны гогот: — Гнать будем и в Немедии, ясно. До полного истребления. Все.

Глава третья

Кром. В пути хмель вылетел, да ума не прибавилось,— ворчал Конан. Он лежал на сырой земле в небольшом углублении, оставленном корнями вывороченного ветром огромного бука и извиваясь, старался выползти разом и из своего раззолоченного кафтана, и из роскошной кольчуги, ползая в которых по лесу, да еще в его летах, оказалось явно несподручно.

Маленький отряд вихрем промчался по скальным тропам, затем, ведя коней под уздцы, углубился в пользовавшееся дурной славой урочище. Древние, узловатые деревья покрывали пологий склон Совиной Горы. Лес был мокрым после промчавшегося недавно вихря, повсюду валялись поваленные стволы, и вскоре из-за бурелома коней пришлось оставить под присмотром двоих гандерландцев.

После небольшого плутания по рытвинам и оврагам, когда все стали чрезвычайно злыми, мокрыми и исхлестанными ветвями, Ройл скомандовал лечь. Поминая богов и короля, которому в столь скверную погоду в столь скверном месте пришла в голову затея поиграть в войну, северяне и следопыты повалились прямо в месиво из гниющей листвы и глинозема. Ройл пополз вперед и вскоре, перевалившись, словно хорек, через лежащий поперек его пути древесный ствол, покрытый лиловым мхом, исчез из виду.

Конану наконец удалось освободиться от своей брони, и он остался в одних брюках и полотняной рубахе, которые тут же пропитались влагой, грязью и зеленью травы, так, что король Аквилонии сам теперь напоминал замшелую корягу. Он пытался разглядеть вокруг хоть что-нибудь, но видел лишь мокрый туман, клубящийся между стволами.

— Словно я по ту сторону Громовой реки,— прошептал киммериец,— а ведь давненько я не лежал в настоящей засаде.

Эта мысль очень ему понравилась. Он поплотнее разметался на своем глинистом ложе, вжимаясь в холодную лужу на дне ямы.

— Кажется, это делалось примерно так...

И король цивилизованнейшей из хайборийских держав с наслаждением растер лицо вначале пучком травы, затем перепачканными ладонями, зачерпнув со дна бурой жижи. Громоздкий меч он оставил лежать на ворохе снятой одежды, присыпав его для верности листвой, и пополз. Переваливаясь через тот же древесный ствол, что и беззубый следопыт, Конан кричал и ругал свои годы, а когда повернулся, то едва не расхохотался — мертвая кора и мох были сорваны с дерева, словно гигантский слизняк прошелся по нему.

Двинувшись вперед, Конан лицом к лицу столкнулся с приготовившимся к бою ежом, вернее — ежихой, за спиной которой угадывалось четыре темных колючих комочка поменьше. Киммериец попытался щелкнуть ее по черному носу, однако местные ежи, видимо, не забыли еще искусство охоты на змей — голова ежихи молниеносно отдернулась, а затем метнулась вперед и цапнула нахального человека за палец.

подавив крик, киммериец попробовал обойти воинственного зверя, но левая его рука соскочила со скользкой кочки, затем, потеряв опору, заскользил вниз и сам киммериец. Конан, как ни пытался схватиться за ветви кустов и пучки трав, все быстрее и быстрее

сезжал куда-то вбок, а потом полетел кубарем в зеленый омут и очутился на дне небольшого оврага. Ключья штанов и рубахи украшали оставленную все тем же неуклюжим слизнем просеку, а где-то под пологом мокрого леса недовольно заголосила и умолкла сорока.

— Н-да,— сквозь зубы пробормотал Конан, поднимаясь и отряхиваясь.— Морду можно было и не мазать в начале пути. По ту сторону Громовой реки я бы не прожил и нескольких мгновений...

— Это точно, старик! — раздался прямо над ухом молодой, энергичный и совершенно незнакомый голос. Киммериец обернулся. В трех шагах от него сидел на пеньке причудливо одетый разбойник, держа в руках охотничий самострел, приспособленный для стрельбы арбалетными болтами.

— Ты, впрочем, тоже, молокосос,— раздалось с верхушки обрыва, и что-то тяжелое обрушилось сверху на незадачливого часового, подмяв его под себя. Мгновенье борьбы, и Ройл уже сидел на разбойнике верхом, а лезвие ножа следопыта холодило парню глотку.

— Старею,— пробурчал Конан, подходя к пленному. Тот, казалось, не очень-то и испугался, поводя бешеными глазами.

— Цыц ты.— Ройл завозился, устраиваясь на разбойнике поудобнее и затыкая тому рот сорванной с головы кожаной шапочкой.

— Что с ним делать-то? Резать глотку — и полезли дальше?

— Порасспроси его — есть ли еще сторожа, в лагере ли Хват, а потом двинь посильнее — пусть валяется. Нам его никчемная жизнь не нужна.

Конан отошел в сторонку и пучком травы попытался избавиться от комьев влажной грязи. Не особенно прислушиваясь к хриловатому, приглушенному туманом голосу разбойника, он повертел в руках трофейный самострел, затем задрал голову и с наслаждением стал вдыхать тот непередаваемый аро-

мат дикой чащи, от которого в юности у него кружилась голова, заставляя идти на невиданные безумства.

Атмосфера лесной войны, сам лес, липкий туман и полный грозящей опасности зеленый полумрак постепенно начали пробуждать в потрепанном жизнью и бездельем теле спящего зверя. Ноздри киммерийца подрагивали и раздувались, словно у породистого жеребца, ни разу не бывшего под седлом, белки глаз сверкали, а руки, расслабленно свисавшие вдоль тела, приятно зудели в предчувствии скорой драки. Кром свидетель — пара десятков лет сорвалась горой с плеч и растворилась в утробе урочища.

Меж тем из-за спины киммерийца раздался тулой удар, приглушенный стон и мягкий звук падения. Неслышной, стелющейся походкой подошел Ройл, потирая краснеющий на глазах кулак, и шепотом проговорил:

— Митра милостивый, ну и головы у здешних жителей, видать, луженые, что твой обозный котел.

— Ну? — задрал подбородок Конан.

— Часовых у этой своры, как и ожидалось, нет.

— Совсем обнаглели. Когда я был помоложе...

— Тише, тише, мой король,— вжал голову в плечи следопыт.— Так вот, этот медноголовый поджидал тут своих сотоварищей-охотников, которые аккурат сейчас должны пройти неподалеку от нас к лагерю.

— Славно, славно. Вот мы охотников тут и положим в папоротники. И ворвемся прямо в их курятник вместо ожидаемых добытчиков,— оживился Конан.

Ройл недовольно скривился. Он уже понял, что стареющий монарх не собирается утруждать себя размышлениями и расчетами. Ему нужна была хорошая драка после хорошей попойки.

— Дело в том, что там у них собаки...

— Ну, старый вояка, ты меня испугал! — Киммериец от нетерпения даже притопнул, взметнув на отвороты и без того грязных кавалерийских сапог фон-

тан из тины и жидкой глины.— У них тут что — натасканные сторожевые из королевских питомников? Или пастушья «акулы пустынь» из гирканских земель? Откуда они тут взялись и кого пасли? Сам не хуже меня знаешь: если таким псынам не дать отару, чтобы ее охранять, и не дать волков, чтобы их рвать, то характер у собак очень быстро испортится, и тогда уж лучше держать у себя на стоянке медведя-шатуну или пару драконов, чем этих тварей. А здесь наверняка обычные остроухие плюгавые гончие. Мы с тобой не олени и не зайцы, а на человека натаскать этих псов сложнее, чем меня обучить тонкостям митраистской теологии.

— Оно конечно, мой король...— с сомнением пожевал губами Ройл, однако и паршивая шавка может поднять шум, учуяв засаду...

Но Конан перебил его:

— Это у тебя с похмелья или ты действительно стал трусоват? Где-нибудь в безлюдных горах или девственном лесу собаки, учуяв засевшего в чаще человека, начнут брехать и выть, а тут в двух шагах их собственный лагерь, и под каждой сосной по пьяному разбойнику валяется. Веди лучше на тропу и своих зови, а то упустим охотников.

И не собираясь больше спорить, кряхтя и ругаясь, Конан полез по скользкому склону вверх. Ройл вздохнул, снял висевший на шее деревянный свисток, подал условный сигнал, подражая крику некоей болотной птицы, и полез следом.

Не прошло особенно много времени — Конан и следопыт только и успели, что привести в относительный порядок измазанную одежду, как дрожащий зеленый полог сгустился, в тумане задвигались еле различимые вначале тени, затем туман расступился, пропуская бесшумно скользящих меж стволов деревьев воинов. Ройл быстро объяснил им задачу и повел маленький отряд в самую непролазную чащу, руководствуясь одному ему понятными соображениями,

почерпнутыми из задушевной беседы с молодым разбойником.

Дорогу преградил бурелом, высившийся, будто замок лесного людоеда. Туман оставлял на серебристых стволах полусгнивших деревьев, наваленных самым причудливым образом, легкий белесый пушок. Тянули узловатые щупальца вывороченные корни вековых деревьев, обнажая в плоти земли ужасные раны,— на эти ямы, полужатоленные подернутой ряской водицей следопыты косились особенно неприязненно, стараясь обойти их стороной. Кто знает, что за зверь или нечисть может броситься оттуда на осмелившихся нарушить лесной покой людишек? Проплутав изрядно в этом лабиринте, отряд аквилонцев выбрался на небольшую полянку. Все отряхивались, словно лоси после переправы через ручей, хрипло и зло переругиваясь, вновь стигая луки и натягивая тетивы, до того заботливо смотанные и упрятанные в холщовые мешочки — жилы берегли от влаги. Конан, спохватившись, стал шарить по перевязи, и один из телохранителей протянул королю его меч, оставленный в самом начале пути.

— Кром,— сквозь зубы проворчал Конан, нацепляя ножны.— Это уже совсем не годится. Оставил меч гнить в какой-то канаве, словно деревенский увалень, пригнанный главным королевским лесничим на тушение лесных пожаров...

Ройл меж тем озибался, явно ища и не находя некоей метки. Лучники все возились со своим нежным снаряжением, северяне вполголоса частили ненавистные леса, где не на что сесть и нет ни капли свежего воздуха, ни луча солнца. Наконец старый разведчик негромко вскрикнул, указывая на зарубку в коре разветвленного вяза, и уверенно повел отряд за собой — опять в непролазные заросли. Конан повеселел, слушая за спиной каркающие северные ругательства на выразительном ванирском наречии вперемежку с именами хайборийских богов, снабжаемых

самыми нелюбимыми эпитетами на его родном киммерийском.

Наконец мучения нордхеймских и киммерийских наемников кончились — Ройл вывел их на поросший колючим кустарником холм, косо обрывававшийся к югу урочища. Искомая тропа проходила по низу разлома, идущего в теле Совиной Горы по самым укромным чащобам, и косогор висел над ней козырьком, будто созданный для засады.

— Это надо совершенно обнаглеть, чтоб не выставить тут охраны,— проворчал Конан, вглядываясь в дрожавшую над лесами хмарь, в которой где-то с запада улавливался нарастающий птичий гомон. Вернее, варвар уже смог определить, что к тропе движется большая группа людей.

— Митра свидетель: беспечные добытчики — это как раз то, что нам надо,— проворчал Ройл, распределяя людей вдоль гребня.— Если нас прихватят здесь, то основные силы вряд ли успеют подойти к нам на помощь, хоть я уже и послал за ними. Прижмут вот к обрыву и перебьют, как щенков-несмышленишек.

— Да, могут и прихватить, а могут и нет,— с видимым сожалением пробормотал Конан, устраиваясь среди колючих кустов с таким треском, словно кабан-секач на лежку.

— Да будет еще драка, мой король, будет. Не забывай, что их тут тьма. Перебьем вот охотников, движемся дальше, и будет нам за каждым кустом арбалетчик, за каждым стволом — мерзавец с ножом в зубах. Главное,— это уже Ройл обращался к своим воинам,— чтобы никого не пропустить. Положить всех!

— Да, да,— чуть повысил голос Конан,— а то всполошим лагерь раньше времени, и уйдут они, а всех не переловишь в этих-то дебрях.

— Все равно отступят на немедийскую сторону. Хват уже не раз проделывал этот номер,— тихо пробурчал Ройл. Он видел в своих нехитрых планах

громадную брешь, но не решался перечить неистовому киммерийцу. «А ну как действительно уйдут за кордон? Мы что же это, полезем к соседям?» — ломал себе голову седой ветеран, и что-то в самой глубине души говорило ему, что цель Конана, прикрытая скороспелым решением идти на разбойников, на самом деле именно такова. «Неужто ринется наш король добивать их в немедийских землях... Тогда пограничный заслон немедийцев набросится на нас, как мы сами когда-то выкинули их с территории Аквилонии. Может, на это и расчет... Поговаривают, что Конан не прочь устроить заварушку с кем попало, а немедийцы — неплохой выбор. Ох мне эти стареющие короли да герцоги». Ройл с обычным для бывалого служаки презрением к вышестоящим сплюнул и вздохнул, начиная понимать, что тихое гарнизонное сидение безвозвратно закончилось.

Меж тем стало слышно, что разбойные люди совсем уже близко. Вот — послышался собачий лай, затем короткое ржание, голоса. Они шли, совершенно не скрываясь, будто законные владельцы этой дикой земли, весело и беспечно. Уже явственно доносился смех, нестройное пение и даже лихой разбойничий посвист из тех, что тревожат сны толстых купцов и караванных вожakov. Ройл стиснул зубы и покосился на Конана. Как еще отнесется король к такой наглости на своих землях. Однако августейшая особа признаков недовольства своими порубежниками выказывать и не собиралась. К удивлению ветерана, лицо киммерийца было совсем не похоже на разъяренный лик властительного вельможи, по цветущему саду которого расхаживают воры. Напротив, лицо короля выражало скорее затаенную грусть и некую светлую печаль. Ройл, вспоминая байки о прошлом Конана, хмыкнул. Очень уж это было похоже на тоску по ушедшей залихватской юности. Когда лихой посвист раздался во второй раз, Конан вздохнул и шумно заворочался. Ройл ухмыльнулся и, забыв о грустных

мыслях, припал к мокрой земле, превращаясь в бездушный призрак войны — комок настороженности: лишь слух да зрение, даже дышать перестал.

Папоротники с западной стороны от разлома вздрогнули, с них посыпался целый каскад капель, и раздвинулись, пропуская лошадиную морду. Это не был, конечно, боевой скакун, так себе лошадка, взятая разбойниками прямо от сохи. К тому же она явно проделала немалый путь, тяжело нагруженная какими-то тюками, — тяжело опадающие черные бока блестели от пота и влаги, пропитавшей окружающий лес насквозь. Меж тюков разместился малый с лопатообразной нечесаной бородой, который все прикладывался и прикладывался к кожаной бутылки. Следом показались остальные. Понурые мокрые всадники тщетно кутались в отяжелевшие плащи, стараясь укрыться от всепроникающей сырости, у некоторых поперек седел виднелись перекинутые тюки. На двух лошадях везли освежаванные олени туши. Вокруг охотничьих трофеев скакало три или четыре собаки, обнюхивая мох и землю в тех местах, где капала оленья кровь. Лошадям кровавая ноша и шумное лающее сопровождение было явно не по нутру — то и дело они останавливались, но ведущие их под уздцы разбойники добивались покорности, не жалея кнутов, жестоко и быстро.

Наконец на тропу под откосом выехала вся кавалькада. Ройл насчитал два десятка людей. «Собачки несерьезные, значит — собачки не в счет. Люди... Те, что ведут лошадей и идут пешком, явно местные, деревенские парни. Проводники, охотники, вряд ли они члены шайки, но даже если так — толк от них в схватке малый. А те вот, что на конях, — посерьезнее. И вооружены не кое-как, и под плащами у них, может статься, не одни рубашки. Хотя странно это, в доспехах по лесу, с охоты ехать. Или ждут нападения? От кого? Ладно, потом разберем. Сколько их таких? Ага, десяток. Ну, хвала светлым богам — риску ника-

кого». — Седой ветеран для приличия повернулся к Конану, ожидая приказа, но тот, словно ребенок, впервые в жизни побывавший на городской ярмарке и увидевший там заезжих акробатов, разглядывал всадников горящими глазами. Тогда Ройл слегка откашлялся — внизу замерли и наострили уши собачки, а наверху натянули луки его следопыты, — и уже громко, смачно выругался. Что и послужило сигналом к атаке.

Пропели стрелы. Первый залп собрал обильную жатву, второй был менее удачным. Тем не менее первые три и задние два седла вмиг опустели, одна из лошадей с громким ржанием рухнула в лужу и билась там, перегораживая проход вперед. Разбойники заголосили, спрыгивая с седел и обнажая клинки. Деревенские попытались порскнуть назад, в чащу, быстро разобрав, откуда бьют лучники, но остальные, матерые, явно приготовились дорого продать свои жизни.

Конан с ревом вскочил, выволакивая из ножен меч, и заорал — мало не на весь лес:

— Бить стрелами убегающих, вы, следопыты. С остальными мы сами справимся. Ройл — давай команду гарнизонным тихоходам. Охрана, за мной!

Дальше зазвучали непонятные аквилонцам лязгающие и словно грохочущие броневыми листами слова на одном из северных языков, и король-варвар во главе своего варварского сопровождения обрушился со склона вниз, на тропу. Обрушился буквально — склон был невероятно крутым, к тому же земля и трава промокли, словно прибрежное дно при морском отливе, так что волна атакующих окунулась в грязь и покатилась прямо на разбойников. Ни один из ваниров, асиров и киммерийцев не смог удержаться на ногах, но все без исключения остались с оружием в руках. Конан, весь облепленный комьями грязи, вскочил на ноги, еле успев перекатиться в сторону от взблеска топора, рванувшегося навстречу катящемуся

с горы киммерийцу. Широко расставив ноги на зыбкой почве, Конан косо рубанул мечом не успевшего поднять топор разбойника. Однако в мокрой от грязи ладони варвара рукоять повернулась, и удар клинком пришелся плащмя, но, судя по звуку, сокрушил ребра и отбросил противника с тропы в лужу, где все еще билась раненая лошадь. Тотчас же на месте первого появился новый разбойник, серой тенью метнувшийся к королю, норовя вспороть бок кинжалом. Однако рывок ретивого лесного сидельца был излишне резок — он подскользнулся, и удар распорол Конану рубаху на бедре, обладатель же кинжала буквально налетел на меч, спешившегося на выручку к королю ванира. Конан, которого ванир, заслоняя от следующего разбойника, отшвырнул плечом, оказался в луже и за неимением нового врага точным ударом положил конец мучениям лошади. Неблагодарное животное в последней предсмертной судороге лягнула киммерийца копытом. Среагировать Конан не успел; он только дернулся, перенес тяжесть тела на другую ногу, и копыто обрушилось в подколенный сгиб. Король рухнул в самую жижу, успев в очередной раз проклясть своего терпеливого к подобным выходкам бога.

Два здоровенных асира, поддерживая за плечи, вытащили своего владыку на сухой пятачок. Схватка, короткая и кровавая, уже кончилась. Сопротивлявшихся охрана короля порубила на месте, трусливых положили разведчики Ройла, спокойно, словно на учениях, пускавших стрелу за стрелой в мельтешивших у края леса людей.

— Кром, ты видишь, так бывает всегда! Храбрецов мало — трусов тьма-тьмушая, — пробурчал Конан, освобождаясь от помощи телохранителей и разглядывая дюжину утыканых оперенными древками разбойников поодаль. Прямо у его ног лежали пятеро порубленных мечами — их руки еще сжимали боевые топоры и кинжалы, а лица носили печать ярости битвы.

— Двенадцать пойдут на корм воронам и волкам. Хотя какой толковый волк не побрезгует этой падалью? Пятеро отправятся в твои, Кром, чертоги... А еще пятеро, — тут Конан помедлил. — Он имел в виду тех, кого выбили из стрел первые, неожиданно ударившие стрелы, — будут тенями блуждать на Серых равнинах ожидания, пока не воплотятся здесь, чтобы вновь держать в руках холодную сталь мечей и умереть как воины, или как шакалы...

С возрастом Конан стал несколько сентиментален и все чаще обращался с такими вот патетическими речами к убитым врагам, вызывая немалое удивление и смущение среди просвещенных и весьма циничных хайборийцев. Однако сейчас его окружали не только они. Один из ваниров, как раз тот, что отшвырнул короля, угрюмо произнес, с сожалением трогая большим пальцем зазубрину на лезвии меча:

— А по мне, всех их пожрет Хресвельг. Мы их хоронить нипочем не станем, хотя следовало бы, но нет времени. Так что стенать им, тенями, в царстве Хель до самого разрушения мира. И трусам, и героям. Что-то не верится мне, что Великий Имир или его валькирии заглянут так далеко на юг из-за пятерки мертвецов.

— А ты, ванир, стало быть, считаешь, что Хресвельг-то уж обязательно сюда доберется, — с ехидцей спросил молодой киммериец.

— Ну то ж ведь Хресвельг, — как о чем-то само собой разумеющемся сказал ванир.

Конан откровенно потешался, слушая эти споры своих мрачных и грубых, но в чем-то по-детски наивных и весьма суеверных телохранителей. У себя дома, в безлюдных северных пустошах, все они: и асиры, и киммерийцы, и ваниры — были вековыми врагами друг друга. Но те немногие из трех северных народов, кто пришел служить Конану, прослышав про достойного славы вождя, никогда не поднимали друг на друга оружие, но словесные стычки, подобные этой,

вспыхивали едва ли не ежедневно, доставляя королю огромное удовольствие. Дальше слов дело не заходило, а в остальном личная охрана Конана была самой спянной и грозной дружиной во всем цивилизованном мире.

— Какой такой Хресвельг? — спросил подошедший Ройл. — Всех их, как и нас, когда-нибудь сожрут мыши и вороны, муравьи и черви.

— Это, старина Ройл, пожиратель трупов, дух разоренных могил и непогребенных тел, хозяин всех этих твоих мух, стрекоз и гусениц, из северных легенд, — пояснил Конан.

— На севере нет гусениц и стрекоз, — проворчал Ройл и пошел готовить к выступлению своих следопытов.

— Вот именно! — сказал ему вслед ванир, вогнавший в ножны выщербленный клинок. — Это в этих забытых Имиром землях Безымянная Смерть имеет облик червей и навозных мух — по героям и посмертие. У нас, на севере, — Хресвельг Черепогрыз растом до небес, когти его разрывают ледяные панцири гор, а дыхание...

— Я всегда подозревал, что ваниры молятся червякам и кузнечикам, — вступил в перепалку асир, который не успел развернуться во всю мощь в скоротечной схватке и спешил наверстать упущенное в схватке словесной... — Раз Инеистый Великан Имир и его валькирии сюда не доберутся, остается только Хресвельг Черепогрыз, что доковыляет в эти влажные, как свежее лошадиное дерьмо, леса, дабы увлечь достопочтенного Браги...

Конан увидел, что «достопочтенный Браги» начал задумчиво вытаскивать только что спрятанный клинок из ножен, а взгляд рыжего ванира стал совершенно спокойным и даже отстраненным, подобное холодное спокойствие было слишком хорошо знакомо Конану по себе самому. Он шагнул вперед и положил руки на навершие меча, не давая Браги высвободить

готовую вступить за честь ванирских Ледяных Гигантов сталь.

— Достопочтенный Хольгер, видимо, забыл, что рыжебородые не молятся никому, а лишь находятся в особой милости у Имира — отца всего живого. Я его называю Кромом, жители Аквилонии, Немедии и их соседи — Митрой, а достопочтенному Иллиаху, будь он неладен, — Конан погрозил кулаком молодому киммерийцу, который уже и сам был не рад тому, что одной фразой задел вспыльчивого ванира, — я напому, что в ледяные чертоги доблести попадают лишь храбрейшие, а не болтливейшие.

— Вот именно, сожри его Гарм, — пробурчал Браги, оставив бесполезные попытки высвободить меч, и подправивший вместо этого усы, — этого Иллиаха.

— Я извиняюсь перед королем и вами, достойнейшие, — с притворным смирением пробормотал Иллиах, но лукавый блеск глаз выдавал его с головой, — за столь дерзко оброненное сомнение. Истинно — всех этих несчастных пожрет Пес Гарм, любимое животное хозяйки смерти Хель, а далее их души направятся в те чертоги Ледяного Замка, куда их направит неясный нам рок... — И чуть потише пробормотал: — Тот Гарм здесь окажется явно раньше, чем ваш Имир, тупоголовые нордхеймские тролли...

Однако ни Браги, ни Хольгер его уже не расслышали, а Конан громко заорал, требуя от Ройла пристрелить мельтешащих вокруг своих хозяев собак, и оскорбительные для Ледяного Гиганта слова безропотно поглотила влажная утроба урочища у Совиной Горы.

Ничуть не меняясь в лице, Ройл отдал своим следопытам приказ, свистнули стрелы, и несчастные собаки замерли рядом со своими хозяевами. Над головами лучников раздался условный птичий посвист — к месту их удачной засады вышел основной отряд пограничников, ведомый толстым капитаном.

— Так, сорвите с этого гармового корма тряпье, и переоденьте два десятка своих! — крикнул Конан во

всю мощь своих легких, а Ройл вновь инстинктивно втянул голову в плечи — хоть туман, кое-где еще вившийся меж стволами деревьев и поглощал звуки, но в лесу, в опасной близости от логова разбойников, орать все же не следовало. — Остальных поведешь ты, капитан, — охватите лагерь слева. Я и Ройл пойдем справа, вот только у ручья грязь немного смоем. Ройл, пойдй, объясни, как идти.

Пока старый ветеран объяснял капитану, взобравшись по скользкому оползню, путь к логову шайки, Конан оглядел суровым взором своих телохранителей, намереваясь самым жестоким образом пресечь любые споры на религиозные темы. Это была единственная слабина в его железной гвардии — в остальном сам Великий Охотник не пожелал бы иметь в День Последней Битвы лучшей свиты. Однако, поглядев друг на друга волками, асиры, ваниры и киммерийцы очень быстро забыли о перепалке и вместе двинулись к ручью, имея вид не суровых северных воинов, а болотных орчей. Посмеиваясь, король направился за ними вслед.

«Сущие дети, — размышлял он, приводя в порядок одежду, — нет более стойких и беспощадных бойцов. Несравненные боссонские лучники теряются в бескрайних степях, где нет укрытия, воды и зелени. Стойкие гандерландские копейщики, опора аквилонской пехоты, пригодны и для горной войны, где не обязателен сомкнутый строй и несокрушимость рядов, однако стоит им попасть в джунгли или на борт корабля — подобны стаду баранов. Пуантенские рыцари, немедийские латники и гирканские конники совершенно беспомощны в лесной чаще и бесполезны на крепостных стенах. Хороши и в седле, и в строю, и в засаде горцы Ильбарских Гор и номады с зуагирами с юга моря Вилайет, из них могут выйти и прекрасные мореходы — но это до того тупоголовая публика, что, Кром свидетель, в былые годы мне хотелось поотрывать головы одну за другой и сложить

из них горы, когда они пускали на костры сложнейшие осадные машины или растаскивали обозы, а уж дисциплина... только дети севера, если удастся убедить их служить не клану, а государству да должным образом обучить, могут стать совершенными воинами. В былые времена Тот-Амон и его клика попытались создать в Стигии войска, пригодные для регулярных сражений и в пешем, и конном строю, для партизанской войны, осад и морских батальи. Стигийцам удалось вымуштровать несколько легионов из черных людей крайнего юга и отдельных племен шемитов, но понадобилось слишком много некромантии и всякого рода колдовских штучек. Своих демонических командиров бойцы боялись больше, чем противника, а это уже путь к поражению. Кроме того, магические иерархии черных орденов и муштра напрочь отбили всяческую способность мыслить у отдельных бойцов. А кто, как не Конан, знал, что может сделать умелый одиночка-герой. Всех этих недостатков ваниры, асиры и киммерийцы не имели. Каждый был хорош и сам по себе, и в отряде.

Одно время Конан носился с идеей создания ударных частей Аквилонской армии из своих соплеменников и жителей Нордхейма — под Тарантией был развернут огромный лагерь, но гигантские средства ушли, словно в песок. Король натолкнулся на сильнейшее сопротивление. Верный Троцero, даже он, не говоря о целой клике родовитых пуатенцев и иных аристократов, традиционно презиравших, и одновременно боявшихся северных варваров, встали на дыбы. Честь аквилонского рыцарства была задета, и это едва не привело к отдельным восстаниям и даже попыткам обособления некоторых баронских земель от Аквилонской Короны, каковое отложение не преминула радостно поддержать немедийская сторона. Боссонские и Гандерландские земли — верная опора короля против родовой аристократии — просто бурлили: хайборийские жители гор и лесов, извечные вра-

ги северян, впервые приняли сторону нобилей и жителей центральных провинций. Когда общее недовольство разделил и Конн, король отступил.

Кроме того, на пути нововведений встали и клановые препоны — ни клятвенное обещание Конана навсегда отвадить хайборийцев от посягательств на вольные северные земли, ни щедрые дары старейшинам и главам разрозненных кланов не дали желаемого. Юные воины севера не спешили мощным потоком влиться в сверкающие ряды армии Золотого Льва Аквилонии.

Приходили, прослышав о личной отваге Конана, но приходили поодиночке, втайне от своих вождей из ледяных пустошей, фьордов и северных гор. Наконец, сыграло свою роль и вечное неприятие друг друга нордхеймцами и киммерийцами: сражаться на далеком юге за славного вождя — это еще куда ни шло, и пусть на стяге над головой реет какой-то там Золотой Лев, повыше него есть Вечное Небо и Ледяные Чертоги с их Хозяином, но сражаться бок о бок с коварными соседями, почитающими злых демонов, созданных на погибель всему и вся? Нет.

Так что грандиозная затея провалилась, оставив после себя медленно порастающий травой лагерь, территорию которого потихоньку распахивали мирные поселяне, да личная охрана Конана — несколько десятков отчаянных головорезов, готовых пойти за своим легендарным королем хоть в пасть к Хресвельгу, Гарму, самой Хели или всему сонмищу чудищ северных сказаний. Черета покушений на августейшую особу с созданием личной охраны прервалась — ни стигийские чернокнижники, ни немедийские шпионы не смогли найти общего языка с хмурыми детьми Крома и Имира. Золото, власть, магия — все эти слова были не то что безразличны — просто неприемлемы для грубых, бесхитростных «эйнхериев». Кстати, когда Конан узнал, как себя называет его охрана, он поневоле призадумался.

И Нордхейм, и Киммерия, в остальном малосхожие, были объединены неким общим состоянием в восприятии бытия, недоступным просвещенным землям хайборийского мира, вольным и беззаботным степям гирканцев и погрязшей в магии Стигии. Север не жил, переходя от одного события к другому, подобно цивилизованным странам, не дремал в одури, подобно Вендии и загадочному Кхитаю. Север ждал. Он ждал Последней Битвы — дня, когда в пределы окружающей стылрой действительности ворвется сам Хозяин Ледяных Чертогов. И хоть сказания о Кроме и Имире отличались друг от друга, но сходились в одном — высшее существо в День Последней Битвы именоваться будет Великим Охотником, Диким Охотником. Он пронесется по небу, топча хримтурсов и троллей, огненных змеев и прочую погань, веками несущую людям плач и горе. И мир будет разрушен, чтобы быть созданным заново. Что там и как там будет дальше, дети севера не знали — древние киммерийцы за давностью лет уже забыли эту часть священного предания, юные нордхеймцы — еще не придумали. Да и неважно это было, ибо все герои и воины, погибшие в бесчисленных войнах и сражениях нынешней и прошлых эпох, выйдут из Ледяных Чертогов, сядут на восьминогих крылатых коней и в свите Дикого Охотника пронесутся по гибнущему миру, чтобы погибнуть вместе с ним. Никто не сомневался, что большинство героев Нордхейма и Киммерии будет в этой свите, а имя им будет в День Последней Битвы — «эйнхерии». У каждого на седле — валькирия, на челе — ледяная корона, в руке — меч из холодного пламени.

Сам Конан покинул родной очаг, разоренный наемниками, в том возрасте, когда еще не задумываются над судьбами мира, так что он не успел пропитаться этим духом великого северного ожидания и сопричастности к перипетиям мироздания. Посему относился к мифам своей родины с почтением, но без

трепета, слегка даже снисходительно. На своем веку он повидал стольких просвещенных служителей различных богов, властолюбивых жрецов, диких шаманов кровавых культов, воинствующих фанатиков неведомых религий и смиренных отшельников, живущих в мире и со всем окружающим и сами с собой, что здоровый цинизм стал его основной верой. И он почти не вспоминал оставшиеся где-то в холодном мареве детства сказания о грядущем разрушении мира. Хотя сам образ Дикого Охотника занимал его воображение какое-то время. Он даже велел оружейникам украсить изображениями Последней Битвы свои черные доспехи, а любимый некогда охотничий домик, место отдохновения Зенобии и Конна от дворцовой суеты, — тот весь был увешан изнутри гобеленами с «эйнхериями», валькириями и побиваемыми демонами. Но — и не более того.

Конан спокойно относился к тому, что уже пар тройку десятилетий стал почти что живой легендой. Правда, в собственном королевстве подобное отношение к владыке быстро сошло на нет, но среди кочевников степей, среди диких горских племен, на палубах черных пиратских галер и в непролазных джунглях, куда и носа не казали хайборийские путешественники, гремело, не умолкая, имя Амры, Конанакиммерийца. Равно как на севере обитаемых земель имя Конана-варвара. И вот в день, когда был создан отряд личной охраны короля из украшенных шрамами варваров в рогатых шлемах, один вид которых внушил столице трепет, они назвали себя — «эйнхерии».

Конн, волей судеб выросший в Тарантии и воспитанный как утонченный и просвещенный рыцарь, Конановых головорезов сторонился, набрав свою личную гвардию из блистательных Черных Драконов — отпрысков мелкопоместного, но славного аквилонского дворянства. Не раз и не два он просил отца, чтобы во время официальных церемоний и пышных

празднеств в дверях тронной залы не маячили мрачные рогатые фигуры, пропахшие конским и человеческим потом, запахами кожи и минерального масла. Конан, ворча, подобно старикам из тарантийских таверен, коротавшим вечера за бутылкой и сетованиями об упадке нравов молодежи, телохранителей своих в пиршественные залы старался не вводить. Однако не мог отказать себе в удовольствии и подшучивал над охраной сына с присущим одному ему диковатым мрачным юмором — то он как будто принимал разодетых в пух и прах по немедийской моде часовых за вешалки и вешал на них плащ, то, «случайно» оступившись, заезжал плечом в облаченные черные камзолы спины, после чего бравый гвардеец, кувырнувшись в воздухе, приземлялся аккуратно посреди уставленного тортами и фруктами стола, то пришибал телохранителя принца створкой тяжелой двери. Словом, повода для выяснений отношений с отпрыском оказывалось предостаточно. Но, как водится, нелады среди хозяев заставляют перелаиваться и псов: по всем столичным кабакам вспыхивали ссоры между телохранителями первых особ, редко кончавшиеся смертоубийством — но уж без порубанной мебели, битых кувшинов и подвернувшихся под горячую руку завсегдатаев не обходилось ни одного праздника. В кулачных потасовках — «мужицких играх», по мнению родовитых Драконов, — перевес неизменно оказывался на стороне диких северян. В споре клинков явного преимущества у той или другой стороны не наблюдалось. Конан, закатывавший разудалые пиры по поводу мелких побед своих и впадавший в мрачное оцепенение после поражений в уличных сварах, был наслышан, что немалое число дворцовой челяди, от пажей до седых мажордомов, сколотили целое состояние, делая ставки и подбивая охранников на непотребства.

— Это ничем не хуже петушиных боев, сын мой неразумный Конн! — кричал король, отмечая очеред-

ные обвинения сына в разжигании пустой розни, — или скачек. Кроме того, боец, — если он не на войне, будет шляться по кабакам и расшибать себе кулаки. Если он, конечно, истинный боец.

— Но отец, есть же приличия... при немедийском дворе...

— При немедийском дворе в недавнем прошлом проводили позорные гладиаторские бои, заставляя рабов и пленников кромсать друг друга мечами, на потеху жирным стариканам и вислогрудым матронам!

— Но какой пример подадут наши гвардейцы другим военным, из линейных полков и баронских дружин?

— Отличный пример! Обрати внимание — стоит произойти очередной маленькой сшибке в подворотне — и все фехтовальные залы просто забиты твоими и моими орлами! Если нет вокруг волков, сторожевые псы обрастают жиром, обзаводятся блохами и пролежнями!

Такова частенько была тема вечерних бесед отца и сына. Если Черные Драконы славились далеко за пределами Тарантии как завзятые песнопевцы, утонченные рифмоплеты и ловеласы, то «эйнхерии» закрепили за собой славу дикарей и суеверов.

Казармы телохранителей-северян действительно сильно смахивали на капище. Раздражая столичные вкусы, словно клочок варварских земель, бельмом на глазу Тарантии зияли вросшие в землю срубы из бревен в полтора обхвата, крытые дерном, шатры, расписанные оскаленными мордами, меж которых, злобно посверкивая глазами, блуждали знаменитые псы Ванахейма, более похожие на демонические порождения северных выюг, чем на собак. Лая их никто никогда не слышал, но выставлять часовых вокруг жилища «эйнхериев» не было никакой необходимости. Любого стороннего, очутившегося среди шатров и приземистых, словно набычившихся, домин, тут же брали в живое кольцо полтора десятка огромных, снежно-

белых чудищ, которые, грозно урча, неотступно следовали за человеком в охраняемых пределах. Наглядевшись в бездонные красные глазищи псов Ванахейма, где плясали все ледяные гиганты вкупе с иной нечистью, тарантийцы не желали продолжать или возобновлять знакомства, хотя слухи, блуждавшие по тавернам и присутственным местам о десятках растерзанных бродяг и немедийских лазутчиков, были плодом фантазии горожан.

Совсем немногим аквилонцам доводилось оказаться, пройдя сквозь строй псов, в казармах «эйнхериев». Кроме Троцера и Конна, там не было никого, пришедшего по своей воле. На пленников, заподозренных в попытках нанести вред Аквилонской Короне или самому Золотому Льву, с небольшого холма рыжей глины взирали врытые в землю столбы с резными физиономиями Ледяных Гигантов, валькирий и иных порождений пустошей к северу от Гандерланда.

По ночам в пустых деревянных глазницах загорались светильни, снаряженные зельем, состав которого хранился едва ли не надежнее, чем карта подземелий королевского дворца, ведущих к сокровищнице. А иноземец, приехавший в поисках тарантийских, неофициальных новостей, побродив немало по притонам вблизи речного порта, мог наткнуться на одноногого нищего по кличке Крюк, который за пару кружек чего-нибудь покрепче пива мог рассказать историю о том, как за ним в лунную ночь гнался выкопавшийся из рыжего холма истукан, швыряя из глазниц уголья, а из черной пасти изрыгая, храни нас Митра, различные непотребства. Еще пара кружек — и поддерживаемый под локоть пьянчужка мог довести всех любопытствующих по брусчатке Медной Улицы до двух подозрительных углублений в гранитной плите под памятником основателю Тарантии, действительно напоминавших следы здоровенных когтистых лап.

И совсем уже узкий круг лицезрел центрального идола холма «эйнхериев». Гранитный вздыбленный

конь нес в небеса Дикого Охотника, в каменных чертах которого без особого труда можно было узнать лицо Конана. Зодчий, чья грубая работа стала центральной святыней горстки северных кондотьеров, остался для потомков безымянным. Под гранитными копытами, попиравшими нечто, отдаленно напоминавшее изображение стигийского Мирового Змея, горел, не давая ни струйки дыма и поражая взгляд зелеными языками, костер, вокруг которого, раскачиваясь, словно кобры, восседали три до невозможности изможденные старухи, с которых неумолимое время стерло все следы родного племени. Именовались жутковатые старухи ни много ни мало Хозяйками Судеб и равно почитались и киммерийскими, и ванирскими, и асирскими членами дружины «эйнхериев».

Что за таинства творились в капище, аквилонцы могли лишь гадать, понижая голос при одном упоминании о нем. А Конан и Конн не раз успели поссориться по поводу одного святилища. Сын просвещенного века хайборийской эры, потерявший всякую связь со своими дикарскими корнями, Конн требовал убрать из столицы столь яркий образчик варварских таинств. Но Конан, привыкший к своей волчьей стае, понимал, что вслед за изгнанными идолами отправится и его верная дружина. Прислушаться киммериец мог разве только к словам Зенобии, но королева ко времени насыпания кургана уже пиновала где-то в одном из сверкающих покоев Ледяных Чертогов, посему Конан остался непреклонен. Старухи появились на капище в день, когда, разъяренный очередной «сколкой из-за десятка тесаных колунов», король в сердцах написал завещание, в которое дрожащая белая рука аквилонского писца внесла требование сжечь бранные останки Золотого Льва, когда его призовет Кром, аккуратно на вершине рыжего кургана. Писец, бывший, без всякого сомнения, верным митраистом, на следующий же день после скрепления данной

грамоты королевской печатью, удалился в недавно покинутую пещеру отшельника где-то в Кезанкийских Горах, ища совершенства в посте, молитве и молчании.

Отшумели первые мрачные шутки и таинственные истории, связанные с жилищем «эйнхериев», когда религиозные настроения в просвещенной столице резко изменились.

Идя в пику своим соперникам, Черные Драконы принялись усердно посещать в свободное от службы и стычек время храмы Митры Непобежденного и Митры Милостивого, а каждый второй выигрыш в кости, к ужасу ортодоксов, отправлялся в казну слугителей Пресветлого.

Вслед за этим столицу взбудоражил исход почитателей Асуры — некогда влиятельнейшей конфессии, по числу последователей своих идущая вслед славящим Митру. Десятилетие назад, в год Дракона, именно жрецы Асуры поддерживали пошатнувшийся престол Аквилонии, а теперь покинули Тарантию. Конан, поставленный перед выбором — капище «эйнхериев» или храмы Асуры, выбрал первых. Вернее, будучи совершенно необремененным религиозными пристрастиями, предложил всем верующим «в любую чепуху, кроме Сета и Нергала» жить в мире. Однако дух нетерпимости взял свое. И по улицам столицы десять дней шли процессии одетых в ослепительно белые и багряные одежды почитателей Асуры. Повозки, которые влекли впряженные добровольцы из городских низов, заботами о которых прославились лечебницы уходящих, увозили впервые за века извлеченные из укромных часовен и подземелий реликвии. Не желая выслушивать сетования советников, Конан удалился на это время из дворца. Он носился на своем бешеном коне в окружении телохранителей по полям и угольям в ужасе попрятавшихся жителей столичных предместий, рубя учебным деревянным мечом чучела и глиняные горшки, надетые на

колышки заборов, оглашая притихшие окрестности кровожадными корсарскими песнями и заунывными напевами туранских караванщиков. В те дни он и его свита действительно походили на Дикую Охоту, начавшуюся до срока и непосредственно с жуткой пьянки.

Больше в Капище Конан старался не приходить, дабы «не раздражать шибко просвещенных столичных умников», довольствуясь лишь слухами да скупыми рассказами самих «эйнхериев», из каковых он знал, что за последнее время, и в особенности после ухода почитателей Асуры, в круг костра пытались ступить не только несколько десятков экзальтированных тарантийских матрон, пара сотен отставных ратников линейных полков, но и дюжина весьма именитых и уважаемых в столице и по всему королевству герцогов и нобилей. Культ ожидания неминуемого конца обитаемого мира и Последней Битвы пустил прочные корни в самом сердце хайборийской ойкумены. Благо киммерийцы и нордхеймцы не принимали в свои ряды никого, кроме северян. Однако достаточно было на определенном этапе развития событий получить молчаливое согласие короля, и в Аквилонии появилась бы новая церковь, почитающая в качестве основной культовой фигуры Конана-разрушителя, коему суждено было, мирно упокоившись на вершине рыжего холма, восстать во плоти в дни всеобщего разрушения и во главе Последней Дружины Героев и в окружении бесплотных ледяных духов обрушить на континент финальную разрушительную войну. Но, благодаря стойкому презрению Конана ко всякому вероискательству, королевского согласия так и не последовало. Однако таинственный холм «эйнхериев» с вечным зеленым огнем, идолами и стаей псов Ванахейма остались, со временем перестав притягивать пресыщенный столичный интерес обывателей, политиков и людей, одержимых мистицизмом.

Глава четвертая

А така на разбойничий лагерь шла в лучших традициях налетов времен его славного прошлого, когда Конан был вожаком зуагиров и номадов. Конечно, кургузых лошадемок пограничной заставы, выбившихся из сил после первого же натиска, трудно было сравнить с изящными тонконогими скакунами несравненных степных кочевников. Да и горсть воинов и невеликое число врагов не делали чести знаменитейшему из полководцев Хайборийской Эры. Однако Конан с юности усвоил, что величайшие подвиги одиночного боя, сабельной рубки и мастерства стрелков свершаются отнюдь не на поле гигантских сражений, где все решают подготовка, мастерство маневра и натиск несокрушимых рядов вымуштрованного рыцарства и панцирной фаланги. Личный героизм и смекалка, равно как и другие воинские достоинства, как-то — мужество, доблесть и отвага — видны именно в арьергардных стычках, засадах и спибках, в которых принимают участие не полки и легионы, а горстки сильных и славных. Величайшее фехтовальное мастерство, неистовую джигитовку и чудеса рукопашного боя Конан видел не раз, именно во время таких схваток.

«Да, славное было времечко,— вспоминал Конан, рубя направо и налево, недовольно отпихивая Браги и Хольгера, норовивших прикрывать своего хозяина

и кумира от свистящей вокруг стали. — Безымянные герои, неизвестные войны, благородные красавицы и несусветные коварные мерзавцы. Один Сет знает, куда они все делись? Видно, Иллиах, прах его побери, прав насчет Гарма — пес Хозяйки Смерти, на мое горе, прибрал в зловонную утробу всех достойных коптить небо, оставив одну размазню, тупых служак и скучающих идиотов!»

Меж тем схватка определенно шла к концу. Разбойники, застигнутые врасплох посреди своего бивака и атакованные с трех сторон, не сумели оказать достойного сопротивления и хоть как-то использовать свое численное превосходство. Кавалькада лжеохотников достигла самого центра лихого стойбища, где стояли два десятка покосившихся шалашей и валялись груды какого-то тряпья, когда чешущие с самым умным видом блох собаки подняли лай. Но было куда как поздно поднимать тревогу — по шалашам и развалившимся вокруг трех костров оборванцам, увешанных золоченым дорогим оружием, хлестнули стрелы. Лес наполнился звуком охотничьих рогов — приказ к атаке лучников Боссонских Топей, сыгранный со всем прилежанием по приказу Ройла. А «эйнхерии», скидывая трофейное тряпье и на ходу нахлобучивая свои громадные рогатые шлемы, первыми бросились на растерявшихся разбойников. Панику и общий разброд увеличила приближающаяся дробная конская поступь — крестьянские лошадки, на которых мчалось невеликое воинство толстого капитана, подняли такой хруст и ржание, что создали у атакованных впечатление полновесного натиска кавалерийского полка.

Большинство караванных грабителей тут же бросилось наутек, норовя пробиться в стык между редкой цепочкой воинов Ройла и северян. Но у шалашей, где из-за наваленных тут и там бочек, безосных повозок и распотрошенных тюков увязла кавалерийская атака, схватка разгорелась не на шутку.

Нашлось несколько отчаянных сорвиголов, которые в общей кутерьме сумели сбить вокруг себя самых отчаянных и выстояли первый натиск. Тут Конан заметил среди противников высокого мужчину, с головы до ног словно облитого чешуйчатой гирканской броней, которая нимало не стесняла его движений. Он порывисто перемещался по лагерю, и каждый неуловимый взмах его рук, в которых сияли короткие кривые сабельки — Конан некогда видел подобные у стражей ворот Султанапура, — был точен: он убивал или ранил аквилонцев, вышибал оружие или отводил в сторону вражескую сталь в волоске от собственной непокрытой головы, которая вот-вот должна была, казалось, слететь с плеч.

Видимо, это и был знаменитый Хват — его неожиданно высокий, почти женский голос покрыл поле боя. Слов команды киммериец не разобрал, однако увидел, какое действие она возымела: группа лихих потрошителей купцов раздалась, пропуская вперед сверкающего змеиной чешуей атамана. Хват безошибочно определил командиров нападающих, и через два-три изящных прыжка его гибкая фигура уже мелькнула возле капитана. Толстяка заставила спешиться разбойничья рогатина, и он вел бой рядом со следопытами, отложившими луки и взявшимися за мечи.

Миг — и памятный Конану меч встретился с изящными восточными клинками. Атаману разношерстного воинства хватило для неоспоримой победы нескольких точных и еле заметных движений. Небрежно, даже слегка лениво он немного присел и сопроводил по дуге над собой тяжелый аквилонский клинок, в то время как его собственная вторая сабля метнулась вперед-вбок, неуловимым для глаза стегаящим движением запястья. Меч капитана еще взрезал сырой лесной воздух, мягко сопровождаемый сабелькой, а левый бок его камзола уже набухал алым. Аквилонец, выпустив бесполезный тяжелый клинок, который

воткнулся в землю, осел, стараясь зажать края раны и еще явно не успев почувствовать боли. А Хват уже танцующей походкой поплыл над мокрой травой навстречу новому врагу, в одном движении отведя удар меча ванирского «эйнхерия» и махнув не глядя второй рукой назад. Точный, хотя и несильный удар отточенного по туранскому обычаю «в верблюжий волос» сабельного клинка отсек капитанскую голову.

На миг замершая схватка возобновилась, и Конан потерял из виду атамана. Когда же король разделался со своими тремя противниками не без помощи выскочившего из гущи боя Иллиаха и поискал глазами сверкание чешуи, то взревел от ярости.

Ободренные примером своего вожака разбойники приободрились и принялись отеснять немногочисленных врагов. Бандитов и без того было по два на каждого аквилонца, а тут еще из леса в спины пограничников и северян полетели болты самострелов — беглецы, не узрев, вопреки голосу собственной трусости, полный лес королевской конницы, вернулись и тоже вступили в бой. Все следопыты погибли под рогадинами и топорами разбойников, сам Ройл, дважды неопасно раненный, был встревожен не на шутку — порубежники собрались вокруг него, как бандиты вокруг своего атамана несколькими моментами ранее, и теперь плотным клином прорубались назад. Молчаливые «эйнхерии», также понесшие потери, сомкнули ряды вокруг своего короля и, похоже, готовились отправиться в глотку Хресвельга. На губах Баги Конан разглядел пену, глаза рыжебородого метали молнии, а меч со свистом мелькал над головой ванира — от объятых священным безумием берсеркера попятились и враги, и его товарищи, словно от самого Ледяного Гиганта.

Один Конан был доволен и весел, несмотря на хриплое дыхание и явную одышку. Возраст оставил свои следы на его теле, но дух остался таким же непреклонным, как и встарь. Одежда в нескольких

местах была в крови, меч, отдававший любимой алой влаги, стиснутый каменной ладонью, так и плясал в руках, губы раздвигала хищная усмешка.

«Неужели, Кром, ты даешь мне высшее благо — погибнуть под холодной сталью в славном бою, а не доживать свой век гниющим, выжившим из ума старикашкой, в насмешку над предками?»

Тут и там за спинами напирających врагов мелькал орлиный профиль Хвата, но виртуозного порхания голубоватых восточных клинков больше не было видно — атаман командовал. И король отдал ему должное — командовал толково. Пытавшихся выйти в тыл «эйнхериям» и взять их в волчье кольцо Хват отогнал едва ли не пинками. Северяне двинулись к опушке, когда из леса в них ударил целый залп арбалетных болтов. Потом еще один. И только когда пятеро оставшихся в живых детей севера и Конан достигли спасительных кустов и папоротников, мешающих прицельной стрельбе, разбойники окружили их.

— Молодец, бандитская рожа! — едва ли не с восторгом прокричал Конан, перерубая древко направленной в Хольгера рогатины. Вынырнувший откуда-то сбоку Иллиах принял на шлем удар топора, грозивший перерубить Конана пополам. Шлем слетел с головы киммерийца, он покачнулся, и Конан поддержал своего телохранителя.

— А ну посторонись, рыжебородые! — раздался боевой клич последнего в отряде ванира. Последнего, ибо Браги уже принадлежал стае «неистовых детей грома»: выкаченные красные глаза, брызжущая из оскаленного рта, нет — пасти, пена, грузные, на первый взгляд неуклюжие, немилосердно топчущие землю косолапые шаги... Конан отпрыгнул от своего бывшего охранника, словно на него едва не наступил сам Кром, попятились и остальные «эйнхерии», и берсеркер обрушился на разбойников.

Это было похоже на бойню. Конан раз видел, как росوماха, раненная сторожем, перемахнула через за-

бор загона в одном гандерландском селении и опустилась на свои кривые лапы прямо на спины овец. И прошла сквозь целую отару, рва и терзая, разрывая и топча, до изменившегося лицом сторожа. В короткой ее шее торчали уже три стрелы, однако лишь копьё молодого киммерийца спасло тогда гандера от неминуемой страшной смерти. Нечто подобное он наблюдал и теперь. Браги шел сквозь шайку разбойников один — приближаться к вооруженному «сыну грома» без риска попасть под его неприцельные удары нечеловеческой силы вообще невозможно. Да и не нужно — какой глубины бы ни был строй врагов и из кого бы он ни состоял, берсеркер все равно пройдет насквозь, оставив за собой красную просеку с валяющимися по краям изуродованными телами. Вот только выжить у него нет никакой возможности. Правда, его жертв это не спасает никоим образом. Тело Браги уже было пробито двумя копьями едва не навывлет (попасть в «сына грома» легче легкого — они не уклоняются от ударов и вообще не защищаются), левая кисть болталась на каких-то красных лоскутках, перерубленная топором, а по груди шли алые росчерки мечей, обнажившие белые ребра в красных потоках — однако пока продолжалась медвежья неторопливая походка, рубил и меч берсеркера, и эти удары не в силах были отразить ни один мужчина в целом свете. Оставалось только уворачиваться и сторониться, ожидая, когда из многочисленных смертельных ран вытечет вся кровь и неистовый дух ледяных гигантов покинет израненное тело. Потеряв за несколько мгновений семь или восемь бойцов, разбойники так и поступили. Их свора раздалась, как стая гончих пред натиском матерого кабана. Браги, сделав еще несколько мелких шагов, будто медведь в балагане, спешащий за угощением, нелепо махнул окровавленным мечом и упал на колени. За его спиной неслышно скользнула сверкающая чешуей змея — Хват поднял сабли, замерев на миг. Замерли

и все остальные при виде одного из самых величественных зрелищ со дня сотворения мира — Браги задрал кверху оскаленное лицо и взвыл, долго и протяжно. Конан почувствовал, как на лице его выступает холодный пот, а меч в руке дрожит, как лист в осеннем лесу. Холодный, бездушный, нечеловеческий вопль прокатился вокруг и истаял где-то над болотами на немедийской стороне, дух ванира Браги влился в легион «Детей Грома» у престола Ледяных Гигантов, и восточная сабля хлестким движением отделила мертвую голову от мертвого тела. Рыжая борода еще не коснулась окровавленного мха, как Хват метнулся вперед, и Конан увидел взблеск голубоватой туранской стали возле своего лица.

Вновь зазвенели клинки и послышались дикие крики. Схватка переместилась дальше в глубь леса, а обезглавленное тело стоящего на коленях «эйнхерия» осталось у опушки.

Собрав все свое некогда грозное умение, Конан отбил стремительную, словно бросок кобры, атаку разбойника и, улучив мгновение, прислушался. Или ему показалось, или сквозь лязг сражения он различил звуки боевого рога и топот копыт?

Вновь голубоватым огнем сверкнули сабельные лезвия, хлестко рассекая воздух в волоске от горла киммерийца, и Конан прыгнул вперед, рубя крест-накрест перед собой. Этот двойной удар — самый, пожалуй, распространенный в бешеной сабельной рубке к востоку от моря Вилайет, однако нанести его громадным аквилонским клинком кроме Конана могли очень и очень немногие. Хват, без сомнения понимавший толк в сабельной рубке, мгновенно и инстинктивно перекрестил пространство перед собой таким же движением, только быстрее и легче — защита «крылья махаона». Так назвал ее салтанапурский поэт и воин Розиль Великолепный, учивший юного киммерийца благородному искусству игры клинков во времена, когда чешуйчатый атаман еще ходил под себя и

мучил кошек. Легкие изогнутые сабли легко отвели два удара тяжелого меча, не стараясь с риском сломаться встать на пути сверкающей стали, а сопровождая их, с «чувством залипания», как учил Розиль. Но третий удар киммерийца — плашмя по лбу, с короткого расстояния, с которого невозможно нанести толковый рубящий, достал-таки Хвата. Голова его дернулась и откинулась назад, увлекая все тело... и упавшего главаря разбойники закрыли своими телами.

Конан перебросил меч из онемевшей от усталости правой в левую руку и приготовился к броску, собираясь прорваться к атаману и добить, когда прямо перед ним пронесся всадник, на скаку подняв на пику одного из противников. Умелым движением всадник перекинул бездыханный труп через ближайшие кусты, высвобождая древко, пока конь его плясал, крутясь, перед Конаном и «эйнхериями», заслоняя короля от врагов. Опомнившиеся разбойники кинулись врассыпную, вслед им полетели, выскакивая из чащи, Черные Драконы. Конан отбросил меч в сторону и сел прямо на окровавленную землю. Тело было словно налито расплавленным свинцом, руки онемели, казалось, что открылись все шрамы от бесчисленных ран прошлого, такая боль пронзила некогда неутомимого бойца.

— «Кром, еще пара взмахов, и меч сам бы вылетел из рук. Давненько я так не рубился, разрази меня гром».

С глаз медленно сходила кровавая пелена, начали дрожать руки — верный признак того, что навалившаяся вмиг усталость скоро схлынет, оставив ломоту в костях и желание пить и пить, лежа головой в водоеме, словно стигийский аллигатор.

— Эй, кто-нибудь может двигаться, нордхеймцы? — крикнул король не поворачиваясь.

— Из всех рыжебородых тут один Эгиль, да и у того ухо топором снесли, жалко не оба. А Хольгер развесил сопли по соснам, — мгновенно вырос рядом Иллиах. Его великолепная черная грива, восхищаю-

щая столичных дам, облепила изуверскую, неестественно белую от природы физиономию, отпугивающую их же.

— На кого ты похож, киммериец, — сквозь зубы проговорил Конан, начиная подниматься, кривясь от боли во всем теле. Иллиах ладонью убрал гриву, и король увидел, что левый глаз «эйнхерия» перечеркивает алая полоса. Из-за обилия крови, заливающей всю личину, трудно было разглядеть, прошел ли рубец прямо по глазу, или удар был поверхностный.

— А что там с Хольгером? — ворчливо осведомился король, обозревая место сечи.

— Уж если такой сопляк, как Иллиах, остался на ногах, то уж я как-нибудь сумею служить и далее моему повелителю, пусть даже и без зубов, — послышался явственно шамкающий бас ветерана-асира. Эфес атамановой сабли действительно вышиб у него пригоршню зубов, и рот пытавшегося улыбаться Хольгера брызгал кровью так, что Конану пришлось посторониться.

— Кром, вот цена этой победы — гора мертвецов, один «сын грома» где-то в небесах, дюжина зубов, выбитый глаз, и, насколько я понимаю, ухо?

— Э нет, мой король, — пробурчал угрюмый побратим ставшего берсеркером рыжебородого, старательно прилаживая полуоторванное левое ухо на его законное место. — Эта рвань и дерется, словно стая шлюх из портового борделя в Кордаве, где brave аргосские корсары провели седмицу, заплатив оплеухами, — мне все пуговицы с кафтана пооборвали, и вот... — Он скривился, перематывая голову тряпичей, извлеченной из недр необъятного кафтана, который Эгиль как раз перед выездом из Тарантии выиграл у Иллиаха в кости. На кафтане и впрямь не хватало верхних жемчужных пуговиц. Иллиах так и приснул в кулак.

— Да, не впрок тебе выигрыши идут, асир ты одноухий, — прошамкал Хольгер, предусмотрительно

отвернувшись от короля и сплевывая кровь на переломанный папоротник.

— Все, кончай болтовню, «эйнхерии», так вас... — Конан поднял свой оброненный меч. — Дуйте втроем, разузнайте, жив ли там Ройл, и каких таких спасителей вместо Хресвельга сюда принесло.

Пока Конан с наслаждением прислушивался к незабываемому зуду в избитом теле, с каким возвращались силы, тройка покалеченных телохранителей привела ветерана боссонской границы. Ройл был весь перепачкан кровью и слегка хромотал.

— Я цел, мой король. Остальных, правда, положили, в основном стрелами. Это не моя кровь. Только нога вот... попал сапогом в кроличью нору, а топор одного из этих сынов погибели аккурат над макушкой прошел, — отпартовал ветеран, с нескрываемым неудовольствием поглядывая на появившихся невесть откуда гвардейцев. Те спокойно и как-то буднично расхаживали по полю боя, добывая раненых разбойников.

— Хвала Крому, Ройл, — буркнул Конан. — Если окажешься в Вендии, можешь принести по случаю жертву прародителю всех кроликов. Эй, вы там, черноклафтаные! Где ваш командир, живо его ко мне!

Королевский приказ отправились выполнять, однако было видно, что с некоторой ленцой. «Эйнхерии» с Ройлом отошли в сторонку, туда, где гвардейцы поставили своих коней, и занялись своими ранами. Конан же остался стоять, гневно раздувая ноздри и стараясь испепелить взглядом нерасторопных служивых. Некогда от этого взгляда аквилонские ратники бледнели и начинали трястись, моля Митру и всех светлых заступников рода человеческого, чтобы грозный киммериец решил отвести душу на ком-нибудь другом. Однако и времена те канули в вечность, да и гвардейский полк давно был любимой вотчиной Конана. Будь здесь аквилонский принц, давно бы уже весь лес наполнился бегающими и спешащими выполнить

повеление воинами. Сам Золотой Лев добился лишь того, что один из Драконов с видимым сожалением оставил ворочающегося в луже крови разбойника и ускорил за своим командиром, а остальные, сбившись в плотную кучку, отошли подальше. Только стайка пажей в мышинных камзолах с гербами своих хозяев бродили по опушке, словностая гиен, потроша убитых и подбирая достойное внимания оружие.

Наконец раздался стук копыт, и к Конану подлетел храпящий тонконогий жеребец, покрытый роскошной попоной, черной с парой серебряных василисков, выполненных, впрочем, довольно неряшливо. В простом, выдавшем виды седле, на бритунский манер брошенном на попону и прихваченном парой шелковых шнуров, восседал их спаситель. Взгляд Конана вначале остановился на оружии, которое, без сомнения, совсем недавно было в деле, — пучок травы, которым был вытерт торопливо палаш, не смог полностью очистить голубоватую сталь от рыжины, кроме того, имелась и пара свежих зазубрин.

«Хорошая работа, даже не определить сразу, в какой части света ковали, вот только на гарде лишнего понакручено, да и ножны — словно павлиний хвост», — подумал король, после чего уделил внимание и хозяину палаша. Киммериец сразу же узнал одного из любимчиков принца по имени Армледер. Некогда он был телохранителем самого Конана, еще до создания северной дружины, однако после какой-то истории, подробности которой киммериец запомнил, аквилонцу пришлось отправляться из столицы в некий медвежий угол, где тлела долгая и кровавая война. Только годы спустя молодого вояку отметил Конан и приблизил к себе.

Молодой капитан, замерший в воинском приветствии, выглядел весьма браво. Во взоре не было подобострастия, чего Конан просто терпеть не мог, но не было и дерзости. Лицо казалось совершенно отрешенным, взгляд устремлен куда-то сквозь короля, но

выражение у него было как у породистой боевой псины, ждущей команды без восторженного виляния хвостом, а степенно, подобравшись в тугой комок. Доспехи, по обычаю своего полка запрященные под черный с серебром камзол, весь в разрезах, дабы не стеснять движения, Конан разглядеть не мог, кроме лишь легких наручей безо всяких чеканок и насечек. Левую руку, прижатую сейчас по уставной форме к бедру, покрывала толстая кожаная перчатка, раструб которой наползал на предплечье, скрывая левый наруч едва ли не на половину. К грубой коже были вкривь и вкось пришиты медные чешуйки, явно содранные с чьего-то панциря.

«Сам, наверное, сделал,— с некоторым одобрением подумал Конан, пошевелив пальцами той своей руки, которая так же была затянута в перчатку,— в пасть льву ее, конечно, не сунешь и палаш, пожалуй, не отобьешь, однако легкие шпаги да сабли вполне можно отводить. Знатный, наверное, рубака, если сам себе амуницию правит. Да и будь по-другому, вряд ли Конн держал бы его при себе».

— Благодарю за своевременную помощь, капитан, хоть она и пришла весьма неожиданно. Что вас привело в эти гиблые чащобы? Вы, верно, выполняете распоряжения принца?

— О да, мой король. Сам принц Конн, а вместе с ним военные советники вашего величества в настоящее время находятся в лагере пограничников... чьи бранные останки я отдам немедленный приказ предать земле, с вашего позволения.

— Ах вот как! — Конан взъерошил свою гриву, размышляя и недовольно кривя губы. — Что же их сюда принесло? Впрочем, вы и не знаете наверняка... Вольно, вольно, простите уж старика, забыл я на некоторое время об этикете.

Ничуть не изменившись в лице, Армледер принял более непринужденную позу, отдал знаком приказ своим гвардейцам. Те тут же кинулись складывать в

одно место погибших порубежников, а сам выудил из кармана промасленную тряпицу и стал сосредоточенно водить по клинку. Конан же, покачиваясь с каблуков на носки, думал о своем. Наконец тягостное молчание прервал король, спросив:

— Вас, капитан, принц послал найти меня и привести в ставку Конна... Кром, я никак не ожидал, что у этих голодранцев окажется так много людей, умеющих держать в руках оружие, да еще этот их змееподобный атаман...

— Осмелюсь доложить, мой король, весьма примечательная личность.

Армледер с сожалением ощупал зазубрины и отправил палаш в ножны.

— Я с моими Драконами гнал их некоторое время, пока деревья не стали помехой для конной погони. Многих порубили и покололи, остальные, видно, уже на немедийской стороне, благодарят Митру за спасение.

— Ну, Митра им там не поможет,— решительно сказал Конан, топнув ногой, а Ройл, подошедший сзади и услышавший последние слова, уверился в своих подозрениях. — Так что там с этим сетовым отродьем в кольчуге?

— Там, в восточной части урочища, есть такой ручеек с весьма скользкими и крутыми бережками, к которым мы было и прижали главаря банды и еще троих.

— Неужели вы его? — с явной тревогой вскричал Конан. Армледер и Ройл вопросительно подняли брови — столько было неподдельного сожаления в этом возгласе.

— Увы, нам это не удалось, мой король,— с некоторой задержкой проговорил капитан.

— Хвала Кромму! — вскричал киммериец.

— Тем не менее,— с металлом в голосе произнес Армледер, придавая лицу то самое отстраненное выражение,— моя честь офицера Аквилонской Короны

задета, и я без сомнения сведу с ним счеты в ближайшее время!

— Ха, а ты мне нравишься! — Конан вновь ожил, будто и не было жаркой схватки и пары-тройки лишних десятков лет за плечами. — Только вряд ли это тебе по силам. Есть у меня подозрение, что учил его один восточный мечник, которому вся ваша, да и моя, гвардия, что кабану стая комаров. Ну да ничего, к мастерству надо еще прибавить и опыт, и силу. Итак, что там у тебя произошло у ручья?

Лицо капитана Черных Драконов оставалось столь же бесстрастным, однако слова короля задели его за живое — на скулах проступили красноватые пятна, грозя залить краской всю физиономию. Тем не менее телохранитель принца сухо ответил:

— Когда он понял, что его настигают, то развернулся и крикнул своим, чтобы отступали. Потом он бросился на нас. Один. Место было топкое, да и кони успели разогнаться, так что в ближнем бою он сразу получил преимущество. Подсек ноги одной лошади, другой, загородился трупами... Словом, я потерял троих убитыми, да несколько коней он покалечил, словно мясник...

— Что ж вы его пиками вашими оттуда не выковыряли? — спросил Ройл. Гвардеец не удостоил его и взглядом.

— Этот змей перерубал древки, словно метлы городских мусорщиков, даже мою пику, а у меня-то древко было окованным. И все это легкими сабельками. Пришлось спешиться и брать его в кольцо.

— Молодец! — воскликнул Конан, и ни у кого не было сомнений, к кому относилась данная похвала.

— Наконец я до него добрался, и мы скрестили клинки. Мне даже удалось его ранить...

— Куда? — быстро спросил король.

— В левую кисть, но, кажется, вскользь, он даже не уронил оружия, только старался парировать другой рукой, и все. И тут из чащи налетели его дружки.

Полезли с разных сторон, словно овцы на убой. Мы покروшили пятерых или больше, но меня уже оттеснили от вожака, и он растаял в чаще. Следом юркнули и оставшиеся в живых. Я не рискнул спешивать и отправлять в непролазный лес бойцов...

— А зря, — перебил его Ройл с досадой, но Конан зыркнул на него, и ветеран унялся.

— Мои кавалеристы больше приучены вести бой в седле, кроме того, они без сомнения ломились в сторону немедийской границы, словно раненые лоси.

— Капитан, сколько у вас здесь людей? — спросил король, судя по всему, весьма довольный допросом.

— Со мной прибыл полувильд при заводных конях. Убитыми и ранеными десять человек ровно. — При словечке из лексикона выпускников Бельверусской военной академии Ройл скривился и сплюнул:

— Половина вильда — это сотня, не так ли, мой любитель немедийских выкрутасов? Минус десять убитыми и ранеными, минус еще десять, чтобы сопроводить пленных, минус еще десять, чтобы перервать лагерь, тут должна быть часть добычи этих псов. Итого — остается семьдесят рыл, мой король.

Армледер стал совершенно пунцовым. Рука его потянулась было к палашу, но затем собралась в кулак и устремилась в челюсть следопыта. Ройл еле успел отшатнуться. Вывихнутая нога подвернулась, и ветеран полетел в грязь, оглашая лес отборнейшими богохульствами. Однако гвардеец уже пришел в себя и обратился к киммерийцу, весьма снисходительно созерцающему все происшедшее:

— Мой король, я готов понести любое наказание. Оскорбление офицерского звания низшим чином не оправдание для самоуправства в присутствии августейшей особы.

Конан скорчил такую гримасу, словно у него неожиданно заболело три или четыре зуба.

— Капитан, ты приобретешь славу полного болвана в глазах своего короля и вон тех рогатых «ниж-

них чинов», если будешь еще нести такую чушь. Прибереги все это для дворцовых стен и ушей своего принца, а тут, в лесу, скоро птицы начнут дохнуть на лету от твоих великосветских манер. И ты, Ройл, не сверли капитана красным глазом — тебе что, ни разу в рыло не давали?

— Да он и не поая,— весело произнес Иллиах, помогая подняться следопыту.— Одно слово, черно-кафтанник.

— Стоп, стоп, а ну-ка прекратить,— гаркнул Конан, уголком глаза уловив, что Армледер воинственно шагнул к «эйнхерию».

— Тут вам не тарантийская мостовая, и не кабак. Хотите подраться? Будет вам драка. Капитан! Отрядите десяток из вашего, Кром, полувильда, хоронить павших и сжигать падаль, еще десяток — для сопровождения раненых и быстрого обыска в лагере. Пусть потом направляются в расположение пограничной заставы. Остальные семьдесят рыл — к немедленно-му построению.

— Мой король, на немедийской стороне сильный гарнизон,— умоляюще произнес Ройл, которому уже помогли подняться.

— А тебя, старая пограничная крыса, никто в поход и не берет. Ковыляй с бравыми гвардейцами к моему сынку, сообщи ему, что я прихватил его Драконов и охочусь на кабанов, или... цапель. Перчаточки-то соколиные у нас с капитаном есть...— хохотнул ким-мериец.

— Вот и вся благодарность за десятилетия службы,— пробурчал Ройл.— Если там не будет меня, то ты, Конан, чего доброго, еще кинешься наступать на Бельверус, даже толком не обсохнув от купания в той луже у оврага.

— Не ворчи, а лучше докладывай, сколько там немедийцев, за перевалом.— Конан повелительным жестом пресек попытки вмешаться удивленного гвардейского капитана.

— Полсотни конных пикинеров, столько же арбалетчиков, десятка три следопытов из местных, два десятка тяжелой пехоты — морд, значит, не меньше ста. Ну, баллисты там, самострелы на стенах, рогатки вокруг лагеря — вот капитан лучше меня разбирается, как они свои укрепленные лагеря оборудуют. Я-то его только издалека видел. Многовато, а?

— Ну, все они из лагеря нам навстречу не пойдут,— рассудительно вмешался ванир.

— Точно,— задорно проговорил Иллиах, косясь одним глазом на Армледера, которого всего передернуло при виде того, как телохранители и простой ратник разговаривают с Золотым Львом.— Тяжелозадная пехота останется за стенами, половина арбалетчиков, наверное, тоже. Это уже минус четыре десятки...

— Рыл,— автоматически продолжил Ройл, поневоле включаясь в оживленное обсуждение вторжения. Наконец в беседу включился и застывший, как статуя, гвардеец, смекнувший, что речь идет именно о вторжении на территорию сопредельного государства, причем державы не из самых слабых.

— Мой ксроль, как же это...

— А вот так, мой капитан. Но ничего, не бойся.— Конан хлопнул совершенно опешившего гвардейца по плечу так, что загудела надетая под камзол кираса.— Может, они еще и не станут путаться под ногами, не посмеют мешать мне ловить врагов Аквилонской Короны.

— Но принц Конн...— Армледер уже говорил не так уверенно и Конан ухмыльнулся, глядя, как рука гвардейца в кожанной перчатке потянулась к голове, будто капитан вознамерился почесать в затылке не снимая шлема.

— Может, наорет на тебя, а может и нет. Всю кашу-то заварил как-никак сам король. Да и не он, а Хват, змеиное отродье. Ты еще не забыл его, а? Другого случая может не представиться. Он сейчас чис-

тит перышки на немедийской стороне, хохоча над растапами-гвардейцами.

«Эйнхерии» откровенно скалились, глядя, как столичный щеголь борется с долгом и понятным для каждого воина желанием влезть в настоящую сечу.

— Но если немедийский гарнизон вмещается, охраняя свой рубеж... Это же война?! — безнадежно сказал Армледер.

— Может быть и война. На то вас, расфуфыренных павлинов, и кормит казна, чтоб воевали. Или ты с тех пор, как учился в ихней академии, решил никогда не скрещивать клинков с немедийцами? Присягую-то ты давал Золотому Льву Аквилонии. — Конан уже видел, что победил, а Ройл стоял с совершенно скорбным лицом, по опыту зная, что легче отобрать у тигра козленка, чем остановить рвущегося в бой киммерийца.

— Мой король, Черные Драконы остаются верными присяге, в каких академиях бы ни учились! — слегка оскорбленно произнес Армледер, откланялся и принялся зычно отдавать команды своим воинам, дисциплинированно стоявшим поодаль.

— Ну, может, разбойников еще и не нагоним, а немедийцы, упившись молодого вина, проспят наше появление, — сказал асир ваниру. Тот, словно его оторвали от вдумчивых размышлений, встрепенулся, рассеянно взглянул на говорившего и махнул рукой — дескать, наше дело мечом махать, и ушел править иззубренный клинок.

— Кром, очень бы не хотелось, — пробормотал Конан и погрузился в созерцание подготовки к огненному погребению павших.

Меж тем невдалеке раздался возглас Армледера:

— Поторопитесь, зубы повыбиваю! Уйдут разбойники — всех десятников отправлю гнить в боссонские топи!

— Ишь, отправит. Эк напугал, — проворчал полудобрительно Ройл, скорчившись на мокрой траве и

рассматривая поврежденную ногу, — попробовал бы кого из боссонских лучников заманить в свою псарню. Там и ругательства-то нет страшнее, чем гвардеец.

Конан же в предвкушении возможной схватки — пока Иллиах правил его меч, — добыл у гвардейцев бутылку вина и, посасывая его, ворчал что-то о форме и дисциплине. Принявший эти слова всерьез, бывший хозяин бутылки, пронесенной сквозь все проверки снаряжения, что устраивались в гвардии даже на марше, изменился в лице и растворился в толпе сослуживцев. Король, впрочем, про него уже и забыл, с интересом наблюдая, как по очищенному от мертвых полю идет Армледер. Капитан целеустремленно двигался к сидевшему на земле Ройлу, а не с докладом к Конану.

— Кром, если они провозятся с построением еще немного, я расформирую весь полк! — По давней привычке киммериец говорил сам с собой и своим богом вслух.

Меж тем гвардейский капитан решительно подошел к следопыту и наклонился над ним, что-то втолковывая. Конан видел, что вначале ветеран раздраженно мотнул головой, но затем всплеснул руками в хорошо знакомом киммерийцу жесте отчаянья и покорности судьбе и вытянул на траве поврежденную ногу. Король заинтересованно привстал со своего пенька. «Эйнхерии», кроме занятого делом Иллиаха, тоже подтянулись поближе.

Капитан взял в одну руку пятку грязного, в глиняных комьях, сапога Ройла, в другую — носок, присел и с вывертом дернул, словно стараясь открутить ногу следопыта. Ветеран пограничья огласил окрестности серией великолепных воплей, перешедших вскоре в выражения, более приставшие выпившим маркитанткам и трезвым, не по настроению, погонщикам мулов. Молодежь из гвардейцев, уже выстроившаяся подле своих коней, восхищенно зацокала языками.

— Учитесь, павлины, у старого вояки,— бросил Конан и направился в сторону ругающегося последними словами Ройла. Обступившие его северяне неторопливо обсуждали, хотел ли таким способом чернокафтанник выдрать ногу или только причинить боль обидчику, не скованному гвардейской дисциплиной. К определенному выводу они не пришли, но согласились, что за такое резать из спины ремни — мало. Конан успел вовремя, чтобы предотвратить драку. Капитан стоял рядом с корчившимся на земле разведчиком и ухом не вел в ответ на угрозы северян, вытирая перепачканные руки о свой роскошный камзол.

— Значит, в немедийской академии учат еще и грамотно пытаться,— заметил Конан.

— И этому тоже, мой король. Однако сейчас я лишь помог уважаемому Ройлу вновь встать в строй перед походом за перевал.

— Убереги меня Митра от ругани! Помог! — закричал сорванным голосом следопыт, стараясь подняться. — Если нога у меня отсохнет, ты будешь платить отступные доброму десятку шлюх в трактирах Тарантии и вокруг нее.

— Наступи на ногу,— ледяным тоном приказал капитан.

— Ты еще издеваешься, ювелирная лавка?

— Наступи, чурбан ты неотесанный,— все так же спокойно проговорил невозмутимый гвардеец, садясь на корточки подле своей взбешенной жертвы. Ройл сплюнул. Митра Милостивый не уберек его, и с очередной тирадой он топнул ногой.

— Ну? — спустя несколько мгновений спросил Армледер, кривя губы в ухмылке. — Воздух-то выпусти, задохнешься.

Растерянный Ройл ощупал ногу, не веря своим ощущениям, сорвал сапог и ощупал снова. Конан и «эйнхерии», равно как и тихо подошедший сзади Иллих, молчали. Капитан же неувлимым жестом

достал откуда-то из складок камзола маленький, но чрезвычайно острый кинжал, без всякого перекрестья, и одним точным ударом распорол штанину Ройла от колена до лодыжки. Чем вызвал новый поток ругани и богохульств. Не обращая на это внимания, гвардеец грубо схватил коричневыми от грязи пальцами мышцу и сжал. Тут Ройл просто взвыл и задержался, как червяк на крючке. Сильные пальцы меж тем мяли и растирали его икру, словно пытаясь то раздавить мышцу о кость, то, наоборот, оторвать от нее.

— Тебе бы не Драконами командовать, а в кожемяки идти,— пробурчал Эгиль.

Нога следопыта, в начале мертвенно-бледная, приобрела красноватый оттенок. Наконец Армледер, удовлетворенно хмыкнув, оставил ветерана в покое и поднялся.

— Ему бы поспать немного или вина глотнуть. Но ничего, в седло взберется, куда надо доедет, а там, как пойдет сеча, кровь сама побежит. К вечеру будет нога как новая. А то, думаю, без лекаря усохла бы.

— А по-моему, просто вывих был,— неуверенно сказал Ройл и шагнул без посторонней помощи, слегка покачнувшись, недоверчиво косясь на гвардейца. Армледер равнодушно пожал плечами и тут же, выхватив палаш и встав во фрунт, браво отрапортовал:

— Мой король! Погребальные костры для павших и падали готовы. Десяток отправлен сопровождать шестерых раненых и трех пленных. Второй десяток занят обыском в лагере, при нем находятся сменные лошади моего... моей сотни на случай быстрого отступления. Семь десятков Черных Драгун готовы к походу через перевал.

Конан враз потерял всяческий интерес к Ройлу и пошел к замершей шеренге гвардейцев.

— Стратег ты, капитан, одно слово — стратег. Лошади сменные — это хорошо. Но еще лучше их взять с собой. На случай «быстрого наступления». Ладно,

не вздрагивай, словно ужаленный, шучу. Оставляй в лагере, может, придется что-то вывозить отсюда.

Он остановился напротив строя, посмотрел на трепещущие копейные флажки с черным драконом, гулко стукнул в прикрытую латами грудь ближайшего воина и удовлетворенно крикнул.

— Все в броне? Отлично, мало ли — а вдруг не выродились еще лихие пограничные капитаны на немедийской стороне. Местность знаешь?

— Да, мой король. Я из здешних мест.

— Постой-ка, Кром! Я вспомнил — не Эйольва-Валана ты отпрыск?

— Сын. Здесь неподалеку наш замок, там мой брат. Если ваше величество соизволит...

— Ага, соизволит... если поймает этого чешуйчатого гада — Хвата и если не затеем небольшую заварушку с Немедией... Что ж, отдых в замке пеллийских владык и моего бывшего оруженосца, к тому же основателя Тарантийской картографической академии, будет весьма кстати перед долгой дорогой к Ильбарским Горам. Выступаем!

Глава пятая

Торкиль Пеллийский, Великий Мастер рыцарского ордена Блистательных, имел вид весьма и весьма удрученный. Он торопливо шел, почти бежал по нижним ярусам донжона своего замка. Тускло чадили факелы, вставленные в бронзовые кольца под самыми каменными сводами. Часовые в полном вооружении спешили укрыться в темных нишах каменных стен, когда призрачная фигура Мастера проносилась мимо них, оставляя за собой еле различимый звон тончайших колец кольчуги, по беспокойному времени поддетой под камзол, и шорох белоснежного плаща. Вышитые на нем алые геральдические звери служили напоминанием нетвердым в вере о присутствии меж небом и землей грозных посланцев Митры, стражей всех пяти стихий и всех пяти сторон света (согласно орденским преданиям). Краем одежд Мастер сметал пыль с гранитных ступеней винтовой лестницы, уводящей Торкиля в недра родового гнезда. Изящная и хрупкая, разумеется, только на вид дверь была снабжена, кроме призванного внушать трепет отступникам и злодеям знака Алого Быка, еще и массивными запорами. Глухо стукнувшая створка отгородила наследника небогатого, но славного пеллийского герцогства от досужих взглядов. Сюда, в подземелья замка, входили очень и очень немногие, а выходило — и того меньше.

Некогда еще не помышлявшего о создании тайного ордена Торкиля мальчишеское любопытство подвигло на первое исследование каменных мешков у самых корней замка, уходящих в основание горы — издревле господствующей над прискорбно небольшими угодьями пеллийских владетелей. Гулкое эхо, тьма, которую не разгонял, а словно даже сгущал неуместный здесь свет свечи, тревожный шорох кожистых крыльев под невидимым, но давящим сверху гранитным потолком — все это вкупе с невообразимым привкусом чего-то потаенного, сакрального, укрытого провидением от луны и солнца навеки запало в душу молодого дворянина, по хилости здоровья отлученного от забав старших братьев: охоты на красного зверя, турниров и пирушек. Шепоток теней, монотонный звук капель неведь откуда низвергающейся воды, холодок, идущий от скользких и прочных, как затвердевшее вдруг время, стен скрашивали постылый досуг подростка и невеселые думы младшего отпрыска благородного рода.

По уже упомянутой телесной слабости Торкиль не мог, конечно, сопровождать своего отца, знаменитейшего в хайборийском мире первопроходца Эйольва-Валлана в его скитаниях по экзотическим странам, чудесным, как сны. Однако Торкиль стал заправским книгочеем, буквально поселившись в отцовской библиотеке. Оба старших брата, Армледер и Орм, не разделяя пристрастий отца, не ушли от соблазнов полного насилия и фальшивого блеска двора аквилонского короля. Едва достигнув зрелости, они поочередно ринулись в столицу завоевывать себе мечом и кулаком место подле Рубинового Трона. Конан, памятуя о заслугах отца, знакомого киммерийцу еще по юношеским похождениям, определил обоих в полк Черных Драгун. Время то было чрезвычайно беспокойное — королевство лихорадило от войн, вторжений и, главное, мятежей и заговоров. Ни соседи, совершенно не заинтересованные в усилении при новом владыке

военной мощи Аквилонии, ни родовитые нобили, видевшие в Конане не более чем удачливого дикаря-наемника, волею рока и темных богов вознесенного на вершину славы и власти, не собирались покорно идти под его руку. В такой обстановке, как водится, личная преданность подданного и его умение владеть клинком заменяли королю многомудрые наставления маститых советников и уверенья в вечной преданности могущественных союзников, готовых ударить в спину, продолжая медоточивую улыбчивую речь. Так что Орм и Армледер, идя от схватки к схватке, держа стремя обожаемого короля в знаменитых сражениях, мужали и росли в званиях. Во время очередной заварухи, когда в спину Конана из-за портьеры пиршественной залы вылетела белоперая стрела, Орм завершил истинную для телохранителя короля карьеру — прикрыл того своим телом. Младший отпрыск великого первопроходца Армледера в том дворцовом происшествии выглядел куда как более бледно — в завязавшейся рукопашной, когда на короля кинулись из всех углов залы переодетые убийцы, пеллиец от неловкого выпада выронил клинок, затем получил сильный удар по затылку и пролежал всю схватку под ногами дерущихся.

Как обычно, вышедший сухим из воды Конан, озирая полный изуродованных, окровавленных тел зал и лениво журуя задержавшуюся с вмешательством дворцовую стражу, увидел, что один из павших шевелится.

— А, так ты жив? — безразлично уронил Конан, собираясь уходить. — Брат твой больше такого недотепы был достоин славной участи сына Валлана. А из тебя не вышел ни ученый, ни умелый воин.

Этих слов расторопному командиру Драгун было достаточно, чтобы удалить Армледера как можно дальше от королевских очей. Счастье еще, что юноша остался в столице и в своем избранном полку. Однако во дворцовый караул его не назначали ни при

каких обстоятельствах. Потребовалось десять лет беспорочной службы, отличий в нескольких больших и малых сражениях, прежде чем он получил первое офицерское звание.

Уже изрядно сдавший к тому времени король подписал указ, словно и не вспомнив, что речь идет о его бывшем телохранителе и сыне основателя академии. Позади был страшный для королевства Год Дракона, год вторжения Немедийской армии в союзе с черным колдовством, восставшего из пепла, древнего Ахерона. Года, начавшегося с ужасающей битвы на пограничной реке. Насланный колдуном Звездный Демон лишил короля возможности выехать на поле и достойно руководить аквилонским воинством. Тогда по совету полководцев Конан отдал свои черные доспехи командиру пеллийских копейщиков Эйольву. Ненавидевший насилие во всех его проявлениях и равнодушный к зову медных труб, кличу герольдов и лязгу битвы, но верный долгу Эйольв-Валлан повел конную лавину аквилонцев навстречу неприятелю. То был черный день, первый в череде горьких поражений королевства — побежденные некромантией отряды Аквилонии гибли под обломками рушащихся скал и копытами немедийской конницы. Одним из первых пал и давний соратник Конана.

Миновал Год Дракона, возродившееся буквально из руин Аквилонское королевство вышвырнуло за свои границы захватчиков и в преисподню — их темных союзников. Золотой Лев вновь нежился на Рубиновом Throne. Армледер, отлично проявивший себя в битвах той войны, стал капитаном Черных Драгун. Правда, годы службы в Западной Марке не принесли ему ни великой славы, ни особенных падений — война с пиктами в топах и джунглях была хоть и изнурительной, но бедной знаменательными событиями, могущими дать тот или иной толчок карьере.

Истинный взлет Армледера начался со времени вхождения во власть сына короля. Конн, большой

поклонник всего «истинно цивилизованного», отправил три десятка офицеров среднего звена в знаменитую военную академию в Бельверусе. Попавший в их число пеллийский дворянин блестяще прошел выучку немедийской школы «истинной стратегии». Король, правда, и без того крепко подзабывший своего неудачливого охранника, совершенно перестал обращать внимание на полк «черных камзолов», обзаведясь собственной дикарской гвардией. Так для Армледера, выбившегося вскоре в первые ряды среди фаворитов молодого принца, началась совершенно новая жизнь, полная столкновений с северянами, дворцовых интриг и прочих событий при дворе сильнейшего королевства Хайбории.

Обо всем этом Торкиль знал лишь понаслышке. Едва не всю свою бедную событиями жизнь он провел в запущенном родовом гнезде, изучая пыльные манускрипты, проводя ночи напролет за дневниками своего отца и помаленьку отстраивая заново замок пеллийских герцогов. Череда войн и заговоров, весь этот кровавый водоворот, в который погрузило державу воцарение киммерийца, не затронул пеллийские земли. Ни для казны, ни для соседей эти земли не представляли никакого интереса — довольно бедная, изрезанная оврагами, горами и непролазными чащобами пограничная земля, некогда прельстившая первых пеллийских владык своей укромностью и отдаленностью. Что говорить, в окрест не было не только митраистских храмов, украшающих любое мало-мальски значительное баронство, но даже отшельники, ищущие уединения и покоя, словно по молчаливому сговору избегали этих порубежных земель. Объявился, правда, некогда старик, неясного вероисповедания, но, как водится, в рубище, стручьях и вшах. Он-то и украшал одно время бедную местную ярмарку своими плясками и завываниями, отвечая на вопросы о своей персоне туманными притчами, за которыми следовал неминуемый жест руками

и без перехода — требование трех серебряных монет «на угодные светлым богам дела». Однако на поверку он оказался немедийским шпионом, который, отчаявшись разведать торные для тяжелой кавалерии тропы через дикие местные горы, слегка тронулся рассудком, одичал и свел дружбу с разбойными шайками, промышлявшими на тракте с немедийской стороны хребта. После поимки пограничной стражей одного отшельника со столь разнообразными талантами и припровождения его в далекую столицу религиозная жизнь земли пеллийской замерла окончательно.

По крайней мере так думали удрученные ежедневными заботами крестьяне, скоробогатые купцы да спивающиеся ратники пограничной стражи. Однако десятка три посвященных по ту и по эту сторону дикого кряжа могли порассказать иное. Например, что в тот год, когда почитатели Асуры столь поспешно и прилюдно покинули «оскверненную» Тарантию, направив свои караваны в Пуантен, от общего потока возмущенных варварским капищем жрецов и прихожан отделились десять крытых повозок и полтора десятка конной храмовой стражи. Сии беглецы, преимущественно пользуясь окольными тропами и безлунными ночами, медленно удалялись от центральных провинций, останавливаясь в чистом поле или лесах, явно избегая случайного интереса обывателей, а еще пуще людей, пекущихся о благе Короны.

Дождливым осенним вечером повозки и устало ссутулившиеся в седлах всадники въезжали в гостеприимно распахнутые ворота родового гнезда забытых Митрой и королем пеллийских владык.

Свидетелями этого события стали двое приказчиков зажиточного землевладельца, которые по причине понятной тяги к противоположному полу подзадержались на ярмарке после того, как сторговали два воза овощей, и вынуждены были возвращаться по кишащим разбойниками лесам под крылышком

воинов замка, приобретающих там же попоны и прочую конскую упряжь. Собиравшихся наутро тронуться в путь к родной деревеньке торговцев нашли в замковом рву, куда те упали ночью, по всей видимости, от невоздержанности по части питания прикупленного на той же ярмарке винца.

Хозяин двоих незадачливых приказчиков явился с домохозяевами для вывоза тел, однако принялся задавать стражникам герцогского гнезда разного рода тревожные и беспокойные вопросы, предварительно подпоив тех тем самым вином. Вино то, кстати, по мнению всех проезжавших когда-либо по пеллийским землям путешественников — совершеннейшая кислятина, было не иначе как состряпано подручными Сета. Ибо стражники, хватанув его немалое количество, затеяли с землевладельцем и его челядью ссору, вылившуюся в изрядную поножовщину и один труп. Тело, живот которого был мастерски распорот снизу до самого горла, принадлежало оному землевладельцу. Так что пришлось битой челяди после продолжительной беседы при закрытых дверях с сенешалем герцога отправиться восвояси, увозя на понурых лошадках три печально свисавших с седел зашитых дерюжных мешка. Младший отпрыск Эйольва Пеллийского Торкиль, слышавший в народе неопасным грамотеем-сумасшедшим, оплатил семьям покойных неожиданно щедрую виру, закрепив за собой кроме упомянутого мнения еще и ореол заступника крестьян.

Заинтересовавшиеся странным маршрутом части почитателей древнего божества войны случившегося рядом конного разъезда отправили донесение о сем маневре своему балы, а тот — одному из столичных легистов, что скромно ведал «делами дорожных пошлин», и проявлявшему живейший интерес ко всем немитраистским конфессиям. Разъезд в составе стареющего десятника и четырех жиреющих ратников, доложившись, поехал по тележным следам до ближайшей корчмы, расположенной возле

полуразрушенной мельницы прямо на перекрестке проселочных дорог. Таковое соседство корчмы не насторожило потерявших веру в дедовские приметы бравых вояк. Они расположились за деревянными столами в обнимку с парой бочонков скверного пива и загадочным образом заснули так крепко, что не проснулись даже тогда, когда все заведение вместе со зловещей мельницей сгорело от случайной искры.

Прошедший через день дождей смысл всяческие следы тележных колес за три дня конного пути вокруг, так что прибывший из столицы отряд лучников в сопровождении невзрачных на вид чиновников по дорожным пошлинам, потоптавшись по влажному пепелищу, отправился восвояси. Сами же почитатели Асуры, добравшиеся в цветущие Пуантенские земли, не присылали в адрес Королевского совета никаких требований, прошений и грамот, будто и не заметили исчезновения десятка своих повозок и сопровождающих их людей, так что живой интерес столичного легиста к данному малозначительному случаю быстро угас.

Торкиль Пеллийский, правда, мог до сих пор подробно, в мерах серебра, вспомнить, во сколько ему обошлось молчание упомянутых невзрачных чиновников. Но по сравнению с богатством всей храмовой сокровищницы почитателей Асуры, которая сверкающими горами лежала в подземельях его замка, это была ничтожная сумма, не стоило о ней и вспоминать Великому Мастеру.

Орден Блистательных насчитывал в своих рядах несколько десятков носителей славных имен, что могли заставить грамотного человека вспомнить о многих и многих великих деяниях, истинных и выдуманных, запечатленных в серебре и золоте на гербах немедийских и аквилонских аристократов, был образован не далее как пять лет назад. Разумеется, на средства, самую малость облегчившие храмовую казну. Для орденских рыцарей не существовало ни

владыки тарантийского, ни бельверусского. Равно Блистательные были равнодушны и к делам, и к молитвам почитателей Митры. Зато варваров, всех и всяческих, не исключая пиктов, гирканцев и народов юго-запада континента, живущих под тенью стигийского Змея, они ненавидели горячо и пламенно. Но ненавидели не только эту часть человечества, а и тех жутких демонов и ложных богов, что, согласно принятым догмам служителей Асуры, и предопределяли существование варварских богомерзких племен. Особое место в представлениях Блистательных занимал Конан, вернее, тот вид державы, каковой киммериец придал Аквилонии и на который равнялись Немедия, Офир и Аргос вкупе с Бритунией, хотя правящие там короли провозглашали другую политику. Конану, как считали Великий Мастер, его учителя и последователи, вскоре надлежало перестать поганить своими стопами сей цветущий мир и отойти в бездну, откуда по недосмотру благих существ выудили варвара зловерные чудища. Но держава его благодаря произошедшим переменам и без него оставалась сильнейшим из государств хайборийского мира, и самое ее существование возмущало Небеса, давая демонам мрака неоспоримые преимущества в борьбе за души людские.

Если бы мутные воды пограничной реки не вымыли давно частички праха Валлана из черного панциря не вышедшего в давний бой короля и не унесли их многие годы назад в западное море, то чародей, из тех, кто не скитался более по видимому миру, смог бы из праха воссоздать живого Эйольва; и просвещенный сын просвещенного века пролил бы некоторый свет на грани этих представлений. Эйольв, пожалуй, сослался бы на не познанный хайборийцами пласт знаний, что таили в себе смуглые аскеты-отшельники Вендии или укрытые в непролазных болотах и лиановых чащах святыща предшествующей Кхитаю цивилизации совершенно нечеловеческой природы. Эта грань темной

мистики, будучи в хайборийскую эру занесенной из прошедших эпох, еще сохранялась на папирусах в самых сокровенных святилищах Сета на юге Стигии. Однако, являясь по сути чисто умозрительной, не пригодной для прямой черной магии, являла даже для лысых южных поклонников Мирового Змея что-то излишне сложное, почти фантастичное. И не удивительно — потаенные знания и многовековые скрытые эзотерические воззрения нелюдей вряд ли могли пригодиться даже самым извращенным почитателям Тьмы и ее хозяина — Сета. Все же они оставались людьми, что бы о них ни говорили и до каких пределов отторжения человеческой в себе сути некоторые из них ни доходили, пройдя через ряд жутких ритуалов. В древней Лемурии, которая на заре самого человеческого рода враждовала с носителями отличного от людского разума, знали, как опасны тонкие яды тайных знаний. Однако эпоха Атлантиды, Лемурии и Валузии были уже не то что сказкой, а дымком над темной водой, и Блистательные, погружаясь в пучину притягательных исследований и леденящих душу открытий, свято верили, что имеют дело с вполне современными хайборийскими толкованиями древних мистических учений последователей Асуры.

Скажи вызванный из Серых равнин призрак Эйольва Торкилю о чем-нибудь подобном, и Великий Мастер только бы рассмеялся. Пожали бы плечами и сами посвященные жрецы Асуры, бодро осваивавшие любезно предоставленные вольнодумным баронством пуантенские земли. Они знали, что до поры до времени, пока дикарское капище не сравняют с землей после смерти Конана и Асура не вернется со славой в Тарантию, храмовой казне нелишне побыть в затерянном в глуши замке начитанного Торкиля Пеллийского, вылеченного стараниями храмового лекаря, молившегося Асуре в конце каждой водной процедуры и взывавшего к нему же при составлении чудодейственных лекарств.

Правда, ответственные пред настоятелями за сношения с греховным миром братья несколько встревожили его известием о многих странных смертях, сопровождавших перемещение груженных телег, к которым при внимательном рассмотрении оказались причастны весьма умелые и ловкие слуги Торкиля. Однако, опережая реакцию настоятеля и посвященных жрецов, в новые Пуантенские поселения полетели гонцы из замка. Посланники пеллийского владыки бегло ознакомили богомольцев с деяниями некоторых излишне любопытных приверженцев Золотого Льва, от взгляда которых смиренный слуга Асуры Торкиль и укрыв до времени покинувшие свои храмы сокровища. В Пуантене попереживали, повздыхали, но, оплакав безвинно погибших, решили, что деловая хватка Торкиля хоть неожиданна, но уместна.

Погружение в изучение различных книг по истории и географии обитаемого мира и окружающего бесформенного хаоса привело Торкиля к идее создания самостоятельного государства, куда бы не было хода различным варварам с их животными страстями и фальшивыми идолами. Новое королевство Торкиль видел на месте «нечистых» земель Немедии и Аквилонии населенным лишь хайборийцами. Он прилежно изучал методы, с помощью которых в Кхитае вывели табуны неподражаемых боевых коней, влекущих в бой гремящие броней и сверкающие изогнутыми хищно косами колесницы, — кхитайцы скрещивали гирканских тонконогих скакунов с невзрачными, но удивительно сильными и покладистыми конями тундровых безымянных кочевников. Помня заветы ученого отца, сказавшего как-то, что «не так важно, на что нацелила человеческая воля труд, и не так важно, что получилось, ибо интересна для просвещенного человека сама закономерность, влияющая на природу вещей», Торкиль намеревался добиться чистоты в замутненной смешениями крови хайборийских народов, насаждая в новой стране идею

обязательных браков с гандерланцами, сохранившими наибольшую схожесть с предками расы, завоевавшей Ахерон.

Так как культ Митры, по мнению Блистательных, стал по своей простоте и незамысловатости доступен искажениям со стороны «диких сообществ», его отбросили. Мастер принял так кстати подвернувшееся учение об Асуре, не вдаваясь в детали, по причине того, что оно тоже имело старейшее хождение среди хайборейцев, хотя и не всеми приемлемое. К тому же рано или поздно могла возникнуть проблема с возвратом храмовой казны ее законным владельцам, а он планировал к тому времени переместить пуантенские поселения на территории, подконтрольные ордену. Почитатели Асуры должны были признать, по замыслу Торкиля, что стать государственной религией в чистокровном хайборийском государстве, пусть и под ненавязчивым руководством ордена, — дело, за которое стоит раскошелиться.

Таковы были незамысловатые идеи и дела, приведшие вылеченного почитателями древнего божества отпрыска пеллийских графов к созданию тайной организации аквилонско-немедийского дворянства, которая готовила для начала небольшое восстание в мирных землях пограничья двух величайших королевств континента.

Подземелья, где играл некогда бледный и тощий ребенок Эйольва-Первопроходца, вызывавший красными своими глазами, слезящимися от факельного дыма и привычного полумрака, вздохи удивления у славившегося несокрушимым здоровьем отца, стали местом сбора заговорщиков. Сама обстановка — груды золотых и серебряных монет, россыпи драгоценных камней, изящной утвари, полусасыпанные в изящных украшениях статуи мифологических существ вкупе с дрожащим светом факелов и масляных светильников, давящие каменные своды, эхо, звуки капель, бьющихся об сокровища, — создавали некий

мистический ореол, который и способствовал возникновению в среде заговорщиков различных обрядов, способных ужаснуть любого, не связанного ни с какими религиозными таинствами дворянина Немедии или Аквилонии. А служитель Митры наверняка бы решил, оглядев пещеру, что его похитили почитатели Сета или Нергала, и ввергли в жуткое узилище, где сейчас расступятся стены, и отовсюду начнут появляться во плоти все его ночные кошмары вкупе с ожившими демонами со страниц святых книг, призванных вселить трепет в нерадиво верующего.

В последующие годы в подземелье стали происходить довольно странные и пугающие события, что могли смутить здравый рассудок любого случайного свидетеля. Однако человеку в здравом уме нечего было делать в этом замке, а в голове Торкиля, замутненной чтением привезенных из Вендии и Кхитая отцом рукописей, его не было и капли.

Итак, Мастер ордена Блистательных, замкнув за собой дверь сокровищницы, оказался у самых корней горы, на которой истари высился замок его предков. Торкиль поспешно сорвал с себя плащ, изукрашенный спутниками Митры. Орденские рыцари считали, что часть «небесного воинства Асуры» вырождающимися аквилонцами были признаны спутниками мелкого и второстепенного божка Митры, посему «стражи всех пяти стихий и всех пяти сторон света» почитались наравне с Иными, Теми, Внешними. Данные эпитеты относились к центральным фигурам орденского пантеона, покровителям Блистательных. А посему хоть и истинным, но второстепенным сущностям не место среди Тех, кто проник Извне и витает в святом месте, именовавшемся Гротом Заклинаний.

Посреди Грота, прямо в тускло мерцающих горах монет с полустертыми лицами бывших земных владык, высился стол, а рядом с ним — ряд сидений, явно напоминающих троны аквилонского и немедийского владыки в миниатюре. Таковым способом Блиста-

тельные как бы попирали права неправедных владык нечистых стран. Грот Заклинаний освещало странное густое сияние, льющееся отовсюду, и одновременно ниоткуда. Воздух, явственно пахнувший свежестью, колкий и холодный, как морозным утром в поле, словно светился сам по себе и колыхался, собираясь в некие сгустки, меж которыми двигались едва различимые для глаз потоки и водовороты, перемещавшиеся безо всякой логики и порядка.

За столом, на маленьких тронах, сидело трое младших Блистательных, которые при виде своего Мастера вскочили и отдали ему некое подобие немедийского воинского приветствия обнаженными клинками.

— Слава Им, кто Вовне, Вокруг и Внутри Нас! — прозвучало странное приветствие. Сверкающий воздух взвихрился, тени шелохнулись.

Глава шестая

А все же, рыжая борода, мне кажется, что косто-прав должен быть не такой, — проговорил Хольгер, наклонившись к пегой лошади, на которой трусил его собеседник, Эгиль. Ванир, которому, видно, этот спор давным-давно надоел, сплюнул через плотно сжатые губы:

— Ну конечно, костоправ должен быть старикашкой, замшелым, как валун с местных гор, и с филином на плече. А из беззубой пасти вонь, как из гармовой глотки.

— Не обязательно он должен быть колдуном, но все же...

— Верно про вас, асиров, говорят, дикари — вы и есть дикари. Если кто умеет нашептать, чтоб синяк прошел, или там — рану зашить, так сразу же его подозревают чуть ли не в родстве с обитателями Трольхейма. Киммерийцы и то больше вас соображают. Возьми вот Иллиаха нашего — он тоже может врачевать, когда не шибко пьян. Помнишь тот пиктский дротик, что прилетел через реку и приземлился аккурат мне меж лопаток.

— Ну. Помню, даром что на излете, дырка была отменная. Да еще Браги сгоряча обломил тоненькое древко, что твою тростинку, а каменный наконечник так и остался.

— Так вот, Иллиах-то мне его вырезал ножом, а когда спину разнесло, как у того горбуна из таверны,

помнишь? Так он мне каких-то корешков наварил, с грязью намешал и приделал к дыре. Вот тебе и лекарь, и совсем даже не колдун.

— Ага,— развеселился Хольгер,— ты неделю был и брагу хлестал. Брага тебя на ноги и поставила, а не сено с грязью. Иллиах всего толкового что и сделал — стрелу вырезал, да и то размахнулся, словно жука из полена выковыривал — в дыру лошадиная голова бы пролезла. Как ты тогда не помер, ума не приложу. Только помню, что от того лечения разило от тебя, как от козла! А когда ты, всю брагу в лагере дохлебав, отправился в «Расщепленный Пень» и полез там к Дарге, она тебе всю рожу ногтями исполосовала — раны получились посерьезнее, чем пиктские,— тут уже без настоящего лекаря не обошлось.

— Да...— мечтательно протянул Эгиль.— Серьезная была баба. Жаль, отравилась крысиным ядом.

— Во-во. А лекаришка тот, помнишь чем кончил? — все гнул свое Хольгер.

— Да ну тебя, темень асирская. Не нравится тебе чернокафтанник — пойди да проломи ему башку кулаком,— ты только на такие дела и горазд, а меня оставь в покое,— отмахнулся Эгиль.

— Лекаришка попался на том, что ночью пробирался к кладбищу и потрошил убитых. То сердце вырезал, то печенку, то, говорят — когда повозка маркитанток сгорела,— пальчики женские стал собирать, за чем его и поймали. Говорят, целое ведро было у него в шатре, этих женских пальчиков, а уж запах-то...

— Уймись ты, воротит уже от твоих рассказней. Помню я: да, он еще к королю жаловаться бегал, когда вырвался от пуантенцев. Все кричал, что для нас, для дураков, знания набирает. Только король у нас ученый — как зашел в шатер да увидел, что он с мертвой бабой всю осаду спал на одной попоне, а баба та померла, аккуратно когда мы только крепость окру-

жили, почитай месяц, уже и смердеть перестала, так повелел его отдать тем пуантенцам. Они его и удавили.

— Говорят, там был тот копейщик, что очень даже часто ходил к сгоревшим маркитанткам — так он особо зверствовал. Сказывают...

— Да заткнитесь вы, оба! — взревел, не выдержав, Конан, который ехал поодаль, но все слышал.— А услышу, будет кто с капитаном задираться до приезда в столицу,— вывихну каждому по руке и велю Армледеру вправить, да не с первого раза.

Обиженные «эйнхерии» притихли. Полсотни гвардейцев и без того молчали, двигаясь идеальной походной колонной, вымуштрованные Коном и Армледером на совесть и на зависть остальным столичным полкам. Два десятка вместе с капитаном, Иллиахом и Ройлом, как только отряд выехал из урочища у Совиной Горы, ушли веером вперед, чтобы попытаться перехватить, не доходя до перевала, уходящих безлошадными разбойников. Конан ехал, кусал губы и молил Крома, чтобы Хват и его оставшиеся дружки успели перебежать границу. Несколько десятков испуганных и измученных боем разбойников — не сила против черного «полувильда» тяжелой аквилонской конницы. Конан это понимал. Он надеялся, что окажется в немедийском лагере молодой горячий барон, из той же бельверусской академии, который захочет отличиться и прогнать захватчиков. Это гарантировало отличную драку с весьма туманным результатом, а дальше, глядишь — и серьезная война не за горами. Надежда была слабая, но все же была.

— До Ильбарских Гор далеко, жива Жазмина или нет — не ясно, да и вырваться из-под опеки Конна и Троцера не так-то просто. Кром, я был бы рад смерти с мечом в руке на этом самом перевале, в хорошей пограничной стычке,— бормотал престарелый владыка Аквилонии.

— Мой король! — воскликнул один из гвардейских десятников, ехавший впереди колонны, указывая рукой вперед.

— Сам вижу, — пробурчал Конан.

Он проскакал вдоль остановившегося строя, слева и справа него возвышались, не отставая, северяне с обнаженными клинками в руках, настороженно зырящая из-под шлемов в сторону близко подступившего к троне густого кустарника, откуда могла вылететь стрела. Когда из-за поворота показался несущийся во весь опор всадник, Хольгер выехал вперед и поставил коня поперек тропы, Эгиль еще ближе придвинулся к королю, привычно не обращая внимания на его грозное ворчание. Всадник резко осадил коня, и величественный скакун заржал, заплясав на задних ногах. Асир взглянул в лицо гонца и отъехал к кустам, пряча меч, тот же привстал на стременах и со свистом рассек клинком воздух замысловатой фигурой приветствия.

— Ты мошек-то не разгоняй, хватит махать. — Голос короля по мере продвижения по немедийской земле становился все более и более раздраженным. — Что там такое у Армледера?

— Мой король, — голос у гонца был чистый и звонкий, — два десятка Черных Драгун под командованием капитана Армледера настигли отступающего противника...

— Докладывай короче, мы не в Тарантии и не на плацу. Сколько их было, где главарь, что там немедийцы?

— Там было с полсотни всякого сброда. Они разбили лагерь прямо у дороги, перекусывали и раненых перевязывали. Никаких часовых... Мы отрезали им отход, ударили полумесяцем, взяли на пики и прижали к оврагу...

— Далеко отсюда? — переспросил Конан.

— Во-он за тем лесистым холмом вторая дорожная петля — и овраг.

— Всех покололи?

— Нет, восемь пленных... А жоака не было. Сейчас их допрашивает этот... разведчик, Ройл.

— Отлично. — Конан действительно был рад, что загадочный Хват ускользнул от гвардейцев. В змееподобном атамане чувствовалось что-то такое, забытое, из тех времен, когда под крепкими ногами киммерийца раскачивалась просмоленная, пропитанная кровью и морем палуба черной галеры, а крики чаек и раненых переплетались с воем ветра, свистом стрел и звоном оружия. — А что немедийцы?

— На холме мы разглядели троих лучников, вначале приняв за разбойничий дозор. Капитан велел отогнать их от дороги и дальше не преследовать. Однако, когда мы разделались с этим сбродом на вершине того вот раздвоенного дуба, показались было яркие огни. Укрепленный лагерь пограничной стражи Немедии вон в том направлении, он слегка к югу от второй дорожной петли. С его башен стали подавать сигналы дымом.

— Ну вы-то чернокафтанники, но Ройл, он же ветеран, и капитан ваш вроде как ученый. Это были сигнальные зеркала — дозор оповестил гарнизон, а из укрепления уже попросили помощи. Мы же в трех днях пути от их столицы, а все центральные провинции наводнены немедийскими войсками. Кром! Гарнизон явно решил не возиться с нами. Численность отряда им уже известна — отсилятся за стенами, тем временем подтянется пара-тройка полков и начнут гонять нас, как зайцев! — Конан повернулся к неподвижной колонне и крикнул:

— Галопом вперед! — и, уже обращаясь к гонцу: — А ты — лети к капитану, пусть pošлет к воротам укрепления пяток Драконов, и... пожалуй — гербовый флажок Армледера.

Не подав виду, что изумлен, гвардеец развернулся и погнал своего коня так быстро, будто за ним гнались огненные псы Нергала.

Рыцарство Аквилонии, Немедии и отчасти Бритунии имело свой этикет ведения войн — один благородный дворянин с дружиной, желая выяснить отношения с другим достойным дворянином, подъезжал под стены замка и вгонял в ворота копье с гербовым флажком. Если вызов принимался, противники сходились на заранее выбранном ристалищном поле не подалеку от твердыни. Знатные рыцари бились друг с другом, равные по численности дружины так же разбивались на пары, согласно иерархии и знатности. Такие сражения-турниры остались со времен баронской вольницы прошлого века, ныне приструненной королями, однако еще сохранившей традиции. Турниры эти были весьма долгими — но редко кровопролитными. Пажи имели право уносить с ристалищного поля раненых, пеший мог сражаться только с пешим, конный — с конным, метательное оружие воспрещалось, калечить и убивать слуг, коней и раненых считалось величайшим преступлением и покрывало нарушившего турнирный этикет несмываемым позором.

Нелишним будет отметить, что Конан презирал все эти, как он выражался, «петушьи бои», считая их помпезным балаганом для ряженных глупцов. Однако с традицией бороться почти невозможно, к тому же в свое время Троцерио быстро разъяснил молодому монарху, что во время баронских ссор в дальних от Тарантии провинциях гораздо спокойнее, если происходит один-два вызова «на гербовое копье», заканчивающееся парой-тройкой убитых, несколькими десятками раненых, помятыми родовыми доспехами и взаимным выкупанием пленных, чем когда враждующие аристократы мечутся с дружинами по землям друг друга, паля деревни, вырезая скот, вытаптывая поля и штурмуя каменные стены древних замков, с которых потоками льется расплавленный свинец, кипящее масло и летят ливни стрел.

Теперь же, чуя, что хорошей драки не получится, Конан хотел вынудить пограничный гарнизон и его

командира, связанного «вызовом на копье» родовой честью, вступить в схватку, не дожидаясь подмоги.

— Добрый турнир лучше пустой прогулки по тропе и поимки восьмерых голодранцев.

Правда, вызвать на поединок несколько десятков порубежников с немедийской стороны можно было и без таких сложных маневров. Просто послать герольда, разодетого в пух и прах, с сияющей трубой и трепещущим флагом. Киммериец-то рассчитывал, что не малый отряд поединщиков, а весь немедийский гарнизон кинется к перевалу и схлестнется с «захватчиками».

— Вот это порезвились чернокафтанники, слышь, Эгиль! — узнал Конан восхищенный вопль асира, еле различимый в топоте копыт. Кавалькада как раз промчалась вдоль места, где Армледер настиг беглецов. Разбросанные головы еще дымились, тут и там лежали изувеченные тела. Прямо у дороги росло странно изогнувшееся, словно от боли, дерево. К его стволу был пригвожден дюжий разбойник — брошенная на скаку не легкая кавалерийская пика приколотла его, как булавка жука. Похоже, что разбойники даже и не сопротивлялись, — это было скорее побоище, чем серьезная стычка. Вряд ли среди гвардейцев имелись хотя бы легко раненные.

— Кром, кажется, я извел последних серьезных разбойников на своей земле. В мои времена справиться с хорошей шайкой при толковом атамане было совсем даже не просто.

И Конан блаженно улыбнулся, представляя, как, будь он на пятнадцать лет моложе, перевернул бы вверх дном всю Аквилонию, обладая таким же отрядом, как Хват.

— Нет, определенно, все мельчает под луной. Есть еще сильные бойцы — но нет ни истинной дерзости, ни размаха. Одна жадность.

С такими мыслями король увидел место расположения своего головного отряда и, соскочив с коня,

пошел к одинокой паре, находившейся поодаль от остальных, на ходу бросив:

— Коней не расседлывать!

Эгиль с Хольгером поспешали следом.

На поваленном бревне восседал капитан Армледер, плавно водя по палашу правильным камнем. Но движения пеллийца были излишне медленны, а задумчивое выражение лица показывало всякому, взглянувшему в его сторону, что гвардейский офицер чем-то крепко озабочен. Только когда стоявший рядом Иллиах, видя, что капитан совершенно не замечает приближения короля, хлопнул гвардейца по плечу, Армледер запоздало вскочил:

— Вольно, капитан! — Конан протянул руку и не дал гвардейцу отдать салют. — Обойдемся без этикета. К воротам лагеря послали?

— Да, мой король. Там Ройл, мой оруженосец, и пажи обоих десятников авангарда.

— А что пленные? — поинтересовался Конан, оглядывая понурую группу из семи человек, окруженных хмурыми чернокафтанниками.

— Мелкая сошка, мой король. Если дозволено мне будет дать совет августейшей особе... — И, увидев рассеянный кивок короля, капитан продолжил, пряча палаш в ножны: — Их следует выпороть и отпустить на все четыре стороны. К шайке они пристали с неделю назад, в нападениях на караваны не участвовали. Их держали, так сказать, в обозе. Крестьяне из немедийской деревеньки, дело обычное — недород на полях, налоги. Ни бывших аквилонских солдат, ни известных воров, ни беглых каторжан среди них нет. А тащить их под конвоем...

— Да-да, ты прав, капитан. Десяток плетей, и пускай убираются. А где Хват?

— Утверждают, что остался с верными людьми на аквилонской стороне. Отряд, вернее остаток шайки, вел один из помощников Хвата, из бывших вольных охранников с караванного тракта, — его я оставляю

для более подробного допроса. Он должен кое-что знать.

— Да, крепкий парень, — пробормотал Иллиах, дуя на разбитые костяшки кулака. — Даром что рыжий.

— Ну, ну, — прошамкал беззубым ртом Хольгер. Однако обстановка не подходила для выяснения отношений между киммерийцем и асиром, и оба не стали развивать тему рыжих.

— Где крепость-то? — спросил Конан.

— Пройдемте со мной. — Армледер перемахнул через бревно, придерживая ножны, и направился к небольшому возвышению.

— Уже и солнце садится, — буркнул Эгиль, глядя на темнеющие небеса, — с первой звездой брат понесется в Ледяные Чертоги.

— А я так до сих пор и не жрал, — проговорил Иллиах.

С верхушки проплешины хорошо была видна тропа, петляющая меж редких рощиц, и немедийский лагерь темнел дремлющей громадой — ни дымка, ни блеска доспехов на башнях. С запада, где нависали горы, налетел резкий ветер. Перевал уже поглотила темень.

— Во-он наши вызывающие, — указал перчаткой Армледер на кучку всадников,двигающихся к расположению аквилонцев.

— Похоже, уже о чем-то договорились. Вряд ли, конечно, вечером немедийцы выедут «на копье», — пробормотал Конан. — Хотя поле-то вполне подходящее. Могут и не принять вызова, если командир у них из наемников, а дожидаться войск из центральных провинций. Кром, а ворота-то — распахиваются.

Действительно, едва ли не в последних лучах заходящего солнца створки окованных ворот укрепленного лагеря рапахнулись, и оттуда стали выезжать всадники.

Не дожидаясь приказа, Армледер рванулся назад, пинками поднимая развалившихся было гвардейцев.

Зазвучал сигнальный рожок, и аквилонцы вскочили в седла. Хольгер вдруг повернулся к Иллиаху и что-то ему прошептал, Конан уловил только: «глаза у тебя помоложе...» Иллиах приставил ладонь козырьком к глазам и вдруг вскрикнул удивленно.

— Что там такое, уж не тень ли Хресвельга ты узрел? — насмешливо спросил Конан. Эйнхерий растерянно протянул:

— Темнеет, да и далековато, но мне кажется, я видел рогатые шлемы, вон в той десятке, что на левом фланге разворачивается.

— Ну и что? Нордхейм искони поставлял наемников в Немедию. Правда, я что-то не слышал, чтобы ваниры и асиры сидели в порубежниках — ни тебе веселья, ни тебе денег, да и начальников много.

— А еще, мне показалось, что тот отряд, что по центру... очень они на наших Черных Драгун похожи...

Но Конан уже его не слушал. Королю подвели коня, и он одним движением, отточенным до блеска за годы и годы скитаний, взлетел в седло.

— Мой король... — начал было докладывать подскакавший капитан, но, глянув на поле, удивленно заключил:

— Это безумие — смотрите, еще не построившись, в этих сумерках, они уже пошли в атаку... вверх по склону, через кустарник... на фланге у них овраг... а если у меня, скажем, полно тут лучников? Положил бы всех, как куропаток, и оврагом бы ушел в ночь...

— Вот так, капитан. Надо иметь в отряде лучников на будущее. Атакуй прямо отсюда, сверху, и гони их к воротам...

У Армледера глаза загорелись боевым азартом. Ситуация действительно была заманчивая. Понеслись команды, и, лязгая в мягких серых сумерках доспехами, аквилонцы разошлись влево и вправо от пропешины, образуя «разящий серп», нацелив склоненные

пики вниз, туда, где надвигалась темная волна наступающих.

— И все же что-то тут не так, — пробормотал Конан, медленно вытягивая меч и кладя его поперек седла. — И где, Сет меня разорви, наши посланцы? Ройл бы мне что-нибудь объяснил.

Из темноты раздался короткий свист — свои. И сумерки выпустили следопыта и пажей. Ройл тут же соскочил с коня и бежал к Конану, что-то крича, но его заглушил чистый звук рога, донесшийся снизу, с утонувшей во тьме равнины, по которой катилась волна еле различимых конных фигур. И Конан едва не взвыл от злости. Это был аквилонский сигнал. «Стоять на месте, выровнять линию». И относился он явно не к атакующим, а к замершим на гребне гвардейцам Армледера. Капитан что-то крикнул своему трубачу, и тот приложил к губам рожок. Прозвучал условный вопрос: «Кто говорит?» И снизу раздался пронзительный вой рога принца Аквилонской Короны. Конан, так и не снимая меча с седла, сидел, ссутулясь и поникнув головой к самой гриве, когда к нему подъехал Армледер.

— Труби отбой, капитан, и поехали навстречу моему хитроумному сыну. Кром, ненавижу всех миротворцев. Какая славная могла быть драка. Впотьмах, на всем скаку, слева — овраг, вокруг — кустарник. Вниз по склону — и вверх по склону, выживают сильнейшие... Старый я дурак, следовало понять: если Конн и Троцero на границе, они знают, что я ищу доброй драки...

Конан помолчал. Конь его, осторожно ступая, двигался почти в полной темноте. На небе вспыхивали первые звезды, которые в здешних краях появляются в один миг и облепляют небесный купол, словно вступающий на престол князек из Вендии россыпями мечет в толпу серебряные монеты. «Эйнхерии» и примкнувший к ним Ройл ехали тихо, прекрасно понимая, что гнев чудившего короля может пасть и на

них. Однако вспышки неуправляемой дикой злобы не последовало. Конан лишь тяжело, с присвистом вздохнул, да так громко, что лошадь следопыта шахрахнулась и едва не унесла ветерана в ночь. После очередного вздоха Конан упавшим голосом спросил:

— А ты знал, капитан Армледер?

— Мой король, принц Конн и граф Троцero поручили мне разыскать вас и обеспечить охрану, выполняя все ваши приказы неукоснительно. Ну... я знал, вернее, слышал слова графа...

— И что же изрек наш мудрейший главнокомандующий?

— Я прошу извинить меня, мой король...

— Да валяй уж,— печально сказал Конан.

Они уже спустились с небольшого возвышения, где-то впереди маячил темный строй конных воинов, слышались голоса и позвякивания уздечек и стремян.

— Троцero сказал принцу: «А нам следует нанести визит коменданту немедийской пограничной крепости. Король решил поохотиться за разбойниками, а карты в этих местах скверные, проводники вечно пьяные — король, может случиться, станет преследовать врагов королевства и на чужой земле. Досадно получится, если из-за шайки ворюг меж нашими королевствами будет недоразумение и паче чаяния — конфликт. К тому же — немедийский командир, барон Оливей мой старый знакомый».

— И большой почитатель славного короля Аквилонии,— раздался поблизости скрипучий голос, принадлежавший явно человеку преклонных лет. «Эйнхерии» по привычке сомкнулись вокруг киммерийца, однако рядом с фигурой немедийца из тьмы появился другой всадник с поистине величественной осанкой и взмахом руки велел северянам расступиться.

— Отец,— без всякого выражения произнес Конн.

— Сын,— так же проговорил Конан.

— Мой король, командир немедийского пограничного гарнизона славный барон Оливей счастлив будет

приветствовать у себя в гостях Великого Конана и его свиту,— послышался голос Троцero.

— Да, ваше величество, я буду счастлив принять не только благородного принца, но и его славнейшего отца. А ваши гвардейцы, равно как и наемники, расположатся по бивакам под стенами цитадели. Воинам и коням положено спать под звездами, а ночи в здешних местах теплые и безветренные.

Конан поборол желание протянуть руки, сграбастать барона за шею и придушить, как цыпленка. Он что-то неразборчивое буркнул в ответ, тут же из темноты вынырнул пеший немедиец с тусклым факелом в руках и, взяв королевского коня под уздцы, повел. Молчаливый темный строй конников расступился перед высокопоставленными особами. В свете факела Конан разглядел нескольких северян своей гвардии. Отвечая на невысказанный вопрос, Конн коротко хохотнул:

— Я прихватил из столицы своих и твоих телохранителей — пусть в тавернах спокойно и чинно попьют вино заезжие купцы, да и столичные ищейки займутся ворами и грабителями, а не потасовками в темных подворотнях наших головорезов. При нас, думаю, глупых стычек не будет.

Глава седьмая

Конан и его свита, если можно так выразиться, находились во владениях барона Оливей второй день. Короля обвели вокруг пальца по всем статьям. Оказывается, в столице военный совет с принцем во главе давно заготовил обширнейший договор со всеми сопредельными государствами, исключая только диких пиктов и неукротимых киммерийцев, о взаимной терпимости к порубежным отрядам, пересекающим границы в поисках разбойников и иных врагов Короны. Были оговорены численность таких отрядов, глубина их возможного проникновения к соседям и прочие мелочи.

— Все, кончилось разбойное ремесло, — ворчал Конан, предававшийся вдумчивому и нескончаемому пьянству в обществе Ройла и «эйнхериев» в течение последних суток. — Купцы будут жирными, тракты — спокойными, а жизнь — пустой и бестолковой.

Указанный договор он подписал стоически, а немедийский герольд с десятком охраны, оруженосцами и пажами, для придания пышности свите направился в столицу, дабы скрепить его печатью бельверусского владыки. Конан вздохнул тяжело, едва не потушив чадивший в замковой стене факел, и отправился в угловую башню крепости, любезно предоставленную бароном Оливеем королю Аквилонии и его северянам. Конн, весьма довольный возможностью

общения с немедийской молодежью, пропадал в пиршественной зале вместе со своими офицерами. Конан сунулся было туда, но, услышав мудреные разговоры о геральдических знаках, новомодном бельверусском трувере, музыке и неких танцовщицах, доброе имя которых одни из присутствующих порочили, другие готовы были защищать с оружием в руках, ругнулся и ушел. Он все собирался поговорить с Троцero по поводу своего грядущего отречения и путешествия в Вендию, но был почти наверняка уверен, что состоится долгий и нудный разговор, суть которого сведется к давно знакомой чеканной фразе «Королевство без короля — поле гражданской войны», — и не торопился.

К тому же Троцero со старым немедийским бароном и впрямь заперлись в покоях Оливей, предаваясь воспоминаниям. А вспомнить ветеранам было что — на протяжении нескольких десятилетий их бойцы вспарывали друг другу животы и рубились в смертельной сече не только на берегах реки Красной, но и на землях менее могущественных, а посему — робких южных соседей. В Год Дракона Оливей в славные для немедийского оружия дни первым вступил в аквилонскую столицу и некоторое время был сенешалем Тарантии.

Армледер неотлучно находился при биваке аквилонской конницы, разбитом под стенами крепости, немилосердно муштруя своих бойцов. Все поле, на котором чуть не разыгралось вечернее сражение, было уставлено кожаными и соломенными чучелами, которые рубили и кололи с лету аквилонские гвардейцы.

— А толковый парень, — сказал Ройл, швыряя в окно опустевшую флягу. Фляжка поплыла в мутной водице рва, пока в горлышко не набралось достаточно жидкости, чтобы утянуть ее на дно. Боссонец проводил ее пьяным сосредоточенным взглядом.

— Да, только усердия — через край. Вбили ему в Бельверусе в голову, что без такой вот муштры боец —

уже не боец,— буркнул Конан, тоже выглядывая из окна.

— Отправить бы его на пару лет к вам, в топи, побегать за пиктами по джунглям, полазить по болотам, покормить комаров да пиявок — вышел бы толковый командир. А муштрой да рубкой дров много не навоюешь. Чучело-то — оно тебе ответить не может.

— Зря мальчишку ругаете, мой король. — После того как Армледер спас следопыту ногу, Ройл к месту и не к месту старался хвалить пеллийца, чем изрядно забавлял и Конана, и видевших костоправное искусство капитана «эйнхериев». — Он в Западной Марке очень даже повоевал — я тут порасспросил гандерландцев. Да и в делах настоящих был. А одних поединков — как драк у зингарских матросов.

— Он и без турнирных церемоний в ухо может дать, тут есть кому подтвердить, — встрял в разговор Иллиах, глядя на хмурого асира, который с остервенением принялся надраивать до блеска позеленевший бронзовый наруч. Асир угрюмо поднял голову и сказал низким грубым голосом:

— В ухо дать, это ты или я можем. Вон Эгиль, брат его, — очень даже мог, если хватит пива через край. А этот пальцы ломает, как баба, руки крутит, подножки ставит... понабрались в академиях — мечам не поднять толком, по морде не стукнуть, а вот по земле валять — это мастера.

Скучающий в углу Хольгер отбросил стаканчик для игральных костей, который бесцельно крутил в руках, и подошел к окну, веско возразив соотечественнику:

— А тебя он тогда, в «Кубке», хорошо повалял, нечего за глаза говорить. Мне потом один из его чернокафтанников кой-какие ухватки показывал. Как меч там, скажем, выбить или копье выдернуть так, чтобы хозяина подбросило, как угря на сковородке. Толково их учат. Не все на силу напирать — а как

ты ранен будешь, или на морде — забрало, что — по забралу кулаком лупить? С умом тоже воюют.

— Все одно. — Асир был пьян и упорен. — Если бы я тогда лишнего не глотнул... Так можно только девок на сеновал волочить, а не с мужчиной драться.

— Мужчина — тот, кто после драки остался на ногах, а не тот, кто проиграл и за глаза ругает чужие умения, — наставительно сказал Конан, видевший не раз, как бьются голыми руками немедийцы. Ухватки эти бельверусские умельцы собирали по крупинкам и из пиратского арсенала, и из совершенно разбойничьих приемов, даже посылали целые экспедиции в Вендию и Кхитай, где в затерянных лесных обителях были люди, пальцами рвущие стальные кольчуги и головами пробивающие дощатые щиты, даже и окованные. Практиковали в Бельверусе и самобытные изобретения в области убийства и причинения боли ближнему. Свое боевое мастерство Конан тоже собирал по крохам во всех уголках мира, посему не любил, когда любую ухватку, отличную от деревенской оплеухи, называют именно «немедийской».

— А ты, Хольгер, тоже не особо прав, — вмешался Ройл. — То есть, конечно, умение лучше силы, ведь сила может и иссякнуть. Но еще лучше, когда сила и умение вместе идут. Вот если, скажем, эдак вот...

С этими словами боссонец вручил кинжал, которым до этого разделял баранью лопатку, Эгиллю, и хлопнул себя по груди, бей, мол. Эгиль несильно ткнул клинком вперед. Ройл шагнул в сторону, изогнувшись и извернувшись, словно хорек, лезущий в курятник через щель в заборе, так, что лезвие скользнуло по рубашке, а рука рыжебородого прошла впритык к телу следопыта. Затем Ройл мягко взял кисть «эйнхерия» и крутнулся на каблуках. Охнув, ванир рухнул на стол, опрокидывая и его, и блюда, и флаги.

Конан расхохотался, хлопая себя по бедрам, к нему присоединились и остальные, находящиеся в комнате, Иллиах даже сел на пол, утирая глаза.

Эгиль заворочался на полу и попытался приподняться из груды обломков и костей. Ройл же, так и не отпустивший кисти ванира, прижал ее к животу, и нелепо скакнул на корточках в сторону:

— Или — эдак вот... — поднимавшийся рыжебородый вновь рухнул на пол под общий хохот. Вскочил он совершенно взбешенным, отшвырнул нож и кинулся вперед, расставив руки, собираясь сграбастать боссонца, раздавить и шваркнуть о стену. Глаза его были красными, зубы оскалены. И раздавил бы: Ройл испуганно шагнул назад, стукнувшись загривком об подпирающий потолок столб. Однако Конан, увидев, что дело плохо, ухватил разбушевавшегося Эгиля в охапку, приподнял и с размаху опустил на скамейку. Скамья разлетелась в щепы, а ванир уже в третий раз оказался на полу, но, разобравшись, что его коснулись августейшие руки, поутих.

Конан поманил пальцем Ройла.

— Иди-ка сюда, старый пес. Давай руку. — Ройл протянул дрожащую кисть, и она полностью утонула в королевской лапе.

— Иногда в Бельверусе делают и так. — Он двумя пальцами слегка сжал запястье боссонца, и Ройл неожиданно для всех, и для себя в первую очередь завопил тонким голосом. «Эйнхерии» вновь загоготали. Конан же одним плавным движением крутанул руку Ройла, изогнув ее во всех суставах так, что тело следопыта едва не закрутилось от боли в узел. Киммериец же, сам оставаясь на месте, повел руками, словно рубил невидимым мечом наискось, борясь с обступившими его бесплотными призраками. Ройл, как-то нелепо подпрыгивая на носках, побежал по дуге, затем снова по-женски пискнул и совершил от невыносимой боли в перекрученных жилах прыжок через собственную руку, будто заправский рыночный акробат. Иллиах и Эгиль едва успели посторониться, когда боссонец обрушился на груды сваленных в углу плащей.

— Мой король, я в восхищении, — сказал следопыт, пребывавший на куче тряпья вниз головой. Голос его, в обычном состоянии весьма низкий и грубый, все еще ломался, как у подростка, от хриплого баса до высоких нот.

Эгиль был вполне удовлетворен нелепыми танцами, полетом и дикой позой Ройла. Киммериец и асир держались друг за друга, содрогаясь от смеха, даже угрюмый спорщик скалился во всю устрашающую физиономию. Но король уже потерял всяческий интерес и к самому разговору, равно как и к обычной для профессиональных воинов казарменной возне.

— Однако, — пробурчал он печально, — в молодости я не крутил вокруг себя врага, словно красотку на танцах, — если мне попадалась рука, я старался ее оторвать.

Ройл, уже поднявшийся и сосредоточенно растиравший локоть, хохотнул, остальные же воины, уловив, что веселье закончилось, разошлись по своим углам, давно привыкнув к резким сменам настроения у короля.

Конан постоял у окна с крайне печальным видом, потом грохнул по стене кулаком, горько воскликнув:

— Все пустое, все обман. Нет ничего гаже бесцельной жизни! — Тридцать, или даже пятнадцать лет назад, услышь черные корсары или ильбарские горцы эти слова, они бы попрыгали за борт пиратской галеры и забились бы в самые дальние и темные каменные щели, решив, что Амрой овладело мрачное безумие, насланное стигийскими некромантами. Меж тем давно уже киммериец не только научился горестно вздыхать, словно безутешная вдова, упустившая возможность окрутить блистательного гвардейского офицера, но и время от времени, к ужасу своих ближних, сотрясал воздух подобными тирадами, будто выступал записным плакальщиком на собственных похоронах.

«Куда делся неистовый и неистощимый на идиотские шутки варвар, — думал Ройл, украдкой пере-

считывая ребра — все ли целы. — Некогда достаточно было посмотреть на него, хохочущего в то время, как над головой не видно неба от ливня вражеских стрел, чтобы поверить рассказам о том, что Конан умудрялся шутить и сквернословить, будучи прикованным цепями к скале, вселяя суеверный ужас в суесящихся вокруг пытошников с раскаленными железками в руках?! Не те у него годы, да и не тот он человек, чтобы скорбеть, словно юный хлыщ со склонностями к рифмоплетству, у которого двухметровый одноглазый пикинер увел голубку на сеновал».

Унылую тишину нарушил деликатный стук в дверь. Мгновенно Иллиак и Хольгер с клинками наголо встали по обе стороны дверного проема. Эгиль же, пряча устрашающего вида кривой нож за спиной, потянул бронзовое кольцо.

— Барон Оливей — к королю Аквилонии! — провозгласил тонкий и длинный, словно бокал из аргосского стекла, паж и посторонился, пропуская вперед немедийского вельможу.

— С чем пожаловал наш славный враг? — весьма нелюбезным тоном осведомился Конан, выходя на середину комнаты и засовывая ладони за широкий пояс.

Барон окинул взглядом замерших по обе руки от него «эйнхериев», перевел взгляд на битую мебель и осколки, живописно разбросанные по полу, хмыкнул и проговорил, теребя бородку:

— Однако меж нашими державами мир, следовательно, бывший противник Золотого Льва, всего лишь бывший.

— Пусть будет так, барон. К великому моему сожалению, Аквилония и Немедия напоминают сейчас мирное болотце, где в теплой тине резвятся головастики, пиявки и нарядно раскрашенные рыбешки. Щуки же и прочие хищники от старости и бессилия шевелят жабрами в придонных ямах. Однако чем

старый выживший из ума лев может быть полезен блистательному командиру гарнизона?

Оливей помедлил с ответом, пылливо разглядывая присутствующих. Те так же пристально разглядывали немедийца. Северяне, впрочем, убедившись, что при бароне нет никакого оружия, кроме чрезвычайно громоздкого меча, бесполезного для битвы в замкнутом пространстве помещения, быстро потеряли к нему всяческий интерес. Ройл с восхищением оглядывал вороненый доспех борона, являвший шедевр оружейного дела. Пластинчатая бронь, которая, видно, и арбалетному болту не по силам, была столь искусно пригнана к фигуре, что не оставляла ни малейшего впечатления гнетущей тяжести и неудобства, которое испытывал боссонец всякий раз, с презрением оглядывая рыцарские кирасы гвардейцев. Пластины, с серебряной насечкой, были великолепно пригнаны друг к другу на животе и груди, в местах же, где они могли помешать членам владельца сгибаться, тускло посверкивали тончайшие кольчужные кольца, скрепленные весьма затейливым, но, без сомнения надежным образом. На черных набедренниках, необходимых кавалеристу, Ройл не разглядел ни одной клепки, тем не менее они состояли из множества стальных пластин, не стесняющих движения ног. Без труда можно было домыслить, что вместо льняной, как сейчас, расшитой грифонами и мантрикорами рубахи, тонких изящных сапог и штанов зеленого сукна к сему панцирю во время боя полагался массивный шлем, латные перчатки, наручи до самых локтей и кольчужные чулки. По осанке и легкой небрежности, с какой немедиец носил доспех и оружие, ветеран заключил, что в молодости барон был красой и гордостью бельверусского рыцарства.

Конан же вглядывался в лицо Оливей, читая по нему, словно в правдивой летописи. Немедиец был без головного убора, и его каштановые волосы, без единой седой пряди, свободно спадали на могучие

еще плечи, очерчивая волевое лицо. Множество старых шрамов и сеть морщин, придававших физиономии барона вид печеного яблока, вкупе с обветренной кожей не бросались в глаза из-за чрезвычайно живого острого взгляда из-под густых бровей, изрядно молодивших Оливей. Хотя рыцарь, без сомнения, разменял уже пятый десяток, можно было смело заключить, что годы еще не подточили эту глыбу.

С не меньшим интересом и немедиец разглядывал легендарного киммерийца, которого видел раньше лишь на поле боя, где плащ и тяжелое забрало полностью скрывали фигуру и лицо короля.

Пока длилось это взаимное разглядывание, в комнату вошли молчаливые слуги, быстро вынесли следы беспорядка, расставили новые скамьи, стол и посуду, исчезнув столь же бесшумно, как и появились. Ройл, мгновенно забывший про вельмож, уже вертел в руках одну из вновь принесенных фляг, мимоходом подумав, что немедийский рыцарь явно строг к слугам, вымуштровав их не хуже, чем сам боссонец в былые времена муштровал добровольцев в Западной Марке.

«Мимо баронских покоев они, видно, и вовсе шныряют тенями, на одних носках, так, что и свечное пламя не дрогнет. Однако, хвала светлым богам и покровителям старых бойцов — судя по аромату, в вине хозяин смыслит не меньше, чем в сбруе».

Судя по алчным и сосредоточенным лицам Эгилы и Хольгера, они разделяли выводы, сделанные следопытом, а ждали лишь кивка Конана, чтобы вживе удостовериться в этом. Иллиах же, по молодости бледный от всего, выпитого за два дня, прошедших после битвы с разбойниками у Совиной Горы, лишь уставил глаза в окно, моля Крома дать ему сил не ударить лицом в грязь. Кивок последовал, и для охраны аквилонского владыки немедиец и Конан перестали существовать.

Оливей, явно удивленный такой вольницей среди телохранителей столь высокопоставленной особы, поджал губы и пригладил усы, воздержавшись от замечаний.

— Итак, мой барон, что привело тебя ко мне? — спросил Конан, указывая немедийцу на стул и усаживаясь сам.

— Есть одно щекотливое обстоятельство, связанное с вашей свитой... Однако... — И немедиец кивнул головой в сторону стола, за которым пирушка уже была в самом разгаре. Конан ухмыльнулся:

— Судя по твоему тону, барон, речь идет не о моей свите, а о павлинах, окружающих моего сына. Могу заверить — мои головорезы вряд ли будут откровенничать с гвардейцами, о которых они самого невысокого мнения. Особенно сейчас, когда в их глотки льется вино, всякая тайна, касаясь она хоть наступления Последней Битвы не далее как завтра, умрет, не долетая их ушей.

— Ну что ж. — Оливей помедлил, поудобнее устранив меч на коленях.

— Дело в том, что капитан, возглавляющий сотню Черных Драгун...

— Полувильд, барон, — осканился Конан, — Армледер, выученный в стенах вашего столичного клоповника для шибко умных, утверждает, что командует именно полувильдом.

— Я сам не особо в восторге от этих стратегов из академий. Видел их в последней кампании — по мне младший герольд с турнирным рожком или возница из обоза смыслит в военном деле не меньше, а опыта имеет больше, чем они. Среди нас, немедийских ветеранов, их принято называть головастиками. Посему пусть уж лучше сотня. По крайней мере ясно, что речь идет о сотне мечей и копий.

Конан кивнул головой, словно говоря: как ни называй, не мешает уже быстренько изложить суть дела и проваливать куда-нибудь подальше. Оливей заме-

тил неудовольствие своим посещением, но продолжал говорить медленно и размеренно, не теряя достоинства.

— Итак, этот... м-м... Армледер привез с собой некоего пленного, взятого им в вашей стычке с мерзавцами, длительное время тревожившими наши границы.

— Да, да,— рассеянно сказал Конан, недвусмысленно глядя мимо немедийца на стол, где с поражающей воображение быстротой пустели фляги с вином.— Ну и что же?

— Видимо, капитан самолично пытался допросить его, однако разбойник оказался крепким орешком, и ваш гвардеец утром обратился ко мне, прося предоставить ему гарнизонный «каменный мешок» и парочку специалистов по развязыванию языков в фартуках и с инструментом. Я не нашел нужным отказывать даже столь малозначительной персоне из свиты самого Золотого Льва...

— Вернее, львенка.

— Виноват, из свиты принца, и предоставил ему просимое. Допрос, если это можно назвать столь мягким словом, продолжался, пока разбойник не испустил дух на дыбе...

— Куда ему, право, и дорога,— проворчал Конан.

Немедиец пропустил это замечание мимо ушей, настойчиво продолжая рассказ:

— После чего, как мне доложили слуги, прислуживавшие в пиршественной зале принцу и славному маршалу Троцero, капитан Драконов попросил у Конна отпуск на две седмицы. Получив же отказ и изрядную взбучку, сей юноша потребовал отставки.

— Кром, служи я в столь скучное время при столь скучном дворе в годы юности, сделал бы это на пять лет раньше, после бесславно закончившейся заварухи в Западной Марке.

— Так уж и бесславно,— буркнул, оторвав от губ флягу Ройл, явно в оба уха слушавший разговор.

Оливей дернулся, как от удара кнутом,— любой из его челяди, подобным образом вмешавшийся в разговор, сильно пожалел бы об этом. Однако барон быстро взял себя в руки и продолжил:

— Гарнизонная жизнь бедна на события, и, чтобы удовлетворить свое праздное любопытство, я порасспросил одного из мастеров заплочного дела. Как я понял, гвардейского капитана интересовал некий эпизод, происшедший в ходе похода на разбойничье логово, когда подлый атаман этого сброда сбежал от аквилонских солдат.

— Было что-то такое.— Конан, решив, что со скукой можно бороться разными способами, особенно когда больше заняться нечем, и стал припоминать: — Действительно, Черные Драконы прижали этого мерзавца к какому-то вонючему водоему, однако неожиданно-негаданно появилась непредвиденная подмога, и атаман растаял в зарослях, словно благочестие монаха, провалившегося в винный погреб.

— Ваш капитан — выходец из местных? Наследник наших некогда весьма беспокойных соседей — герцогов Пеллийских?

— Да, он наследник. Где-то там в родовом гнезде сидит его слабосильный младший братец. Ну и что из этого?

— Дело в том, что молодой человек распознал среди напавших на его бойцов мерзавцев двоих или троих воинов из замковой стражи своего родового гнезда и, желая удостовериться в точности своих наблюдений, замучил до смерти пленного.

— Вот как? Славно! — Конан хлопнул себя по ляжкам. Казалось, его весьма позабавило это известие.— Значит, великий путешественник Эйольв, павший в битве с вашей, барон, армией в Год Дракона,— не единственный достойный отпрыск старинного аквилонского рода? Армледер — всего лишь служака, каких много в моей армии. Нет в нем, знаешь, эдакой живости, что ли, огонька. А если младшенький боль-

ной братец снюхался с грабителями с караванного тракта...

— Я ослышался или короля Аквилонии чуть ли не радуется таковое поведение родовитого аристократа? — Барон, без сомнения высоко ценивший рыцарскую честь и доброе имя аристократов, сделал круглые глаза.

— Нет, мой барон. Это обстоятельство, без сомнения, прискобное. — Тон короля выдавал скорее живое любопытство скучающего в праздности и безделье искателя приключений, чем владыки, разгневанного дурным поведением своего вассала. — Однако Кром, к которому моя варварская душа устремляется в моменты радости или отчаяния, крепко вбил в головы всех киммерийцев одно: когда этот мир покинут последние мужчины, которым звон стали милее шороха юбок и звяканья монет, грянет Последняя Битва. Стало быть, не все еще потеряно...

— Я старый боец и ничего не смыслю в богах. Не мне разбираться, что есть признак здоровья в могущественных странах, — дипломатично сказал немедиец. — Но я поставлен моим королем на страже границы, а данное вскрывшееся обстоятельство прямо касается моих воинских обязанностей. Я просил бы...

— Валяй, тебе удалось чуть развеселить меня и вновь внушить веру в человеческий род. У тебя есть еще что-то за пазухой, кроме признания вшивого бандита и доноса палача, а?

— Проницательность аквилонского владыки уже давно вошла в поговорку. У меня есть все основания полагать, что на аквилонско-немедийской границе, в этих диких горах, зреет нешуточный заговор: интриги плетутся как против власти Тарантии, так и Бельверуса. Сегодня я поделился своими соображениями со славным полководцем Аквилонской Короны, и он упрочил мои подозрения.

— Так почему бы тебе не рассказать о заговоре не только старому Троцero, но и Конну? Право, после

известных событий я устал от интриг, которые творят рыцари, к прискорбию богов, отложившие в сторону мечи?

— Как бы это сказать поделикатнее... — Оливей поджал губы.

— Ну, ну, без церемоний, барон, мы же с тобой старые воины. Не бойся при мне обругать Конна — я сам не доволен сыном, в его годы следует похищать красавиц и охотиться на чудовищ в дальних странах, а не пропадать безвылазно на балах и пирах.

— Принц Конн известен в цивилизованных странах как большой поборник наук и высокой поэзии, посему нет ничего удивительного в его дружбе со многими отпрысками славных немедийских родов, где эти добродетели пышным цветом распускаются не один век...

Конан грязно выругался, коротко и незамысловато, словно подвыпивший торговец пивом, уронивший пару монет в сточную канаву. Оливей недаром был старым воякой — и ухом не повел.

— А у меня и, как выяснилось, у славного графа есть веские подозрения, что заговор плетется на самых верхах и в нем участвуют весьма известные владельцы знаменитых гербов и знатных титулов, которые... находятся под покровительством принца Конна.

— Кром! Уж не хочешь ли ты, барон, сказать, что мой сын замышляет против меня?! — Конан вскочил и навис над нешелохнувшимся Оливеем.

За столом утих разговор, а Иллиах встал и расположился за спиной немедийца, поигрывая массивной глиняной кружкой.

— Я далек от таких нелепых обвинений.

— В чем же дело, раздери тебя медведь?

— По молодости и неопытности, что весьма понятно и простительно, принц в погоне за внешним лоском дает покровительство людям, чьи интересы напрямую угрожают интересам тронов двух вели-

чайших владык Хайбории. Речь идет не о покушении на одного из славнейших королей, разумеется. Скорее о попытке мятежа в пограничных провинциях с целью создания нового государства.

— Ну, это еще может быть. — Конан уселся обратно, знаком приказывая Иллиаху вернуться к прерванному занятию, что киммерийский юноша не медлил сделать.

— Но я не стал бы тревожить короля Аквилонии по столь ничтожному поводу, иди речь лишь о заурядном бунте, пусть и с участием родовой знати. Или говорить о младшем сыне основателя Картографической академии в Тарантии.

— Что ж еще творится в этом Митрой забытом медвежьем углу? Мне кажется, что все это дело стоит поручить паре-тройке моих полков или даже вашему гарнизону — благо любой пропуск через границу для обоюдной пользы я могу подписать немедленно.

— Изучив известные факты, у меня и графа Троцero сложилось убеждение, что верхушка заговора, без сомнения возглавляемого Торкилем Пеллийским, сама не более чем игрушка в руках более грозных сил, враждебных всему хайборийскому миру.

— И кто же эти злодеи?

— Золотому Льву Аквилонии, — Оливей ухмыльнулся, — без сомнения, должно быть известно имя Керим-Шаха?

Конан встрепенулся. Всякая весточка из лихого прошлого лила капли бальзама на зачерствевшее в рутине державной власти сердце бывшего наемника, пирата и разбойничьего вожака. Особенно теперь, когда в голову стареющему королю навязчиво лезли воспоминания об Ильбарских Горах, вендийской деви и лихих горцах. Имя Керим-Шаха словно вернуло его к прежней жизни. Киммериец весьма снисходительно относился к легендам, ходившим о былых похождениях грозного Амры, и потому, если Оливей думал, что покоробит владыку Аквилонии упоминанием о

бандитском приключении на севере Вендии, то он ошибся.

— Да, припоминаю. Был давным-давно такой иранистанский шпион, весьма ловкий в интригах и недурно обращавшийся с саблей. Сейчас таких воинов почитай что и нет. Сильных, хитрых и упорных, как волк из северных пустошей. Да, это был настоящий гирканский волк-одиночка. Но он погиб жуткой смертью.

— Мне кажется, удалось несколько заинтересовать скучающего короля, не так ли? Кроме того, Конан Киммерийский, известный среди умеющих держать в руках меч, как первый клинок хайборийского мира, сам столкнулся с атаманом этих пограничных разбойников Хватом и не мог не отметить мастерства, с которым тот управляется с двумя экзотическими клинками?

— Это точно. Этот Хват, больше похожий на бешеную гадюку, чем на обычного грабителя с торгового тракта, доставил мне несколько приятных мгновений. Бой разлучил нас, но мы претолчно позвенели сталью... — Конан остановился и потрепал свою давно уже не чесанную гриву. — Что-то такое мелькнуло у меня тогда в башке... что-то связанное с моими... гм, вгоняющими в краску Конна восточными похождениями к югу от моря Вилайет... Нет, не помню. Но дерется этот Хват великолепно. Есть у меня даже желание, если славный граф и просвещенный принц не будут излишне внимательны к моей особе, изловить этого Хвата и позвенеть клинками еще раз. В конце концов, умереть от рук мужчины, пусть и похожего на змея больше, чем на человека, но умеющего неплохо биться, — достойный конец для Конана-киммерийца. Ты, барон, — знатный рубака, должен понимать, что нет ничего страшнее, чем умереть от паршивого ревматизма у себя в креслице напротив уютного очага.

— Говорят, у воинов и королей — разные тропы.

— Дураки так говорят. Я воин! И, Кром свидетель, не из последних — меня должны склевать вороны, разнести в желудках волки, а череп мой, я верю, будет прекрасной игрушкой для быстро набирающего силы пса Гарма у престола его хозяйки Хель. Только тогда душа моя будет у Крома, рядом с такими бойцами, как упомянутый тобой Керим-Шах, а также...

Далее последовали имена, а вернее, клички и прозвища грабителей, пиратов и воров, некогда гремевшие по всем портам, трущобам городов и невольничьим рынкам, наводя ужас на купцов, монахов и старых дев. Оливей с изумлением слушал этот список достойнейших, по мнению киммерийца, людей, что попадут вместе с ним в Ледяные Чертоги. Список был внушительным — пока Конан бормотал устрашающие имена, Эгиль, Ройл и Торкиль опорожнили последнюю флягу. Один лишь Иллиах, удостоившийся некогда рассказов Конана о его легендарных похождениях, цокал языком, слыша знакомые прозвания героев жутковатых саг о деяниях короля-варвара. Наконец поток ледящего душу перечисления прервался, и Иллиах прошептал:

— Все они пронесутся во время Гибели Мира над землей, в свите Дикого Охотника, под визг валькирий и вой Гарма, выходящего из бездны...

— Избави Митра наш мир от такого будущего, — вполголоса буркнул Ройл, из чего можно заключить, что хитрый боссонец прекрасно все слышал.

— Что ты понимаешь, старый пес, — отмахнулся от него Иллиах, закатив глаза. Видимо, пред мысленным взором молодого киммерийца в огне и дыму проносилось призрачное воинство Последней Битвы.

— Да, ты прав Иллиах, сын Крома и пустошей: истинный герой — бессмертен. — Конан вздрогнул, словно приходя в себя от дремы, овладевшей усталым телом.

— Так вот. — Барон поднялся. — К сожалению, дела службы призывают меня, и коль Золотой Лев соизво-

лит, беседу мы продолжим после, скажем — вечером. Однако напоследок я скажу, что змееподобный атаман — племянник гирканского волка, а кроме того, ученик Розилия Великолепного. Он часть тех сил, что стоят за заговором. Я беседовал с человеком, который клянется, что был свидетелем того, как в Султанапуре, у могилы Розилия, Хват дал клятву на клинке извести Конана-киммерийца.

— Если у меня еще есть враги, значит, я еще жив, — заключил Конан.

Оливей, уже выходя в дверь, закончил:

— Черные демоны, покровительствующие гирканскому собачьему племени, помогли змеенышу оказаться в центре заговора. Граф Троцero убежден, что лавина степной конницы двинется на запад в день, когда над замком пеллийских герцогов взвьется знамя мятежа.

— Может быть, может быть... — пробормотал Конан, отходя к окну, — вечером, барон, я хочу услышать подробности этой истории.

— Да, мой король, — поднялся со стола Ройл. Он покачнулся и оперся рукой на плечо Хольгера. — Кажется, что для войны с гирканцами Золотому Льву нет смысла трястись в седле до самой Вендии.

— Ты прав, старый хитрый лис. Хвала Крому — мир еще не настолько похож на тухлявый пень, чтобы в нем перевелись бунты, мятежи и заговоры. Иногда я думаю, что без Стигии и гирканских государств все королевства Хайбории давно бы выродились и исчезли с лица земли.

— Пожалуй, да. Малочисленные боссонцы, гандеры и крепкие жители северной Немедии излишне надежно охраняют покой жителей величайших держав от столь же малочисленных пиктов, нордхеймцев и гм... киммерийцев. Пираты и разбойники почти повывелись, так что хвала Митре: пока есть гирканцы и стигийцы, у солдат будут деньги на вино и продажных девиц.

Глава восьмая

Четверть столетия назад командир наемников Диго был бы одним из многих в хайборийском мире искателей приключений, рука которых лучше удерживает эфес меча, чем перо или счеты рыночного торговца. Однако в нынешнее мирное время он был одним из последних представителей сего славного племени. Как водится, он любил женщин, вино и азартные игры, предпочитая этим нехитрым развлечениям только хорошую драку. Больше всего он ненавидел нынешних королей, сделавших войны редчайшим развлечением, за которым Диго вынужден был гоняться, как за ускользающей тенью. Время, когда он мог выбирать, в какую свару ему влезть — грузить ли свой отряд отборных головорезов, проклятых жителями доброй дюжины государств, на галеры, дабы под корсарским флагом опустошать побережье своего родного Аргоса, или в конном строю следовать в Шем, где гремела очередная междуусобица, а то и вовсе оставаться в Зингаре, ожидая, когда война сама придет к нему в облике очередного претендента на престол с купленной на ближайшем базаре родословной, или стать спутником залетного морского тана из Ванахейма, решившего навестить на паре-тройке дракаров Черные королевства, чтобы сбыть затем живой товар на невольничьих рынках Стигии. Но лихие беспокойные денечки, когда золото и недо-

брая слава изливались на наемную дружину нескончаемым потоком, ушли в песок Золотого Века хайборийской цивилизации, нежащейся в просвещенном покое. Старые вояки оседали на земле, обзаводясь сварливыми женами и выводком сопляков, для которых, напившись вдоволь вражьей крови, строгали из податливой древесины фигурки коней и собачек. Пираты заводили поместья и принимались выращивать экзотические растения в оранжереях при роскошных особняках. Не счесть стало ударившихся в замаливание грехов некогда славных воров и охотников за людьми. Одноглазый Диго пока держался. Удачливый командир, он был еще наблюдательным малым, обожавшим свое ремесло и беспокойную походную жизнь. Добытые во множестве походов богатства он старательно и быстро спускал на шумных гульбищах, расшвыривая остатки на рыночных площадях, словно вельможа, решивший после дикой попойки раздать состояние нищим и убогим, дабы обратиться к милости светлых богов. Из отряда мгновенно изгонялись те вояки, кто укладывал монеты и камешки в полотняном мешке или деревянном сундучке под голову, — такие норовили у походных костров распустить сопли, вздыхая о тихой жизни и сетуя на судьбу, а потом, в ближайшей живописной деревеньке, уйти вослед первой же юбке, да еще смазать с собой пару-тройку грозных псов войны. Кроме того, Диго раз и навсегда зарекся продавать свой меч Аквилонской или Немедийской Короне — платили могущественные владыки прекрасно, предпочитая охранять границы наемной ратной силой, однако долгое гарнизонное сидение, отягощенное бездельем и звонном изрядного количества монет, медленно, но верно подтачивало боевой дух. Наемники обрастали на месте семьями, огородами, приятными знакомыми — глядишь, а меч уже покрылся бурыми пятнами ржавчины, отвисло брюшко, дорожный мешок заброшен где-то в сарае, погребенный под заготовленными к зиме

бочонками с квашеной капустой и вареньем. Затем шустрые королевские дознаватели при полном безразличии порубежников заламывают руки и увозят в столицу офицеров, прознав про их прошлые подвиги на большой дороге или в рядах некогда многочисленных мятежников, а лагерь вольной наемной дружины, окруженный какими-то сараями, складами и хранилищами, становится обычным пограничным гарнизоном богатого королевства. Так из жизни ушли славнейшие дружины великих наемников, на опыте которых учился сам Диго, по крохам постигая нелегкую ратную науку.

Приглядевшись и приняв, куда дует ветер просвещенного века, Диго повесил нескольких аквилонских и немедийских вербовщиков, недрогнувшей рукой выбросил в пропасть мешки с коварным королевским золотом и, прогнав из отряда недовольных, откочевал в Офир, где шла развеселая гражданская война. Постепенно вокруг непреклонного аргосца собрались последние псы войны — стая отпетых мерзавцев. Слава о кровавых подвигах свирепой ватаги наемников была столь громкой и разошлась так далеко, что ни один авантюрист из аристократов, всеерьез претендующий стать монархом, не рискнул бы принять их на службу, боясь гнева Митры и иных благих существ высшего мира. А ни один законный правитель не доверил бы отряду Диго жизнь своих подданных и свою казну, опасаясь гнева людского. Волков-наемников гнали отовсюду, везде они стали изгоями. Аргосец всерьез подумывал, не податься ли ему за море Вилайет. В степях гирканцев, как и встарь, царили знакомые и приемлемые Диго законы меча и кинжала, оставались Вендия и Меру, а дальше — таинственный и легендарный Кхитай — наемнику не хотелось верить, что человечество вдруг скопом, повсеместно кинулось петь псалмы, пахать и сажать сады.

Посланец ордена Блистательных нашел вожака волков, скрежещущего зубами от бешенства, — поут-

ру из отряда ушли старейшие его члены, близнецы-братья из Бритунии, внезапно вспыхнувшие нешуточной страстью к торговому делу. Диго как раз думал, не нагнать ли ему тауранского торговца, сманившего лучших лучников — смешно сказать, — посулив им места приказчиков, и не перерезать ли ему жирную глотку. Переговоры с немедийским дворянином оказались недолгими, сборы — еще короче. Сотня наемников шла в сторону замка пеллийского Мастера столь стремительно, словно впереди их ждали сокровища всех царей земных, а сзади полз мировой змей Сет.

— Что ж, в худшем случае это будет славная война: Немедия и Аквилония — это не шуточные противники, — вслух бормотал аргосец, покачиваясь в седле, — в лучшем мы и впрямь создадим новое королевство. Уж если суждено и мне покинуть Большую Дорогу, то только ради владения герцогством или баронством... Впрочем, кто мне помешает мечом проложить путь к трону и возложить на седую голову королевский венец. В конце концов, Золотой Лев Аквилонии, сказывают, тоже из наемников. А что — Диго Первый звучит гораздо лучше, чем Кровавый Диго, или Безголовый.

Когда волки Одноглазого Безумца переправлялись через реку Красную, стараясь укромными тропами миновать гарнизоны мощнейшей Аквилонской армии, к замку ордена Блистательных стягивались и другие участники будущего мятежа. Под видом безобидного бродячего цирка ехали по немедийскому тракту тридцать черных как ночь выходцев из Дарфара, везя в клетках восемь тигров-альбиносов, которых еще котятками кормили человечиною. Клетки, размещенные на длинной телеге с тремя десятками колес, напоминавшей издали гигантскую сколопендру, тащил громадный слон, восхищая детвору придорожных деревень. Опытный офицер, знакомый с методами ведения войн на юге континента, безошибочно распознал бы в аляповато раскрашенном, с колокольцами и бумаж-

ными цветами по бокам деревянном ящике на спине слона боевую башенку для лучников. Но для такого сообразительного и зоркоглазого великан-погонщик, разодетый под базарного фокусника, вез на поясе, расшитом речным жемчугом, внушительный мешочек. Содержимое его могло привести на некоторые размышления и почитателя Асуры, видевшего хоть одним глазком сокровищницу своего бога, но такой на пути каравану не повстречался.

Примерно в то же время из Нумалии по дороге к Бельверусу и далее, к пограничному перевалу, тронулся свадебный кортеж, везущий, как было указано в охранной грамоте, дочку богатого купца в жены никому не известному племяннику младшего отпрыска герцога пеллийского. Паланкин сопровождало четыре дюжины великолепно вооруженных всадников — по виду выходцев из Заморы, но на гирканских скакунах, в доспехах из Хаурана и с традиционным вооружением горцев северной Вендии. Если бы некто, избежав пристального внимания телохранителей, заглянул под роскошные покрывала красавицы, прикрывающие ее от ступней до головы, то он, к своему изумлению, обнаружил, что невеста имеет толстые кривые ноги, горб, кудлатую бороду и совершенно зверовидную физиономию, прекрасно известную стражам порядка города воров Арэнджуна. Если аргосского наемника прельстила не столько плата, сколько возможность завладеть еще не существующим тронem, то знаменитого грабителя и наемного убийцу согревала мысль, что он благодаря мятежу окажется в непосредственной близости от храмовой сокровищницы Асуры. А в деле обращения с подобными ценностями он был непревзойденным специалистом, последним из живых членов Гильдии Ночных Принцев. Уж он-то был наслышан об исчезновении нескольких невзрачных повозок из идущего в Пуантен каравана богомольцев. Донесший ему об

этом событии человек, наблюдавший за тем, как в ворота пеллийского замка въезжают груженные баснословными богатствами подводы, одетый в рубище и с клюкой в руке, теперь ехал поотдале от паланкина «невесты», поглаживая костяную рукоять огромного горского ножа, заткнутого за алый кушак, ни гордой осанкой, ни надменным взглядом ничуть не напоминая того жалкого попрошайку.

Седмицу назад в ущелье, в котором берет начало река Хорот, у самых восточных границ Гандерланда лесничий одного аквилонского барона, остановившийся, чтобы напоить коня, готов был поклясться, что увидел десяток самых настоящих пиктов. Как оказались на северо-востоке Аквилонии полуголые размазанные дикари с перьями на головах, лесничий, не будучи членом братства Блистательных, в отличие от своего хозяина, не знал.

— А говорили — вино «приятное на вкус и легкое, не туманит голову»! — воскликнул лесничий, забрасывая в кусты порожнюю баклагу. Однако прилетевшая из зарослей, где скрылись пикты, самая настоящая стрела с каменным наконечником, что вонзилась в древесный ствол у самой его головы и затрепетала, убедила слугу барона в том, что промелькнувшие на вершине холма тени — не пьяный бред. Сломая голову лесничий примчался в поместье своего господина, дыша перегаром и крича о нашествии дикарей, где и получил от дворецкого удар стилетом меж пятым и шестым ребром.

Господин его, один из влиятельнейших в ордене вельмож, отбыл из своих владений и находился сейчас как раз среди этих самых пиктов. Барон еле смог утихомирить едва не начавшуюся свару в воротах пеллийской твердыни, когда туда кроме его диких, отнюдь не бескорыстных союзников, попытались пройти семь или восемь гандеров в знакомых любому варвару кожаных куртках и с длинными ясеневыми копьями на плечах. Самому Торкилю пришлось спешно мчаться к

порогу своего убежища, чтобы предотвратить вспышку вековой вражды, чуть не стоившей жизни укаzanным друзьям ордена и боссонским стрелкам, что при виде извечных своих врагов выхватили ножи, спрыгивая с трех подъехавших телег.

По сравнению с вечно готовыми вцепиться друг другу в глотки жителями западных дебрей три немногочисленные группы северных варваров, угрюмых, как скупая природа киммерийских пустошей и заснеженных равнин Нордхейма, являли собой образец воинской дисциплины: прошестввав мимо возбужденно оравших взаимные оскорбления «южан», мирно расположились прямо на каменных ступенях центральной башни, оглаживая бороды после долгой дороги. Шестеро низкорослых жителей Гипербореи не обратили на приход своих давних противников никакого внимания, таращась на пятерку громадных, самого устрашающего вида псов, в шипастых ошейниках и кожаных куртках с нашитыми бляхами. Собак как раз кормили неразговорчивые тонкокостные люди, в которых по меховым плащам и высоким шнурованным сапогам можно было опознать кочевников из тундры с севера моря Вилайет, не признающим никакую власть, кроме власти золота и своих странных Безымянных Богов.

Одноглазый Диго еще знал, каким пестрым сбродом мятежников ему предстоит командовать через несколько дней. Он недавно расположил свой отряд на привал в тщательно выбранной укромной лощинке и, отойдя от костров шагов на двадцать в глубь леса, бездумно смотрел на яркую россыпь звезд в небе над Аквилонией, любовно поглаживая навершие меча. Ночная прохлада остудила простенькую, без рукавов и ворота кольчугу, приятно холодя тело после дневного перехода в жаре и пыли. Подкольчужную рубашу аргосец никогда не носил, подражая кумиру своей молодости — Амре. Забавно, но лихой наемник совершенно не верил слухам, что легендарный корсар, на

которого Диго некогда отчаянно старался быть похожим, и король Конан Первый — одно и то же лицо.

«Прохлада, лес, наполненный гомоном ночных птиц и шорохом мелких хищников... еще пара стремительных переходов — и мы будем в окрестностях замка этого ордена, как его там... блестящих... сверкающих... а, Сет, какая разница! Потом — веселье битвы, свист клинков, вой раненых и умирающих, слава... как можно променять все это на покосившийся забор, тупое блеянье скота и визг какой-нибудь вислозадой стареющей ведьмы, шляющейся по двору в драном переднике и переругивающейся с брехливым цепным псом? Зря, выходит, я жалел в боях людей, выдумывал какие-то тактические изыски, каких бы не постеснялся и иной маститый полководец, и сам Амра. Жребием многих моих волков могла стать смерть героя, а не жизнь тупого крестьянина или стража чужого добра. Митра, что происходит с мужчинами этого мира? Ей-ей, я вскоре стану чувствовать себя таким безумцем, что совершенно не скучает без дурацких городов, мягких постелей и тарелок с жирной похлебкой, сидя вот так, с мечом на коленях, в лесной глуши. Раб, прикованный к веслу галеры, по крайней мере может мечтать, что от его пота и крови цепь рано или поздно проржавеет и можно будет перегрызть глотку надсмотрщику, прыгнуть за борт, поручив свою судьбу милости Митры и Хозяина Морей. А о чем может мечтать Логр-Топор, ставший мельником где-то в Хорайе, у которого жена нарожала десяток полуживых щенков, а сама изменяет ему напропалую с гончаром. Говорят, Логр мрачно пьет, не решаясь пристукнуть гончара из опасения, что, видите ли, «потеряет лицо» и у него перестанут мотать муку мужланы с окрестных клоповников?»

Диго ругнулся и потерял свой единственный глаз, решив не забивать себе голову чужими заботами. Если мир вдруг встал на голову, это не повод для старого пса войны перестать стоять на своих, хвала Светлым

богам, еще крепких ногах. Тут аргосец насторожился, заметив, что ночной шум леса как-то неуловимо изменялся. Наемник, продолжая сидеть столь же ослабленно, внутренне подобрался и как бы невзначай почесал плечо, неуловимым жестом передвинув меч на коленях так, что теперь его можно было выхватить из ножен одним движением, и прислушался повнимательнее.

Действительно, насекомые продолжали свое монотонное жужжание, а вот время от времени горестно вздыхавшая сова что-то давненько замолкла. Могла, конечно, и улететь, в поисках безопасных полевых — но остальные, неведь кем издаваемые, шумы явно попри тихли. Вот хрустнул сучок под неосторожной ногой, вот — дрогнула ветка в десятке шагов, бестолково метнулся меж кустами встревоженный еж. Мысленно обругав себя за беспечность последними словами, Диго медленно приподнялся, готовый прихлопке тетивы мгновенно отпрыгнуть за могучий древесный ствол.

В просвете меж деревьями явственно было видно какое-то движение. Вот темная фигура отделилась от дрожащих в лунном свете деревьев, приобретая вполне человеческие очертания, и двинулась в сторону Диго.

— Кажется, один, оружия на виду не держит, — тихо сказал себе наемник, решив до поры до времени не поднимать спящих и не тревожить часовых. Меч его с еле слышным шорохом покинул ножны. Незнакомец остановился, видимо заметив, как побежали по широкому старомодному клинку блики лунного света.

— Мир тебе, воин! — Фигура подняла руки вверх. — Я один и не несусь с собой разящего железа.

Незнакомец, похоже, не врал. Диго упокоил меч на его законном месте у левого бедра и не торопясь двинулся навстречу призрачной фигуре. Он любил ощущение опасности, особенно неведомой, а суровая

воинская жизнь давно его отучила верить в случайные совпадения и в мирные встречи посреди ночного леса. На незнакомце был длинный, задевающий траву плащ с остроконечным капюшоном, опущенным на поллица.

«В рукавах может оказаться нож, а из-под плаща он ничего выхватить не успеет. Посмотрим. Кажется, оборотней в здешних местах не видели, да и на шее у меня на этот случай кое-что висит», — подумал Диго. Незнакомец опустил руки и стоял совершенно спокойно — кисти не шмыгали в широкие растреды рукавов, волчьей морды или кривых рожек из-под капюшона не виднелось. Вот только выговор у ночного бродяги был южный, какой-то свистящий. По голосу невозможно было определить возраст говорившего. Явствовало только, что перед аргосцем стоял мужчина, и довольно высокий. Плащ же скрадывал очертания фигуры. Диго был приучен к таким штукам и мог определить довольно точно занятия человека, лишь поглядев, как тот двигается. Но гость стоял совершенно неподвижно, только глаза, внимательные, уверенные, блестели в узких прорезях.

— Кто ты такой? На аквилонского разведчика ты не смахиваешь, на заблудившегося в дебрях паломника — тоже.

— Я скромный служитель того существа, которое вы, хайборийцы, не подозревая всей его мощи, именуете Мировым Змеем, — тем же свистящим шепотом проговорил незнакомец. — Я знаю, капитан Диго Аргосский, что ты не относишься к слабоумным, падающим в обморок при одном упоминании Сета... и вряд ли особенно ревностно отстаиваешь службы в храме Митры.

— Это верно, почтенный жрец, — проговорил Диго, делая незаметный шаг назад. Он знал, что служителю Сета, из посвященных, совершенно не нужен клинок, чтобы лишить человека жизни. Словно случайно споткнувшись, наемник, выпрямляясь, положил руку на

рукоять меча, сразу почувствовав себя более уверенно. Жрец следил за его уловкой с легкой усмешкой.

— Я прошу гостеприимства. Ты слышал, Диго Одноглазый, что моя вера учит: человек не должен бороться ни с одним своим желанием. Так вот, — не бейся сам с собой и не будь полем боя меж твоим страхом и пустой гордыней — позови часового, пусть сюда принесут факелы. Мне есть о чем поговорить с вождем сильнейшей в вашем мире стаи псов войны. Нет, в лагерь я с тобой не пойду — разговор не для посторонних ушей. Кроме того, мы направляемся в одну и ту же сторону — в пеллийскую твердыню, ты — званым, я — по воле моего хозяина и повелителя.

Диго не нашелся что ответить, повернулся так, чтобы все время краем глаза видеть жреца грозного Змея, и дважды пронзительно свистнул. Вскоре меж деревьями замелькали факелы и фигуры с клинками наголо. Аргосец бросил несколько коротких фраз своим дозорным. Часовые, вкопав на небольшой полянке пару факелов, удалились, расстелив на влажной траве несколько плащей. Жрец Сета, не дожидаясь приглашения, сел и сбросил на плечи капюшон. Аргосец, усаживаясь, вперил в него внимательный взор, но не увидел ничего неожиданного — бритая голова, лицо — тоже без единого волоска, слегка заостренные кверху уши. Полное отсутствие запоминающихся черт и какого-либо выражения. Только факельный свет плясал в больших и бездонных глазах, да раскинутый кругом темный плащ как-то странно шевелился и подергивался, словно пульсировала под ним до времени скрытая мощь.

— Итак, жрец, тебе нужно объяснить, что делаешь ты близ лагеря моего отряда, какой... гм... Нергал гонит тебя в пеллийский замок и вообще — стоит ли этот разговор бессонной ночи. Я несколько дней на марше, устал, знаешь ли...

Аргосец делал вид, что не замечает странно подергивающейся полы жреческого покрывала, край кото-

рой слегка приподнялся, словно змеинная голова из травы, задрожав, как от ветра, хотя щеки Диго не ощущали ни дуновения.

— Ты, хайбориец, можешь называть меня... скажем, Нун. Тебе довольно лишь знать, что я служу великому Сету. И кстати, никогда больше не именуй при мне его жалкую тень...

— Это старое пугало Нергала? — наигранно весело спросил Одноглазый. Глаза жреца на миг потемнели, а факелы стали тусклыми, словно свет их втянули две черные воронки, затем ярко вспыхнули. Накидка всколыхнулась так, что Диго невольно отшатнулся, — ему показалось, что на него сейчас налетит недобрый вихрь. Но Нун быстро взял себя в руки и улыбнулся. Странная это была улыбка — при полной неподвижности черт одни только губы, тонкие и словно бескровные, шевельнулись.

— Кучка аквилонских и немедийских болванов, ограбив почитателей полузабытого божка и изрядно на этом нажившись, решила устроить небольшой мятеж. Не перебивай меня, будь любезен. Эти ничтожества, мнящие себя вершителями судеб вашего мира, привыкли загребать жар чужими руками — вначале их мелкие поручения выполняла шайка простых грабителей, промышлявших возле торгового тракта на порубежье. Однако те разбойники обнаглели чрезвычайно от полной безнаказанности, и были перебиты аквилонским отрядом. Теперь стоя алчных до власти болтунов собирает едва ли не со всего света вольных стрелков и свободные мечи, надеясь, что славный воин, сидящий сейчас предо мной в несколько напряженной позе, станет достойным командиром для новоявленного воинства. История — банальная для бездарной эпохи, царившей четверть столетия назад и до того. Конечно, нас в Стигии совсем бы не заинтересовала эта возня, если б не одно обстоятельство...

Нун слегка шевельнулся, высвобождая из складок одежды руки. Наемник весь подобрался, словно кот

при виде матерого волкодава. Кисти рук стигийца были узкими и длинными, пальцы шевелились, не сгибаясь в суставах, как у нормального человека, а словно извивались белыми червями.

— Не знай я подробно жизненного пути славного пса войны — обязательно поинтересовался, крепкие ли нервы у моего собеседника.

Аргосец неопределенно хмыкнул, поглаживая верный меч и заворуженно следя за движениями жреца. Тот же продолжал с кривой ухмылкой:

— У людей, не умеющих управлять своими страстями, от мыслей в некоей магической субстанции, обволакивающей видимый мир, остаются этикие «слепки», «следы»... точнее, уважаемый Диго, я не смогу объяснить непосвященному природу тех видений, что я постараюсь представить твоему неискушенному, без сомнения, взору...

— Чьих мыслей это будут «слепки»... и...

— Продолжай, уважаемый. И — не отвалится ли у тебя вдруг нос, не отклеются ли уши и не случится ли урона твоим мужским достоинствам от моей маленькой магической демонстрации? Отвечаю — никоим образом. А хозяином данных мыслей и чаяний является некая особа, принадлежащая к ныне правящему в одном гирканском королевстве роду, лелеящему мечты о завоевании хайборийских земель. Человек, одетый в несколько странный доспех с двумя саблями, для многих — правая рука главы ордена Блистательных и главарь разгромленной шайки бандитов, для посвященных же — представитель властвующей гирканской особы, талантливый шпион, с которым тебе предстоит столкнуться в пеллийских землях. Итак...

Звуки ночного леса словно отдалились, звучали сейчас для аргосца где-то на грани восприятия. Свет факелов стал мертвенно-желтым — казалось, его рождало не пламя, а тление гнилушек. Посреди разбросанных плащей стали сгущаться тени, воздух дрожал

и вибрировал, расходясь от проступающего из ниоткуда черного шара тугими волнами. Наемник испытал что-то похожее в ранней юности, когда по приказу своего тогдашнего атамана нырнул, дабы освободить зацепившийся невесть за что якорь, и запутался в придонных водорослях. Все вокруг давило и колыхалось, в груди тысячами острых когтей скреблась смерть, перед глазами возникали и лопались разноцветные пузыри. Нун, уставив руки на живой сгусток тьмы, был недвижим, словно сам стал выточенным из камня.

Внутри клубящейся черноты стали проступать отдельные смазанные картины. Диго взгляделся.

Он видел на одинокой скале громаду замка из неотесанного дикого камня. По замшелым валунам струился зелеными наплывами плющ и дикий виноград. Меж скалящимися в небо зубцами сверкали доспехи. Слышались неясные крики и лязг оружия. Как из-под земли раздался глухой безжизненный голос стигийца:

— Это пеллийская твердыня. Ты видишь скорое будущее... Еще одно мгновение... вот, на угловой башне — это ты. Под стенами — аквилонское войско.

Диго с изумлением разглядел себя, сидящего на бочонке и раздающего какие-то команды суетящимся вокруг него воинам. Странно было видеть себя со стороны — у аргосца пересохло во рту и закружилась голова. Картина в черном шаре прояснилась и на двинулась. У замка, без сомнения, шел жестокий бой — ворота его были распахнуты, и к ним стремились, отстреливаясь на ходу, конные и пешие арбалетчики — судя по доспеху и одежде, собранные со всех концов обитаемого мира. За ними двигалась стройная штурмовая колонна аквилонцев в несколько десятков копеечников.

Колонна явственно нацелилась с ходу, вослед за отступающими защитникам замка, ворваться в укрепление на плечах бегущих. Рассыпанные вокруг плот-

ного строя копейщиков лучники постоянно обстреливали стены замка, не давая высунуться стрелкам Диго. В поле зрения показалась еще одна колонна и группа всадников. Тем временем из ворот замка выскочила дюжина воинов, размахивая мечами, и устремилась по подъемному мосту навстречу копейщикам.

Во главе их неся высокий воин в чешуйчатой кольчуге и глухом шлеме, имитирующем змеиную морду. Он первым, с неистовой быстротой вращая вокруг себя два изогнутых клинка, врубился во вражеский строй. Это была самоубийственная атака, произошедшая на открытой местности — редко кому удавалось прорвать сомкнутый строй гандеров, тем более имея столь малое число воинов. Однако схватка произошла у дальнего от замка конца подъемного моста — большинство аквилонцев топталось слева и справа от узкого деревянного настила. Меж тем последние арбалетки скрылись в зияющей пасти ворот — гирканский шпион, как его отрекомендовал Нун, выиграл несколько драгоценных мгновений. Диго не мог не восхититься его несомненным мужеством и воинским искусством — сухой ров под мостом был завален трупами, но защитники замка так и не попятись.

В ближнем бою длинные копья гандерланцев оказались бесполезными. На мосту буквально шла резня — грудь в грудь, там уже не было места для замаха мечом — в ход пошли ножи, кинжалы, локти, колени, даже зубы. Диго видел, как сбитые с ног противники — раненый аквилонец и голый по пояс шемит, обняв друг друга в последнем смертельном объятии, полетели в ров, обгаренные кровью друг друга. Наконец на башне прозвучал сигнал рога, и обороняющиеся бросились наутек в сторону захлопывающихся створок ворот. Последним, как до того — первым, вновь оказался воин в змеином шлеме — он пятился, отмахиваясь саблями и прикрывая спины своим воинам.

Он змеей проскользнул в узкую щель, и окованные створки с жутким лязгом захлопнулись пред самым носом аквилонцев. В следующее мгновение на головы преследователей посыпались камни и полетели стрелы — мост в мгновение ока окрасился кровью. Затем в недрах замка привели в действие хитрый механизм, и мост стал подниматься. Хвост колонны успел вернуться на свою сторону, хотя многие попадали в ров, но большая часть оказалась сдавленной меж поднимающимся на могучих цепях настилом и воротами.

В образовавшуюся кашу без промаха рухнули кувшины, наполненные горячей смесью, некогда бывшей едва ли не главной причиной головокружительных успехов аргосского флота. Из расколовшихся глиняных горшков исторглись жадные языки пламени, которое въедалось в кожу, обугливая ее до костей, проникало в малейшие щели в доспехах — это было страшное зрелище. Ко времени, когда подъемный мост встал вертикально, на шириной в пять шагов площадке меж ним и закопченными воротами не осталось ни одного живого человека.

Тем не менее аквилонское воинство, видимо, взялось за штурм замка всерьез — еще по меньшей мере десяток колонн разглядел Диго, когда стигийская магия несколько отдалила его взгляд. Теперь все поле боя было видно с высоты полета ястреба. Меж отрядами пехоты мелькали всадники и идущие россыпью боссонские лучники, в головах колонн несли перекидные мостики, лестницы и прочие штурмовые приспособления. Раздался характерный надсадный вой, похожий на крик обезумевшего от страха осла, когда два десятка катапульта осадной армии обрушили на защитников замка тучи камней и медных шипастых шаров. Диго опытным глазом оценил ситуацию и понял, что замку осталось держаться недолго — слишком малочисленными были защитники. Вновь слышался голос стигийца:

— Непрекращающийся штурм был... вернее, будет долгим. Под стенами замка жернова судьбы размолотят цвет Аквилонской армии, не-готовой к столь яростному и грамотному сопротивлению... А вот — и новые игроки...

Внезапно отряды штурмующих, находясь в нескольких десятках шагов от рва, замерли — всадники, без сомнения осуществляющие связь меж частями аквилонского войска, замельтешили меж сверкающих броней прямоугольников пехоты и шатром командующего.

Теперь Диго видел поле боя с еще большей высоты, из-под самых облаков. Замок стал для него небольшой серой коробочкой — отдельных людей было не разглядеть, лишь крупные отряды смещались к югу, по полю, кое-где усеянному редкими рошицами. А с юга на аквилонцев накатывалась гигантская волна конницы, за ней еще одна и еще. Словно дикие леса исторгали из себя полчища разгневанных лесных духов.

Нун что-то проговорил, но аргосец не разобрал отдельных слов, только черный шар словно поглотил наемника, и Диго оказался в самом центре атакующей кавалерии. Это, несомненно, были гирканцы — искривленные сабли и ятаганы, копы с бунчуками из волчьих и лисьих хвостов, черно-багровые знамена, неистовый визг и полное отсутствие воинского строя говорили сами за себя. Сколько же их тут? Словно песчинки в море или мошкары над болотом — океан, готовый проглотить редкие островки аквилонского войска...

Эта картина была настолько реальной, что Диго ощущал себя несущимся на разгоряченном скакуне, а пыль из-под копыт скачущих впереди всадников была ему в лицо, вместе с запахом конского пота, уши рвал визг атакующих и дробный перестук копыт, от которого, кажется, вот-вот рухнут небеса. Но вот все погасло перед глазами аргосца. Исчез пеллийский

замок, колонны гандеров и боссонцев, тщетно пытающиеся выстроить новую боевую линию навстречу внезапно появившемуся врагу, штурмовые валы восточной кавалерии...

Теперь он словно видел карту южных окраин Аквилонии — только карта была рельефной, живой — какие-то точки двигались по изогнутым ниточкам дорог, шевелились под порывами ветра зеленые леса, реки странно голубели, будто вены, проступающие на теле некоего гиганта, улегшегося на земную поверхность. Вряд ли кто из смертных, исключая вознесенных живыми в иные миры и колдунов, видел мир с такой высоты. У Диго перехватило дыхание от удивительной пугающей красоты. Но тут же он вздрогнул, разглядев огромную накатывающую волну тьмы, — это неисчислимые полчища степной конницы захлестнули южные пределы Аквилонии. Казалось, гигантский спрут прополз через пустыни Кофа и поля Офира, и каждое щупальце чудовища — тысячи и тысячи закованных в броню беспощадных гирканцев, нащупало свою дорогу и вползло в тело беззащитного королевства, чья армия оказалась пойманной под стенами пеллийского замка или разбросана по множеству крепостей и гарнизонов.

Затем волшебный шар показал целую череду видений. То это был шатер гирканского вождя, то аквилонский бивак, башня крепости, над которой вилось знамя с Золотым Львом, королевские покои в Тарантии, группа всадников, летевшая в туче дорожной пыли к гавани, где на лазоревой воде покачивали золочеными носами боевые галеры под алыми парусами. И везде, где находились полководцы, вельможи или владыки хайборийских земель и воинств, появлялись неясные темные пятна, таившие молчаливую угрозу. Эти тревожные призрачные тени, в которых без сомнения скрывались хладнокровные убийцы, совершали свою безжалостную работу, отгородившись от магического зрения аргосца невидимым щитом.

— Хватит! — Словно гром или удар бича, голос стигийца вывел Диго из зачарованной грезы. Наемник застонал и, схватившись за голову, растянулся на плащах. Когда дурнота и боль исчезли, аргосец медленно сел.

Вокруг, как и раньше, шумел лес. Кое-где стволы деревьев порозовели, свет факелов стал незаметнее на фоне первых лучей зари, пробивавших себе путь сквозь густую листву. Магический шар бесследно исчез, только Нун по-прежнему неподвижно сидел напротив. Плащ его перестал шевелиться, не напоминая более трепещущие крылья демонической твари, прокрававшейся в видимый мир из мрака и безвременья.

— Ты и так увидел достаточно, хайбориец. Вглядываясь дольше в магические зеркала Сета, ты рисковал лишиться рассудка.

— Что значат эти видения и мороки? — хрипло спросил командир наемников, тщетно борясь с дрожью в голосе.

— Зеркала показывают будущее. Вернее, тот ход событий, который следует из мыслей и поступков, схваченных жрецом в несколько черных кристаллов... — Нун прервал сам себя и продолжил чуть погодя, уже скороговоркой: — Впрочем, тебе ничего, кроме смущения ума, не даст мое объяснение. Скажем так — ты видел ход событий, которые могут быть вызваны к жизни твоим вступлением в пеллийскую твердыню и действиями уже упомянутой особы из дворца гирканского королевства. Однако ход событий в реальном мире может быть изменен сотней других сил и вмешательств.

— Не морочь мне голову, жрец, — Диго уже почти пришел в себя, — говори ясно — правильно ли я понял это видение: орден Блистательных, сам того не ведая, притянет к себе значительную долю аквилонской ратной мощи и послужит своего рода приманкой.

— Ты быстро соображаешь, хайбориец, — с ноткой явственного пренебрежения к варвару проговорил

стигийец. — Когда же часть войск Золотого Льва окажется перемолотой на пеллийских полях, капкан, поставленный гирканцами без ведома Блистательных, захлопнется — полки кочевников, совершив стремительный переход, обрушатся на запад с невиданной доселе силой.

— Теперь я начинаю кое-что понимать. Вам, стигийцам, изрядно поприжал хвост в былые времена Конан-киммериец. Вы потеряли всякую власть над хайборийскими королевствами. Однако, как я слышал, недавно вы снова стали поднимать голову...

— Ты слышал верно, наемник. Сет — существо извечное, отнюдь не состоящее из грубой материи этого мира. Его никак не могут победить стальные мечи или полуграмотные бормотания почитателей Митры и Асуры.

Видно было, что жрец страшно обозлен упоминанием о ряде поражений, понесенных стигийцами от Конана, однако аргосец был нужен жрецу, и он воздержался от гневных речей. Тем временем Диго продолжал, внимательно следя за реакцией собеседника:

— Вам на руку военное поражение Аквилонии и разорение степняками иных хайборийских королевств, но вы не желаете усиления и без того притких владык восточных империй. Посему, зная, что я приглашен возглавить армию ордена Блистательных, вы бы хотели...

— Мы хотим, чтобы мятеж состоялся, — всякие беспорядки в хайборийских землях угодны нашему властелину, а иметь в боку Аквилонии и Немедии такую занозу, как новоиспеченное мятежное королевство, — знамение судьбы. Однако, как ты прозорливо заметил, гирканским псам нечего делать в наших охотничьих угодьях. Это одна из причин, по которым я говорю с тобой в этом лесу.

— Ясно. Но как я остановлю полновесное вторжение Турана... или — Иранистана... Впрочем, войск

любого из них. Судя про предоставленным мне сведениям, под моим командованием будет пара тысяч наемников и солдат замкового гарнизона. Ну, пару-тройку тысяч приведут Блистательные из знатных родов Аквилонии и Немедии. Весь расчет был на то, что подкупленный немедийский военный совет затянет вмешательство, а дряхлый Конан разобьет себе лоб, кидаясь на замковые стены с парой-тройкой полков. Но теперь... Поверь моему опыту — если войска, в моем видении окружившие замок, не бред, они раздавят мятеж, словно слон муху.

— Уже утро, тебе скоро выступать — не дай то Великая Тьма, вдруг на отряд наткнется какой-нибудь из аквилонских дозоров. Скажу кратко. Конан действительнокинется на твое воинство с малой горсткой своей гвардии — тут он и найдет свою ожидаемую многими бесславную кончину. Немедийский военный совет действительно не будет торопиться вмешиваться в дразги в глухом пограничном герцогстве. А пока Конн и Троцero решатся оставить столицу, которая всколыхнется после смерти Золотого Льва, кто знает, может под знамена Блистательных и сбежится так много жаждущих передела мира баронов, что Аквилония смирится с потерей пары-тройки провинций. Армия, которую ты разглядел в видении — как и гирканские полчища, — лишь чаяния одного, не слишком умного восточного владыки. Он привык, что поблизости от моря Вилайет мятежников в мгновение ока стирают в порошок, на страх всем обитаемым землям. Основные силы аквилонцев, если они и двинутся из Тарантии к пеллийским землям, то не ранее чем через полгода. Много, очень много золота из сокровищницы Асуры ушло к пиктам, в Нордхейм, в Пограничные королевства — для армии Аквилонии хватит и иных занятий помимо подавления, как решат в Тарантии, заурядного бунта в жалкой пограничной провинции. А уж с поглупевшим стариком Конаном и сотней гвардейцев ты справишься.

Теперь насчет восточного нашествия. Сет напептал мне в уши, что некий командир наемников, уставший кочевать и драться в мелких гражданских войнах, не прочь встать у кормила одного новообразованного государства с армией из псов войны и с подвалами, забитыми ворованным золотом...

— «Следы мыслей», уважаемый Нун? — недобро спросил Диго.

— Не думаю, что этому славному воину следует немедля хвататься за меч, — с Блистательными и Торкилем я не жажду откровенничать. А что до будущего развития событий... в будущем Стигии понадобится сильный и решительный союзник в хайборийском мире. Я готов помогать тебе сейчас, а в случае избавления от восточной угрозы помощь возрастет стократно. Запомни: быть обласканным служителями Сета-владыки — завидная участь для варвара.

— Это кто еще варвар, уважаемый Нун, — проворчал оскорбленный Диго, весьма кичившийся происхождением от аргосского благородного рода, берущего свое начало из тьмы веков, с пришествия хайборийских орд с заснеженных равнин севера. Кстати, Мастер Торкиль, зная о хайборийских корнях Одноглазого Диго, именно поэтому и решил доверить наемнику место главнокомандующего орденами силами, отбросив кандидатуру Хвата и некоторых других братьев.

— Неужели жалкие домыслы и наивный мистицизм Блистательных уже настолько сильно овладели острым умом пса войны? — насмешливо спросил стигиец.

— Я воин, уважаемый, а не жрец. Мое дело — побыстрее убраться со своим отрядом из окрестностей, где полно аквилонских гарнизонов, а ты меня задерживаешь. Нет, сведения твои чрезвычайно ценные, намеки — приемлемы, как и помощь. Я не принадлежу к стаду ханжей, при одном имени Сета

падающих в обморок, и приму всякую помощь, от кого бы она ни исходила. Однако время выступать, а ты ничего еще не поведал о гирканских полчищах, как я понял, ждущих одного лишь сигнала, чтобы затопить поля Кофа, Офира и Аквилонии.

Одноглазый Диго вскочил, повернулся спиной к своему лагерю, откуда уже раздавались голоса готовящихся к выступлению воинов, и, приложив ладони ко рту, издал великолепный ястребиный крик, с которым величественная птица облетает свои охотничьи угодья, распуская врагов. Нун следил за его действиями без всякого выражения. Он поднялся, накинув на голову капюшон, когда из-за кустов появились два наемника, принявших уничтожить всякие следы человеческого присутствия на поляне, где происходила ночная беседа.

— В тебе говорит опытный воин. Действительно, мы несколько заговорились, а лагерь аквилонцев у реки Красной в пяти полетах стрелы отсюда. Я некоторое время пойду вместе с твоим отрядом... но...

— В моей маленькой армии не принято интересоваться попутчиками командира. Народ битый и тертый, знает, что у меня множество мелких помощников — шпионов, согладатаев, торговцев оружием, контрабандистов и прочих лихих людей, за одного из которых ты, жрец Сета, не в обиду будет сказано, и сойдешь. Продолжим нашу беседу в пути.

И Диго в сопровождении стигийца направился к своим воинам. Ему было не впервой проводить бессонные ночи после изнурительного похода, но в этот раз голова его наливалась какой-то особенной тяжестью. Кроме того, начал болеть давно утерянный глаз, что обычно предвещало резкую смену погоды. Однако после звездной мягкой ночи на светлеющем небе не было видно ни облачка. Нун спокойно шел рядом с ним, показавшись оглядевшим его наемникам именно тем, кем его представил безразличным

тоном Диго — «согладатай из местных» — затем встрепнулся и беззвучно засмеялся.

— Я так мало общался в последнее время с простыми смертными, что кое-что подзабыл. Хвала предусмотрительным храмовым служкам! — И он извлек из-за пазухи полотняный мешочек, вытряхнув на белую ладонь несколько пряно пахнущих корешков.

— Уважаемый Диго, приношу свои извинения. После сеанса... гм... после нашей ночной беседы тебе следует пожевать один из этих корешков. Тогда силы твои восстановятся, а некоторые неудобства, которые ты сейчас испытываешь, пропадут без следа.

Аргосец подозрительно осмотрел корешки, понюхал их, подбросил на ладони, затем, пожав плечами, кинул в рот. Вкуса он не почувствовал, лишь небольшую горечь во рту, да в нос шибанул мятный дух.

— Сет свидетель, я не стал бы отравлять столь достойного человека таким жалким способом. Итак, вижу, отряд твой готов к выступлению, и я продолжу свою мысль.

Диго отдал необходимую команду, и, выждав, пока головной дозор и боковое охранение исчезнут из виду, длинная колонна псов войны двинулась по узкой звериной тропке в глубь Аквилонии. Нун говорил тихо, чтобы его не слышали шедшие рядом воины, однако Диго прекрасно его слышал, равно как и осторожные шаги своих дозорных, кравшихся в глубине чащи, и крики птиц в утреннем небе, летевших так высоко, что казались частицами взметенной пыли.

«Корешки-то что надо. И глаз дергать перестал», — безразлично подумал Диго, слушая стигийца. Тот, едва шевеля бескровными губами, говорил:

— Гирканцы не раз испытывали на себе силу аквилонского оружия. Несколько поражений они потерпели не так давно, уже при владычестве Конана, будь имя его навеки проклято в обитаемых землях. Посему они выступают в этот рискованный поход, лишь дождавшись сигнала своего змееныша, что

мятеж обрел серьезную силу, и в Тарантии начались волнения среди аристократов, недовольных засилием варваров с севера, а Конан погиб под стенами пеллийской твердыни. Таковой сигнал может и не последовать, не правда ли?

— Теперь, когда я кое-что знаю, вряд ли он последует, будь этот Хват хоть... самой большой змеей после Сета, — пробурчал Диго, глотая горькую слюну с остатками чудодейственного корня. Нун, казалось, не заметил непочтительных слов, и продолжал:

— Орден Блистательных уповает не только на силу наемных мечей в своем грядущем противостоянии Золотому Льву и Немедии. Торкиль Пеллийский, вне всякого сомнения, наткнулся в записях своего отца на некие магические силы, вернее — на доселе неизвестные колдунам этого века ключи к магическим силам, в объяснении природы которых в тупик зашли лучшие некроманты Стигии.

— Даже так, уважаемый Нун. Я-то слышал, что против ваших колдунов остальные — просто букашки.

— Ты слышал истину, уважаемый Диго. Речь идет не о чародействе как таковом, а, насколько я могу судить, о потаенных силах из темных недр мироздания, в течение ряда столетий не имеющих сношений с сынами человеческими. Посему в анналах известного тебе братства чтущих Змея и не нашлось указаний, что могли разъяснить события, происходящие вокруг пеллийского замка.

— Каких-таких событий? — раздраженно спросил Диго, начинавший раздражаться от заумных фраз, не проясняющих сути дела.

— Узнав, что за обычным аристократическим мятежом, пусть с далеко идущими замыслами и серьезным золотым запасом, стоит второй план — гирканское вторжение в хайборийские земли, наше братство, нащупав человека, скрывающегося под маской главаря разбойников, попыталось устранить его... одним простым, но весьма надежным способом. Од-

нако посланного демона на подлете к замку развеяло над Совиной Горой в клочья, которые не удалось собрать повторно весьма сведущим колдунам. Ответный магический удар был такой силы, что свел в могилу преемника знаменитого Тот-Амона и выбросил троих жрецов, связанных «цепью тьмы» из видимого мира. На такое способны лишь некоторые демонические существа, но об их проникновении в наш мир стало бы заранее известно всем посвященным. Пресловутые Белые Колдуны даже в лучшие годы, пока они не занялись врачеванием убогих и ярмарочными фокусами для детишек, всей своей сворой вряд ли сумели бы сбить со следа Звездного Скитальца. Остается подозревать гирканцев — именно их шпион оказался под такой обескураживающе грубой, но весьма действенной защитой. Но выжившие из ума шаманы к востоку от моря Вилайет не способны на подобное. К тому же магический удар такой силы должен был оставить специфический «слепок» в ткани мироздания, а такового не обнаружено.

Стигиец помолчал, видимо, размышляя о непонятных аргосцу деталях высшей магии. Затем рассказ возобновился:

— В Аквилонию послали наемных убийц. Мне достоверно известно, что по крайней мере трое из них, легко отправлявших к Сету весьма охраняемых владык Черных королевств, Вендии, Меру и Шема, достигли замка и устроились там в стражу герцога. Подчеркну — в разное время, независимо друг от друга. Однако змееныш до сих пор жив, а члены братства Сета из Птейона третью луну не могут дотянуться даже до теней посланцев на Серых равнинах. Словно их скормили обитателям Мировой Бездны у корней мира.

— А может, так и было? — спросил аргосец.

— Глупец! — едва не вскричал разгневанный стигиец, и Диго впервые услышал что-то человеческое в его голосе. — Уж под самым носом Сета, да простят мне эти слова, никому не укрыть его верных слуг!

— Что-то я начинаю сомневаться в вашем всемогуществе, любезный Нун. То вы всем своим Черным Кругом не могли три десятилетия справиться с Конаном, а ваш Тот-Амон так и сгинул от его рук, а теперь какой-то гирканский выползень с Совиной Горы уничтожает ваших волшебных посланников, словно хороший лучник куропаток в перелетные дни. — Диго болтал без всякого умысла, как принято болтать у вояк в походе. Не важно о чем, лишь бы дорогу скоротать. Невозмутимый же стигиец от одного упоминания позорного провала всех тот-амоновских заговоров был буквально вне себя.

— Тот-Амон оказался глупцом. И в Стигии бывают такие, что личную месть ставят выше долга, подводя под удар вскормивших его. Сейчас смерть Конана уже неизбежна — не важно, падет ли он через несколько дней под стенами крепости Блистательных или умрет от старости. Такие люди, как этот бешеный киммериец, рождаются раз в тысячелетие. Его мог раздавить сам Сет, но не стал этого делать, и не мне судить почему. После провала первых попыток всем думающим посвященным стало ясно — у киммерийца особый путь, столь значимый для мира, что его охраняют силы, несравнимые с потугами таких, как Тот-Амон и недоучки из других братств Тьмы. Оставим это.

— Оставим, — легко согласился Диго. Прошлого Конана, короля Аквилонии, его волновала мало. Вот если бы кто-нибудь рассказал о его кумире — Черном Амре, грозе морей и хозяине Ильбарских Гор, атамане мунган и аренджунском легендарном воре?!

— Итак, Звездный Скиталец оказался развеян, убийцы исчезли безо всяких следов. Каких-либо магических амулетов и артефактов в пеллийской твердыне нет — ни следа малейшей активности стихий, ни какого шевеления в первоэлементах или сопредельных мирах...

Заметно было, что стигиец говорит уже сам с собой, но аргосец его не прерывал. Путь предстоял

неблизкий, леса были — сама однообразность, а что может быть лучше на марше, чем попутчик, самозабвенно мелющий какую-то чепуху?

— Однако Блистательные или по крайней мере сам магистр или как его там — Мастер ордена делает ставку не только на двух истинных владык людского мира — Железо и Золото, но и на третьего, самого значимого — Магию. Она в его распоряжении, вне всякого сомнения. Вот только природа ее не ясна. Это не Сет, его служители или его бледные тени, такие, как Нергал или иные демоны помельче. Мы бы знали. Это не жалкие боги по имени Митра, Асура и им подобные отражения людской слюнявой сентиментальности. Это, скорее всего, вообще не люди — колдунов Вендии, Меру, Кхитай и одиночек-отшельников мы знаем по используемым приемам. Вызванные из Мировой Бездны ищейки мигом нащупали бы след, а то и приволокли в храм Сета в Птейоне самих чародеев. Голая сила?

— Звучит глуповато, а? — спросил аргосец, подставший порядком от бормотаний Нуна. Но тот, словно был один посреди леса, продолжал говорить, обращаясь сам к себе:

— Рукописи Лабиринта гласят, что владеющий сгустком голой силы, осколком Изначального Эона Мироздания, своего рода чистой энергией созидания и разрушения становится равным самому Змею. Но кто и как смог найти Ключ? Это не под силу простому смертному, не под силу демоническим сущностям и — прободай меня единорог Асуры — не под силу самому Сету. Вообще сомнительно, что мир не разрушится, если в него вернется хоть частица Изначального Эона, — а столь далеко в своих чаяниях относительно судьбы мира не доходил даже безумец Тот-Амон. Нет, это не голая мощь, хвала Змею и всем его отражениям!

— Что же тогда? Должен же я знать, с кем буду иметь дело. И вообще — если я главнокомандующий

мятежа, мне следует знать об имеющемся в моем распоряжении оружии, — сказал Диго, наблюдая одним глазом за окончательно запутавшимся в своих рассуждениях Нуном.

— Что-то из глубин времен, когда магические силы свободно изливались вокруг, а волшебные существа шествовали по юной земле, пожирая все на своем пути. Когда увидеть Глаз Сета в небесах было столь же обычным делом, как застать посреди поляны танец эльфов, резвящихся каменных великанов или Короля Вампиров в бледном венце, подающим когтистой рукой чашу крови новой спутнице жизни, обреченной на вечность под крики своих придворных и вой волков-оборотней! Но что?!

Стигиец внезапно остановился. Идущий за ним следом угрюмый воин с иззубренной секирой на плече наткнулся на него, грязно выругался и ударил по плечу. Отрешенно шевеля губами, словно не обратив на происшествие ни малейшего внимания, Нун вытянул белый палец и коснулся лба наемника. Тот подавился черным ругательством, слабо ахнул и опустился на колено, затем завалился на бок. Пестрый зингарский плащ накрыл его скорчившееся тело с головой.

— Эй ты, вставай и извинись за грубость, свинья! — негромко, но грозно произнес Диго и наподдал лежавшего сапогом. Нога не встретила никакого сопротивления, смяв плащ, словно под ним была пустота, а Одноглазый покачнувшись и едва удержал равновесие.

— Нергалово отродье, да что с тобой! — С этими словами он откинул плащ. И увидел лишь слегка примятую траву. В зеленых стеблях курился вполне мирный белесый дымок, пахло прокисшим молоком.

— Не именуй его при мне, — машинально сказал жрец, все еще о чем-то напряженно думая.

— Митра Тресветлый, чтоб я пошел на корм морским девам! — возопил, выскакивая из-за спин ото-

ропело молчащих наемников низкорослый аргосец, бывший при Диго кем-то вроде оруженосца с самых первых походов капитана наемников. Но Нун уже вострепнулся и пришел в себя. Он поднял вверх руки и что-то гортанно проорал на неизвестном наречии, вряд ли когда-то принадлежавшем человеческому роду. Из широких рукавов его накидки вылетели две блеклые крылатые тени, яркие вспышки ударили по глазам Диго.

Когда аргосец пришел в себя, жрец все так же бормотал себе под нос. Кругом была тишина, лениво шевелили ветвями деревья над головой, повинувшись желанием легкого ветерка, а солнце висело над самым горизонтом в западной стороне.

— Вечер, — без выражения сказал Диго, рывком усаживаясь и оглядываясь по сторонам. Зрелище, представшее его глазам, заставило наемника громко вскрикнуть: весь отряд лежал вповалку, сморенный колдовским сном. Сомнений быть не могло, без магии, причем самого зловещего оттенка, здесь не обошлось — лица воинов были мертвенно-бледными, у некоторых — подернуты трупной зеленью, тела выгнуты, будто от гложущей их изнутри нестерпимой боли.

— Я вынужден извиниться. — Стигиец стоял напротив Диго, вертя в руках черный ограненный кусок вулканического стекла. — Простым воинам, тем более направляющимся в замок Блистательных, нет смысла вспоминать нашу маленькую встречу. Этот кристалл помог мне очистить их память. Сия маленькая процедура совершенно не повлияет на здоровье и боевое умение твоих воинов.

Аргосец, опасливо косясь на некроманта, прошелся среди лежащих наемников, внутренне содрогаясь. Он с трудом подавил желание броситься на колдуна и изрубить его в куски. Казалось, жрец Сета прекрасно осознает ту бурю, что бушевала в душе наемника. С бесстрастного лица стигийца не сходила неприятная, лишенная всяческих человеческих эмоций улыбка.

— Сет свидетель — настают последние времена, ибо я направляюсь к своему злейшему врагу... и начинаю сознавать истинную природу хозяев Блистательных... Ужас заполняет меня.

— По мне, будь их хозяин — хоть сам... в общем, лишь бы платили.

Бормоча невнятные угрозы, обращенные то ли к темным богам, то ли к стигийцу, Диго принялся расталкивать своих рубак. Жрец же боролся сам с собой. Казалось, что он принимает внутренне верное, но ужасающее его самого решение. Губы шептали черные проклятия, а пальцы крошили черный магический кристалл в пыль. Меж тем аргосец полностью перестал обращать внимание на жреца. Его воины, совершенно не помнившие, что случилось с ними полдня назад, и, казалось, не замечавшие присутствия стигийца, готовились к выступлению.

Диго придирчиво проверил снаряжение и быстрым маршем повел отряд к замку Торкиля, не оборачиваясь, словно сзади его поджидало чудище из похмельного ночного кошмара.

Жрец проводил наемников отсутствующим взглядом. Для него не существовало более людских проблем. Плащ вздувался от темных вихрей, мысли стигийца блуждали во тьме, не доступной разумению смертных. Он лишь пробормотал вослед аргосцу:

«Иди, иди, навстречу своей странной судьбе». Теперь жрец заторопился. Он принял трудное решение. Решительно повернув в заросли, он углубился в лес, и вскоре лесная зелень поглотила этот комок мрака. Только обитатели чащи могли расслышать невнятные бормотания жреца, сбитого с толку открывшейся вдруг истиной:

«О Сет! Если сроки свершаются и близок конец времен, почему я, ничтожный прах на сандалиях великих посвященных прошлого, должен встать на пути Темной Расы! Горе служителям тьмы, горе! Ехидные светлые боги умудрились столкнуть нас с Любимцами

Бездны. Сет, молю тебя, пошли мне безумие! Неужели то, что некогда ушло, чтобы дать жизнь тебе, Стигии и нам, недостойным, должно вернуться и пожрать сей мир. Истинно сказано: то, что ушло в начале, возвратится в конце, искаженное и опасное. Сет, пусть я буду не прав!»

Так причитал стигиец, пока отряд наемников двигался к замку Торкиля, а аргосец гадал, что знаменует собой эта странная встреча. Путь у чернокнижника был неблизким. Он шел просить помощи у своего злейшего врага, Конана-киммерийца, ибо пред страшной разгадкой тайны Блистательных все политические соображения, равно как и старая вражда, должны были отступить. Знатоки древностей, пристально изучивший все черные скрижали и беседовавший с духами разных времен, стигиец знал, знал почти наверняка: той силе, которую пробуждают Блистательные, нечего будет противопоставить в дряхлеющем мире. И торопился.

Глава девятая

Армледер не ожидал, что принц Конн легко отпустит его, да еще на столь долгий срок — двадцать дней, «навещить родовое гнездо». Но капитан был настойчив и в конце концов получил просимое. И еще увесистый, весело звякнувший кожаный мешочек с жалованием, пару напутственных слов — и вскоре оказался за пределами немедийского укрепления. Дорога предстояла весьма и весьма неблизкая, кроме того, Армледер, как хороший командир, намеревался сделать изрядный крюк: следовало удостовериться, что оставленный десяток гвардейцев, обследовав захваченный лагерь Хвата, благополучно вернулись в пограничный лагерь на аквилонской стороне перевала.

С угрюмых лесистых гор, словно часовые, охранявшие рубежи двух королевств, дул донельзя промозглый ветер. Армледер с детских лет, проведенных в этих самых краях, знал, что местные жители называют такой вот утренний ветер «дыханием великанов». Сейчас это «дыхание» норовило забраться под плащ, сорвать с головы капюшон, швырнуть в лицо пригоршню жухлой листвы или сухую ветку. Конь недовольно тряс головой и несколько раз без причины ржал. Однако капитан мало обращал внимания на превратности дороги — мысли его вертелись вокруг младшего брата. Во время битвы в урочище у Сиви-

ной Горы Армледер безошибочно определил воинов замковой стражи среди тех, кто в последнее мгновение пришел на помощь загнанному в безвыходное положение Хвату. Это само по себе наводило на неприятные мысли, прекрасно сочетаясь со всем услышанным Армледером на границе о «неуловимости» разбойничьей шайки. Нетрудно держать под ударом торговый тракт, действуя в дикой горной лесистой местности, вдали от крупных воинских гарнизонов как Аквилонии, так и Немедии, если иметь в качестве места отхода замок дружески настроенного аристократа, находящегося вне всяческих подозрений!

Фаворит принца Конна предъявил подорожную грамоту, подписанную лично бароном Оливеем троим угрюмым немедийским лучникам, вдруг возникшим на тропе, и неторопливо поехал по перевалу. Мысли его, весьма недобрые, вились вокруг Торкиля. Младший брат, полная противоположность Армледера, всю жизнь проторчавший в замковой библиотеке и провалявшийся под присмотром лекарей в постели, никогда не появлялся в столице, даже в то время, когда еще был жив отец. По этой причине блестящий гвардейский офицер практически не имел возможности поддерживать с Торкилем более или менее тесные отношения — служба не позволяла ему надолго отлучаться из Тарантии. Однако теперь, столкнувшись с грозной загадкой, Армледер стал припоминать странные слухи, доносившиеся из провинции. По долгу службы и по воле принца он частенько присутствовал на военном совете, на котором скучные, насквозь невоенные чиновники говорили о неких провинциальных дворянах, замеченных то в Бритунии, то в Зингаре, то в Аргоссе под фальшивыми личинами. Эти аристократы, попавшие под бдительный взор стерегущих Корону легистов и дознавателей, занимались до нельзя подозрительными переговорами с наемниками, известными преступниками, отставными военными чужеземных держав, после чего возвращались

в королевство и кружились, словно стервятники над мертвым оленем, вокруг пеллийских земель. Одно время принц, наученный горьким опытом череды мятежей, подозревал местного представителя Золотого Льва — наместника в попытке затеять заговор. Армледер сейчас точно не помнил, чем кончилось дело, однако наместника оставили в покое. Вызванные для выяснений в столицу пограничные владели вереницей проследовали по кабинетам и канцеляриям Тарантии, вселяя уныние в столичных франтов диковатыми манерами, грубой речью, старомодным оружием и напыщенными гербами. Где-то в подвалах пылились стопки пергаментных листов, что хранили глупейшие истории о «печальной любви к ветреной красотке», запутанных торговых отношениях, поединках и прочих «важных» обстоятельствах, подвигнувших дворян на указанные путешествия. Угрозы серьезного заговора усмотрено во всем этом не было, наместнику приказали держать ухо востро, на чем бумажная буря и улеглась.

Армледер намеревался явиться к младшему брату за разъяснениями, но чем дальше он размышлял о пеллийском затворнике, тем больше жалел, что не посвятил в цель своего визита в родовой замок хотя бы бдительного Троцера. Какой-то тревожащей душу дымкой была подернута фигура Торкиля, и лицо гвардейца приобретало все более и более озабоченное выражение. Действительно — он-то привык считать брата ходячим гнездом всевозможных недугов, и для него как громом среди ясного неба прогремело известие, полученное от одного из немедийских офицеров. Немедиец и Армледер перемолвились парой фраз во время учебного боя на деревянных мечях на дворе порубежного укрепления. Указанный офицер был весьма рад тому обстоятельству, что доставивший ему несколько приятных мгновений своим боевым искусством капитан-аквилонец оказался еще и отпрыском славного пеллийского рода. Полагая, что опять

придется выслушивать восторженные словоизлияния о великом путешественнике, отце его Эйольве, гвардеец привычно поскуцнел, но речь пошла совсем не о славе родителя. Беседа сильно насторожила Амледера. После осторожных расспросов выяснилось, что «больной и прикованный к постели», как явствовало из редких писем, Торкиль не раз посещал Немедию в компании младших отпрысков окресных благородных родов, непременно участвуя в шумных попойках, веселых охотах и — подумать только, — турнирах! Причем приятно поразил немедийцев своими манерами, образованностью и, к полному удивлению своего старшего брата, твердостью руки, смелостью, а также знаниями в военных вопросах. Вот это уже никак не вязалось с образом Торкиля, каковой с юношеских лет сложился у Армледера, и гвардейский офицер доселе не ведал веских причин, чтобы его пересматривать. Без сомнения, в затворнической жизни Торкиля произошли некие решительные перемены, которые он совсем не торопился явить взору старшего брата.

— Митра Милостивый! Совершенно невозможно представить его в охотничьем костюме, с луком или мечом в руке, или беседующим за пиршественным столом об особенностях стратегии и тактики. И с кем! С выпускниками бельверусской академии, рядом с которыми иной толковый офицер выглядит полным олухом!

Это восклицание вырвалось у гвардейца, когда он миновал пограничное ущелье и въезжал под густую сень могучих деревьев урочища. Совиная Гора нависала над лесом, прикрыв путешественника от холодного «дыхания великанов».

«Что же это задумал мой тщедушный братец? Что может быть у него общего с грабителями вкупе с размалеванными древней геральдической мурой немедийскими и аквилонскими дворянами, ведущими непонятную игру с темными личностями соседних

государств? Неужели Торкиль мог стать врагом Короны? В голове не укладывается!»

Однако все факты ложились один к одному, словно стрелы в колчане усердного боссонского стрелка. Армледер вспомнил слухи о том, что Торкиль принялся обновлять замковые укрепления, — тогда старший брат принял это за неопасное чудачество прикованного к постели больного, и рассказ одного торговца лошадьми о том, что на немедийской границе появился истинный ценитель боевых скакунов, сделавший изрядный заказ нескольким именитым купцам. Был еще один странный случай — сам по себе незначительный, но вместе с другими усугублявший грозную картину. Несколько офицеров Аквилонской армии, а точнее — специалистов по осадным орудиям, пойманные помощниками Троцера на полном небрежении королевской службой и нечистоплотности, как-то подозрительно легко согласились на вынужденную отставку, туманно намекнув ближайшим друзьям, что-де есть у них на примете новый хозяин. Двое из них попали спустя какое-то время на глаза Армледеру в торговых столичных рядах, где они вели закупки канатов, оленьих жил, медных шаров и иной осадной справы именно для пеллийского замка. Узнав об этом, Армледер лишь усмехнулся чудачествам брата и, послав тому письмо с предложением вести подобные закупки через него, немедленно забыл о случившемся.

— Однако, братец, похоже, заварил серьезную кашу. Митра, какой позор покроет наш приближенный к Короне род, если этот крысенок затеет что-то против власти Тарантии в здешних местах!

Но Армледеру пришлось прервать свои размышления. Он уже находился недалеко от того места, где всего лишь трие суток назад кипел бой. Его насторожили звуки. Капитан спрыгнул с коня, стараясь успокоить брыкающегося скакуна, и повел его сквозь чащу в поводу, внимательно прислушиваясь. Действи-

тельно, гвардейцу не показалось — он явственно слышал глухой, полный нечеловеческой тоски, вой. К хрипло заливающейся глотке присоединилась еще одна, и еще. Звуки эти раздавались как раз с той стороны, куда и направлялся Армледер.

Полный самых черных подозрений, капитан вышел на знакомую поляну. Пронесшийся прошлой ночью скоротечный ливень превратил следы двух погребальных костров в размытые черные пятна, однако стая одичавших собак нашла на поляне чем поживиться.

Конь, дико всхрапнув, взвился на дыбы, однако Армледер резким рывком заставил животное опуститься на землю.

— Митра Милостивый! — воскликнул он, с омерзением разглядывая окровавленные морды псов и горящие глаза, устремленные на него поверх остатков жуткого пиршества, прерванного ржанием. Десять трупов, вернее десять безобразных кровавых комьев, — вот все, что осталось от дозора Черных Драгун.

— По всему населенному людьми миру не найдет более Хват места, где ему укрыться от моей мести... и Торкиль тоже, если он хоть краем причастен к деяниям этого змея!

Палаш с шелестом покинул свои ножны и со свистом рассек воздух, подтверждая клятву, что прошептали побелевшие губы Армледера. Меж тем собаки, явно приняв аквилонского офицера за еще одного падалыщика, решившего отнять у них добычу, двинулись вперед, грозно рыча и скаля клыки. Было их десятка два. Все — крупные, поджарые, местной пастушьей породы. Кое-где мелькали и явные помеси с горными волками. На местных тропах не было страшнее встречи, чем наткнуться на ничуть не боявшихся людей диких псов, смелых, сильных и китрых. Ни блеск стали, ни огонь не могли служить сколь-нибудь надежной защитой от них. Оставалась одна возможность — ускакать: вряд ли стая пустится в

погоню, оставив неоконченным кровавый пир, однако капитан был несказанно зол, и красная пелена бешенства вмиг стерла остатки благоразумия. Всадник выпустил поводья и хлопнул жеребца по крупу. Беспольный в этой схватке конь, испуганно храпещий, с налитыми кровью глазами, помчался прочь, прямо сквозь чащу, ломая кусты. Армледер же, дико закричав, врубился в стаю.

В эти мгновения он сам стал зверем, вертясь и рыча, как волк, ворвавшийся в оставленную без присмотра отару. Его охватило кровавое безумие. Тяжелый палаш и короткий кинжал кромсали псов на куски, человек шел сквозь стаю, оставляя за собой алую просеку. Плащ уже давно был с него сорван и располозован клыками, по кольчуге то и дело скользили клыки и когти, однако всякий раз капитану удавалось в последний момент извернуться, уйдя от бросившегося на него пса и не давая свирепым бестиям сбить себя с ног. Будь это волки, они давно бы нашли слабое место — пониже доходившей до колен кольчуги и выше толстенных сапог, здесь только тонкая ткань защищала тело гвардейца. Один точный удар острых, словно стилеты, клыков — и двуногий окажется беспомощней младенца. Однако это были не серые охотники — псы оставались псами, атакуя в прыжке или встав на задние ноги, весьма по-человечьи, и гибли один за другим.

Армледер начинал уставать — слишком много сил отнял первый безумный порыв. Немного придя в себя и излив на стаю поток душившего его бешенства, капитан стал драться расчетливее и экономнее. Он встал спиной к раздвоенному дереву, на которое собирался немедленно взобраться, если стая продолжит нападение. Псы выдохлись тоже — перед человеком стояли семь или восемь оставшихся в живых собак. Бока у всех тяжело опадали, языки вывалились набок, спины и морды многих были иссечены хлесткими, стегаящими ударами палаша — те, кого в прыж-

ке достал кинжал или кого Армледер рубанул с плеча, уже выпускали дух. А капитан мельком подумал, что пес остается псом — если волки атакуют умело, вразбой, не мешая друг другу и совершенно молча, то собаки в течение всего боя заливались лаем, доводя себя до полного изнеможения. Когда-то он беседовал с одним ярмарочным пронырой, зарабатывавшим себе на хлеб собачьими боями на площадях Тарантии и Танасула. Тот утверждал, что большая половина бойцовых псов умирает не столько от ран, сколько от обезвоживания, бестолково лая, выхаркивая пену и визжа.

— Итак... — спокойно сказал капитан, словно участвовал в турнирном поединке на ристалище столицы. Звук голоса человека, ненавистный одичавшим его слугам, сделал свое дело — псы взвыли, и один бросился. Армледер ждал его, выставив окровавленный кинжал и краем глаза следя за остальными.

Однако пес не долетел до своей цели. Коротко взвизгнув, он упал в двух шагах от аквилонца со стрелой в бок. Немедленно вся стая повернула морды. Глядя поверх песьих голов, Армледер увидел, как на поляну не торопясь выходят вооруженные люди. Их было много — не один десяток и не два. И все, без сомнения, бывалые воины. Больше не обращая внимания на попятившихся псов, они рассредоточились по поляне, бегло оглядев изуродованные трупы и пепельные пятна на траве. Пятеро лучников, с наложенными на тетиву стрелами, стояли поблизости, не делая попыток приблизиться к собакам. Неподалеку от них остановился еще один. У этого лук был за плечами — он держал за уздечку коня капитана. Конь уже не брыкался, видимо, умело усмиранный и успокоенный. Только дико косил взглядом в сторону мертвых собак.

Оставшиеся в живых псы постояли, ошетинившись над трупом своего застреленного товарища, затем кинулись к спасительной чаще. Ни одна стре-

ла не полетела им в след. Лучники проводили их спокойными взглядами, неторопливо пряча стрелы. Остальные, выставив посты и обозрев окрестности, принялись раскладывать костры. Двигались они с неторопливой, скупой грацией опытных бойцов и путешественников. Прежде чем усесться на свернутые плащи после, без сомнения, длительного марша, некоторые повели расседланных коней к небольшому ручью, другие занялись правкой оружия. Амледер видел: прибывший отряд не был в бою давно, однако мелькание правильных камней и промасленных тряпич говорило о том, что слишком часто жизнь этих воинов зависела от состояния их снаряжения. Люди явно привыкли к жесткой дисциплине, и капитану стало ясно, что это не разбойничья ватага или дружина какого-нибудь мелкого баронского сына, собранная из разного отребья.

Расположившись там же, где стоял насмерть, лишь опустившись прямо на траву и обтирая клинки, Амледер с интересом разглядывал прибывших. Ни на одном он не увидел ни знакомых мундиров или камзолов, ни каких-либо значков или гербов. Удобная дорожная одежда, толстые серые либо зеленые плащи, простая, но надежная сбруя и снаряжение: оружие — самое разное, какое только можно было увидеть в добром десятке хайборийских держав, столь же пестрые доспехи у некоторых, видимо, десятников.

«Не немедийцы, не аквилонцы. Пожалуй — наемники-хайборийцы со всего света. Вон тот, из Зингары, больно смуглый, тот явно родился в Пуантене: хоть сейчас Троцера в оруженосцы. В основном — из Аргоса и Офира. Вот только что здесь делает явно без королевского ведома столь крупный отряд наемников? Или это тоже — дела моего братца?» — лениво думал Амледер. На него не обращали особого внимания, располагаясь на привал, но и не выпускали из виду. Опытным взглядом капитан зацепил три молчаливые фигуры, как бы невзначай облокотившиеся о

пики на некотором от него отдалении, отрезав от ближайших зарослей.

Наконец на поляну выехал одинокий воин, с черной повязкой на глазу, и к нему устремились те, в ком Амледер безошибочно определил десятников. Выслушав их, одноглазый, несомненно выходец из Аргосы, прыгнул со своего скакуна и неторопливо двинулся в сторону аквилонца. Дойдя до места, сплошь заваленного собачьими трупами и останками людей, он даже не сбился с шага, сверкнув единственным глазом, и продолжил свое неторопливое движение. Амледер поднялся, убрав в ножны палаш, а кинжал — за голенище сапога. Сейчас он был доволен, что не отправился в путь в мундире Черных Драгун. Что-то ему подсказывало, что приближающийся командир наемников вряд ли испытает трепет перед тарантийским гвардейским офицером. На капитане был простой дорожный костюм и неброские доспехи. Словом, он запросто мог быть одним из этого отряда — бродячий солдат, искатель счастья и золота.

— Приятно встретить в этих лесах опытного бойца, — проговорил сквозь сжатые зубы одноглазый, останавливаясь напротив Амледера и пристально его разглядывая. — Мой друг, без сомнения, из тайного ордена Борцов с Бродячими Собаками и Защитников Падали?

— А мой собеседник испытывает сострадание к собакам, будучи сам из Псов Войны? — немедленно отпарировал капитан с елеинной улыбкой, которая далась ему не без труда, — назвавший его павших солдат «падалью» уже не мог рассчитывать на доброе к себе отношение.

— Проницательно. И смело, — без всякого выражения и не делая попыток схватиться за меч, произнес аргосец. — Королевский солдат?

— Бывший, — коротко ответил Амледер.

— Служил Короне Аквилонии или Немедии?

— Немедии. Северная пограничная стража.

— Тоже что-то вроде Пса Войны, а? Не линейный полк, не гвардия, не баронская дружина. Значит договоримся, или по крайней мере пойдем друг друга. Едешь к присмотренной вдовушке, пить пиво и пасти свиней или ищешь нового хозяина?

— Вообще-то, Митра свидетель, к домашним животным у меня одна страсть — забить и пожрать. От пива никогда не отказывался, а вдовушки... мне еще не поотрубали пальцы, клинок держать могу, а маркитантки или шлюхи из кабаков и иных почтенных заведений моложе, да и в нужном деле большие мастерицы, чем домовитые бабы.

— Конь-то у тебя с клеймом Черных Драгун, милейший. Пальцы еще не поотрубали, говоришь... Знаешь, что законники делают с конокрадами?

— Наслышан. Ну так можно и потерпеть. Тем более конь-то неплохой попался. А что — есть дело, и нужны клинки?

Аргосец некоторое время разглядывал лицо Армледера, затем, видимо, оставшись доволен увиденным, щелкнул пальцами. Немедленно аквилонцу подвели его коня. Мешочек с золотом, как ни странно, висел на прежнем месте, притороченный к седлу. Конь, радостно всхрапнув, потянулся к руке, но, учуяв кровь, обрызгавшую капитана, недовольно встряхнул гривой.

— Хозяин есть. Есть и дело. Для настоящих мужчин. За что со службы выгнали, или сам ушел?

— Да за это самое, мужское. Дочка командира была такая юная, такая свежая, и весна только началась. Ну, вызвал меня один хлыщ на ристалище, я его и проткнул. Дальше — сам знаешь.

— Митра свидетель — никто не знает, где найдет то, что ищет. Беру тебя к себе. А не подошел бы... всякий, встретивший отряд Одноглазого Диго, обычно остается на месте встречи.

Последняя фраза была произнесена с явной угрозой, но без оскорбительных ухмылок, а как бы от-

мечая: собеседник введен в правила игры. Диго словно выполнил некий формальный ритуал, чем эта фраза, по сути, и была в те дни, когда наемные отряды мотались по пыльным дорогам охваченных войнами и восстаниями королевств. Армледер тех времен уже не застал, но суть сказанного понял, и кивнул головой:

— С Золотым Львом у меня свои счета. Золото — по обычаю? Это хорошо — словно ветерок старого доброго времени. Кого рубить-то?..

— Узнаешь. Не деревеньки грабить и не селян обижать. Если тебя смущает с непривычки — с немедийцами пока дела иметь не будем.

— Да Сет их всех пожри... — искренне воскликнул Армледер, Диго же от упоминания о Великом Змее неприятно скривился:

— Не именуй его. Ладно, будешь пока при мне, вижу — не простым ты ратником был... Не дергайся, твое дело, чем ты был «до того». В первом же бою позвенишь клинком, а я погляжу, чему там учат в вашей хваленной бельверусской академии... Не вскидывайся, ты не на конюшне. А на будущее — если останешься в рядах ордена Наемников, брось привычку пересчитывать коней да лучников, башкой вертеть, дозорных высматривая. Попадется кто дерганнее меня — сначала кишки по травке пустит, потом и подумает, чего это ты. Пооботрешься, другие привычки приобретешь, а пока — советую: иди во-он к тому костру. У офицеров еще вино осталось. Твоих собак порубленных залить надо.

Армледер пожал плечами и с видом беспечного рубаки, странствующего безо всякого толка и смысла, из одного гарнизона в другой, направился с конем к указанному костру. Сзади долетел голос одногоглазого:

— Эй, академик, как звать-то тебя?

— А — Капитан, по-простому, — небрежно бросил Армледер, не успев придумать ничего путного.

Диго смотрел ему вслед, теребя повязку. Один из десятников, стоявших рядом, замысловато выругался, мешая зингарскую портовую брань с солдатскими, собранными за века наемничества, премудростями:

— Он не из Псов, Одноглазый. Ты что, после стигийца совсем сдурел?

— Помолчи, нергалово отродье. Резать его — нет резона. Попадет в замок — там разберем. Лишний клинок — все одно неплохо.

Глава десятая

Великий Мастер ордена Блистательных расхаживал по крепостной стене, нервно комкая край мантии. Человек, известный одним по разбойничьей кличке Хват, а другим как родственник иранистанца Керим-Шаха, некогда претендовавшего на место военачальника непобедимой гирканской конницы, но сгинувшего где-то в Ильбарских Горах не без помощи Конана, стоял неподвижно. Лицо его было скрыто под шлемом, глухом, с узкими прорезями для глаз. Стоило ему шевельнуться, чешуйчатая кольчуга, прикрывающая все тело, засияла бликами в лучах заходящего солнца. Внезапно Торкиль остановился и, уставив в Хвата длинный палец, быстро заговорил:

— Все наши силы стянуты в замок?

— Да, Мастер. Последний отряд, что привел Одноглазый, сейчас располагается. На ночь аргосец выставит уже своих часовых.

— Как остальные восприняли, что идут под начало Одноглазого?

— В общем-то спокойно. Наемники его знают как дельного да и последнего из великих командира.

— Словом, никто и не вякнул?

— Да, Мастер.

— Остальные Равноблистательные?

— Расползлись по своим замкам. Все готово к выступлению. Аквилонцы хоть завтра поднимут над

башнями наши знамена, дружины готовы к осаде. Край полностью опустошен — королевской армии тут нечем будет поживиться, у них же, как у нас, подвалы и казематы ломятся от припасов. Немедийцы ожидают, когда в Бельверусе почуют неладное и подтянут к лагерю барона Оливея войска. Ими будет командовать Равноблестательный, имя которого известно Мастеру, но неизвестно мне, скромному слуге ордена. Офицеры там уже подобраны соответствующие. Как только верные Оливею войска разоружат и в немедийском воинстве будет наведен порядок, к выступлению присоединятся и немедийские братья.

— Что еще?

— Вместе с отрядом Диго прибыл ваш брат, инкогнито, под видом немедийского наемника. В здешних краях он очутился в свите принца Конна, участвовал в нападении на мой лагерь, затем был в порубежном гарнизоне Оливея.

— Любимый брат решил лично вправить мне мозги? Отлично, хвала Тем, Что Вокруг и Внутри Нас! Не придется его разыскивать по всему королевству.

— Проследить за ним?

— Что? Да зачем. В одиночку он тут ничего не натворит. Будет рваться поговорить со мной — пусть идет. Будешь поблизости — под защитой твоих сабель и искусства Розия Великолепного я буду чувствовать себя рядом с этим головорезом намного увереннее.

— Шепнуть Диго?

— А вот этого — не надо. Каждый должен знать ровно столько, сколько ему позволит орден и силы, им управляющие. Пока он не прошел Обряда Посвящения и Снисхождения к Нижним Водам, он всего лишь цепной пес при постоялом дворе.

— Кроме того, вокруг замка шляется жрец Сета.

— Ого, клянусь Нижними Водами и Предвечным Временем, пронюхали кое-что — и зашевелились? А

вот это — очень и очень интересный экземпляр для Обряда. Я как-то не рискнул отправлять в Стигию за парой-тройкой посвященных. Смешно, но по привычке многие побаиваются слугителей Змея. А этот, выходит, пришел сам? Ну что ж, как говорят — не суй руку в жернов. Можно его отловить?

— Мастер более меня сведущ в таких делах. Если бы речь шла о воинском отряде или, как в прошлый раз, — о наемных убийцах...

— Ах да! Они уже пытались достать нас, правда довольно-таки убогими методами — то ли Черный Круг окончательно зачах, после того как Конан погнал Тот-Амона по всему свету, а Стигию потоптала аквилонская кавалерия, то ли они держат нас за ярмарочных фокусников. Много же стервятников слетелось в пеллийские земли. Заставить бы их всех передрасться меж собой.

— Хорошо бы, Мастер, но как?

— Ну, пока твои хозяева с моря Вилайет уверены, что ты идешь по стопам почтенного Керим-Шаха, гирканцы готовы пронестись черной молнией по югу Немедии и Аквилонии...

Хват вздрогнул всем телом, будто воспоминание о некоей боли ударило его бичом. Торкиль же продолжал рассуждать вслух, не замечая:

— А значит, армию Золотого Льва в любой миг можно натравить на гирканцев: пусть только один степняк пересечет границы хайборийских земель, воняя бараньим жиром и распевая заунывные гимны четырем ветрам...

Хвата опять пронзила судорога, но он остался стоять, лишь сменив позу и облокотившись на гранитный зубец стены. Мастер наконец заметил его нервозность и откровенно улыбнулся:

— А ты все еще в плену своей степной гордости, брат мой?

— Нет, мой Мастер. Однако плоть слаба, тело мое еще сопротивляется.

— Ну ладно, это пройдет, поверь мне. Я был первым, прошедшим Обряд, затем через меня прошел весь орден Блистательных. Старая память тела будет сломлена довольно скоро. Достаточно тебе провести через Порог хотя бы одного брата.

— Могу ли я надеяться, что в самом скором будущем им станет ваш брат, Мастер?

— Ну ты хватил, разбойник. Вообще-то я хотел сам, но... без сомнения, ты заслужил. Я дам согласие в ближайшие дни. Так — остается захват усадьбы королевского наместника, может быть, поимка стигийца... Кроме того, могут в окрестностях нашей твердыни появиться и иные незваные гости. Равноблистательные справятся в своих замках, Диго — в цитадели, но для мелких вылазок мне все еще нужен решительный человек с двумя лучшими в мире клинками.

— Благодарю за доверие, Мастер. Однако я не вижу способов стравить кого бы то ни было...

— Гирканцев с Львом, немедийцев — с теми и с другими, Стигия, без сомнения, боится усиления степняков, значит, может вмешаться хотя бы магическими путями.

— Почему же мы не поспособствовали Конану в деле устройства малой пограничной войны с Немедией, Мастер?

— Как так — не поспособствовали? Твоя активность на тракте ненавязчиво привлекла сюда этого выжившего из ума венценосного дикаря. Он прилетел — и ринулся в бой, как охотничий крик на полудохлую домашнюю курицу, разве не так? И он кинулся через границу, желая всласть намахаться мечом. Но... Оливей — не такая простая штучка. Он — не самый глупый член военного совета Немедии, и уж точно — самый знающий о наших делах. Не успел Конан начать пьянствовать в аквилонском гарнизоне, как хитрый барон уже вызвал из Тарантии Троцero с Конном, чуя начало событий. Надо мне было

послушать тебя. Сейчас Оливей был бы мертв или, пройдя Обряд, стал бы Равноблистательным.

— Еще не поздно, Мастер.

— Боюсь, он уже начал против нас маленькую войну. Но нет ничего в этом жалком мире, что не пойдет на пользу Тем, Что Вокруг и Внутри Нас. Армледер оказался в цитадели. Но как только из Бельверуса прибудет нужный нам командующий, Оливей сместят или по крайней мере — отодвинут в тень... и вот тогда можно будет с помощью разных уловок заставить немедийцев поверить, что наше выступление — это аквилонский поход против Немедийской Короны.

— Мой Мастер...

— Да?

— Куда может пойти стигиец? Он убедился, что не может незаметно пробраться в замок или действовать с помощью некромантии... Мне кажется, жрец решит пойти к Конану и рассказать ему о возможности гирканского нашествия.

— Чтобы Конан велел его стигийскую шкуру натянуть на полковой барабан Черных Дракон?

— Но такая возможность должна быть предусмотрена.

— Что-то в этом есть, мой брат...

Торкиль еще раз прошелся по стене, и ветер растрепал его мантию, сделав похожим на гигантского нетопыря, готовящегося кинуться на беспомощную жертву.

— Да. Стигийца нам нужно захватить в любом случае. Мне не нравится, что грязный некромант будет шляться вокруг моей цитадели, вынюхивая и выслушивая, строя мелкие и крупные пакости. Найди мне его, найди его логово и будь готов схватить по первому же требованию.

— Мы можем использовать в полной мере нашу мощь, Мастер.

— Да, мой орденовский брат. Время пришло. Нам больше нечего скрывать — скоро Нижние Воды под-

точат фундамент этого ветхого мира и хлынут в видимый мир. Слава Тем, Кто Вокруг!

— Слава Тем, Кто Внутри!

* * *

— Кром! Я, я — Конан Киммерийский должен принимать помощь! И от кого? Стигийца! Некроманта с лысой башкой и змеиной улыбкой!

Конан был совершенно вне себя. Пламя десятка свечей трепыхалось, колеблемое резкими и порывистыми перемещениями короля, от чего тени метались, словно бешеные. Троцero и Конн, а вместе с ними три немедийских капитана суетились вокруг разложенной на столе карты.

— Сет, Мировой Змей из Бездны свидетель! — провозгласил стигиец, воздевая руки. — Когда бы не крайняя опасность миру, я...

— Что тебе еще нужно, некромант! — раздраженно повернулся к нему Троцero. — Достаточно натерпелась Аквилония от тебе подобных. Будь доволен, что тебя не изрубили на куски, как только разобрались, кто ты такой. Вон, у Иллиаха руки все еще чешутся, да и король еле сдерживается. Поди прочь. Сведения, добытые тобой, не имеют никакой ценности. И о разворованном храмовом золоте, и о гирканском коварстве нам известно от барона Оливей.

— Но я могу найти вам тайный вход в их замок.

— А он есть? — неприязненно спросил Конан, нервно теребя свою знаменитую перчатку, словно одна рука тянулась к мечу, а вторая старалась удержать ее от этого действия.

— Должен быть. Но магические силы...

— Заткнись! — не своим голосом заорал Конн, и положил руку на плечо старого графа. — Мы не намерены слушать эту магическую чушь! И я не намерен вести военный совет в присутствии чернокнижника, пусть он трижды клянется всеми демонами Бездны, что воюет с теми же врагами, что и мы! Бери

ратников и отправляйся искать свои подземные ходы. Найдешь проход в цитадель — тогда и поговорим.

Стигиец резко повернулся и вышел. Конан стал мрачен, размышляя о том, какова должна быть истинная причина, заставившая ярого поборника тайнств Великого Змея искать союзника в лице Льва Аквилонии и терпеть такое вот обращение. Уж он-то знал норов жрецов Сета. Однако обстоятельства требовали немедленного военного вмешательства, и он погрузился в ратные дела, на время забыв о жреце.

Глава одиннадцатая

Поразмыслив, Армледер остался доволен тем, что столкнулся с отрядом наемников и благодаря этому незаметно проник в замок.

Почти сразу он понял, что не ошибся в подозрениях и отряд «псов войны» направляется в замок к Торкилю. Необычный способ попасть в свое родовое гнездо выбрал законный наследник славного имени герцогов Пеллийских, пробираясь под видом бродячего солдата удачи, и это слегка забавляло Армледера. Неясное ощущение опасности подстегивало его, обостряя чувства и придавая жизни особый вкус. Пока что все складывалось к лучшему.

«Если братец действительно готовит мятеж, то, приди я в открытую, он и слова мне об этом не скажет. А так будет время пообтереться, осмотреться, разузнать, что к чему. Кто обратит внимание на одного из наемников, если ему вздумается поболтать да поспрашивать о том о сем, — размышлял он, направляя своего коня вслед за Диго по узкой лесной тропке, — интересно все же: что он задумал? Будет, как в старые времена, тревожить набегами соседей? Так ему быстро хвост прижмут. Хочет поднять мятеж против Тарантии? Какой в этом смысл?.. И опять же, непонятно, на что он рассчитывает. Позора, правда, потом не оберешься».

Армледера разбирала злость на своего хитроумного брата, умудрившегося развернуть столь широкую деятельность.

Впрочем, истинного размаха этой деятельности он даже не мог представить, до тех пор пока отряд не вывернул с лесной тропки на хорошо утопанную дорогу, ведущую к его родовому гнезду.

Замок, памятный Армледеру по светлым детским годам, теперь было не узнать. Уютное полузаброшенное гнездо Эйольва-странника, который, подобно всем путешественникам, был человеком несколько не от мира сего, превратилось в гордо вздымавшуюся к свинцовому небу громаду, величавую неприступную цитадель властелина окрестных земель.

Замок был даже не отреставрирован, а в большей своей части просто отстроен заново. Массивные, плотно пригнанные друг к другу серые камни стен, казалось, были не скреплены раствором, а слиты в единое целое неведомой магической силой, и замок выглядел как незыблемая монолитная скала, каким-то чудом обретшая формы неприступной цитадели.

Массивные бастions угрюмо выдвигались вперед, обеспечивая господство над окружающей местностью. Армледер не сомневался, что именно там находятся приобретенные братом баллисты, катапульты и другие достижения военной механики, призванные облегчить жизнь осажденным и ускорить гибель осаждающих.

Рядом что-то одобрительно пробурчал Диго. Одноглазый наемник за свою жизнь повидал немало укреплений, и ему было достаточно беглого взгляда, чтобы точно оценить достоинства и недостатки любого оборонительного сооружения. Он, разумеется, не перебирал в уме, как Армледер, основные тактические и стратегические категории, примеривая их к находившемуся перед его глазами замку (хотя глубоко заблуждаются те, кто думает, что неотесанному наемнику незнакомы эти понятия — известно немало случаев, когда такой вот нечесаный, покрытый грязью и

шрами «пес войны» посрамлял своих нанимателей тонким знанием деталей военной науки). Диго чувствовал нутром, что будет стоять в бою та или иная крепость. И одобрительное ворчание наемника говорило о достоинствах родового гнезда герцогов Пеллийских, пожалуй, даже больше, чем многословные рассуждения королевских стратегов.

Внутри, к удовольствию Армледера, замок изменился гораздо меньше. Остались прежними покрытая гранитными плитами площадка внутреннего двора, высокая центральная башня и примыкающий к ней обширный каменный не то дом, не то дворец, окруженный по второму этажу крытой галереей. Позади него располагались постройки для челяди.

Старые здания были подновлены и отделаны заново. Добавились лишь два добротных длинных дома, вытянувшиеся вдоль крепостных стен и до боли напоминавшие Армледеру казармы в боссонском пограничье.

Отряд наемников прибыл в замок поздним вечером. На внутренний двор уже опустилась тень. Ехавший впереди Диго о чем-то переговорил с вышедшим ему навстречу человеком (Армледер не смог припомнить такого среди челяди) и, приподнявшись на стременах, крикнул своим головорезам:

— Сегодня всем отдыхать. Размещаемся в той вот лачуге. — Он небрежно махнул рукой в сторону левой казармы. — Завтра с рассветом на построение, безделье кончилось, начинаем отрабатывать деньги.

«Псы войны» устраивались на новом месте без суеты и спешки. Кто-то чинил прохудившийся сапог, кто-то чистил доспех. Армледер по привычке проверил свою амуницию, с наслаждением стащил с себя доспехи и рухнул на койку. По давней походной привычке использовать для отдыха любую возможность Армледер моментально заснул, мысленно приказав себе проснуться через пару часов.

Когда он открыл глаза, факелы уже не горели, а вокруг раздавался разнообразный храп. Нарочито

медленно, лениво, словно не до конца проснувшийся человек, Армледер поднялся и вышел наружу.

Внутренний двор замка был погружен во тьму, лишь в одной из угловых башен светилось окно. На фоне неба виднелись силуэты часовых, мерно шагавших меж зубцов крепостных стен.

Стылый ночной ветерок приятно охлаждал тело. Армледер несколько раз глубоко вздохнул, словно пробуя на вкус воздух родного дома.

Бесшумно, как летучая мышь, он кинулся через двор к большому дому, очутился под галереей, подпрыгнул, подтянулся и вскоре уже находился внутри здания.

Темные коридоры, скупо освещенные редкими факелами, помогали ему остаться незамеченным, но отнюдь не способствовали вере в успех.

Армледер направлялся в отцовскую библиотеку. Он помнил, что Торкиль в юности большую часть времени проводил именно там, и логично было предположить, что там он устроил свой рабочий кабинет. А в нем уж, Армледер был уверен, найдется хоть что-то способное пролить свет на происходящее.

Услышав впереди еле слышный шорох, Армледер тенью метнулся в боковой коридор и затаился за выступом стены — свидетельством странностей архитектора, которое сейчас, пожалуй, впервые за все время своего существования сослужило кому-то добрую службу.

Бросив осторожный взгляд в сторону покинутого коридора, Армледер с изумлением увидел тихо крадущегося Одноглазого Диго, державшего небольшой светильник с хитрым приспособлением, которое часто используют знающие толк в своем ремесле воры. Крохотный колпачок полностью закрывал пламя, выпуская наружу лишь тонкий луч света. При необходимости отверстие закрывалось, и свет вообще не проникал наружу, хотя внутри продолжал тлеть огонек.

Одноглазый наемник быстро и бесшумно двигался по коридору. Покинув свое укрытие, Армледер бросил взгляд ему вслед и успел заметить закрывающуюся дверь в один из «гостевых покоев». Видимо, главаря стаи «псов войны» гостеприимный хозяин замка решил держать под рукой.

Помаив голову над странным поведением Диги, Армледер двинулся дальше. Вскоре коридор повернул и закончился у массивной дубовой окованной железом двери. Секрет запиравшего ее замка знали лишь владельцы замка, поэтому было маловероятно, что Торкиль выберет для хранения своих документов другое место.

Армледер особым образом, с паузами, несколько раз нажал на голову грифона, украшавшую центр двери. Одна из панелей отошла в сторону. Армледер сунул руку в образовавшееся отверстие и потянул за стальную скобу, отодвигая толстый засов. Тяжелая дверь медленно приоткрылась, и Армледер скользнул в образовавшуюся щель.

Вдоль стен тянулись высокие шкафы, заполненные книгами в разнообразных переплетах, древними манускриптами и отдельными стопками папируса. Кое-где лежали глиняные таблички, покрытые письменами, не известными никому из ныне живущих людей. Покойный Эйольв Пеллийский являлся большим любителем книг. Это была его вторая страсть после неискоренимой тяги к путешествиям. В каждом из странствий Эйольв настойчиво отыскивал редкие книги. За некоторые свитки из его коллекции готовы были отдать несметные богатства жрецы самых разных религий, особенно те, кто посвятил свою жизнь изучению магического искусства. В этих книгах излагались мрачные тайны чародейства, и история приобретения Эйольвом каждой из них сама по себе могла бы считаться подвигом.

Широкий мраморный стол стоял посреди библиотеки, заваленный многочисленными свитками на не-

знакомых Армледеру языках. По всей видимости, здесь Торкиль и проводил большую часть своей жизни. Армледер принялся обшаривать полки рядом со столом, на которых в беспорядке лежали куски пергамента, исписанные нервным, торопливым почерком брата.

«Концентрация магической энергии... Приемы в свитке Валузийских хроник... Сила особого рода...» Записи напоминали Армледеру дневник полусумасшедшего мага, а не планы коварного заговорщика. Наконец он наткнулся на документ, представивший большой интерес. Это был список расходов на восстановление и укрепление замка.

Увидев сумму, истраченную братом на реставрацию родового гнезда, Армледер даже присвистнул от удивления. Он давно понял, что расходы по приведению замка в теперешний вид намного превосходили казну Торкиля, но не мог и предположить, насколько они их превосходили. Пожалуй, даже если бы Торкиль распродал принадлежащую ему землю и немногочисленные семейные реликвии, все равно вряд ли бы удалось получить хоть половину истраченных денег.

«Вот и думай теперь,— произнес про себя Армледер,— откуда братец взял столько денег. Даже если Хват отдавал ему награбленное, все равно не хватило бы...» Но сейчас не стоило думать об этом. Времени до рассвета оставалось немного, а Армледер хотел найти записи, которые могли пролить свет на происходящее в замке и в голове брата.

Вскоре Армледер, осторожно закрыв за собой дверь в библиотеку, быстро пробежал по коридорам, спрыгнул с галереи и вернулся в казарму. Насколько он мог судить, его отсутствие осталось незамеченным. В результате поисков ему удалось обнаружить несколько небезынтересных документов: записку о положении дел в Туране, не содержащую практически ничего интересного, кроме первых слов «так, значит,

пожаловали прямо из Турана», начало трактата, увязывавшего достижения хайборийских народов с чистотой расы и выдвигавшего в качестве единственного способа улучшения положения хайборийцев восстановление расовой чистоты путем целенаправленного вливания чистой крови; лежавшие на видном месте записи о ведении боя с пометками Торкиля на полях: «по Розилию, наоборот», «Кайран Бек рекомендует сразу уходить с линии атаки», «большинство туранских школ не признает этого способа защиты» и так далее. Имя Кайран Бек показалось Армледеру смутно знакомым, но с чем именно оно было связано, он так и не смог вспомнить.

Укладываясь в койку, Армледер перебирал в уме узнанное в результате ночной вылазки, пытаясь найти нить, связывающую все непонятные события. В голове вертелись самые невероятные догадки. Самым простым было предположение, что Торкиль сошел с ума, но, к сожалению, оно ничего не объясняло. Через несколько мгновений Армледер подумал, что брат решил проводить в своих землях улучшение породы хайборийцев, используя кхитайские методы. Затем он решил, что Торкиль, проводя перестройку замка, влез в долги и, чтобы отдать их, стал грабителем с большой дороги — иными словами, что Хват — наемник Торкиля. Наконец Армледер пришел к выводу, что настоящий Торкиль убит, а его место занял туранский шпион.

Глава двенадцатая

Дисциплина в отряде одноглазого была отличная. Армледер убедился в этом наутро, когда с первыми лучами солнца наемники выстроились на площади. Только опыт многолетней службы помог ему успеть вовремя.

Из второй казармы на площадь тянулся самый разношерстный народ: десяток угрюмого вида заморийцев, два-три зингарца, сплоченный отряд боссонцев, несколько шемитов. Особняком держались выходцы из Нордхейма, покрытые волчьими шкурами, увенчанные рогатыми шлемами и сопровождаемые сворой гигантских псов в шипастых ошейниках. Рядом с белобрысыми и рыжеволосыми северянами расположились южане — черные как смоль выходцы из Дарфара.

От вида этого пестрого сборища у Армледера голова пошла кругом. Но его удивление перешло все границы, когда он увидел маленький отряд пиктов. Поразительно, но дикари оказались, пожалуй, самыми дисциплинированными из собравшегося здесь сброда, не считая, конечно, отряда самого Диги, и образовали некое подобие шеренги. Остальные подходили медленно, не торопясь, демонстрируя свое пренебрежение к происходящему.

— Всем быстро строиться! — взревел незаметно появившийся Диги.

Приказ подействовал. Командиры отрядов наконец добились от своих людей чего-то напоминавшего построение захудалого гарнизона в какой-нибудь центральной провинции, долго не бывшего в бою и разжиревшего на дармовых харчах.

Лишь огромный шемит, по глаза заросший черной клочковатой бородой, по-прежнему развалясь стоял посреди площади и никак не реагировал на происходящее. Услышав слова Диго, он отвернулся в сторону и демонстративно плюнул.

Диго побледнел. Его единственный глаз с яростью сверлил шемита.

— Кранк! — вполголоса произнес Диго и слегка повел головой.

Один из десятников подскочил к шемиту и ответил ему оглушительную оплеуху. Взревев, тот попытался выхватить из ножен широкую саблю, но на его руку уже легла ладонь Одноглазого.

— Встать в строй, мразь! — рявкнул наемник, без видимого усилия задвигая оружие в ножны. — Здесь команду я! Если не нравится, попробуй выяснить отношения со мной.

Диго оттолкнул от себя шемита, словно мешок с тряпьем, и тот поспешил занять место в строю. Одноглазый отвернулся и неторопливо вышел на середину плаца.

— Через пару дней нам придется немного помахать оружием, — негромко сказал аргосец. — Для этого все вы здесь и собрались. Я буду вашим командиром. Правила простые: приказы не обсуждаются, а выполняются. Кому что-то не нравится, может обратиться ко мне после того, как выполнит приказ. За неподчинение наказание такое же, как за предательство. Сейчас самое время немного поразмяться, чтобы в первом же бою ваши кишки не размазались по книге Хозяйки Судеб. Вперед.

Армледер озибался, пытаясь понять, что же будет происходить дальше. Заметивший его недоумение

офицер, один из тех, с кем он пил вино на привале в лесу, сказал, извлекая из ножен два коротких меча:

— Чего стоишь как столб, немедиец? Давай готовься, а то в бою живым не останешься.

— Как, боевым оружием? — спросил Армледер.

— Не бойся, не порежешься. Разве что царапнут немного или ухо отхватят, — захохотал довольный своей шуткой офицер.

Тем временем Диго отослал лучников в дальний конец двора, где виднелись установленные мишени, подошел к оставшимся и коротко указывал, кому с кем предстоит скрестить мечи. Каждому наемнику из своего отряда он назначал в противники одного из тех, кто не был ему знаком.

Армледеру достался тот самый бородатый шемит, больше напоминавший медведя, чем человека. Многочисленные шрамы не добавляли привлекательности его лицу, но недвусмысленно свидетельствовали, что их обладатель отличается не только наглостью. Он не забыл недавнего унижения и горел желанием сорвать на ком-нибудь злобу. Лениво отбивая его удары, Армледер обдумывал свои ночные находки и с опозданием заметил, что противник ведет не тренировочный бой, а всерьез пытается выпустить из него кишки.

Он неудачно парировал очередной выпад, и острый кончик сабли царапнул по щеке. Глаза шемита загорелись, словно у волка, почуявшего запах свежей крови. Решив, что противник со своим палашом, казавшимся по сравнению с его чудовищных размеров саблей хрупкой игрушкой, не сможет оказать достойного сопротивления, шемит бросился вперед. Следующая его атака напоминала ураган, к счастью для Армледера, не только по силе, но и по мастерству исполнения.

Хладнокровно пропустив мимо очередной круговой удар, Армледер не стал тратить время и плашмя врезал палашом по уху своего противника. От не-

ожиданности тот отшатнулся, вновь бросился вперед, и тут же ему в лицо, добавив еще парочку шрамов, врезался эфес палаша. Выронив саблю, шемит тщетно пытался вытереть кровь, залившую глаза.

Оказавшийся рядом Диго с одобрением поглядел на Армледера:

— Молодец, капитан. Вижу, в вашей академии кое-чему стоящему все-таки учат. Не каждый смог бы уложить этого борова. Только чего ты ждал так долго? — И, безо всякого перехода повернувшись к шемиту, Диго рявкнул: — Подними саблю, ты, Нергалово отродье, вытри сопли и продолжай! — затем отвернулся и неторопливо пошел дальше, с легкостью лавируя между сражающимися.

Армледер спокойно поджидал шемита, все еще пытавшегося остановить кровотечение из рассеченной брови. Внезапно по площади словно пронеслось дуновение холодного ветра. Прекратился звон клинков, сражающиеся замерли, будто повинувшись неслышной команде. Почувствовав спиной чей-то холодный взгляд, Армледер обернулся.

Рядом с Диго, что-то вполголоса говоря ему, скользящей походкой шел Хват, все в том же змеином доспехе, что был на нем во время стычки в лесу. Палаш в руке Армледера задрожал, как будто оружие вдруг ожило и рвалось в бой помимо воли хозяина. Диго остановился и оглядел отчего-то притихших головорезов:

— Почтенный Эолабар изъявил желание поближе познакомиться с нами и лично проверить уровень подготовки, — с едва уловимой иронией в голосе произнес Одноглазый. — Кто желает доставить удовольствие почтенному Эолабару?

Эолабар. Так же как Кайран Бек, это имя откуда-то было знакомо Армледеру. Что-то зудело и шевелилось в памяти, но поймать воспоминание не удавалось.

Тем временем к Хвату (или Эолабару) подошел Кранк, десятник из отряда Диго. Взглядом испросив

разрешения у командира, он небрежно отдал салют и встал в позицию, откровенно пародируя знаменитые обычаи Черных Дракон. Хват без слов вытащил из ножен две короткие кривые сабли. Кранк атаковал, явно надеясь на длину своего меча... и через несколько мгновений оказался обезоруженным и отошел в сторону, потирая кисть. Следующая схватка заняла несколько больше времени, но закончилась с тем же результатом.

Диго медленно закипал. Что здесь понадобилось этому Сетову выкормышу? Он помнил слова стигийца и видения, показанные ему магом, знал, что Змееныш, как он про себя называл Эолабара, отличный боец, но увиденное превзошло все его ожидания. За несколько мгновений расправиться с Кранком, одним из лучших бойцов вольного братства наемников, — такого Диго еще не видел.

— Как же его убивать-то? — пробормотал он себе под нос. — Из арбалета в брюхо, что ли?

Рука одноглазого главаря наемников потянулась к эфесу, затем замерла. Диго оглядел свое притихшее войнство.

Армледер решительно шагнул вперед. Боль и бешенство, которые он пережил вчера над поруганными трупами своих Драконов, слились в одно, всепоглощающее чувство. Сейчас он испытывал только ненависть — холодную ненависть к этому змееобразному разбойнику. Соблюдая обычай, он вопросительно посмотрел на Диго, наемник кивнул, в выражении его лица промелькнуло одобрение, но голос остался прежним — ироничным и язвительным:

— Давай, капитан. Ты неплохо справился с этим шемитским ублюдком. Посмотрим, что у тебя получится с настоящим противником.

Отсалютовав, Армледер осторожно сделал пару выпадов, которые Хват без труда парировал и быстро атаковал сам. Защита Армледера тоже оказалась

успешной. Разведка закончилась. Противники прощупали друг друга и на мгновение замерли.

С первых движений Хвата Армледер почувствовал, что нынешний соперник — не чета предыдущему. Шемит рубился, полагаясь только на свою силу и знание пары несложных приемов. Хват же, наоборот, казалось, не просто фехтует, но живет схваткой. Вне всякого сомнения, это был тот же человек, с которым Армледеру довелось схватиться несколько дней назад.

Его движения оставались плавными и естественными, сабли в руках казались не оружием, а продолжением его тела. С подобным мастерством Армледер сталкивался лишь тогда, когда король Конан еще был полон сил и время от времени с мечом в руках сам муштровал своих телохранителей (тогда еще — Черных Дракон).

Змеиные, струящиеся движения Хвата казались обманчиво медленными, словно перетекали одно в другое, и неожиданно один из его клинков устремлялся в смертельный полет, угрожая рассечь противника. Уже несколько раз короткая сабля мелькала у лица капитана, и лишь в последний момент ему удавалось уйти от удара, а палаш Армледера раз за разом проваливался в никуда — Хват неизменно оказывался на шаг в стороне, уходя от неотразимых, казалось, ударов.

Схватка продолжалась всего несколько мгновений, но Армледер чувствовал себя так, будто рубится уже целое утро. Сабля Хвата чиркнула по его кирасе, но ответный удар тоже оказался удачным — длинный кинжал Армледера скользнул по броне разбойника, и тот едва успел отшатнуться. Армледер несколько воспрял духом и стремительно атаковал. Соперник не остался в долгу.

Обоим противникам удалось слегка задеть друг друга. Короткая сабля прошла по левому запястью Армледера, отомстив за ранение, полученное разбой-

ником в недавнем бою. Ответный выпад аквилонца легко поразил бедро Хвата. Бешеный ритм схватки и полученные царапины начинали сказываться. Противники начали сражаться медленнее и осторожнее.

Последовало несколько безрезультатных стычек, и Армледер почувствовал в поведении Хвата какую-то трудноуловимую странность.

Со стороны это было незаметно — всем казалось, что в бою сошлись два равных бойца, но Армледер чувствовал, что уступает, проигрывает разбойнику. Но в то же время Хват не пользовался своим преимуществом. Уже пару раз, преодолев защиту капитана, он останавливался, не нанося последнего, решающего удара.

Этот негодяй издевался, играл с ним. От этой мысли бешенство с новой силой охватило Армледера. Точно так же, как недавно шемит, он устремился вперед, обрушив на разбойника град бесплодных ударов. Но Хват вдруг резко отступил на шаг назад и опустил сабли. Из-под шлема донесся незнакомый приглушенный голос:

— Благодарю за доставленное удовольствие. Для меня честь сражаться с вами, капитан. — В последнем слове Армледеру почудилась едва уловимая насмешка.

Хват поклонился, вложил сабли в ножны и, кивнув на прощание Дигу, отправился в сторону донжона.

Армадлер машинально ответил на поклон и развернулся, чтобы направиться к поджидавшему его шемиту, когда его остановил голос Дигу:

— Молодец, капитан. Нашелся хоть один, кто чего-то стоит, слышите, вы, Нергаловы дети! Капитан, с завтрашнего дня будешь учить этих недоносков обращаться с оружием, как подобает мужчинам. — Радость старого наемника выдавал только оживившийся взгляд. — А пока достаточно. Сейчас пожрете, потом привести себя в порядок, проверить снаряжение. Десятники, подойдите ко мне, распределим участки

обороны, остальные свободны. Вечером командиры отрядов покажут, кто где будет стоять при нападении врага, а ты, капитан, найди меня, надо будет с тобой поговорить.

Вложив в ножны палаш, Армледер направился к стоявшей в углу площади бочке с водой, чтобы смыть пот и грязь. Бешенство схлынуло, оставив в душе удручающую пустоту. Шаги по каменным плитам гулко отдавались в голове. Отчего-то в памяти всплыл момент окончания бельверусской академии, когда на почти такой же площади он в последний раз приветствовал своих наставников. Вспомнилось добродушное лицо одного из них, при взгляде на которого трудно было предположить, что большую часть жизни он провел при дворах соседних государств, выполняя секретные поручения немедийского правительства. И плеснув водой в лицо, смывая пот, Армледер отчетливо услышал его слова: «В каждой стране есть свои знаменитые шпионы. У Аквилонии был Бохолучник, который жил среди пиктов, и те долгое время принимали его за своего. С его помощью удалось предотвратить несколько нападений. Жаль, потом дикари разузнали, чем он занимается, и, оценив его мужество, принесли в жертву своим богам. Был еще зингарец, не помню его имени, благодаря которому Нумедидосу удалось выиграть войну с Аргосом, узнав, где будет находиться вражеский флот. Тоже плохо кончил — аргосцы привязали его к носу корабля в одном из сражений, и к концу боя он был утыкан зингарскими стрелами, словно дикобраз. А из живых самый знаменитый шпион — туранец. Никто не знает его лица, и даже неизвестно, какое у него имя. Иногда его зовут Кайран Бек, иногда Эолабар Бан, пользовался он именами Астан Кертийский и Шелим-Шах. А сколько у него еще прозваний, никому не ведомо».

Глава тринадцатая

Появление Армледера в казарме было встречено дружным одобрительным шумом — после боя с Эолабаром, где капитан показал, на что способен, матерые волки приняли новичка в стаю.

— Эй, немедиец! — раздался хриплый голос Кранка, — капитан! Иди сюда, выпьем. Выпьем этой кислоты, которую они тут на севере предпочитают доброму темному виноградному напитку.

Перекинув ногу через скамейку, десятник, один облик которого пару дней назад заставил бы Армледера немедленно доставить наемника к наместнику провинции для выяснения личности и причин появления в здешних местах, сейчас протягивал Армледеру кружку, и вид у него был словно у мальчишки, чьего обидчика только что отодрал ремнем взрослый защитник.

— Садись, капитан, и выпьем! — Он всунул кружку Армледеру, подвинулся, освобождая место, а когда капитан уселся, в порыве чувств так хватил его по спине, что половина кружки выплеснулась на стол.

— Славно рубишься, Митра свидетель. Этому чешуйчатому, Нергал его разбери, думаю, давно не тыкали кинжалом в брюхо. То-то он присмирел. Сам-то я сегодня не в форме — видать, малость перебрал вчера, а то бы заставил этого змея кусать себя за задницу.

Армледер с удовольствием рвал зубами (вилок для наемников предусмотрено не было, да и мало кто из них знал, что это такое) жесткое холодное мясо и наслаждался незаслуженной славой. К своему удивлению, он чувствовал, что жизнь в вольном отряде, рядом с отпетыми головорезами, начинает ему нравиться. В этих людях было то, чего не хватало при утонченном тарантийском дворе — какая-то первобытная жажда жизни и неумная тяга к нехитрым удовольствиям, доставлявшим им больше радости, чем самое изысканное времяпровождение пресыщенным вельможам. Простые законы, по которым жили наемники: выполняй приказы командира, не трусь в бою, закрой собой товарища — стали казаться аквилонскому дворянину более приемлемыми, чем детальный «Свод правил поведения благородного рыцарства в различных жизненных ситуациях, как-то: на балу, на охоте, при встрече с незнакомцем в пустынном месте и при других случаях, возникающих в жизни», доскональное знание которого было обязательным для любого знатного аквилонца. Лишь с некоторым усилием воли он заставил себя вспомнить о присяге и дворянской чести.

Окончив нехитрую трапезу, «псы войны» принялись наливать пиво, а Армледер незаметно выскользнул из-за стола, захватив с собой изрядный кусок ячменной лепешки, и отправился на конюшню, куда вечером поставил своего скакуна. Первое правило Черных Драконов гласило: «Прежде чем позаботиться о себе, позаботься о коне».

Рядом с низкорослыми аргосскими лошадками его вороной выглядел как боевой корабль рядом с грузными купеческими судами. Мягкие губы нежно взяли лепешку с руки. Армледер был готов к тому, что придется долго чистить животное скребком, заставляя конюхов убираться в стойле и посыпать пол свежими опилками. Но, к его удивлению, вороной был ухожен, а дощатый пол в конюшне — чист.

Вечером надо будет вывести вороного, чтобы не застоялся, заметил себе Армледер, похлопав коня по холке. Он развернулся к выходу, сам еще не определив, куда идти — то ли найти Одноглазого, который хотел о чем-то с ним переговорить, то ли просто пошататься по замку в надежде разузнать что-нибудь интересное, и буквально столкнулся лицом к лицу с низким коренастым человеком, одежда которого и исходивший от нее запах недвусмысленно говорили любому встречному, что перед ним конюх. Широкое морщинистое лицо и нечесанные седые космы волос говорили о солидном возрасте:

— А я так и знал, что это ваша лошадка, господин, — проговорил конюх дрожащим от старости, скрипучим голосом, в котором проскальзывали расстроганные нотки, — я вчера краем глаза вас заметил, а потом гляжу: лошадка стоит, и занялся — почистил, овса насыпал.

«Монетку просит, что ли», — подумал Армледер и полез в карман.

— Как же он подпустил тебя, старик? — сказал он, не глядя выуживая один из золотых, полученных от принца Конна перед отъездом.

— Да какая же лошадка не подпустит старого Хойси, — засмеялся старик.

Рука Армледера остановилась на полпути.

Хойси. Как он мог не узнать старину Хойси, учившего малолетних сыновей Эйольва ездить верхом. Конечно, это был старый конюх, находивший общий язык с лошадьми легче, чем с людьми. Животные любили его, чуя, что этот человек не причинит им зла.

По вечерам в конюшне он разговаривал с ними и иногда рассказывал, что услышал ответ. Всех без исключения лошадей, даже тяжеловозов, таскавших древесные стволы на строительстве и обученных боевых коней он ласково называл лошадками, вызывая бурные приступы смеха у детей.

Старик был прав — не было в мире еще такой лошади, что не подпустила бы к себе старого Хойси, когда он, бормоча что-то себе под нос, подступал к ней со скребком в руках и заводил долгий невразумительный разговор о тяжелой конской судьбе. Он был старым еще во время детства Армледера, а сколько ему было лет, не знал никто. Капитан считал, что старый слуга давно уже покинул сей бренный мир, и никак не ожидал увидеть его живым. Хотя, по правде говоря, направляясь в замок, он вообще забыл о существовании слуг, которые могли помнить старшего отпрыска Эйольва.

— Как живешь, старик? — спросил он мягко.

— Страшное что-то творится, хозяин. Словно демоны в замке поселились. Все сразу и не расскажешь. Набрали слуг новых, и все отпетые головорезы. Из старых, кто еще при отце вашем был, теперь остались только я и Гэлуон-камердинер, он теперь управляющий по дому. По ночам из башни завывания раздаются и молнии сверкают, а на небе ни облачка. Люди начали исчезать.

— Что значит исчезать? — недоуменно спросил Армледер.

— Погибают, если хозяину что-то не нравится. Ни с того ни с сего со стены падают, как Ани. Говорят, пьяный был, а он в тот день капли в рот не брал, собирался к своей подружке, а до того болтал про груженные золотом повозки, которые в замок приехали. А некоторые просто бесследно исчезают, вечером был человек, а наутро нет его. Хозяин ни с кем из слуг не разговаривает и все время пропадает в подвале. Там у него потайная комната и святилище. Строители, которые в подвале работали, были из Немедии. Когда работа закончилась, отправились они в сторону границы, да только, — тут старый Хойси понизил голос до едва различимого шепота, — никто из них туда не дошел. Там на заставе у меня приятель есть, я его потом спросил, а он говорит, что за два дня

никто не проходил. А страшней всего благородный Эолабар. Поговаривают, что оборотень он, не к ночи будь помянут. Что шкуру свою меняет, днем вроде как человек, а ночью... — старик умолк.

— Что ночью? — спросил Армледер. Хойси пугливо оглянулся по сторонам и прошептал ему на ухо:

— Недавно одна служанка ночью мимо его комнаты шла, и видит — прямо сквозь дверь проступает какое-то светящееся облако, и по коридору поплыло. Она в себя пришла, только когда вниз добежала, на кухню, к слугам.

Со двора донеслись яростные крики и шум. Армледер вскочил и метнулся к выходу. В дверях он на миг остановился и бросил взгляд на Хойси.

Старый конюх поднялся. Армледер впервые заметил, какой у него светлый и чистый взгляд, напоминающий отрешенный взор отшельников Благих богов.

— Уходите, хозяин, — тяжело и как-то грустно сказал Хойси. — Жаль, столько не виделись. Да уже и не увидимся. Умру я сегодня. Поговорить бы еще... Прощай, молодой хозяин.

— Вечером подожди меня, — сказал Армледер, пропустив мимо ушей болтовню старика о смерти.

Толпа наемников во дворе замка бурлила. Подбегая, Армледер услышал короткий вопль ужаса, сразу же перешедший в стон.

Один из белых тигров-людоедов, привезенных наемниками из Дарфара, вырвался из клетки и напал на своего хозяина. Разодранное тело дарфарца с вывалившимися из живота кишками лежало посреди площади. Зверь успел покалечить еще несколько человек. Один из боссонцев зажимал рану на руке, которой уже не суждено было держать лук. Тигр бросился в собравшуюся на площади толпу. Смертельные удары когтистых лап настигали то одного, то другого.

— Всем назад! — взревел подбежавший одновременно с Армледером Диго. Толпа отхлынула, между людьми и хищником образовалось свободное пространство, в центре которого, прижав уши, рыча и хлеща себя хвостом по бокам, припал к земле тигр.

— Луки к бою! Целься! — раздавались короткие и отрывистые команды Одноглазого. Поднятая вверх рука упала, и в то же мгновение зверя пронзили пущенные со всех сторон стрелы. Промахнуться с такого расстояния было невозможно. Раздался предсмертный рев: гигантская кошка, извиваясь, билась в центре замкового двора.

Диго, оглянувшись, заметил стоявшего рядом Армледера:

— Капитан, найди кого-нибудь из слуг, пусть убьют падаль.

Глава четырнадцатая

Шаги Армледера гулким эхом отдавались от стен. Послав мальчишку на поиски бывшего камердинера, он широкими шагами расхаживал по центральному залу нижнего этажа башни. Гэлуон появился бесшумно, как и подобает вышколенному слуге.

Глаза его изумленно расширились, когда он увидел ожидавшего его человека. Выслушав Армледера, он отдал краткие распоряжения следовавшим за ним слугам, отослав их, и, преклонив колено, приветствовал хозяина.

— Встань, — сказал Армледер, — никто не должен знать, что я здесь.

Гэлуон понимающе кивнул:

— Хвала Митре, что вы вернулись. Может быть, хоть вы сможете остановить безумца.

— Расскажи мне, что здесь творится. Ты должен знать побольше, чем остальные. Что задумал Торкиль? Я уже понял, что брат собирается поднять мятеж против короны, наверное, при поддержке Турана. Не знаю, на что он рассчитывает, но, Митра свидетель, сделаю все, чтобы ему помешать. Но как ему удалось так запугать слуг? Хойси, мне кажется, на старости лет начинает выживать из ума. Он рассказал мне кучу басен, которыми дети пугают друг друга по вечерам. Неужели Торкиль действительно прикончил столько людей?

— Брат ваш не посвящает меня в свои планы. Но одно могу сказать точно: что бы ни рассказывал Хойси, это не просто болтовня. Все даже страшнее. Я давно уже наблюдаю за происходящим, и если бы не долгие годы службы... — Он многозначительно замолчал, осмотрелся вокруг и после небольшой паузы продолжил: — Пойдемте.

Ошеломленный Армледер послушно последовал за слугой. Поднявшись на второй этаж, тот бросил осторожный взгляд вокруг и нажал на одну из дубовых досок, которыми были обшиты стены. Целая панель отошла в сторону, открыв небольшой узкий проход. Гэлуон скользнул в него, на мгновение прислушался и помянул за собой Армледера. Изумленный хозяин замка, и не подозревающий о существовании в своем родовом гнезде не известных ему тайных ходов, шагнул следом. Панель скользнула на место, надежно скрыв вход.

— Если вам придется возвращаться без меня, — голос Гэлуона на миг пресекся, — с этой стороны проход открывает третий камень сверху по правой стороне.

Он еще раз прислушался и бесшумно двинулся в левую сторону. Армледер понял, что старик идет по направлению к Зале Совета, где в незапамятные времена первые герцоги Пеллийские собирали своих вассалов, разрабатывая планы военных действий против соседей.

Коридор, по которому они шли, оказался очень узким — два идущих навстречу человека могли разминуться в нем, только тесно прижавшись друг к другу. Было заметно, что потайным ходом в последнее время часто пользовались. Откуда-то падал бледный рассеянный свет, кое-где виделись боковые выходы из коридора, которые, Армледер был уверен, были незаметны с внешней стороны. Они миновали узкую винтовую лестницу, пронизывающую замок на всю высоту — от верхнего этажа под самой крышей до мрачных подвалов.

— Когда брат ваш начал перестраивать замок, — шептал камердинер, — он нашел старый план, на котором был обозначен этот потайной ход, и решил восстановить это свидетельство темных времен. С тех пор он предпочитает передвигаться скрытно от других, неожиданно появляясь там, где никто не ожидает его встретить. Использует он ход и для других целей. Хойси рассказывал про людей, которые по ночам исчезают из своих комнат? Ну вот, дошли.

Старик остановился у одного из проходов, по одному ему известным приметам отличив его от других:

— Смотрите, — шепнул он, открывая маленькое отверстие на высоте лица. С той стороны оно надежно скрыто, никто не заметит соглядатая.

Армледер приник к дыре. Несмотря на жаркий день, в Зале Совета пылал камин. У огня, зябко кутаясь в теплый меховой плащ, сидел Торкиль. Рядом с ним за длинным столом расположился десяток незнакомых Армледеру людей. Одного из них он, кажется, видел в лесу среди тех, кто атаковал его гвардейцев в стычке с отрядом Хвата. Внезапно капитан вздрогнул. Пот мелкими бисеринками выступил у него на лбу. Действительно, этот человек был среди нападающих. Армледер вспомнил, как его копье с хрустом пробило кольчугу разбойника и глубоко погрузилось в грудь. Во имя Митры, что это значит? Даже если тот чудом остался в живых, то сейчас должен был валяться в постели, не в силах встать на ноги.

Торкиль глухим голосом отдавал распоряжения собравшимся. Армледер начал прислушиваться, надеясь узнать планы заговорщиков. Гэлуон осторожно потянул его за рукав.

— Нельзя терять времени. Сейчас они будут расходиться. Вот, посмотрите, — он протягивал извлеченное из складок одежды маленькое серебряное зеркальце, — все зеркала из замка убрали, это единственное. Попробуйте увидеть их отражение.

Армледер приблизил зеркальце к отверстию так, что мог видеть в его блестящей поверхности находящиеся в зале, посмотрел — и чуть не выронил маленький серебряный кружок. Половина присутствующих, в том числе и тот, убитый им в лесной стычке, исчезла. Их отражений не было! Казалось, что за столом сидят несколько человек, переговариваясь с пустыми местами рядом с собой. Отражение брата было мутным, расплывчатым, черты его лица казались размытыми, они дрожали, плыли, колебались, перетекали друг в друга. Армледер побледнел. Убрав зеркало, он вновь заглянул в залу. Все присутствующие по-прежнему сидели на своих местах. Гвардеец чувствовал, как в сердце холодно змеей вползает страх. Не отражается в зеркалах только нежить, зловещие упыри: ожившие мертвецы, высасывающие кровь из людей.

— Пойдемте, пойдемте, — торопил его Гэлуон. Армледер вернул зеркало, заметив, что рука предательски дрожит.

Они двинулись обратно. Внезапно старый слуга резко остановился. Впереди послышался шум. Кто-то, тяжело шагая, поднимался по лестнице. Они не успевали ни спрятаться, ни добраться до выхода. Гэлуон лихорадочно бросился к ближайшему проему, открыл его и втащил за собой Армледера. Панель едва успела скользнуть на место, скрыв их от неожиданно появившегося человека.

— Прекрасно, — раздался спокойный голос сбоку, — всегда рад гостям. Стоять тихо!

Направив на них заряженный арбалет, у окна стоял хозяин комнаты, и вид у него был далеко не гостеприимный. Наметанный глаз Армледера сразу определил, что перед ним замориец, хотя широкое лицо с расплюснутым носом, обрамленное черной кудлатой бородой, сильно напоминало морду огромной обезьяны, что водятся к востоку от моря Вилайет. Маленькие глазки злобно горели под низким скошенным

лбом. Мощные плечи говорили об огромной физической силе. Тяжелый боевой арбалет казался игрушкой в его волосатых, перетянутых канатами бугрящихся мышц руках.

Не выпуская из рук оружие, он пересек комнату походкой чудовищного зверя. Сходство усиливал массивный горб за спиной.

— Ха, мне все больше нравится этот замок. Это, по-моему, здешний мажордом. Мне давно хотелось порасспросить кого-нибудь, где находится здешняя сокровищница, но, клянусь покровителем воров Белом, не думал, что меня ждет такая удача. Давай поговорим, старик. Но сначала нужно избавиться от твоего приятеля.

Арбалет сухо щелкнул, и толстая короткая стрела устремилась в грудь Армледера. На таком расстоянии она могла прошить доспехи, даже не замедлив движения. Но верный Гэлуон, угадав намерение разбойника, успел броситься вперед, падая навстречу стреле, пронзившей его тело.

Не успело еще тело слуги опуститься на пол, как Армледер молнией метнулся вперед. Он не стал тратить время на то, чтобы выхватить оружие, и все свои силы вложил в единственный сокрушительный удар, отшвырнувший горбуна на несколько шагов. Из другого человека он вышиб бы дух, но замориец даже не упал, а, переваливаясь, двинулся на Армледера.

Удар огромной волосатой руки был подобен удару булавы. Аквилонцу удалось увернуться, и он пришелся вскользь, но и этого хватило бы, чтобы сломать ему ребра, если б не спрятанная под одеждой кираса. Капитан не стал дожидаться следующей атаки, а прыгнул на заморийца, захватывая его сзади за шею. Тот повернулся, как медведь, стряхивающий вцепившегося в шкуру пса, и Армледер отлетел в противоположный конец комнаты, снеся стоявший посередине стол.

Выхватив кинжал, он вскочил на ноги. Руки горбатого рванулись к аквилонцу, но Армледер оказался

быстрее. Отточенная сталь вонзилась под ребра звероподобного убийцы. Тот пошатнулся, на миг замедлил движение, однако сумел устоять на ногах. Удар оказался не смертельным. Чудовищные руки сомкнулись на шее Армледера. Теряя силы, бородатый притянул противника к себе, обдав смрадным дыханием, и принялся сдавливать горло гвардейца.

Прямо перед собой Армледер видел налитые кровью глаза. Его кинжал раз за разом вспарывал брюхо заморийца. Пол заливала кровь, из живота вываливались внутренности. Наконец руки горбуна разжались, и он медленно сполз к ногам Армледера, застыв бесформенной грудой.

Аквилонец был покрыт кровью, как мясник на бойне. Сняв плащ, он вытер кирасу, на которой после удара бородатого образовалась вмятина, руки и сапоги. По счастью, штаны оказались не испачканы. Превратившийся в окровавленную тряпку плащ полетел в горящий камин (по счастью, замориец мерз на севере, и там пылал огонь). По комнате сразу разнесся тошнотворный запах горелого мяса.

Армледер приоткрыл дверь и выскользнул в коридор. Через несколько мгновений он входил в комнату командира наемников.

Одноглазый был собран и немногословен.

— Скажи мне, капитан,— начал он, расстелив на столе карту окрестностей,— если вдруг коронованное аквилонское чучело решит штурмовать замок, что он предпримет поначалу?

Армледер вспыхнул, но вовремя успел сдержаться.

— Так, значит, все-таки с аквилонцами драться придется,— нарочито беззаботно ответил он.— Ну давай посмотрим.

Рассматривая карту Диго, все подробности которой он знал с детства, Армледер лихорадочно пытался сообразить, что предпримет король, узнав о мятеже в пеллийском замке.

Сам Конан, скорее всего, немедленно бросился бы на штурм, даже если в его распоряжении оказалось бы лишь пара его бесноватых телохранителей. Но боевыми действиями, хвала Митре, будет командовать не сам король, а Конн или Троцеро. Следовательно, бездумного штурма с наскока не будет — незачем тратить силы, класть людей на стенах, когда можно спокойно осадить крепость и подождать, пока защитникам не придется сдаться. Значит, потребуются дороги для подвоза осадных машин и обоза.

Ну что же, если Одноглазый хочет, чтобы выпускник бельверуской академии показал свои стратегические способности, помогая расставить ловушки войскам своего короля, он получит хороший совет.

Армледер оторвался от карты и принялся рассуждать вслух:

— Судя по всему, ожидать крупного наступления нам не стоит. Насколько я знаю, основные аквилонские полки расположены довольно далеко от границы. Значит, северный тракт можно оставить без прикрытия, хоть он на первый взгляд и представляет самую большую угрозу.

Как раз когда я попрощался с родной заставой, разведчики с аквилонской стороны доложили, что на границу прибыл их король Конан. Он тут возглавлял какую-то вылазку против разбойников в горах, а потом двинул к нам в Немедию. Все ему пиратское прошлое покоя не дает, дай только меч в руках подержать. У него тут с собой было что-то около кавалерийского полка или чуть больше.

Насколько я могу судить, этот варвар сразу бросится в драку — характер у него такой. А если он командовать будет, то в обход двигаться не станет, а пойдет прямо через горы по любой тропе, что увидит. Атаковать они будут вот отсюда, — палец Армледера остановился на едва заметной горной тропе, обозначенной на карте двумя мелкими штрихами, — или вот отсюда, — он указал на другую подобную тропу.

Больше торных троп через горы нет, на остальных не то что лошадь, а и человек голову сломит.

Поэтому если поставить где-нибудь здесь парочку засад, киммериец непременно на них и наткнется. Аквилонцев там можно хорошенько потрепать, в этих горах один человек целую сотню сдержать может. Так что пока он сюда доберется, с половиной войска расстанется. А если повезет, то и сам голову сложит. Тогда аквилонцам не до нас будет пару лун — пока похоронят, пока сына его коронуют. А потом забудут, что происходит. У толстозадых столичных полководцев голова о другом болит — как друг друга подсидеть, а в бой им ох как не хочется. Уж я-то знаю, — не подумав, ляпнул Армледер и прикусил язык. Но Диго, по счастью, ничего не заметил.

Теребя повязку, Одноглазый внимательно слушал капитана, время от времени бросая взгляд на карту.

— Верно говоришь, — наконец сказал он. — Если только правда про пиратское прошлое. Только не верю я в это, Нергал его побери! Сидит он на троне уже два десятка лет, жиром весь заплыл, только и знает, что наемников сманивать да мавзолеи строить.

Сам того не подозревая, Армледер затронул болезненное место аргосца. Диго вошел в раж и продолжал, закипая все сильнее и сильнее:

— Под старость, говорят, совсем ума лишился, время от времени появляется в войсках и велит двигаться куда-то то ли в Вендию, то ли вообще Нергалу в зад. Да будь он Амра, он бы уже до Вилайета дошел, если не дальше. Одного его имени хватало, чтобы трусливые зингарские купчишки расставались с товаром. Он приплыл на острова Бараха на единственной галере, вскоре став предводителем всех тамошних рыцарей удачи, а в одном бою ему удалось на своей «Тигрице» потопить половину всего стигийского флота.

— Да ты сам подумай, — проговорил он, успокаиваясь. — Если б, например, мне или тебе довелось стать королем какой-нибудь, пусть самой захудалой, стра-

ны, мы с тобой что — мавзолеи бы строили? — Единственный глаз Диго уперся в Армледера.

Тот попытался скорчить самую алчную и зверскую рожу, какую смог, показывая, что ожидало бы страну, попавшую под его власть.

Диго внимательно посмотрел на него:

— Да нет, я не об этом, — устало сказал он.

Армледер впервые обрадовался, что вдоволь наслушался пьяных излияний Конана, когда тот вспоминал о днях лихой юности.

— Осмелюсь заметить, командир, — подчеркнуто четко обратился он к Диго, — насчет пирата и наемника — чистая правда. Был у меня приятель на аквилонской стороне, который в свое время вместе с варваром служил в следопытах на Громовой реке. А до того, он рассказывал, Конан действительно был наемником и пиратом. И Армледер пересказал одну из историй, услышанных им от самого короля, моля про себя Митру, чтобы одноглазый наемник поверил в истинную правду.

Диго хмыкнул, некоторое время внимательно изучал карту и, наконец приняв решение, спросил:

— Где, ты говоришь, лучше поставить засаду?

Армледер коротко повторил свои рассуждения. Диго задумался, продолжая теревить повязку на глазу.

— Вообще-то смысл в этом есть, — наконец проговорил он, — насколько я знаю, Конан действительно не будет ждать подмоги, а попытается с налета взять замок, даже если ему придется пустить коней вскачь на стены. Так что, пожалуй, ты прав. Отправлю я туда парочку отрядов, пусть потреплют гриву Золотому Льву, доведется ему блох повикусывать. Да еще в Немедию надо послать...

Диго бормотал, рассуждая вслух и забыв о собеседнике, затем, подняв глаза, заметил Армледера:

— Вольно, капитан! Свободен. Иди отдыхай — может, там пиво еще осталось, — произнес Одноглазый и вновь углубился в свои мысли.

Армледер вышел в коридор. Ему пришлось по душе роль тайного разведчика в чужом лагере, незаметно облегчающего победу своей армии. Удача не отвернулась от гвардейца. Убедив Диго, он хоть ненамного, но ослабил противника. Оставалось только рассказать об этом аквилонским полководцам, но это-то и было самым трудным.

Капитан Черных Драконов с опозданием понял, что не может сообщить своей стороне о сделанном. Почтовых голубей у него не было. Пытаться бежать из замка не имело смысла. Во-первых, Диго сразу же сообразит, что к чему, и все разведанное станет бесполезным. Во-вторых, он до сих пор не мог понять всего происходящего. Откуда братец взял средства на укрепление замка? Как объяснить турнирные успехи братца, знание воинских искусств, а особенно то, что капитан подсмотрел в Зале Совета?

Армледер считал себя цивилизованным человеком и не верил в упырей, но увиденное наполняло его холодным ужасом. Даже сейчас он ощутил во рту металлический привкус страха.

«Похоже, что этой ночью опять придется обойтись без сна,— подумал Армледер.— Надо бы выяснить, что это за таинственное подземелье, где пропадает мой братец. Может быть, стоит еще поговорить с Хойси, он должен знать, где оно находится».

Тут он резко остановился. Простая мысль о том, что можно отправить к королю или принцу гонца, неожиданно пришла в его голову. Нужно приказать Хойси быстро седлать коня и отправляться в путь. Погони не будет — кто заподозрит, что наполовину выживший из ума конюх представляет угрозу для заговора.

Старик сможет разыскать кого-нибудь из высокопоставленных аквилонцев и передать записку. Задуманный братом мятеж подавят в зародыше, и род герцогов Пеллийских, возможно, даже избежит позора, если удастся тихо замять дело.

Ленивым шагом скучающего без дела наемника Армледер направился в сторону конюшен. Еще издали он заметил стоявшую перед зданием запряженную повозку, а подошел к воротам как раз в тот момент, когда двое незнакомых слуг вынесли тело старого конюха и швырнули его наверх повозки тем же движением, которым кидают мешки с зерном.

Армледер почувствовал, что внутри у него все оборвалось. Сердце заколотилось тяжело, как молот, его удары гулко отдавались в ушах. Один из вытащивших тело слуг — толстый, с выпирающим вперед животом и рыжими усами — обернулся к гвардейцу и вопросительно посмотрел.

— Что, уже началось? — через силу выдавил Армледер, пытаясь казаться случайным наблюдателем.

— Не-а.— Толстый небрежно вытер руки о засаленные штаны и обнажил в улыбке желтые кривые зубы.— Старика лошадь лягнула, а он возьми да сдохни. Ему давно уже пора было, еле на ногах стоял. Мы с приятелем пришли, а он там лежит, в стойле.

Армледер посмотрел на тело старика. Белое лицо, неестественно вывернутые руки. Волосы чуть выше уха испачканы кровью. Перед глазами возникло лицо со светлыми отрешенными глазами и голос Хойси произнес: «Умру я сегодня. Поговорить бы еще...»

— Значит, лошадь лягнула,— медленно сказал он. Армледер скорее поверил бы, что король Аквилонии стал завсегдатаем театра в Бельверусе и заставил аквилонцев поклоняться Сету.

— Жаль старика,— сказал он, чтобы заглушить тишину.

— Да я ж говорю: ему давно пора было, — жизне-радостно сказал толстый.— Зажился уже.

На мгновение Армледеру показалось, что сейчас он сорвется, выхватит палаш и превратит этих до-вольно рыгающих после ужина ублюдков в кучу искромсанных окровавленных кусков плоти. Навер-

ное, что-то отразилось в его взгляде — толстяк вдруг испуганно попятился.

— Да нет, г-господин, — заикаясь, сказал он. — Старик-то был хороший. Похороним его.

Армледер повернулся и медленно пошел прочь. Мысленно он записал еще одну строку в список тех, за кого собирался отомстить — неважно кому, пусть даже своему брату, самому Сету или похожему на него змееобразному Хвату.

Пива в бочке было еще достаточно. Он долго пил с Кранком, потом они на пару заорали старую солдатскую песню, в которой служивый, изголодавшийся в долгом походе по женским объятиям, описывал то, что он сделает с первой попавшейся шлюхой, даже окажись она страшна, как сам Нергал.

Потом Армледер упал на койку и забылся тяжелым сном. В эту ночь он не отправился на поиски подземной обители брата, не думал, как связаться с аквилонцами и передать им, где будут располагаться устроенные Одноглазым Диго засады, и не видел, как перед самым рассветом замок покинули несколько десятков всадников, отправившихся кто в Немедию, а кто — на горные тропы, по которым предположительно должна будет идти, направляясь к замку, аквилонская армия.

Глава пятнадцатая

Учитывая, что пеллийские земли и несколько соседних баронств, входившие в область ведения королевского наместника, были своего рода «медвежьим утлом», поместье данного управителя выглядело именно так, как и ожидал Конан. Никаких зубчатых стен, рвов и башен. Разбросанные вокруг пышные сады, тенистые рощицы, пруды и цветники были изрезаны аллеями, щедро усыпанными красным песком.

То и дело попадались мраморные скамейки, беседки и какие-то изваяния. В сердце этих цветущих угодий виднелись белоснежные стены обширных построек. На бутафорских башенках свежий утренний ветерок полоскал аквилонские штандарты. С того места, где в укромной ложине прятался отряд Конана, было слышно, как поместье оживало. Разнообразные звуки доносились из псарни и из внушительных размеров конюшни, по двору спешили слуги, разодетые с присущей провинции напыщенностью. Ни к кому не обращаясь, Конан пробурчал:

— Неплохо устроился, мерзавец. Интересно, он не проспал сигнал?

— Не должен... ага, вон там, мой король, за голубой башней на крыше центрального здания. — Ройл завозился на своем травяном ложе, вытягивая затекшие от долгого сидения в засаде ноги, — скорее всего,

он пытался сигналить зажженной свечкой, но потом разобрался и взял зеркало.

— Хвала Крому, он хоть на что-то способен, — буркнул Конан, проверяя, мягко ли выходит меч из ножен, — будем надеяться, что его разжиревшие ратники продержатся до нашего подхода.

— Тихо, мой король. Они идут.

Иллиах, как бесплотный призрак возникший вдруг из-за дерева, держал палец у губ, указывая рукой на дорогу, выныривающую из леса и ведущую к дому наместника. Действительно — показалась живописная кавалькада. Впереди ехали два всадника, при виде которых Конан оторопел, а кто-то из маленького отряда тихо выругался, вслед за чем послышалась глухая оплеуха и еле слышное приказание Ройла заткнуться. Дело в том, что колонну мятежников возглавляли сам Золотой Лев и его сын, точнее, довольно удачные их копии. Лиц под опущенными забралами было не разглядеть, но доспехи, кони, сбруя и манера держаться в седле могли ввести в заблуждение стражников наместника, если бы они не были заранее предупреждены о возможном подвохе. Вслед за поддельными владыками двигались их «телохранители»: три десятка всадников, облаченных в некое подобие мундиров Черных Драконов и варварское одеяние северной Конановой дружины. Тут, правда, хитроумные бунтовщики явно переусердствовали — слишком много было накидок из волчьего меха, лисьих шапок и кожи на доспехах. Впрочем, в этих краях мало кто из аквилонцев мог похвастаться тем, что видел достаточно ваниров или киммерийцев, чтобы отличить оригинал от подделки.

— Итак, война началась. Что ж, во имя Крома, я только рад этому.

Конан поднялся во весь рост и взмахнул рукой. Немедленно редкая цепочка его дружинников, скрытая от взглядов с дороги лесистым взлобьем холма, двинулась к поместью, охватывая его широким полу-

кругом. Иллиах шел вслед за своим владыкой, не отставая ни на шаг, Ройл же приотстал, глядя на то место, где мятежники вынырнули из леса. Вскоре там появился одинокий всадник и трижды высоко поднял копье, привстав в стременах. Этот сигнал означал, что вышла вся колонна противника.

— Отлично, хвала Митре. Однако какова наглость!

Ройл сплюнул и поспешил за королем, на ходу накладывая на тетиву огромного лука тяжелую стрелу. Тем временем навстречу переодетым мятежникам вышли четыре заспанных охранника. Они широко зевали, терли глаза и пошатывались, всем своим видом показывая, что тяжелое похмелье — штука гораздо более страшная, чем неожиданное явление аквилонского владыки. Ройл специально подбирал на эту опасную роль воинов, так как подлинные планы врага по захвату поместья не были известны ни прозорливому немедийскому барону, ни угрюмому стигийцу. Избранники боссонца тем не менее справились со своей задачей прекрасно. Они, как бы опознав короля и его свиту, подобрали животы, запахнулись в роскошные ливреи и вытянулись в струнку, замерев, словно изваяния. Ни одна рука не потянулась к мечу, ни один взгляд не дрогнул, выражая положенное удивление и подобострастие. Бросив из-под забрала пару неразборчивых глухих угроз, поддельный Золотой Лев двинулся по тенистой аллее дальше, где его кавалькада простучала копытами по мостку и углубилась в парк, слегка покачиваясь в седлах и ни разу не оглянувшись. Ройл перевел дух. Теперь мятежникам некуда было деваться. Повинуясь незаметному сигналу стражи, которую только что миновали «ряженые», ратники наместника по всему парку принялись разбирать мосты и перегораживать поваленными древесными стволами дорожки. Конница Блистательных оказалась в лабиринте, из которого ей уже не суждено было выбраться. Оглянувшийся Иллиах широко заулыбался, приложил к губам рог,

и протрубил азартный охотничий сигнал. Миг спустя его подхватил еще добрый десяток рогов в разных уголках парка, затем в дело вступила хрипая боевая труба со двора поместья. Двери дома наместника распахнулись, оттуда выбежали закованные в броню и вооруженные до зубов воины, личная гвардия Конана перекрыла последние вероятные пути отступления мятежникам. Вести переговоры никто не собирался, вслед зычным сигналам труб в переодетых врагов полетели стрелы.

Конан, словно разъяренный бык, мчался по парку, сквозь переплетение ветвей видя, как быстро пустеют седла. Из каждой беседки, с каждой крыши, буквально из-за каждого куста били арбалеты и луки. Мятежники, однако, оказались крепкими вояками. Мгновенно разобравшись в ситуации, они рассыпались, укрылись за лошадьми и принялись отвечать аквилонцам с убийственной меткостью. Лже-Конн и пять его сподвижников в черных кафтанах на полном скаку промчались вдоль строя растерявшихся ратников наместника, пошшибав арбалетными болтами с крыш неосторожно показавшихся лучников, стоптали нескольких стражей у углового охотничьего домика, после чего бросились в ручей. В этом месте на их пути оказалось лишь несколько северян. Раскинув руки, из седла вывалился и поплыл по мутной воде один мятежник, остальные же плыли, скрывшись за конскими крупами и держась за седла. Конан, Иллиах и Ройл кинулись туда, видя, что без рукопашной тут не обойдется. Лже-Конн и его люди как раз выбирались из ручья. Хлопнула тетива громадного боссонского лука в руках у Ройла, и ряженный Черный Дракон рухнул на мокрую траву, так и не успев вскочить в седло, остальные четверо рванулись прямо на них.

Конан поднырнул под меч первого всадника, услышав за спиной глухой удар и звук падения — это

старый пограничный вояка, не успев взяться за клинок, сшиб с седла летящего на него врага луком. Варвар же оказался лицом к лицу с обманным подобием своего сына. Лже-Конн занес меч над головой, лучи восходящего солнца дробились на лезвии клинка. Киммериец прыгнул вперед и, не дожидаясь, когда испуганная лошадь взвьется на дыбы, рубанул ее по шее. Рука у короля все еще была тяжела — лошадиная морда полетела в траву, вверх ударил целый фонтан крови, а всадник так и не успел опустить занесенный для удара меч. Он спешно выпустил рукоять клинка и схватился за окровавленную гриву, пытаясь сохранить равновесие. Обезглавленный скакун уже валился на бок. Мятежник умудрился в последнее мгновение спрыгнуть на землю и перекатиться так, чтобы оказаться не с той стороны от конского трупa, где стоял Конан. Киммериец быстро огляделся — Иллиах и Ройл рубились с двумя оставшимися в седле «ряженными».

Сбитый луком лежал на земле с неестественно вывернутой шеей, словно старался разглядеть, целы ли каблук кавалерийских сапог после падения. Тем временем Лже-Конн вскочил на ноги и выхватил кинжал. Конан грузно прыгнул через лошадь, вытянув перед собой тяжелый меч. Противник его легко увернулся, отведя летящий клинок кинжалом, однако следующий выпад короля застал его врасплох. Резко пригнувшись, Конан бросился вперед и сшиб закованным в латы плечом растерявшегося противника. Но и сам не удержался на ногах, и враги покатались по земле. На мгновение киммерийцу стало жутко — прямо напротив его лица была голова сына, вернее, опущенное забрало турнирного шлема, выкованного по приказу короля и подаренного Конну несколько лет назад. Кинжал проскрежетал по кольчуге на боку киммерийца, разрезая кожаную перевязь. В следующий миг король так сдвинул запястье врага, что изящный клинок бессильно упал в траву. Налобником

Конан ударил в верхнюю часть шлема противника. Пред глазами заплескали огненные круги, однако внутри шлема голова Лже-Конна безвольно мотнулась, и он затих, потеряв сознание. Киммериец, тяжело дыша и стирая с глаз кровь из рассеченной брови, поднялся, подобрав кинжал. Иллиах уже стоял над своим противником, поставив тому колено на грудь, рука же шарила за голенищем сапога, нащупывая нож, а соперник Ройла мчался вдаль, диким визгом подбадривая своего скакуна. Конан с досадой метнул трофей, однако расстояние оказалось слишком велико. Но аквилонцев вокруг было достаточно — из-за ручья прилетела арбалетная стрела, и взмыленный скакун мятежника рухнул в красный песок дорожки, недотянув совсем немного до ближайшей рощи. Прихрамывая, последний переодетый Черный Дракон устремился дальше, но и его догнали убийственные стрелы. Конан поискал глазами свой меч, затем кивнул выбегающим из кустов воинам, указывая на оглушенного Лже-Конна. Того быстро связали и повели к дому наместника. Подошли Ройл и Иллиах. Следопыт выглядел совершенно измотанным. Он стоял, опираясь на лук.

— Мой король, или я старый выживший из ума пес, или эти войны — не какие-нибудь разбойники, либо запойные ратники, выгнанные из войск мелкой хайборийской державы.

— Много ты видел настоящих разбойников, — пробурчал Конан, стараясь приладить на место изрезанную перевязь.

— А насчет старого пса... — начал было Иллиах, но тут с другой стороны ручья послышались крики и треск ветвей. К воде вылетел еще один всадник мятежников. Он затравленно оглянулся и, убедившись, что на том берегу искать путь к спасению не стоит, рванулся вдоль воды дальше. Ройл быстро вскинул лук, молниеносно натянул тетиву и крикнул:

— Лови!

Переодетый ванирским бродягой мятежник действительно схватился за выступивший посреди груди наконечник стрелы, чье оперение торчало между лопаток. Конь скакнул вбок, мертвый его хозяин выпал из седла, и, радостно заржав, белоснежный красавец умчался в глубь парка. Иллиах восхищенно вздохнул и умолк, оценив выстрел, — порывистый ветер увел в стороны стрелы остальных лучников, целившихся в ту же дичь.

— Мы имеем дело с весьма толковыми вояками. Скорее всего, это те самые наемники, о которых говорил стигиец. Кром, до чего обидно вот так, из засады, словно рябчиков или куропаток перестрелять последних настоящих мужчин обитаемого мира. Будем надеяться, что тот самый Диго, что послал Троцero подальше с его государственной службой, не валяется, оскалив рот, где-нибудь посреди пышной клумбы, с парой каленых стрел в спине.

Ройл и Иллиах благоразумно промолчали, успев, правда, вознести молитвы своим богам, чтобы Диго оказался именно там и именно в таком виде. Наверное, во всем мире только Амра, а вернее, тот, кем он стал, мог ценить настоящих врагов и желать им долгой жизни. Иллиах еще не находился в столь мудром возрасте и не имел за плечами столь бурной жизни, как Конан. Ройл же был циничен и расчетлив, как все старые служаки.

Тем временем бойня в роскошном саду закончилась, о чем возвестили рога и трубы. Последним убитым оказался Лже-Конан. Он умудрился прорубиться сквозь засаду из ратников наместника, оставив позади двоих убитых и несколько раненых, когда метко брошенное копье настигло его у разобранного деревянного моста на выходе из парка. Убитых собрали в большой беседке и освободили от доспехов. Действительно, это оказались наемники. Наметанный глаз Конана распознал вколотых иглами под кожу с помощью красок геральдических зверей — знаки

принадлежности к одной из самых древних профессий. Тут были и аргосцы, и офирцы, и зингарцы, парашеитов и один гирканец-полукровка, хладнокровно сбивавший с крыш одного арбалетчика за другим, вертясь почти на одном месте на своем резвом низеньком коньке, пока его не изрубили топорами подбежавшие северяне.

— Уж будь спокоен, они заняли бы поместье даже открытым штурмом, друг Иллиах, — сказал Ройл, проверяя пальцами тетиву — достаточно ли она кругла после выстрелов. — Собаки сворой могут затравить матерого волка, но ни одна свора не выдержит столкновения с настоящей стаей, пусть собак будет сотня, а волков — пара-тройка дюжин. Характер не тот.

— Это были воины. Настоящие. И сейчас они пируют у Крома.

Иллиах, как всегда после боя, был овеян печалью. Он молча отошел от говорливых слуг наместника и принялся править зазубренный меч, вполголоса напевая что-то гортанное и тягучее.

Конан меж тем отдавал приказы наместнику. Дав своему отряду время на отдых, он ускоренным маршем повел его назад, к границе. Недовольный состоянием отряда наместника, он взял с собой лишь проводников и запасных коней. С королем шла только его северная дружина. На лесной дороге их нагнал гонец от Конна. Вести были хорошие. Мятежников везде ждала неудача. Еще два летучих отряда ордена Блистательных расшибли себе лбы о полуразвалившиеся укрепления мелких пограничных дворян, оставшихся верными Аквилонской Короне. В одночасье они стали баронами, и со своими разношерстными дружинами, усиленными отрядами Черных Драконов, готовились влиться в войско Конана.

Вскоре появился еще один гонец. Хольгер и Эгиль доносили, что аквилонцы обложили замки мятежников, не дав тем присоединиться к воинству Торкиля. Однако из Немедии, где при начале мятежа грозили

разразиться основные события, вестей не было. Арм-ледер тоже канул в неизвестность.

— Однако, мой король, все идет во славу Митры и Короны. Наши удары отсекают одну голову чудища за другой. Начни мы на несколько дней позже... или удайся Торкилю его затея овладеть приграничными землями втихаря, эта опухоль начала бы разъедать королевство, словно чумная язва.

— Заткнись, Ройл. Все гораздо серьезнее. Я чувствую, нет, Кром! Я просто знаю, что нет ничего хорошего в войне, где все до поры идет слишком гладко. Нас будто подманивают поближе, чтобы прихлопнуть, как мух. Так что помолчи, дай подумать тем, кто умеет это делать.

* * *

Короткий, всего в три ладони, хищно изогнутый нож — любимое оружие заморийских грабителей — на первый взгляд хорош лишь тогда, когда нужно перерезать горло истощенному волящему жирному купцу, не желающему расставаться с кошельком или прыгнуть в темном переулке позднего прохожего. Но Диго знал, что умеющий с ним обращаться человек в схватке гораздо опаснее обычного воина хайборийской державы. Особенно если этот боец — замориец, про которых говорят, что они учатся резать горло своим ближним раньше, чем говорить. Именно такой нож был небрежно заткнут за пояс высокого надменного заморийца, требующего объяснить, куда делся их главарь.

Однажды Диго видел, как в одной из таверн трое стражников пытались схватить вооруженного одним только ножом грабителя, прибывшего в столицу Аргоса из знаменитого Арэнджуна. Результат оказался поучительным — через несколько мгновений замориец неторопливо вышел на улицу, а трое стражников остались лежать на грязном полу, сжимая в руках оказавшиеся бесполезными короткие мечи.

Диго не любил заморийцев. За редким исключением они были отпетыми негодьями, готовыми вечером поклясться в вечной дружбе, а наутро продать друга первому встречному работоторговцу. Поэтому он внимательно следил за движениями своего собеседника, готовясь к тому, что в любой момент нож может устремиться ему в горло.

— Если он решил исчезнуть, почувствовав, что здесь его ждет не веселая прогулка по окрестностям Аренджуна, а долгая война, то мне об этом не говорил, — резко произнес аргосец, намереваясь завершить разговор.

— В окрестностях Аренджуна ты бы не прожил и недели, Одноглазый, — прошипел в ответ замориец. — Еще раз говорю, что только смерть могла помешать ему прийти. В его комнате ничто не тронuto, убрано так, будто он там и не появлялся, но там чувствуется запах смерти. А если он умер, то где тело? Даже в Аренджуне люди не могут исчезнуть без следа.

— Да у меня самого из моего отряда пропал человек! — рявкнул Диго. — И не из худших. Но я не хныкаю, как малолетняя попрошайка! Можешь пойти к хозяину замка — услышишь то же, что я слышал: он ничего не знает. А вот и он сам. Ну давай спрашивай! — Аргосец кивнул в сторону неожиданно появившегося во дворе Торкиля.

Замориец неувлимым движением скользнул к великому магистру и заговорил с ним. Торкиль отвечал коротко и раздраженно. Диго рассказывал невдалеке, стараясь не выпускать собеседников из поля зрения, и успел перехватить руку с блеснувшим ножом. Сжав ее, он крутнулся на пятках, и замориец, отлетев в сторону, покатился по камням внутреннего двора.

Вскочив на ноги, он выхватил из-за голенища сапога еще один нож и, зарывав, метнул в Диго. Аргосец успел уклониться, краем глаза заметив, что летящий нож вонзился в руку Торкиля, а в следую-

щее мгновение короткий аргосский меч свистнул возле головы заморийца, срезав прядь волос и часть уха.

Строй на площадке сломался. К месту схватки уже бежали товарищи заморийца. Им преградил дорогу один из десятников Диго. Блеснули клинки, завенела сталь. По рядам наемников прошел неясный глухой ропот. Один из заморийцев упал со стрелой в спине, другому удалось достать ударом широкой сабли стоявшего на пути десятника.

Следующим выпадом Диго отправил своего противника в дом Хозяйки Судеб, развернулся и, сжимая окровавленный меч, гаркнул:

— Назад! Всем стоять на местах, Нергалово семя!

Это подействовало. Схватка прекратилась, не успев разгореться. Диго обернулся к Торкилю:

— Вам бы следовало успокоить их. Объясните, что вы не знаете, куда делся этот проклятый замориец.

— Я-то как раз знаю, — вполголоса ответил Торкиль, усмехнувшись и, повысив голос, продолжил: — Вчера из святилища Митры герцогов Пеллийских исчезли драгоценные вещи: золотые чаши с рубинами, которые, по преданию, держал в руках сам Митра, четыре светильника, диадема, усыпанная камнями и еще многое. И со вчерашнего дня никто не видел заморийца.

Диго обернулся к строю:

— Этот шакал оскорбил Митру!

Ему ответил возмущенный рев. Торкиль все считал правильно. Большинство наемников были выходцами из западных стран, и почтение к культу Митры впитывалось ими с детства. Обвинив заморийца в краже, он разрешил сомнения и пробудил ненависть к святотатцу.

Торкиль повернулся к Одноглазому:

— А ты, почтенный Диго, тоже можешь не волноваться. Тот воин, что исчез из твоего отряда, — мой брат. Он служил в гвардии Черных Драконов и по-

кинул аквилонское войско, чтобы присоединиться ко мне.

— Не знал я раньше, что он из Драконов, а то бы не было у тебя брата,— холодно ответил Диго.

Махнув рукой в некоем подобии прощального приветствия, Торкиль направился к замку. Диго ошарашенно смотрел ему вслед.

— Подводит тебя глаз,— наконец пробормотал он сам себе. Он отчетливо видел, как брошенный заморийцем нож вошел в руку хозяина замка и мог поклясться, что клинок пронзил ее насквозь. Но на руке Торкиля не было ни капли крови, ни пореза, словно единственный глаз аргосца ни с того ни с сего углядел совершенно не то, что происходило вокруг, а то, что проклятый стигиец называл «следами мыслей».

Он повернулся и начал отдавать отрывистые команды, нанося последние штрихи в продуманной системе обороны. Механики проверяли работу камнеметов, отряды заняли свои участки обороны. Со дня на день ожидался штурм, и нужно было организовать оборону так, чтобы в последний момент не возникло неразберихи.

Глава шестнадцатая

Наверное, это был самый спокойный участок границы во всей Западной Марке. Самые кровавые племена пиктов и в старые-то времена обитали куда севернее. Теперь же, когда стараниями Троцера они были частью уничтожены, а остальные вытеснены в глубь джунглей, Боссонские Топи и земли Марки вздохнули спокойно.

Поселение было молодым — дерн, которым крыли крыши бревенчатых домов, все еще зеленел, а смола так и сочилась из любой щели, стоило солнцу хоть ненадолго пробить толщу свинцовых облаков. Жили тут и боссонцы, чьи деревни оказались сожжены в недавнем прошлом и которые переселились поближе к королевскому гарнизону, и жители внутренних провинций, откочевавшие сюда, прослышав о прочном мире на границе, где полно свободных земель. Костяк же поселенцев составлял гарнизон. Это было одно из тех военных поселений, которыми Аквилония отгородилась от беспокойных соседей. Жители его в прошлом были наемниками. И командир отряда — Зорг, в жилах которого причудливо перемешалась кровь едва ли не всех хайборийских племен и народов,— лет пятнадцать назад не рискнул бы перейти границу Аквилонии, ибо немедленно был бы казнен за прошлые свои подвиги. Однако новые времена в королевстве породили новый тип офицера, а некогда

могучий воин теперь едва ли не ежедневно ослаблял пояс и с грустной улыбкой созерцал, как растет у него совершенно мирное брюшко. И в движениях бывшего солдата удачи больше не чудилась его ратникам кошачья грация. Жирком подернулись некогда могучие мускулы, откуда-то взялась одышка. А в дни, когда Зорг вдруг отправлялся на площадку посреди поселка, желая поразмяться, стоило ему помахать мечом — на лбу мгновенно выступала испарина. Он не печалился, а лишь удивлялся, откуда берется столько влаги в некогда худощавом и жилистом теле, из которого испепеляющее шемитское солнце некогда не могло выдавить и капельки драгоценного пота.

В тот день, вопреки всему вышесказанному, командир гарнизона рано утром подпоясался перевязью с мечом и в сопровождении верного оруженосца направился к ручью, чьи заросшие гниющим на корню тростником берега являли собой границу королевства и пиктских земель. Зорг прошел сквозь распахнутые ворота своего поселения, обругав часовых, которые нагло спали в лопухах, пнул подвернувшуюся под сапог собачонку, увязавшуюся было следом, и принял лениво ворочать мозгами.

Служба Аквилонской Короне в этом тишайшем затоне была совершенно безопасна, почетна, однако не приносила особой материальной выгоды. А за годы полуразбойного существования Зорг привык к смене нищенского и роскошного бытия, и нынешнее его положение — нечто среднее меж этими двумя — весьма его тяготило. Именно поэтому он, получив письмо от своего давнего друга Диго, с кем огнем и мечом прошелся не по одному городу и не одной державы, враз согласился на несложное дело, сулящее приличный доход. Речь шла о том, чтобы пропустить в пределы королевства отряд наемников и небольшую орду пиктов. Зачем Одноглазому аргосцу понадобилось это, Зорг не уловил, но решил не вдаваться в подробности.

«Троцero, и даже не он — будет главнокомандующий Короны отвлекаться на каких-то дикарей, жди! Просто ретивый капитан из Западной Марки поймает пиктов на равнине и сотрет в порошок, силами одного или в крайнем случае двух полков. Всех-то дел. Видно, правду говорят — тронулся аргосец умом, помоги ему Митра, славный был товарищ». Далее мысли Зорга потекли по более приятному руслу. Он вспомнил, какой дивной красоты ожерелье и здоровенный, королю впору, кубок прислал ему посланец Одноглазого в уплату за эту пустяковую услугу. Каменья были такой редкой огранки и величины, что Зорг с завистью подумал, уж не ограбил ли его бывший сотоварищ храм какого-нибудь мелкого божка. Аргосец запросто мог обчистить и святилище самого Митры, в этом Зорг нисколько не сомневался, но предпочитал думать, что дело касалось какого-нибудь полузабытого чужеземного бога.

Наконец они вышли к топкому берегу. У брода скучала стража. Воины, прекрасно осведомленные о почти ритуальном характере этого поста, потягивали пиво на травке, доспехи же вместе с оружием были свалены безобразной кучей в нескольких десятках шагов от них.

Зорг постоял некоторое время, убеждаясь по колыханию ветвей на той стороне ручья, что ожидаемый отряд друзей аргосца уже находится в оговоренном месте, и сказал, обращаясь к своим ратникам:

— А знаете ли вы, пивные бочонки, Нергаловы ублюдки, что эти джунгли не шутят? Встать!

Трое воинов поспешно вскочили, кинулись к доспехам и оружию, недоумевая, какая муха укусила сегодня командира. Зорг взмахнул в воздухе красной тряпичей, и ни один из них не добежал до цели. Над рекой словно прошипел дракон, и три мертвых порубежника ткнулись замертво в топкую землю, обливаясь кровью. Пикты пропиливали в своих грубых тяжелых стрелах особые щели, так что стрела в воз-

духе шипела змеей, наводя ужас на врагов. Помощник Зорга наклонился над одним из погибших, потрогав окровавленный каменный наконечник, торчащий из ужасной раны на шее.

— Что же это, командир... нападение?!

— Да, мой друг,— спокойно сказал Зорг, всаживая человеку кинжал точно под левую лопатку, в щель между пластинами панциря. Тот беззвучно упал. На лице его застыло безмерное удивление.

Меж тем с противоположного берега в реку вступили всадники. Их было немного, десятка три законченных в броню конников. Вслед за ними ручей вспенили десятки весел. Зорг спокойно смотрел, как несколько сотен смуглых воинов, голых по пояс, в устрашающих татуировках и нелепом одеянии переправляются на аквилонскую землю в лодках, сделанных из кожи неизвестных цивилизованным людям зверей. На берег выбрался командир отряда, о котором упоминало послание Диго.

— Мы свяжем тебя и бросим на берегу. Плату ты уже получил, твой гарнизон мы трогать не будем. Советую забыть о письме.

— Я уже забыл. Только — зачем все это?

— Не твое дело. Скоро ваша Западная Марка будет жужжать, как разворошенный улей. Толстозадые аквилонцы поди уже забыли, с какой стороны за меч браться, мы им напомним. А до остального тебе дела нет. И моли Митру, чтобы в Тарантии не докопались, что один из пиктских отрядов прошел через твой участок границы.

Зорг сплюнул. Ему очень хотелось поставить юнца на место — тот явно решил, что имеет дело с обычным продажным порубежником, привыкшим гонять новобранцев да сражаться с мелкими бандами дикарей. Однако эти мыслишки быстро вымыло из его головы. Два криволапых пикта, от которых невыносимо воняло тиной и прокисшим потом, грубо повалили его на землю, затягивая узлы, и принялись пинать.

— Эй, эй, полегче, вы, животные! — закричал Зорг, корчась от особо удачного удара под ребра.

— Заткнись. Таких, как ты, у нас принято скормливать собакам — ты недостойн даже погребения,— на вполне сносном аквилонском проговорил один из пиктов. Наконец дикари притомились, плюнули пару раз на охающего в грязи Зорга и припустили за своими. Некоторое время бывший наемник лежал и стонал, затем за него принялись комары и пиявки.

— Так недолго и помереть. О Митра Милостивый, что за смерть для воина.

— Никогда больше не именуй светлое божество, предатель.

Не веря своим ушам, Зорг поднял распухшие от укусов и кровоподтеков веки и увидел несколько человек, заслонивших от него солнце. Наконец он смог разглядеть молодого губернатора Чохиры, одной из провинций Западной Марки, знакомого командира одного из боссонских отрядов и еще несколько аквилонских офицеров. Он открыл было рот, но не найдя что сказать, покрепче стиснул зубы.

— Оставайся ты воином, я приказал бы добить тебя. Пикты и боссонцы испокон века прибегают к различным уловкам здесь, на границе, чтобы причинить урон врагу. Но ты подло убил своих собственных воинов, с которыми сидел у костра и делил хлеб, которые прикрывали тебя от стрел. Ты сдохнешь, как собака, без погребения, прямо здесь.

— Откуда вы взялись, будьте вы прокляты! — прохрипел Зорг, припоминая слова, сказанные дикарем.

— Не ты один получаешь послания. Я тоже, со своими офицерами, получил недавно сообщение. От графа Троцера. Так что я ожидал набегов из пиктских пущей. Твой дружок Одноглазый пытается напасть на Золотому Льву, и золота у него, невесть откуда, едва ли не больше, чем в казне королевства. Однако все, кому он предложил подняться против власти Тарантии, отвергли его. Так что можешь уме-

реть с мыслью, что ты — единственная подлая тварь на всей западной границе.

Губернатор отошел, не слушая хриплых проклятий, чтобы отдать приказ своим людям готовиться к атаке. Боссонские стрелки уже кралась вослед за пиктами, охватывая их колонну, прижимая к частоту гарнизона. Видимо, верные своей звериной натуре, дикари все же решили вырезать поселение, а офицеры-хайборийцы не смогли их удержать.

В гарнизоне засуетились, лишь только далеко в лесу вдруг раздался призывный сигнал одинокой трубы. Ей там совершенно не полагалось быть, однако она там была, и над утренним лесом неся знакомый всем сигнал «К оружию!». Порубежники забегали, вооружаясь, стражники едва успели захлопнуть створки ворот, когда из лесу появилась воющая толпа пиктов. Дикари неслись, потрясая боевыми топориками и короткими копьями со страшными зазубренными наконечниками из грубого болотного железа. Каменные наконечники впились в сырые бревна стен, дождь из стрел хлестнул по бойницам угловых башен, а ратники все гадали, что же стало с их командиром и не он ли, умирая в неравном бою, подал сигнал. Еще больше они поразились, когда в спины атакующим полетели боссонские стрелы, а затем вылетела немногочисленная конница, над которой реяли знамена королевства, Западной Марки и Чохиры.

Этот бой, в котором была перебита львиная часть воинов одного из непримиримых дикарских племен, так же как и еще несколько схваток в землях Марки, разразились почти одновременно с началом мятежа ордена Блистательных далеко на востоке, и вести о них достигли ушей Конана весьма поздно. В то время, когда он во главе своей дружины метался по пеллийским лесам и горам, киммериец еще не знал, что граница довольно легко выстояла, не потребовав ни одного полка из внутренних провин-

ций. Ни одно мирное селение не было разорено, ни один гарнизон не был полностью уничтожен. А тело молодого губернатора Чохиры, героя Марки, было доставлено в столицу, когда шакалы еще не успели растащить останки Зорга из-под стен самого мирного участка границы.

Глава семнадцатая

С тех пор как Армледер не видел брата, его внешность и манеры изменились — в них появилось что-то величавое, словно Торкиль уже считал себя королем. Впрочем, из слов его следовало, что он не сомневается в успехе мятежа и радуется, что брат наконец присоединился к нему.

Армледер пришел к Торкилю, поняв, что иначе он ничего доподлинно не узнает. Вначале он собирался потребовать объяснений, но быстро понял, что вряд ли таким путем заставит брата разговариваться, и решил действовать иначе. Явившись к брату, Армледер рассказал, что, заподозрив его в причастности к заговору, собирался отговорить от этого, но, увидев размах приготовлений, понял, что именно к этому стремился и сам. Врать он не умел, и проницательный человек сразу же раскусил бы эту нехитрую уловку, но Торкиль, находившийся в плену своих мечтаний, поверил и принялся излагать величественное будущее нового государства ордена Блистательных, которое станет, используя поддержку Турана, неуязвимой цитаделью Истинного Знания в самом сердце погрязшего в невежестве хайборийского мира.

Сидевший напротив брата Армледер пропускал его слова мимо ушей. Кивая, говоря, улыбаясь, он не спускал глаз с собеседника и все сильнее убеждался в том, что перед ним — главное лицо заговора, виновник

смертей, за которые он поклялся отомстить. От попытки поговорить с братом по-другому, приставив кинжал к его горлу, удерживало гвардейца только присутствие Хвата, недвижимо стоявшего за креслом Торкиля. За время разговора туранец ни разу не шелохнулся, не проронил ни звука, но Армледер понимал, что от его взгляда, скрытого за змеиным шлемом, не ускользнет ничего из происходящего.

— Наконец-то мы воссоединились с тобой, брат, — торжественно сказал Торкиль. — Вскоре мы будем связаны с тобой еще более тесными узами. Крепок ли твой дух? Готов ли ты принять посвящение во имя тех, кто Вовне и Внутри Нас?

— Что? А, да-да, готов. — Задумавшийся Армледер не сразу сообразил, что брат закончил изливать поток красноречивых слов и обращается к нему. — Готов, — повторил он, — Во имя... Тех...

— Кто Вовне и Внутри Нас, — завершил за него Торкиль ритуальную фразу. — Ты примешь посвящение в великий день, день накануне Появления. С этого дня и до дня Посвящения ты не должен видеть никого, кроме братьев ордена, а на третий день состоится Таинство. За это время я успею познакомить тебя с деталями Учения.

Торкиль поднялся и налил два кубка вина из стоявшего на маленьком столике кувшина.

— Выпьем за наше соединение, — провозгласил он, — и пойдем. Ты наконец отдохнешь в покоях, достойных тебя.

Он осушил кубок и поднялся. Армледер последовал его примеру.

Торкиль проводил его в небольшую опочивальню и прикрыл дверь. Армледеру наконец-то представилась возможность поговорить с братом наедине, отбросив притворство. Он повернулся к нему. Торкиль, насмешливо улыбаясь, легонько прикоснулся рукой к плечу старшего в роду герцогов Пеллийских.

— А теперь ложись! — приказал он.

Армледер почувствовал, как внезапно на него навалилась усталость, отяжелели руки, налились свинцовой тяжестью ноги. Глаза слипались, словно он провел неделю без сна. Не было сил сдвинуться с места, пошевелиться, поднять руку. В оцепенении он увидел, как Торкиль вышел за дверь, а капитан шатаясь, добрал до постели и рухнул на нее.

* * *

Армледер лежал в полузабытьи. Он проклинал брата, ухитрившегося подсыпать ему что-то в вино, лишившее его сил. Он смотрел на подвешенный под потолком комнаты матовый, серебристый предмет, напоминающий по форме яйцо, и странные, отрывочные видения вихрем проносились перед его внутренним взором. Он увидел Торкиля, склонившегося над старинным манускриптом. Брат оторвал голову от свитка и произнес, глядя в глаза Армледеру:

— Ты видишь меня. Перед Посвящением ты должен узнать, какое великое будущее вскоре ожидает нас с тобой. Сейчас я отворю для тебя ворота времени: ты увидишь предысторию событий и то, что еще случится.

Пред взором Армледера возник сияющий хрустальный шар, завертелся, брызгами разбрасывая вокруг сверкающие искры и лопнул. Пеллиец словно очутился внутри. Его окружало призрачное серебристое сияние. Потом оно начало рассеиваться, превращалось в туман, сквозь который проступали, пока еще неясные, очертания.

Он увидел брата, чертившего на полу причудливые фигуры и произносившего заклинания. Торкиль был облачен в темный балахон, и его полы развевались в такт движениям рук. Затем словно ослепительный луч вырвался из ладоней Торкиля.

...Темный подвал скупо освещали чадающие факелы. Мелькали неясные тени людей, слышался скрежет железа по камню. Внезапно кирка одного из

рабочих пробила стену. Появился Торкиль. Расширив отверстие, люди почтительно расступились, и брат шагнул в дыру, из которой струился прозрачный мертвенный свет. Армледер успел заметить полого спускавшийся по спирали вниз коридор. Затем перед его взглядом промелькнуло и тотчас же исчезло причудливое сооружение, сплетенное из множества извивающихся линий, с изогнутыми колоннами. Казалось, человеческие руки не могли создать ничего подобного, настолько чуждое впечатление оно производило, словно пришелец из иного неведомого мира...

Заискрился сияющий туман, видение растаяло. Армледер увидел пеллийский замок, на главной башне которого развевался незнакомый ему флаг. По двору шествовала процессия, возглавляемая Торкилем, на голове которого возлежала блистающая корона. Придворные окружили короля. Армледер вознесся выше. С высоты птичьего полета он видел новое королевство, раскинувшееся на части земель, принадлежавших раньше Аквилонии и Немедии.

...Мрачные неприступные замки возвышались на обрывистых холмах. В них обитали хозяева страны, те, чьи решения управляли людьми, что трудились на полях, выращивали скот, стучали молотами в мастерских.

Правители страны — обитатели замков — разительно отличались от других людей, населявших страну, будто они были другой расой. Их слово стало законом для всех остальных. Обычные люди молились в святилищах Асур; правители творили мрачные колдовские обряды в глубоких подземельях. Они презирали своих подданных, которые, в свою очередь, боялись своих владык. И надо всеми властвовал единственный человек — Торкиль Пеллийский. Армледер видел Торкиля на троне, и рядом с ним неизменно находились еще два человека — Хват в чешуйчатом змеином доспехе и он сам, Армледер...

...Он увидел, как государство постепенно расширяется, становится сильнее и пред ним трепещут Немедия и Аквилония, Коф и Офир. И лишь единственный союзник — Туран — по-прежнему крепок. Его правители надеются вскоре захватить западные страны, но они не знают черных замыслов Торкиля, мощь которого хоть и не явно, но намного превосходит силу Турана. Мощь его — не в оружии и численности армии; мрачные тайны темных учений и древняя колдовская Сила, истоки которой находятся в подземельях родового замка, питают власть Торкиля...

...Медленно тянулись войска через опустевшие земли. Уже пали немедийские твердыни, а гордый Золотой Лев Аквилонии трепетал пред Серым Змеем и Черным Волком Пеллийских земель. И теперь в битве должны были столкнуться две державы, бывшие недавно союзниками в борьбе против старого хайборийского мира. Приближался час Великой Битвы. И когда он настал, земля вздыбилась под копытами туранских коней. Тысячами гибли туранцы в открывшихся под ногами провалах, ведущих в самое сердце земли...

Затем видение стерлось, затушеввалось. Армледер чувствовал, что близок к безумию. Человеческий разум был не в силах вместить все эти чудовищные картины. Вновь возникло лицо Торкиля.

— Ты видел, брат. Ты видел, какое будущее я приготовил для нашей с тобой страны. Теперь отдохни, наберись сил. Позже я приду к тебе и отвечу на твои вопросы. А теперь спи!

Видение исчезло, лопнуло, рассыпавшись на множество осколков. Армледер закрыл глаза, в тщетном желании забыться сном и хоть на время избавиться от привидевшегося. Но разум его лихорадочно пытался собрать воедино разрозненные образы, осмыслить. Вновь и вновь человек пробовал уснуть, но в памяти опять вставали обрывки промелькнувших

видений. И вдруг что-то новое стало представлять пред ним. Поплыли стены, зашевелились, оживая, странные картины, никак не связанные с предыдущими видениями. И отчего-то Армледер знал, что не магия Торкиля посылает ему эти картины.

Это был не сон и не явь. Армледер понимал, где он находится, отчетливо различал предметы в комнате. Он видел, как вошедший человек рассматривает его, бессильно лежавшего на кровати, и усмехается плотно сжатыми губами, но тело Армледера осталось скованным незримыми цепями.

Мир был юным и свежим. Первые люди вошли в этот чудесный мир, созидая, и разрушая, и снова двигаясь вперед, учась на собственных ошибках. Росли города, раскинулись пашни, тучнели стада. Но страшная катастрофа обрушилась на человечество, стирая его с лица земли. Выжили лишь жалкие остатки, вернувшись к полудикому существованию, утратив память о своем великом прошлом.

И долго, еще очень долго молодая земля выплескивала на поверхность таящиеся в ней силы. Люди оказались не в силах бороться со стихией, и тогда в мир пришли другие существа, созданные повелителем Тьмы. Они стали хозяевами земли в те ужасные дни. Часть той Силы, что колеблет миры, они были лучше приспособлены к жизни во времена катастроф. Забавляясь, их хозяин выпускал в мир все новые и новые полчища чудовищ, ужасного обличья, огромной силы, но лишь с зачатками разума. Дальнейшая судьба этих созданий его не волновала — выживут сильнейшие.

Но была любимая Тьмой раса — люди-змеи. Они стали наиболее могущественными существами среди сонма чудовищ, ибо разумом намного превосходили остальных. Создатель, кроме того, наделил их способностями к тайным наукам, и воздвигнутая ими империя, занимавшая почти всю планету, стала гнездилищем сил мрака и чудовищной некромантии.

Они покорили людей и обратили в своих рабов. На многочисленных алтарях люди-змеи приносили страшные жертвы своему богу, питая его человеческими мучениями, страхом и болью. Много веков продолжалось рабство, но нашелся среди людей один, имя которого забылось, что поднял восстание против кошмарных созданий.

Долгое время длилась война. Так велика была накопившаяся в людях ненависть, что они уничтожали не только самих людей змей, но и разрушили их города, не оставляя от них камня на камне. Лишь одних существ ненавидели они сильнее — таких же людей, как они, предавшихся Змеям.

Люди победили. Оставшиеся в живых порожденья Тьмы вместе со своими приспешниками скрылись в отдаленных землях мира. После войны мир лежал в руинах, так же как после катастрофы. И люди начали создавать свою цивилизацию, стерев память о страшных временах.

Но спустя многие годы люди-змеи вновь начали появляться среди людей. Хитростью и коварством, с помощью магии принимая человеческий облик, они стремились вернуть некогда утерянную власть. За время изгнания возросло их могущество в тайных науках, и вновь многие из людей, прельстившись этой силой, стали союзниками порождений мрака.

Кулл, король Валузии, посвятивший свою жизнь борьбе с ними, нанес людям-змеям последнее поражение, изгнав их с поверхности земли. Они укрылись в подземных лабиринтах, но и там преследовали их воины Кулла...

Видение оборвалось. Картина поблекла и стерлась. Армледер вновь очутился в замке, в комнате, куда его привел брат. Очертания предметов вокруг стали отчетливыми. Армледер попробовал шевельнуться, но понял, что по-прежнему находится под действием подсыпанной братом отравы. Руки не слушались его. Он был беспомощным, как младенец.

Раздался тихий шум. Дубовая панель в стене отошла в сторону, и из потайного хода в комнату вошел человек. Тяжелые шаги эхом отдавались от стен. Неторопливо он прошел на середину комнаты и повернулся к лежавшему.

Армледер почувствовал, что беззвучный крик ужаса замер на его губах. Напротив кровати стоял убитый им гигантский чернобородый замориец. Голова его наклонилась набок. Жуткая усмешка играла на губах. Горб на спине, казалось, еще больше увеличился, придавая ему сходство с крылатой обезьяной из кошмарных видений. Сцепив руки на животе, из которого вчера вывалились внутренности, он, не мигая, смотрел на своего убийцу.

Глава восемнадцатая

Десяток воинов, отправленных Конаном вместе со стигийцем, укрылся в распадке, оставив своего пугающего предводителя посреди небольшой поляны. Расположенный неподалеку замок Блистательных еще и не был виден за густой стеной леса. Несколько раз мимо прошли дозоры мятежников, однако им не удалось обнаружить отряд аквилонцев.

— Вжимайтесь в грязь, словно змеи, увидавшие на траве тень сокола, — прокаркал аквилонцам колдун. — Я мог бы некоторое время укрывать вас с помощью магии, но для поиска подземных ходов понадобятся все мои силы. Кроме того, мы находимся вблизи мощного источника Сил. Лучше не рисковать попусту.

Воины не стали вникать в темные речи черно-книжника, но скрылись с глаз долой. Сторонний наблюдатель вряд ли смог бы определить, кого они больше боялись: мятежников — людей из плоти и крови или похожего на живого мертвеца служителя Сета. Оставшись один, стигиец немного постоял неподвижно, затем начал как бы приплясывать и извиваться. Плащ его скрывал движения. Под черной тканью словно бились, стремясь вырваться из плена, невидимые птицы. Вскоре колдун начал что-то завывать, постепенно переходя на крик. Звуки мало напо-

минали человеческую речь или песню, скорее рокот небольшого водопада, или шуршание пустынных барханов. Верхушки деревьев вокруг поляны начали раскачиваться, хотя ни малейшего ветерка не было вокруг. Птичий гомон в лесу испуганно смолк. Сухая листва одновременно в трех местах взметнулась и закружилась смерчами вокруг некроманта. Тот издал несколько пронзительных воплей и быстро-быстро забормотал, сплетая длинные пальцы перед остановившимися глазами. Рядом с ним упала мертвая птица, но стигиец не обратил на нее ни малейшего внимания.

Из чащи показался енот. Зверек царапал сгустившийся воздух когтями и верещал. Какая-то сила тянула его в центр поляны. Три смерча окружили беспомощного енота, миг — и он уже тоже закружился и заплясал по поляне, затем упал мертвым. Странно колыхавшиеся деревья замерли, колдовской ветер стих, и сухая листва осыпалась на тушку зверька. Раздался неприятный чавкающий звук, земля слегка шелохнулась и поглотила добычу. Стебли трав сплелись, словно змеи в брачном танце. Стигиец едва успел бежать с холма, верхушка которого вдруг вздрогнула.

Затем по ней прошла судорога. Целый пласт почвы с хлюпаньем отвалился, будто поддетый невидимой лопатой, обнажая недра земли. В комьях чернозема шевелились, как водоросли на дне реки с сильным течением, бело-желтые корни, кишащие насекомыми. Пахнуло могильным холодом, но это не смутило стигийца. Он смолк и подошел к разверстой в теле холма ране. На дне глубокой ямы виднелось несколько почерневших, полусгнивших досок.

— Хвала Мировому Змею, сил могло и не хватить. Так, есть и ловушка... однако совершенно топорная или, вернее, весьма и весьма старая, поставленная в те времена, когда адепты Сил тонкое искусство заменяли грубой мощью.

Продолжая бормотать, некромант полой плаща провел над ямой, задев едва заметные нити лунного света, оплетавшие вход в подземелье на манер паучьих тенет.

Раздался неожиданный металлический лязг и как будто перезвон колокольцев. Ткань плаща стала обугливаться и съеживаться, на лбу стигийца появились капли пота.

— Ну нет... экая жалость, даром пропадает такая сила, но ничего не поделаешь, придется отпускать, иначе я разбухну и лопну...

С легким шипением паутина истаяла и исчезла, а над ямой на мгновение вспыхнуло радужное пятно, рассыпавшееся на тысячи алмазных брызг. Эти живые капли, сверкая всеми мыслимыми и немыслимыми цветами, осыпались в траву. Стигиец упругой походкой прошелся по поляне, причем на мертвенной маске его лица играла кривая улыбка. Казалось, он стал на голову выше, а на бледной коже даже заиграл нездоровый румянец.

— Сет, ради одного этого стоило пробираться по глухим землям и общаться с варварами. Кто бы мог подумать — Древние разбрасывались Силой, словно играясь... Да, верно говорят Скрижали — «ткань мира тогда была гуще». Но — за дело. Или я первым доберусь до ключей чистых, незамутненных Сил, или какой-нибудь профан из Блистательных разберется наконец, кто исподволь питает их дурацкие затеи. Трудно сказать, что будет. С перенугу он может уничтожить Спящих. Ну конечно, не уничтожить, а намертво замуровать. Или — стать для них вместилищем. Тогда служители Сета будут иметь серьезную проблему — скитающийся по миру болван, из которого бьют фонтаны чистых энергий Тьмы, против которого бессильно любое искусство высших магов. Нет, таких всплесков Силы в нашем сонном мире допустить нельзя. Сет один знает, что вторгнется в наш мир в попытке уравновесить столь мощный сгусток

Тьмы и чем это закончится для всех нас. Скорее всего, мир разлетится в клочья.

Продолжая бормотать, стигиец направился к месту, где его ждали аквилонцы. Он привел воинов к яме и сказал, указывая на нее:

— Вот вход в подземелья, пролегающие под замком. Немедленно шлите гонца к Конану. Это ключ к победе над мятежом. А мы пока постараемся проникнуть внутрь.

— А куда ведет этот лаз? В замок? — спросил командир десятка, с недоверием вглядываясь в развороченную земную толщу.

— Под замком должна быть древняя сокровищница. Не знаю, есть ли из нее ходы в саму цитадель.

Стигиец соврал и попал точно в цель. При слове «сокровищница» воины отбросили все сомнения и, толкаясь, полезли в яму. Известие о том, что встреча с противником может и не состояться, вселило в них мощный заряд мужества. Вскоре, не успев еще посланный за королем гонец умчаться достаточно далеко, кляня судьбу и представляя себе груды древнего золота, гнилые доски уже валялись под ногами некроманта.

— Эй! А здесь светло, — раздался удивленный возглас десятника.

Действительно, из зияющего прохода струился искрящийся голубоватый свет, не яркий, но достаточный, чтобы видеть сырые стены и неровный земляной пол под ногами. Стигиец пожевал губами, глядя, как тает подземный свет при столкновении с лучами солнца на поверхности, и прыгнул вниз. Там он догнал командира аквилонцев и сказал:

— Отправь двоих своих солдат наверх — пусть замаскируют вход. Если нас здесь замуруют... Не забывай, дозорные врага шныряют по лесу совсем близко.

Десятник немедленно отдал необходимые распоряжения, и вскоре маленький отряд углубился в рас-

ширяющийся ход. Лаз был широким, по нему могли идти в ряд трое вооруженных ратников. Он неуклонно понижался и заворачивал вправо. Идти становилось все труднее. Каких-либо ступеней не было, словно не для людских ног был прорыт этот ход, и если б не похожие на змей корни, в беспорядке торчащие из пола, воины давно уже, потеряв опору, кубарем катились бы в неизвестность. Свет тем не менее не исчезал. Напротив, чем дальше они уходили от поверхности и солнечного света, тем освещение становилось ярче. По коридору гуляли странные волны и воронки зеленоватого света, собираясь в ярчайшие комки, он искрился, обтекал людские тела, давая доспехам тусклый отблеск. Лица, аквилонцев, казалось подернута трупная зелень. Не было видно и теней. Тень отбрасывал только стигиец, причем только его тело — словно по земле за ним крался призрачный скелет. А вот плащ жреца этот свет поглощал и пропускал сквозь себя.

Наконец спуск прекратился, и они вошли в огромный грот, загроможденный гранитными обломками, меж которыми струилась вода. С потолка свисали красные, черные, золотистые и серебряные каменные сосульки, даже целые застывшие водопады. В одном месте, приблизительно в полете стрелы, было видно какое-то строение, полностью поглощенное каменными потеками, скрывавшими его форму. Добраться до него казалось невозможным — вокруг разлилось настоящее подземное озеро с матово-черной водой, в которой отражались какие-то мелькающие тени, хотя искрающийся над водоемом воздух оставался чист и недвижим.

Стигиец неподвижно стоял, настороженно поводя бритой головой, в ожидании неведомой опасности. Он немало прбстранствовал по делам ордена по подземным городам и дорогам, прорытым подо всеми городами и храмами Стигии еще в незапамятные эпохи могущественными существами. Маг знал:

лишенный солнечного света мир продолжает свое призрачное существование, и тот факт, что его хозяева многие столетия назад поглощены неумолимым временем, еще не значил, что катакомбы не населены.

— Стоять! Сомкнуть щиты! — заорал вдруг десятник, разглядев неясное шевеление за гранитными обломками. Воины немедленно сгрудились вокруг своего командира и стигийца.

— Тихо вы! — прикрикнул на них колдун, старательно вслушиваясь в грозную тишину. Вскоре до их ушей долетело слабое, но быстро приближающееся поскрипывание, словно кто-то водил железом по камню. Вот покатился с грохотом гранитный обломок, раздался всплеск. Воины принялись вразнобой бубнить кто молитвы, кто проклятия.

— Вот оно... — Голос десятника выдавал смертельный ужас, охвативший человека при виде подземного жителя. Действительно, меж глыбами мелькнуло стремительное тело, и охотник из недр земных предстал перед взором своих жертв, взгромоздясь на синеватый валун. Это был черный ящер размером с доброго теленка, бесхвостый, с короткой мощной шеей, на которой раскачивалась из стороны в сторону приплюснутая маленькая голова. Видимая часть брюха и шея его отливали грязно-желтым цветом, выпуклые глаза не имели зрачков: прозрачные, с напоминающими бельма гнойного цвета пятнами. Ящер высушил раздвоенный язык и зашипел.

Стигиец перевел дух и опустил напряженные руки вдоль тела.

— Наверное, если поискать, мы найдем какие-нибудь щели и проходы на поверхность, в лес. Иначе что бы он тут ел. Не бойтесь, я быстро с ним договорюсь. Подобные ему встречаются в древних развалинах. В Черных королевствах невежественные дикари порой даже поклоняются этим зверям, считая их отпрысками Великого Змея из Мировой Бездны.

Но это, конечно, дикарское суеверие. Они зовут их «глубинными волками».

Некромант спокойно протолкнулся сквозь замерших в напряженных позах аквилонцев и направился к ящеру. Тот, завидев движение, резко повернулся, отчего валун качнулся, взметнув каскад черной воды. Колдун на ходу вдруг зашипел, взметнул руками: его плащ вдруг распахнулся, словно громадные черные крылья, и оглушительно хлопнул. Ящер вздрогнул и попятился. Колдун все наступал — он уже подошел к подножию синего камня и неожиданно легко вскочил на его гребень. «Глубинный волк» шипел, терзал гранит когтями, но пятился. Вот он уже вынужден был соскользнуть к воде. Тут стигиец что-то негромко повелительно сказал и уставил на ящера палец. Что-то полыхнуло, своды пещеры наполнились грохотом, а зверюга подпрыгнула на месте и скачками, боком, умчалась к озеру, откуда раздался оглушительный всплеск. Колдун повернулся к своим перепуганным спутникам.

— Очень впечатлительное животное. Они за века отупели, охотясь в темноте на случайно забредших с поверхности животных и абсолютно слепых рыб. Когда-то, я слышал, они были королями джунглей, расстилавшихся там, где сейчас пустыни и степи. Владыки Пифона Ахеронского даже использовали их в качестве боевых зверей. Сейчас же это редкие и донельзя жалкие твари, месяцами глодающие старые кости, ловящие мошек или летучих мышей в ожидании случайной добычи.

Выслушав все эти малопонятные речи, десятник сплкнул. Он терпеть не мог змей, жаб, пауков, тем более если они вдруг по попустительству Митры вырастают до таких размеров.

— По крайней мере можно идти, не опасаясь более подобных тварей. Обойдем это озеро, кажется, вон там я вижу вход в галерею. А магии тут никакой нет: «глубинный волк» давно сбежал бы на поверх-

ность и умер от солнечного или лунного света, будь здесь хоть легкий след колдовства.

— А что так? — спросил один из ратников, все еще содрогаясь при одном только воспоминании о ящере.

— Я же сказал: они совершенно отупели и одичали.

Косясь в сторону озера, отряд прошел вдоль стен до конца грота, вздрагивая всякий раз, как раздавался всплеск волн или обиженное шипение «волка». Показался низкий вход в другой лаз. Без сомнения, сюда ящер протиснуться бы не смог. Стигиец разглядел мраморную пластину с диковинными символами и помрачнел. Он ожидал увидеть кхарийские письмена, оставленные здесь века и века назад владыками Пифона Пурпурного, столицы Ахерона, а эти символы он опознать не смог.

— Хозяин Мировой Бездны, вразуми меня, с чем же связались тупоумные Блистательные? На что набрел проклятый Торкиль, в каких безднах времени коренится голая Сила, давшая ему покровительство? Будь это какой-нибудь демон или древний слуга Змея, это я бы уже знал наверняка...

Аквилонцы шли все медленнее, зачарованно разглядывая каменные своды и стены, идеально гладкие, светящиеся, без единой трещинки или украшения. Пол, неудобный для ходьбы, закруглялся по краям, словно ход в логово гигантского червя.

— Неужто моя догадка — не бред усталого некроманта? — Стигиец на мгновение остановился и раскинул руки, словно стараясь впить в себя что-то из окружающего давящего безмолвия, что могло дать отгадку. — О Сет! Еще до того, как возвели первый храм Тебе, пока молоды были Валузия, Грондар и Атлантида, уже тогда в толщах земли и скал, у корней гор были прорыты подобные ходы и убежища, откуда на жалких людских владык смотрели жадные глаза врагов рода человеческого... да-да, я помню

Скрижали. Но те, древние, ушли, погибли, покинули наш мир еще до того, как в Бездне зашевелился наш Повелитель, а землетрясения и вулканы начали разрушать старые Империи. Древняя, первая раса, возлюбленные дети Тьмы, — их нет. Они исчезли уже при владычестве Ахерона, когда жалкие хайборийские орды, нищие и дикие, только начали проникать в нынешние земли.

Бормотания колдуна были прерваны животным криком ужаса, вырвавшимся из глотки воина, идущего впереди отряда. Вслед за воплем раздался звук падающего тела и лязгнули о каменный пол доспехи. Резко вскинувший голову десятник успел увидеть неясный сероватый вихрь, пронесшийся по стене. Какому существу могла принадлежать эта чудовищная бесформенная тень? Служивый, обнажив меч, пробежал по коридору вперед, до поворота. Везде было пусто, ни единого живого существа, ни звука, только зеленоватый свет искрился больше обычного, да у ног товарищей лежал мертвый воин. Глаза его едва не вылезли из орбит, лицо искажено нечеловеческой мукой, на шее — багровая полоса, как от веревки, а кости все словно переломаны или растворились вмиг. Тело лежало бесформенной грудой тряпья.

Стигиец почувствовал, что и его начинает охватывать страх. Его, видевшего такие картины, от которых простой смертный превратился бы в соляной столп. Он сказал, чувствуя, что голос предательски дрожит:

— Вперед пойду я. Держитесь вместе, ни в коем случае не растягивайтесь по туннелю, никуда не сворачивайте и, главное, не кричите. Только в Мировой Бездне знают, что выползет на ваш ор.

И они пошли дальше. Проход раздваивался, но стигиец, не колеблясь, свернул вправо. Колдун почуял слева недоброе присутствие: в голове будто проскреблись холодные пальцы, с его чувствами слился мучительный, нечеловеческий голод, голод того духа, что скрывался за следующим поворотом в том проходе.

Древняя, неутолимая жажда крови лишенной плоти нежити. Однако в подземных лабиринтах из черного камня под пирамидами Кеми и Луксура встречались твари и поопаснее. Все гробницы и катакомбы, стоявшие еще до того, как ныне сущие народы обосновались на новом месте, кишели подобными тварями, и некроманты Стигии умели с ними обращаться. Сзади раздался крик — шедший последним аквилонец угодил в объятия смерти. В тот же миг чердый колдун произнес краткое заклятие, запечатавшее духа в плену из плоти, которой он так жаждал.

— Вставай, вставай, — сказал десятник, помогая подняться своему солдату. — Это все детские страхи, приятель. Меч подбери, разиня, и больше не ори, а то придется тебе зубы выплевывать.

Молодой воин растерянно озирался, потирая быстро набухающий болью висок, гадая, что это на него накатило, а стигиец, не меняясь в лице, внутренне ликовал. Случившееся было редкостной удачей. Видно, много веков этот подземный город не посещал ни один маг. Обычно алкающие плоти гораздо осторожнее и чуют посвященного в таинства за сотню шагов. Теперь вечно голодное исчадие мрака наконец получило некое подобие воплощения. Когда же человек умрет, то эта сущность будет верным слугой и помощником, а вернее сказать — рабом стигийца. Конечно, потребуется много времени и усилий — создания Тьмы подчас бывают весьма строптивыми. Но через несколько лет он безропотно будет исполнять повеления своего хозяина, сберегая его время и магические силы.

«Все складывается удивительно удачно. Вначале — примитивный “засов” на входе, подпитавший меня не хуже, чем ночь в объятиях сна Черного Лотоса, чью пыльцу теперь доставать все труднее и труднее, теперь — в нужном месте и в нужное время подвернувшийся “страж мертвых”. Если же мне воистину удастся обнаружить следы Древней Расы Тьмы, то в

черном городе Кеми кое-кому, у кормила власти придется потесниться. А говорят, что связаться с Конаном — значит связаться с поражением».

В месте, где коридор внезапно расширился, стигиец помедлил, разглядывая окаменевшие потеки на стенах. Без сомнения, это была слизь, в тонкой пленке которой сверкали бирюзовые чешуйки. Колдун еще раз уверился в своих догадках. По крайней мере один из представителей древнейших хозяев Земли проползал тут века назад. На мгновение ему стало жутко. Все же он был человеком, хотя и некромантом. Стигиец встречался, сражался и повелевал бесплотными духами. Свергал демонов в нижние миры, сам бывал одержим какой-нибудь тварью из бездны. Мог вселить в другого смертного порождение Тьмы из свиты Сета, если на то была воля Мирового Змея. Эти же существа не были людьми, животными или бесплотными демонами. Это было «иное», неизмеримо пугающее и могущественное. В истребительной войне с этими тварями человечество выжило и постепенно заселило Землю, в самых древних своих легендах и преданиях не вспоминая о том ужасе, который крался за ними по джунглям, подстерегал в пучинах гиблых болот, нападал из-под земли. Твари, чьи громадные постройки, давящие, угловатые, огромные, непривычные глазу, тысячи лет назад уже поросли буйными травами, покрылись водой и жадным песком пустыни. Перед глазами стигийца пронеслись сотни и тысячи людских рек, текущих по развалинам циклопических сооружений. Скрижали Магов повествовали о том, что юные народы не селились вблизи построек древних государств Темной Расы, только века спустя на поросших бурьяном курганах взметнулись столицы и города Валузии, ее соседей. Владыки людей, обнаружив случайно подземные лабиринты под своими цитаделями, спешили замуровать их, страшась могильного холода и осязаемого зла, сочившегося оттуда и осквернявшего солнечный

свет. Пикты и атланты — тогда еще могучие юные народы, насмерть дрались с выходцами из бездн, уже не ведая, что это донельзя искаженные подземным существованием первые хозяева их земель. Великий король Кулл, властитель Валузии в пору ее расцвета, посвятил свою жизнь уничтожению этих существ, посягнувших на власть в мире людей. Когда же старый мир рухнул в пучину катастроф, его святыни и твердыни обрушились в прах. Пикты и атланты опустились едва ли не до уровня стадных животных, а новые народы — хайборийцы, гирканцы, стигийцы — пришли, чтобы стать хозяевами, даже осколки бывших народов, сохранившие подобие цивилизации — народ «земри» и кхарийцы мрачного Ахерона, — уже не ведали о Темной Расе.

Некромант тряхнул головой и вновь двинулся вперед — не ему, служителю Бездны, бояться Мрака. Он шел, вспоминая слова своего учителя: «Идущий против Света не может страшиться Тьмы».

За очередным поворотом открылся огромный грот, еще сильнее подавляющий своими размерами, чем первый. По подсчетам стигийца, они сейчас находились точно под замком, если только его не подвело отточенное в лабиринтах под Луксуром чутье. Свод терялся где-то вверх, там свет сгущался в некое подобие мерцающих облаков. Вдали слышался грохот водопада, воды которого вливались в настоящую подземную реку, стремительно катившуюся меж высоких каменных островов. Стигиец первым запрыгал с камня на камень, стремясь добраться до возвышения и оглядеться. Из воды выпрыгнула большая блеклая рыба с выпученными глазами и пастью, полной острых шилоподобных зубов. Она не смогла ухватиться за плащ и упала на мокрые камни. Шедший следом десятник пнул рыбу, пытаясь сбросить в воду, однако зубы ее тут же впились в сапог. Ругаясь, словно погонщик мулов из южного Шема, аквилонец разжал ей зубы кинжалом и, взяв за хвост, разбил голову о бли-

жайшую скалу. Остальных воинов тоже атаковали из-под воды, но ориентировавшиеся на звук рыбины, выпрыгивая, бились о щиты, зубы их скользили по доспехам, и они падали обратно. В одном месте из воды высунулась здоровенная змеиная голова на длинной шее, и воины поспешили взобраться повыше на камни.

— Жуть какая. Мы словно при входе на Серые равнины, куда не достигает свет Митры, — невнятно пробормотал один из ратников, нервно пробуя пальцем острие меча и косясь на резвящегося в реке водяного змея, погнавшегося за прыгучими рыбами.

— Кажись, наш колдун завел нас в гости к самому Нергалу, — сказал другой. Стигиец мгновенно ощерился:

— Не именуй его при мне, глупец. Если вы все немедленно не заткнетесь, я загоню вас в Огненную Бездну, пусть при этом придется обрушить эти каменные своды себе на голову!

Аквилонцы примолкли. Маг огляделся, прикидывая, где им ловчее пересечь поток, и вдруг увидел на плоском большом камне-острове груды человеческих костей и кучку праха, явно бывшего некогда одеждой. Немедля он бросился туда, вступив в поток по колено, борясь с сильным течением и уклоняясь от выпрыгивающих рыб. Воины всей гурьбой устремились за ним, еще не разглядев, что именно привлекло внимание некроманта, но боясь остаться в этом царстве камня и воды без поводыря.

Стигиец наклонился над останками. При одном прикосновении кости рассыпались. В каменном углублении виднелась бурая пыль — это было оружие, не выдержавшее испытание временем и сыростью. На черепе зияла пробоина, послужившая причиной гибели человека, а рядом лежало орудие убийства. Некромант поднял его и повертел в руках. Это был дротик, деревянная часть которого сгнила несчетное число лет назад. Сохранился только наконечник из

черного вулканического стекла очень тонкой работы и костяная трубка, служившая рукоятью. Вот она и привлекла внимание колдуна. Рисунок по кости был странен — сплошные извивы, черточки, круги, выполненные очень тщательно, некогда прочерченные в кости канавки заполняла краска и металлическая проволока. Человеку трудно даже представить такое изощренное искусство со столь странным чувством прекрасного. По всей видимости, это были именно узоры, а не письмена.

Еще трудней оказалось представить руку, под которую сделали эту рукоять. Стигиец сжал ее, пытаясь расположить пальцы в искусно выполненных выемках и канавках. Ничего не получилось. Держать было совершенно неудобно, а прицельно метнуть такое длинное оружие — тем более. Тут была необходима кисть побольше, с очень длинными пальцами, еще лучше, если бы этих пальцев оказалось на пару-тройку больше, чем у людей.

«Похоже, я на правильном пути. Или милость Сета и все мое искусство меня оставили, или сюда не приходил ни один человек по меньшей мере веков десять. Ведь даже доски на входе, скрепленные грубым, но щедрым закланием, уже рассыпались на поверхности в прах. Я слышал о многих древних тварях, еще о множестве узнал из наскальных барельефов под центральным храмом Кеми, но ни одно из них не смогло бы изготовить столь совершенного оружия, да еще затейливо украсить». Вслух он, конечно же, ничего не сказал. Продвигаясь дальше, маленький отряд еще не раз и не два наткнулся на останки, изрядно, правда, искромсанные подземными тварями. Несколько раз стигиец брал с мокрых холодных камней и прятал под плащ то детали дротиков, то столь же изящный, но неудобный для человека искривленный каменный кинжал с остроконечным самоцветом в костяном эфесе, то пару невероятно тонких каменных браслетов. Его спутники нашли несколько золо-

тых украшений валузийских времен, как определил стигиец по чеканке.

«Сет, почему нет у тебя таких слуг среди воителей, как этот Конан или древний король-легенда Кулл. Ведь, похоже, он достал своих ужасных врагов даже в недрах земли. Видно, не все легенды о той эпохе — пустые басни». Стигиец поминутно встречал оплавленные камни, искривленные каменные сосульки и иные следы магических ударов. Теперь у него не осталось сомнений: они идут по полю древнего сражения. Но большую часть ратного поля поглотила вода и известковые окаменевшие наплывы.

Сверху, из-под невидимых каменных сводов, упала вниз крылатая тварь. Она атаковала молча, сложив кожаные крылья и распахнув клыкастую пасть. Десятник, вовремя оглянувшийся, упал на колени, взмахнув над собой мечом. Удар, впрочем, не достиг цели. Неведомая птица уже ударила когтями в спину одного из воинов. Когти прорвали плащ, но скользнули по кольчуге, удар же был настолько силен, что аквилонца бросило вниз. Он ударился о камни и упал в воду. Там его схватила следующая тварь, летевшая следом за первой. Схватив истошно вопящую жертву, птица поволокла его к дальним отвесным скалам.

— Будь прокляты все сокровища! — вскричал седоусый ратник, опуская поздно вскинутый лук. — Эй, стигиец, поворачиваем назад, пока нас всех тут не пожрала эта нечисть.

— Верно, — осторожно поддержал его десятник, растирая ушибленное колено. — Король приказал нам сопровождать тебя до хода в замок. Но хода-то нет, цитадель над нами, а к сводам может взлететь только сам Митра в своей огненной колеснице.

— Хорошо, — согласился стигиец, видя, что иначе они повернут назад и без него. — Мы дойдем сейчас во-он туда, где река уходит в толщу скалы. Если не пройти там человеку, придется вам штурмовать стены цитадели в лоб, а я вернусь к моим изысканиям

лекарственных трав и изготовлению приворотного зелья.

Ворча, воины согласились на последний рывок. Больше оплошностей они не допускали. Ринувшихся было снова птиц они посшибали стрелами или приняли на копья, высунувшегося из воды змея вмиг изрубили мечами и топорами. Стигиец не обращал на схватку, кипевшую вокруг, ни малейшего внимания, а сосредоточился на отточенных годами занятий некромантией ощущениях. А они говорили ему, что маг приближается к месту сосредоточия Сил. Кто-то необоримый сплел в узел непокорные стихии, из которых соткано вещество мира. В этом невидимом коконе покоилось нечто, сокрытое не только от взгляда смертных, но и от адепта Мирового Змея, за которым стояло могучее многовековое искусство черной магии.

Стигиец чувствовал, как капля за каплей из него вытекает жизненная сила. Нет, в недрах замковой скалы не угнезвился гигантский древний упырь. «Этим» не нужны были жалкие силы мага. По сравнению с мощностью кокона его искусства просто не существовало. Это частицы мощи, из которых стигиец годами ткал свой волшебный каркас сил, почувствовав более могучее вместилище, стремились слиться с бьющими ключами чистых Темных энергий, не обремененных жалкими заклинаниями, сплетенными человеком. С удивлением стигиец почувствовал, как покидает тело аквилонского воина плененный им дух, устремляясь в невидимую воронку. Такого просто не могло быть, но так было. А кокон этот находился в нескольких шагах от стигийца, за гранитной стеной, под которую, пенясь, уходил холодный поток. Колдовским зрением колдун видел, что под толщей воды сидит «глубинный страж», намертво преграждая проход к кокону. Существо не было посажено здесь на магическую цепь. Просто это древнее, известное из преданий и видений Черного Лотоса существо, воль-

готно расположилось рядом с бьющим ключом сил. Хищная тварь приспособилась за века получать жизненную энергию, не охотясь и не убивая. Но сунься кто в воду, «страж» решит, что это нападение, и неминуемо вступит в бой. А под водой этот прозрачный спрут был опаснее десятка голодных акул.

«Наверняка сверху, из цитадели, есть вход к «этим». Не знаю, как Торкиль взломал защиту, наверняка тут не обошлось без желания самого кокона, но мне туда дорога одна — из замка. Если Темные, по крайней мере несколько из них, живы, то разбудивший их станет обладателем неслыханной мощи. Интересно, правильную ли я сделал ставку в этой игре. Может быть, мое место — рядом с Блистательными? Вначале — рядом. И ближе к «этому», чему нет названия. Теперь я понимаю, куда делся Звездный Вестник. Примерно туда, где оказался бы я, попытавшись применить Искусство рядом с коконом. По открытым каналам вошло бы столько стихийной мощи, что меня бы разорвало в клочья. Значит, мятеж, даже гирканское нашествие, — все это вместе с планами ордена полная чужь для отвода глаз. Игру ведут «эти», вернее, они спят, уж тут-то я не могу ошибиться, а их защитные барьеры и вуали по-своему тасуют фигуры, дергая за ниточки. Так ярмарочный фокусник поступает со своими куколками. Кажется, Мировой Змей любит меня, предоставляя неясную, грозную и пугающую возможность изменить судьбы мира».

Продолжая размышлять, стигиец отдал приказ возвращаться назад. В сотне шагов от гранитной стены ему стало легче. Чтобы убедиться, он изменил полет одной из рыб, бросившейся на него. Тварь перекувырнулась в воздухе, вильнула и схватила за плечо десятника. Тот с проклятиями страхнул рыбу с доспеха и ускорил шаг. Значит, все верно. Чем ближе к источнику чистых древних сил, тем незначительней более позднее Искусство управления Тьмой. Больше по-

глощает меньшее, сильный пожирает слабого. В мельтешении жалкой жизни этот принцип зачастую нарушается, в мире же холодных магических линий — непреложный закон.

В туннеле-проходе между первым и вторым гротом десятник неосторожно наступил на выступающий камень. В тот же миг бесшумно провернулась на невидимых петлях каменная глыба, и на них кинулся странного вида зверь. Он был покрыт плотной чешуей, с когтистыми мощными лапами, имел при этом птичий клюв и короткие кожаные крылья. Змеиный хвост хлестал из стороны в сторону, сбивая с ног. Зверь стоял отряду двоих, но был повержен опытными воинами. Разглядывая мертвое чудище, стигиец полностью уверился, что имеет дело с силами из пучин времен, — страж был точной магической копией древних грифонов, использовавшихся на полях сражений древнего мира.

Когда они выбрались из узкого прохода в следующий грот, впереди послышались крики, замелькали человеческие фигуры. Десятник немедленно расположил своих людей за камнями, готовясь дорого продать жизнь свою и оставшихся ратников.

— Стигиец, с тебя будет толк в сражении? — спросил он у спокойно стоящего со скрещенными на груди руками волшебника.

— Я кое-что могу, хотя и не являюсь воином. Но мне кажется, что это не мятежники. Мне кажется, я различаю бас короля... ага, а вот это — определенно рев «глубинного волка». Ну конечно — Конан не смог пройти мимо несчастного слепого ящера.

Аквилонцы и их спутник двинулись вперед, а вскоре действительно разглядели своих товарищей по оружию. Северяне недовольно оглядывали грот, как две капли воды похожий на описания чертогов Хозяйки Смерти — богини Хель, а над издыхающим «волком» гордо стоял Конан, вытирая полый плаща окровавленный меч.

— Кром, а вот и наши разведчики. Я смотрю, стигиец, что ты не очень-то бережешь аквилонских солдат. С тобой был десяток.

— О да, повелитель Аквилонии. Этот лабиринт успокоил души нескольких храбрых мужей, и все мое искусство оказалось в ряде случаев бессильным перед безымянной напастью.

Стигиец был подчеркнуто сдержан и любезен. Конан вопросительно вскинул брови, загоня меч в ножны:

— Значит, тут поистине вход в преисподнюю, раз некромант, чувствующий себя как дома в гиблых подземельях Кеми, откуда в молодости я едва унес ноги, оказался бессильным пред здешними обитателями. Впрочем, оставим пустую болтовню. Ты нашел прямой путь в замок?

— Нет, король. Ходы в глубь земли, без сомнения, есть, но идут они со стороны замка, отсюда же можно пройти лишь через сонмы чудовищ и голодных духов до гранитной скалы. Если глава Блистательных и знает способ пройти сквозь нее, то скромный служитель Мирового Змея бессилен.

— Прах тебя подери, чернокнижник. А я уже мечтал ворваться в замок и покончить с мятежом силами своей дружины, утерев нос Конну, Троцеро и немедийцам. Значит, предстоит долгая осада или кровопролитный штурм. А что, никак нельзя пробиться сквозь ту стену?

— О нет. Своды, без сомнения, обрушатся и погребут под собой дерзких, рискнувших тревожить корни скалы. Кроме того, как я и ожидал, здесь находится небывалый источник магических сил, столь мощных, что мое искусство бессильно. Силы, которые управляют мятежом и орденом Блистательных, настолько древние и могучие, что неосторожная попытка взлома может вызвать катастрофу в материальном мире, а также небывалую волну в... сокрытых от смертных пластах мироздания.

— Как всегда, когда имеешь дело с магией. Много пустых и темных слов — и никакого толка. По крайней мере скажи мне: Торкиль может спустить на нас каких-нибудь демонов или, там, огненную реку, тайфун, мор?

— О нет, не думаю. Для большинства подобных действий нужно до тонкости изучить искусство черной магии, будучи под покровительством одного из темных орденов и его владык из Мировой Бездны. Торкиль же — удачливый, но безграмотный человек, по недосмотру Владыки Мира наткнувшийся на источник энергий, мощь которого превышает силу его воображения и скромных умений. Как бывает в подобных случаях — не он управляет Силой, а стихийные энергии играют им, словно водоворот — щепкой. Кроме того, как я уже имел сегодня случай заметить, что хоть я и не воин, но обезопасить нашу армию от любых демонов, чье появление не совпадает с тайными планами Змея, я смогу.

— Остается надеяться, что Сету совершенно нет дела до Блистательных и того, что они нашли в этой темной сырой дыре. Пора выбираться на поверхность, а то у меня начинают ныть старые раны и болеть зубы. Чего доброго, разыграется ревматизм.

— Одно слово короля, и я приготовлю отвары...

— Кром, уж лучше мучиться от ломоты в костях, чем пить твои зелья, стигиец. Уж не сочти за обиду.

Они принялись выбираться. Стигиец был только рад невежеству Конана в делах древней истории и магии. Он до сих пор не решил, верны ли его догадки о Темной Расе, представители которой, быть может, совсем рядом дремлют многие века, закрывшись от времени вуалью из колдовской ткани и изначального, предвечного мрака.

«Коль скоро Древние пробуждаются, шевелясь в своем тяжелом сновидении, колесо мира движется неумолимо к Последней Битве, в которой сойдутся в оставшиеся мгновения Времени те, кто видел зарю

мироздания. Что значат все черные ордена по сравнению с расой служителей Изначального Мрака? Не следует ли мне припасть к искре чистого Зла, отбросив суетные проблемы политики? Какая разница, кто правит в дряхлеющих странах хайборийского мира — Аквилония или Гиркания? На развалинах людского мира начинают распахиваться темные крылья Мировой Бездны, и от самого фундамента мироздания тянутся вверх первые всходы, просыпаются поглощенные временем...» Стигиец был в мучительных сомнениях, когда они вышли на поверхность. Совсем недавно пустынная поляна теперь стала местом лагеря аквилонского войска. Всюду раскинулись палатки, горели костры — Конан больше не тайлся от Блистательных, и столбы дыма, вероятно, хорошо были видны с башен пеллийской цитадели.

Конан кивнул Иллиаху, указывая бровями на стигийца. Может, старый король не был силен в оттенках волшебных энергий, но предательство чуял за версту. Этот дикарский инстинкт остался с ним на всю жизнь, не раз спасая Конана в самых гиблых переделках. Погруженный в тяжкие раздумья смуглокожий южанин, в странно шевелящемся в безветрии плаще, и не заметил, что вокруг него расположились пять или шесть мрачных северян, поглядывающих на него, как на ядовитую змею. Сам же король немедленно двинулся в центральный шатер. Там он увидел полководца Троцero, Конна, нескольких Черных Драконов и Хольгера.

— Так, клянусь бородой Крома, военный совет в сборе. Отлично, рассказывай, Троцero. Мне вас порадовать нечем — из-под земли мы Блистательных не достанем.

— Мой король, — старый граф нетвердой походкой обошел брошенную прямо на землю карту, — основные планы мятежников потерпели крах. Они рассчитывали занять вот эти замки на наших землях, поместье наместника, переправы и броды. Участники

мятежа из числа знати арестованы, разумеется, кроме тех, кто находится в цитадели, летучие отряды — уничтожены.

— Что на немедийской стороне? — спросил Конан, беря из рук Дракона и опрокидывая себе в глотку кубок с вином.

— Барон Оливей, действуя чрезвычайно энергично, изолировал друг от друга несколько очагов мятежа. К нему из столицы прибыл кавалерийский полк во главе с членом бельверусского военного совета, якобы для усиления границы, на самом же деле — с целью разоружить гарнизон, а затем присоединиться к мятежу. В заговор посвящены лишь некоторые офицеры полка и указанный вельможа. Прибывший голец сообщает, что этой ночью Оливей окружит место расположения прибывшей кавалерии и проведет арест выявленных Блистательных.

— Хваткий малый. Троцero, ты выпестовал не только ряд неплохих вояк Аквилонии, но еще и великодушных врагов! Клянусь синюшными телесами Хель!

Граф поморщился, видя, что Конан выпивает залпом еще один кубок, и дипломатично заметил:

— Немедия сейчас не враг Золотому Льву, а в некотором смысле даже союзник.

— Ну нет, я никогда не забуду Год Дракона. Руки пока что у Бельверуса коротки, и все тут. Государство Блистательных — для них тоже заноза в боку. Но погодите — вот если зашевелится Гиркания, они будут стоять в стороне, а то и попользуются царящей неразберихой. Тот же Оливей решит оттяпать у нас провинцию-другую, если дела у степняков пойдут хорошо.

— Отец, у тебя совершенно неверные представления о немедийской аристократии. Никогда держава, в которой почитается Митра, не пойдет на стовор с восточными шакалами, дикарями и варварами, почитающими демонов и созвездия.

Конн, как обычно, не преминул защитить цивилизованного соседа Аквилонии. Конан расхохотался:

— С ахеронским демоном они почему-то вступили в сговор. А если говорить о дикарях, то гирканцы — сущие неженки по сравнению с нашими боссонцами и гандерландцами, не говоря уже о северянах, вроде меня или вон Хольгера. Бросим болтовню. Троцero, я понимаю так: план мятежа оказался мастерски задуман, и лишь благодаря счастливому стечению обстоятельств удалось погасить неначавшийся пожар. Теперь необходимо осадить и взять саму цитадель. Мне кажется, что моей дружины и Черных Драконов на это хватит. Что с Тураном, есть ли угроза с востока? Когда я собирался лезть в эту крысиную дыру, ты ждал гонцов.

— Да, мой король. И ненапрасно. Во-первых, предстоит еще выяснить, откуда у Блистательных такая прорва золота. Я пока готов только признать, что в военном и политическом смысле выступление мятежников было подготовлено превосходно. На наших западных границах планировались выступления пиктов и наемных ватаг, которые должны были приковать основные силы аквилонского войска к Западной Марке, в то время как здесь зрели баронские выступления, а гирканская конница собиралась затопить равнины южных соседей.

— Неужели недоношенный сынок Эйольва-Валана, этот магистр самозванный, или разбойник Хват могли составить столь безупречный и тайный замысел. Хвала Крому, значит, не все еще обветшало в мире!

— Нет, мой король. Наконец мы располагаем точными данными о составе мятежников. Военная часть была разработана известным вождем наемной дружины Диго Аргосским. Сейчас он со своим отрядом находится в цитадели.

— Славный малый. Троцero, ты утверждал, что Аквилонской Короне служат все толковые наемники. А самого-то талантливого проглядел!

Троцero замялся, вспоминая, какое издевательское письмо он получил от Диго в ответ на свое предложение получить прощение всех грехов вместе с королевским указом о назначении командиром в порубежный гарнизон Западной Марки. Но он быстро нашелся, семенящей походкой направившись к дальнему углу карты:

— Однако наместники западных областей и войска уже оповещены, и серьезных неприятностей не предвидится. Сила мятежников была во внезапности нападения, теперь они лишились этого преимущества. Ялот Аквилонии вскоре войдет в устье реки Хорот, дабы вынудить Зингару и Аргос не давать убежища смутьянам. А военные отряды мятежников будут отброшены в дикие джунгли или уничтожены без участия основных сил.

— Отец, нам нужно твое согласие, и тогда полки Аквилонии немедленно выступят к гарнизонам на реке Красная, которую гирканцы, какой бы дорогой они бы ни шли, не минуют. И получают хороший урок.

Конан обошел карту, что-то ворча себе под нос, но, не найдя изъяна в плане главнокомандующего и сына, кивнул голсвой. Приказ и королевская печать были под рукой, и вскоре гонец с усиленной охраной направился в Тарантию.

— Отец, ты, наверное, захочешь возглавить войска королевства? — спросил Конн.

— Пожалуй, нет. Мне почему-то кажется, что мой сын, разумеется пользуясь мудрыми советами графа, сам может разгромить зарвавшихся гирканцев. Они не ждут столкновения со всем нашим бронированным воинством. Если я правильно мыслю, гирканцы собираются продемонстрировать Офиру, Кофу и Шему, кто настоящий хозяин на востоке, и поддержать мятеж. А в случае удачи сделать новоявленное государство ордена Блистательных своим вассалом, на страх Немедии и Аквилонии. Так вот, разбейте им морду в кровь и преследуйте хоть до пустынь на

границе с Тураном, чтобы все знали, кто действительно хозяин хайборийского мира.

— А ты, отец?

— Меня очень занимает этот Торкиль, еще больше — Диго. Хочу посмотреть на последнего «пса войны», решившего бросить вызов сильнейшим державам мира. Это как блеск бриллианта в куче дерьма современности! — При этих словах Конн закатил глаза и тихо вздохнул. — А больше всего мне интересен змееныш Хват, или как там его на самом деле. Моя дружина, Драконы — вполне хватит на осаду. Что ж, все свободны.

Глава девятнадцатая

Диго не мог понять, на что надеется хозяин замка. Почтовые голуби давно принесли вести о том, что аквилонцам во главе со своим престарелым королем и его сыном, удачно дополнявшим безрассудную отвагу отца расчетливостью, удалось без особых трудностей подавить начинавшийся мятеж.

На месте Торкиля аргосец сейчас подумал не о том, как продолжить начатое, а о том, как избежать сокрушительного поражения, которое было лишь вопросом времени. Конану с небольшим отрядом удалось прорваться через все засады, и хотя у него недоставало сил для штурма, их вполне хватало для длительной осады пеллийского замка.

Когда Диго обсуждал с главой провалившегося мятежа положение дел, он тщательно объяснил ему сложившуюся ситуацию, и был уверен, что последует приказ начать переговоры. Однако Мастер не обратил на слова наемника ни малейшего внимания.

Его вела непоколебимая уверенность в успехе, которому не в силах помешать никакие препятствия. Диго испытывал двойственные чувства: с одной стороны, он испытывал удовольствие от настоящего дела, — столкновения с сильным и достойным противником, но с другой — отсутствие реальных шансов на победу тревожило Одноглазого.

Сидя в своей комнате, он пытался понять, что же движет Торкилем. Поведение хозяина замка чересчур напоминало действия безумца, не замечающего ничего, кроме своих собственных домыслов. Достаточно вспомнить о том, как он вел себя на плацу во время стычки с заморийцем — не испытывая ни малейшего страха, не пытаясь уклониться от ножа, словно ему заранее было известно чем кончиться дело. Вспомнив об этом случае, Диго недовольно скривился. Он отчетливо видел, как нож вонзился в руку Торкиля, но из раны не текла кровь. Единственный глаз ни разу не подводил аргосца.

Диго вскочил и принялся расхаживать по комнате. Если герцог не безумец, то, значит, здесь замешана магия. Об этом говорил и проклятый стигиец, при воспоминании о котором аргосца до сих пор передергивало, как от вида смертельно опасной змеи. Магию — во всех ее видах — он считал отвратительным занятием, противным Митре и всем светлым богам. Сама мысль о том, что приходится служить поборнику темных сил, вызывала в нем сильное желание первый раз в жизни нарушить закон наемного братства и увести своих ребят подальше от этого Митрой оставленного места.

Вечером в его комнату зашел хозяин замка. Торкиль расспрашивал об организации обороны и о настрое солдат.

— Больше всего меня беспокоят пикты, — говорил Диго. — Они, пожалуй, больше всех в драку лезут — аквилонцев они терпеть не могут, а срубить пару голов для них — все равно что моряку в бордель после плавания сходить. А по ночам их лучше и вовсе не видеть. Вчера проснулся ночью, пошел караулы проверять, вдруг слышу: воет кто-то посреди двора. Подошел поближе — и тут передо мной вскакивает с земли птица, размером человеку по пояс будет. Сначала я решил, что пора мне пить бросать: накануне перебрал вина здешнего со своими аргосца-

ми, а когда повнимательнее пригляделся, вижу: это вождь пиктов, весь в перьях и разрисованный всеми красками. Я его чуть сразу же за стену не выкинул — пусть там аквилонцев пугает.

Торкиль коротко рассмеялся, а Диго с каменным лицом продолжал:

— Вот этот вождь мне и начал рассказывать, что он чувствует, будто в стенах замка что-то бродит, шуршит и спать не дает. Причем это не крысы и вообще неживое что-то, а какие-то упыри, ожившие мертвецы. И поэтому они, пикты, решили к своим богам обратиться, за помощью и защитой. Дарфарцы тем же самым занимались по ночам, пока я их вместе со зверями не отправил в засаду ожидать Конана. Не армия, а сборище дикарских богов...

— Да, пожалуй, пиктов тоже стоит отправить за пределы замка, — небрежно бросил Торкиль, — такие следопыты больше пригодятся в засаде, чем на стенах.

— Бойцы в засады уже назначены, — коротко ответил Диго, который терпеть не мог, когда наниматели начинали ему указывать, как правильно воевать.

— Поступай как знаешь, — ответил Торкиль, направляясь к двери. — Если что понадобится, обращайся в любое время. Если я буду не в Зале Совета, ты найдешь меня в подвале замка, в святилище ордена. Младшие братья получили приказ пропускать тебя в любое время.

Как только Торкиль вышел из комнаты, Диго вспомнил, что хотел спросить, будет ли Армледер участвовать в обороне замка, и бросился вслед за Великим Мастером. Он выскочил в коридор как раз в тот момент, когда герцог подошел к стене и нажал на панель, которая отошла в сторону, открывая потайной ход.

Инстинктивно он притаился. Торкиль скрылся в проеме, и панель бесшумно скользнула на место.

Выждав несколько мгновений, Диго последовал за хозяином замка.

Панель отошла в сторону, и перед ним открылся черный проем. Осторожно, словно крадущийся леопард, Диго скользнул в потайной ход. Он не знал, зачем это делает, но что-то гнало его вперед. Этот замок нашпигован странностями, как кусок боссонской колбасы — салом. И надо было выяснить, с какими неожиданностями здесь может еще столкнуться честный наемник.

Через несколько шагов он остановился. Впереди коридор резко сворачивал, и из-за поворота слышались голоса. Не производя ни малейшего шума, Диго присел и осторожно заглянул за угол. Он увидел узкую винтовую лестницу, по которой спускались двое. Первым был Торкиль, облаченный в длинный расшитый непонятными фигурами балахон. За ним почтительно следовал слуга, державший перед собой факел. Повернувшись на очередном изгибе лестницы, он заслонил своим телом огонь. И тут Диго похолодел, охваченный ужасом, которого не испытывал даже тогда, когда клин тяжелой конницы врезался в строй наемников, и одно из копий лишило его глаза. Фигура слуги, державшего факел, не отбрасывала тени!

— Что же это такое? — пробормотал он, уже зная ответ. Богам было угодно засунуть его именно туда, где он меньше всего хотел бы оказаться, — в замок некроманта, в подчинении которого находятся ожившие мертвецы. Ни разу за свою бурную жизнь аргосец не сталкивался ни с чем подобным.

Осторожно, производя шума не больше, чем падающий с дерева лист, он вернулся в свою комнату. Увиденное оказалось хуже самых мрачных его предположений. Но что бы ни творилось в этом богами проклятом замке, не стоило показывать своей осведомленности, пока он не решит, что же делать дальше.

Не решил он этого и вечером, когда отправился проверять расставленных на стенах часовых. В теп-

лом свете заходящего солнца ему даже начало казаться, что единственный глаз вновь сыграл с ним дурную шутку.

Схватка на площадке началась внезапно, и, если бы Диго не подоспел вовремя, унесла бы добрый десяток человек. Свирепый нордейхмский пес — ужас снежных пустынь, — спокойно лежавший у стены казармы, внезапно набросился на одного из замковых слуг, носивших еду в казарму, где размещались пикты, ваны и асиры, — дикари прекрасно уживались друг с другом.

Собака вцепилась в горло слуге и рвала его, издавая одновременно яростное рычание и жалобный вой. Казалось, что пес бросился в схватку от невыносимого страха. Человек делал бесплодные попытки выбраться из-под навалившегося на него зверя, но вскоре затих. Пес, задрав морду кверху, завыл — жутко и жалобно. Этот вой часто можно услышать в заснеженных пустынях Ванахейма перед битвой. Ваны говорят, что собаки, предчувствующие свою смерть, поют свою прощальную песнь.

Для этого пса песнь действительно оказалась прощальной. Сухо щелкнул арбалет, и короткая толстая стрела погрузилась в шею пса. Спешившие на выручку товарищу слуги отомстили за его смерть.

Почти одновременно мелькнул в воздухе нордхеймский топор и арбалетчик упал с разmozженной головой. Одетые в волчьи шкуры ваниры бросились на обидчиков. Вслед за ними выскочили асиры и пикты. Дикари не были вооружены, но одного их вида хватило бы, чтобы обратить слуг в бегство. Однако челядинцы не побежали. Еще раз щелкнул арбалет, и тяжелая стрела вошла в грудь пиктскому вождю.

Пикты завывали и бросились вперед. Приземистые воины с перьями в волосах горели жаждой мести. Слуга, державший арбалет, был убит мгновенно. Один из пиктов высоко поднял его отрезанную голову, с которой капала кровь. Второго слугу исполосовали

кремневыми ножами. Лишь решительный окрик Диго предотвратил дальнейшее избиение.

Вместе с подошедшим Торкилем им удалось успокоить дикарей, горевших жаждой мести. Хозяин замка пообещал пиктам щедрую виру за убитого вождя, но Диго мог поклясться, что во взгляде Торкиля, когда он смотрел на погибшего, мелькнуло удовольствие.

Вечером на замковом дворе запылал погребальный костер. По своему обычаю, пикты провожали на Серые равнины погибшего вождя — далекого потомка прославленного Брула-копейщика.

Глава двадцатая

Наверное, подсыпанное зелье продолжало действовать. Но видение было настолько реальным, что не вызывало ни малейшего сомнения. Он чувствовал даже исходивший от заморийца запах — запах крови и смерти. Армледер закрыл глаза и вновь открыл их. Видение не исчезало. Некоторое время аренджунец безмолвно рассматривал гвардейца, затем почему-то поклонился. В поклоне проскальзывало почтение и благодарность. Замориец отвернулся и вышел из комнаты тем же путем, которым попал сюда.

Разум человека не мог перенести кошмарного видения, и Армледер погрузился в спасительный сон.

Разбудило его легкое прикосновение. Выбравшись из плена мрачных видений, он рванулся, сев на кровати. Оцепенение прошло. Тело двигалось так же легко и послушно, как обычно. Перед ним стоял один из замковых слуг, видимо, тоже из Посвященных, и почтительно протягивал перед собой поднос, уставленный разнообразной едой и питьем.

— Прошу вас отведать, господин. Вскоре состоится Посвящение, а сейчас пожалует Великий Мастер и ответит на ваши вопросы, убедившись в вашей решимости стать на Великий Путь.

Внезапно Армледер почувствовал зверский голод. Забыв об осторожности, он набросился на еду. Холод-

ное мясо и лепешки показались ему самым вкусным, что он пробовал в жизни. Он плеснул себе в кубок вина из принесенного слугой кувшина, но вовремя вспомнил о подсыпанном ему зелье и удовольствовался чистой водой из второго кувшина.

Только здесь он полностью осознал слова слуги. Сегодня — Посвящение! Значит, он провел в этой комнате целых два дня, ведь Торкиль говорил, что Посвящение состоится на третий. Одурманенный вином, он потерял чувство времени. Два дня он беспомощно лежал здесь, наблюдая колдовские картины.

Армледер резко вскочил, опрокинув столик, на котором стоял поднос. Осколки посуды рассыпались по полу, заблестело разлитое вино. Появился слуга, вытер пол, подобрал осколки и вновь выскользнул за дверь.

Армледер лихорадочно расхаживал по комнате, пытаюсь понять, что же ему теперь делать. Надо постараться узнать у Торкиля, что происходит в мире, ведь мятеж уже должен был начаться. И пожалуй, рано говорить с братом, приставив кинжал ему к горлу, — необходимо проникнуть в подвал и посмотреть на таинственное подземное святилище. Что-то подсказывало Армледеру, что ответ на все вопросы он сможет получить лишь там.

Когда открывшаяся дверь впустила в комнату Торкиля, Армледер был готов к разговору с братом. Он спросил, когда наступит то великое будущее, которое он видел, и неизбежно ли оно. Значит ли это, что теперь ему можно ничего не опасаться в битве, поскольку он видел себя в будущем. Торкиль ответил, что показанное было не будущим, которое увидеть нельзя, поскольку его еще не существует, а видением мыслей, планов, которым не в силах ничего помешать.

— А как идут дела сейчас? — поинтересовался Армледер. — Наверное, провинция уже у нас в руках? Торкиль несколько помрачнел:

— Этому варвару откуда-то стало известно о наших планах. Им удалось подавить восстание немедийских баронов и отбить атаку на поместье наместника. Сейчас он пытается штурмовать замок. С горстью воинов он пошел напрямик через горы, угодив прямо в расставленные Диго ловушки. Сейчас он стоит под стенами, но не решается штурмовать, понимая, что мы полностью уничтожим его армию. Правда, у нас недостаточно сил, чтобы одним решительным ударом покончить с этим ублюдком. Но у меня есть в запасе кое-что. Варвар не уйдет отсюда живым!

— Туранцы? — лениво поинтересовался Армледер.

— Не только, — загадочно произнес Торкиль, — погоди, и все узнаешь. Увидишь своими глазами. — Он замолк, не желая открывать брату ничего сверх того, что уже было сказано.

Вялым голосом Армледер проронил несколько ничего не значащих фраз, восхитился великим будущим, ожидающим страну под их властью, затем притворился, что хочет спать.

— У тебя очень крепкое вино, брат, — произнес он зевая, — после него тянет в сон. Я хотел бы отдохнуть перед церемонией.

Торкиль вежливо попрощался с братом до встречи на Посвящении и вышел.

* * *

В подвале замка Торкиль готовился к ритуалу обращения. С помощью пяти младших Посвященных он облачился в длинный балахон, на котором были вышиты существа, не принадлежащие к пантеону ни одной из известных религий. На черном фоне извивались зеленые, серые и синие полузмеи-полулюди, скалились клыки свиньи с человеческим туловищем, волчья морда была увенчана козлиными рогами. Сплетавшиеся между собой странные кривые линии, обра-

зующие изображения, казались нанесенными не человеческой рукой — так неестественно они выгибались.

Один из Посвященных поднес Торкилю тиару Великого Мастера ордена Блистательных, высеченную из куска обсидиана и увенчанную камнями, напоминающими изумруды. Подобные камни давно уже исчезли с поверхности земли, и лишь в мрачном лабиринте пещер под замком сохранились эти свидетели давно упавших эпох.

Взяв в руку каменный жертвенный нож, Торкиль сжал другой рукой горло приготовленного для жертвоприношения петуха и прикрыл глаза, готовясь к ритуалу. Сейчас младшие Посвященные введут его брата... вернее, того, кому предстоит стать его братом.

На его губах зазмеилась пугающая улыбка...

* * *

Впоследствии Армледер с трудом мог вспомнить первую часть церемонии Посвящения. Вокруг собрались члены ордена, горел светильник, распространяя вокруг чад, смешанный с ароматом благовоний, что обычно сжигались в храмах Асуры. Младшие Посвященные начали причудливый танец. Затем на него набросили покрывало, и Армледер предстал перед Великим Мастером ордена, который отработанным жестом сорвал ткань, демонстрируя тем самым, что новый Посвященный избавился от иллюзий. Коротким жертвенным ножом Торкиль срезал прядь волос с головы брата — это символизировало признание новым Посвященным того, что подлинная жизнь начинается лишь после смерти тела. Остального Армледер не запомнил — идиотские пляски начали его раздражать, и он перестал обращать внимание на то, что творится вокруг.

Все происходящее больше всего напоминало вечеринки у какой-нибудь знатной дамы в Тарантии, на которых восторженная хозяйка — большая любительница необычных культов и вообще всего необычно-

го — показывает гостям свои достижения в познании бестелесного мира.

Наконец Великий Мастер громогласно объявил, что ритуал завершен. Младшие Посвященные заторопились к выходу. В святилище осталось всего несколько человек. Армледер огляделся вокруг и поразился царившей здесь роскоши: повсюду были расставлены отлитые из золота статуи, разбросаны дорогие ткани. На стенах в беспорядке висели ожерелья из крупных драгоценных камней, сверкающих и переливающихся самыми различными оттенками. На алтаре стояли золотые чаши, также украшенные камнями невиданных размеров. Больше всего это напоминало храмовую сокровищницу какого-нибудь древнего знаменитого храма, и у Армледера появилось подозрение, что Торкиль совершил святотатство, разграбив одно из великих святилищ.

От этих мыслей его отвлек голос обращавшегося к нему брата:

— Завершена первая часть церемонии. Сейчас мы с тобой спустимся вниз, к сердцу горы, и там ты пройдешь второе, истинное Посвящение, которого удостоены лишь немногие. Там ты обретешь ответы на все свои вопросы и приобщишься к вере и ощутишь присутствие Тех, Кто Вовне и Внутри Нас. И станешь истинным адептом Храма Ночи.

Он кивнул стоявшему неподалеку человеку, тот зажег факел, прошел за алтарь и, откинув занавесь, открыл проход в высеченный в скале коридор, в конце которого виднелась винтовая лестница, уводящая вниз, как выразился Торкиль, «к сердцу горы».

Глава двадцать первая

Они спускались долго. Шедший сзади Армледера Посвященный нес факел, и блики плясали по стенам уходящей глубоко под землю шахты. Неровное пламя факела выхватывало из тьмы причудливые каменные узоры, известковые наплывы, казавшиеся мордами чудовищных созданий. Пламя плясало, дробилось на вкраплениях слюды, и чудилось, что звери оживают, движутся, а стены начинают сжиматься, грозя сдавить дерзких, осмелившихся нарушить их вековой покой.

Лестница оборвалась на небольшой площадке, от которой отходило несколько туннелей. Армледер решил, что они уже находятся в самом центре горы. Торкиль жестом отослал вверх человека с факелом. Теперь их окружала крошечная тьма, лишь высоко вверху подрагивал огонек в руках поднимающегося человека.

— Следуй за мной, — зазвучал голос Торкиля.

Они шли по длинному туннелю. С изумлением Армледер заметил, что через небольшие промежутки на стенах закреплены факелы, в которых ровно горел огонь. Света вполне хватало, чтобы различать окружающее.

— Здесь, в Храме Ночи, обитают пришедшие к единению с Теми, Кто Внутри, — сказал Торкиль. — Они не появляются на поверхности до поры, но вскоре наступит их час — тогда, когда придут те, Кто Вовне.

На сей раз Армледер понял, что за ритуальными словами, которые он считал лишенными всякого смысла, кроется что-то вполне реальное. Ему даже показалось, что он улавливает их смысл, но полностью осознать его не может.

Вскоре он перестал понимать, сколько они прошли — десяток шагов или не одну сотню. Казалось, что воздух вокруг сгустился и замер и Армледеру с трудом удавалось преодолевать его сопротивление.

Неожиданно Торкиль остановился. Армледер почувствовал это и замер рядом.

Стояла полная тишина, и, словно рождаясь из тишины, черпая из нее силы, мерно зазвучал глухой голос Торкиля, нараспев произносящего слова на незнакомом Армледеру языке.

От самих звуков у гвардейца пошел мороз по коже. Они принадлежали иному, нечеловеческому языку, и гортань произносивших их существ была устроена иначе. В них слышался шелест чешуи по камням и шипение древних змей, свист отравленной стрелы и стон жертвы, зловеющий шорох листьев давно исчезнувших растений и чавканье болотной грязи. Лишь человек, в погоне за темным могуществом отрешившийся от своей природы, мог произнести их. И настолько древними, мрачными были эти звуки, чудовищным, кощунственным язык, что даже сейчас, через многие тысячелетия после того, как он звучал на поверхности земли, любого случайно услышавшего звуки его человека охватывало отвращение.

Торкиль отсек голову черному петуху, окропил кровью себя и брата. Казалось, он видел в темноте не хуже, чем при свете. Затем произнес еще несколько слов.

Медленно раздалась скала, а в щели забрезжил мертвенный голубоватый свет. Они вошли в открывшийся проем, очутившись в большой пещере.

— С сегодняшнего дня проход останется открытым навсегда! — торжественно провозгласил Тор-

киль. — И когда завтра по нему двинутся Восставшие, мы будем готовы принять их.

Армледер тем временем рассматривал подземный зал, на пороге которого они стояли. Зрелище, открывшееся перед его глазами, поражало воображение. В самом сердце скалы был высечен огромный грот. Свод его терялся далеко вверху. Стены были покрыты известковыми потеками, что, слившись воедино, образовывали причудливые колонны. Казалось, игра природы создала замысловатые изображения, заполнившие пещеру.

Но присмотревшись, можно было заметить, что все эти прихотливые узоры на стенах и спускавшиеся колонны — не дело природных сил. Это был результат долгого труда неведомого мастера, статуи, лишённые формы. Но чьи руки могли создать подобное?

Армледер вспомнил свои недавние видения, поведавшие о прошлом величии змеиной расы. Было что-то узнаваемое в этих колоннах — такими же непонятными и пугающими были виденные Армледером храмы, поднимающие к небесам короткие искривленные шпили. По колоннам тянулись письмена. Буквы представляли собой переплетения кривых, неестественно изогнутых линий. Настолько чуждым был создавший их разум, что человеческий глаз не мог уловить логики, завершенности в этих сплетениях.

Торкиль быстро прошел через грот, петляя между колоннами одному ему известным путем. Армледер старался не отставать от брата, отложив все вопросы на будущее.

Посреди пещеры колонны расступались, образуя круглую площадку. На ней стоял каменный стол, словно выраставший из пола. И этот стол, и вся площадка была сплошь завалена разнообразными золотыми предметами. Такого количества золота Армледеру прежде никогда не доводилось видеть. Мельком он подумал, что братец ограбил еще и аквилонскую казну.

Торкиль остановился.

— Я привел тебя сюда, чтобы ты знал, что поможет тебе продолжить наше дело, если меня не будет рядом. Безгранична моя вера в Тех, Кто Внутри и Тех, Кто Вовне Нас, но предугадать ничего нельзя, и даже я не ведаю предстоящего завтра. Возможно, варвары, что стоят под стенами, подожгут замок, и я погибну в огне. Здесь, брат, — произнес он, указывая на рассыпанные по полу чаши, кубки, ожерелья, — хранятся сокровища, принадлежавшие служителям Асуры. То, что ты видел наверху, где проходила церемония, — лишь малая часть. Много пришлось израсходовать, но и оставшегося хватит на великие дела. Но пойдем дальше. Я хочу показать тебе то, ради чего привел сюда, открыть главную тайну.

Целеустремленность Торкиля показывала, что впереди ожидается что-то гораздо более важное и величественное, чем этот грот-колоннада. Он быстрым шагом пошел сквозь колонны, будто чутьем узнавая проход в их переплетении.

Внезапно перед ними открылся проход в стене — черный причудливый проем. Торкиль, замедлив шаг, двигался вперед медленно, опустив голову, словно приближался к святыне, величие которой подавляет любого человека, дерзнувшего нарушить ее покой.

Туннель был широким. Вернее, даже не туннель, а подземный проход, напоминающий дорогу где-нибудь в скалистых горах. Только вверху виднелось не небо, а мрачный гранитный свод, и освещался проход не скупыми лучами солнца, проникающими сквозь нагромождения скал, а истекающим неизвестно откуда призрачным голубоватым сиянием. В этом сиянии тень Армледера исчезла, а тень Торкиля плыла и изменялась, то темнея, то, наоборот, бледнея.

Двое последних отпрысков знатного рода герцогов Пеллийских шли по ровной дороге, повторяющей плавные изгибы туннеля. Справа возвышалась скала, изрезанная многочисленными трещинами и расселина-

ми, казавшимися проходами в другие части подземного лабиринта. Из некоторых проходов доносились чавкающие и хлюпающие звуки, смутно угадывалось какое-то шевеление в полутьме, будто ворочалось огромное создание, одно из тех, которые давно уже исчезли с поверхности земли, оставив после себя только страшные предания о владыках ночи, монстрах, пожирающих одиноких спутников в пустынных местах. Слева дорога ограничивала тихо текущая, почти неподвижная вода широкой подземной реки.

Они едва успели сделать несколько десятков шагов по туннелю, как из очередной расселины выскочило на дорогу угрожающего вида существо. Оно было невысоким — примерно по грудь человеку, — но массивным. Бочкообразное тело поддерживали короткие толстые лапы, туловище оканчивалось раздвоенным змеиным хвостом, задранным кверху, как у скорпиона, а голова напоминала конскую морду, покрытую чешуей, с широкой пастью и торчавшими желтыми клыками. Семена на приземистых ногах, чудовище устремилось к ним, а голодный блеск его глаз недвусмысленно говорил, что оно приближается далеко не с добрыми целями.

Армледер рванулся вперед, вырывая из ножен кинжал. Это оружие, конечно, вряд ли могло причинить вред твари, и капитан надеялся только на чудо.

Но, прежде чем он успел приблизиться к чудовищу, Торкиль шагнул вперед, протянул руки и шепотом произнес несколько слов. С его ладоней полились языки холодного синего пламени, заплывавшие перед мордой зверя. Существо попятилось, присело на задние лапы и, повизгивая, бросилось в расселину. Армледер проводил его взглядом, не вполне доверяя своим глазам.

В наступившей тишине отчетливо прозвучал голос Торкиля:

— Это ларк, одно из созданий, которое считается вымершим. На поверхности земли его уже не встре-

тить, но в подземных глубинах до сих пор живет множество таких, как он. Когда-то они были преданными псами своих хозяев, но те покинули мир, а ларки живут собственной жизнью, охотясь на мелких обитателей подземелий. Обычно он не нападает на людей, но сегодня что-то выгнало его нам навстречу. Его вполне можно убить обычным оружием, и, возможно, ты бы справился сам. — Торкиль ехидно ухмыльнулся. — Но я просто прогнал его с дороги с помощью магии, которой он послушен. Это та же магия, с помощью которой хозяева ларков управляли ими. Сегодня он больше не побеспокоит нас.

Армледеру хотелось задать брату множество вопросов, но он решил подождать до тех пор, пока не увидит сердце горы, к которому так упорно стремился Торкиль. А тот, словно предчувствуя слова, готовые вырваться изо рта Армледера, начал говорить, бормоча себе под нос, но так, чтобы мог слышать и его спутник:

— Сейчас ты узнаешь то, что отличает истинных Посвященных Храма Ночи от остальных людей, прозябающих во мраке невежества. Ты увидишь источник Силы, дарующей нам вечную жизнь и возможности, которых лишены другие; и ты приобщись к тайне, отведав из этого источника. Окружающие слепы и глухи, а после того, как ты откроешь свой разум Тем, кто Вовне и Внутри Нас, ты поймешь, насколько мы превосходим остальное человечество. Но прежде я хочу показать тебе наше воинство, с которым мы сможем направить живущих к великой Истине.

Торкиль, свернув в одну из расселин, уверенно шагал вперед. Здесь голубоватый свет сгущался, темнел, и вскоре на стенах появились редкие факелы. Армледер пытался понять, кто же так тщательно следит за огнем в подземелье. Недавние слова Торкиля о том, что здесь обитают какие-то «воссоединившиеся», ничего не объясняли, а лишь запутывали — от них веяло мраком и страшными тайнами, от ко-

торых любой человек, находящийся в здравом уме, старается держаться подальше.

Туннель внезапно оборвался, закончившись самой обычной дубовой дверью, за ней открылась большая, погруженная в полумрак, пещера. В неясном свете трудно было разглядеть детали, но постепенно глаза Армледера свыклись с освещением, и тогда открывшееся буквально парализовало его. Огромный подземный зал заполнили каменные саркофаги, в которых лежали человеческие тела.

— Профаны считают, что это некрополь, устроенный мною для погибших слуг. Но это не могила, а колыбель. Их время пока не пришло, — вполголоса говорил Торкиль, — но вскоре после Прихода все они восстанут для новой жизни.

Словно в тумане старший брат двинулся вслед за Торкилем, который продолжал что-то говорить. Но смысл его слов не доходил до помутившегося сознания Армледера. В одном из саркофагов, лежавших неподалеку от входа в пещеру, он узнал старого Хойси. Глаза конюха были открыты. На мгновение Армледер решил, что старик чудом остался в живых и его перенесли сюда, чтобы вылечить неведомым способом. Но в следующее миг глаза того, что было некогда человеком по имени Хойси, распахнулись и холодный взгляд остановился на Армледере. В нем не осталось ничего человеческого. Это были глаза мертвеца — тусклые и безжизненные. И Армледер понял, куда исчезали люди из замка, — погибших оживляла нечеловеческая воля, используя тела, чтобы появиться в мире людей, не вызывая подозрений своим обликом. Неведомая магическая сила придала им подобие жизни, и Торкиль был командиром армии мертвецов, готовой подчиниться своим хозяевам.

— Сейчас они еще слабы, — зазвучал в ушах голос брата, — но завтра новые хозяева получат полную власть над этими телами, и в мир придет новая раса — Раса Господ.

Глава двадцать вторая

Как и предполагал Конан, Диго оказался грозным противником. Первый нанес удар именно аргосец. Не успели Конн и Троцero покинуть лагерь в сопровождении того самого полувильда, которым командовал несколько дней назад Армледер, как часовые забили тревогу.

— Кром, этот малый мне нравится все больше и больше! — воскликнул киммериец, вылетая из палатки с мечом в руке. Диго вовсю использовал остатки отряда Хвата, великолепно знавшие особенности местности. Разбойники змеями пробрались по темным оврагам, звериным тропкам, через, казалось, гиблое болото и кинулись на часовых, завывая, словно звери.

Не успела северная дружина отбросить в топи разношерстный сброд, среди которого то там, то здесь мелькал Змееныш, как последовал удар с другой стороны лагеря. Из чащи огромными прыжками неслись здоровенные зверюги. «Тигры, тигры», — пронеслось среди аквилонцев. Ройл, отчаянно сквернослова, созывал боссонцев, но тигры устремились не к палаткам, а прямо к коновязям. Обезумевшие от ужаса кони, обрывая сыromятные ремни, с жалобным ржанием уносились в чащу.

Прыжок зверя Иллиах невозмутимо принял на щит. Удар оказался силен, и юного киммерийца, словно пушинку, швырнуло под ноги короля. Взревев не

хуже самого белого людоеда, Конан бросился через тело своего телохранителя и встретил ударом меча новый прыжок тигра. Мощный удар с двух рук угодил в оскаленную морду, тигр рванулся, выбивая оружие, и рухнул на короля. Вскочивший Иллиах поднял меч, но стоял в полной растерянности — оба врага катались по траве, перемазанные кровью друг друга, и трудно было разобрать, где человек, а где зверь. Конан, левой рукой отстраняя клыкастую морду, рвал бок тигра кинжалом, но короткий клинок никак не мог добраться до сердца. Когти же людоеда в нескольких местах прорвали кольчугу, словно гнилую мешковину, и погрузились в плоть. Наконец Иллиах улучил момент и бросился на спину зверю, падая тяжестью всего тела на выставленный меч. Раздался рык, переходящий в какое-то бульканье. Конан с трудом сел. К нему уже бежали другие телохранители, но он остановил их движением руки и поднялся, опираясь на руку Иллиаха.

— После боя надо будет проверить, целы ли кости.

Меж тем нападение успешно отбили. Видя, что панику в рядах аквилонцев поднять не удалось, вожаки мятежников подали сигнал к отступлению. Под прикрытием тучи стрел, бивших из всех укромных местечек леса, разбойники Хвата и загонщики оставшихся в живых тигров отошли по болоту, куда даже следопыты Ройла не рискнули соваться в погоню. Урон был невелик, если не считать разбежавшихся и разорванных тиграми коней. Конан буквально скрежетал зубами от досады, посылая добрую половину гвардейцев собирать скакунов, — оставалась вероятность внезапного возвращения Змееныша с подмогой. Остальная часть воинства аквилонцев немедленно выступила вокруг болота.

Следующий сюрприз ждал аквилонца в лесистом ущелье. Оно словно создано было самой природой для засады, так что, посоветовавшись с Ройлом, Конан двинул вперед спешенных гвардейцев, а северяне ста-

ли взбираться на угрюмые, заросшие кустарником и соснами склоны по обе стороны от тропы. Не успел авангард сделать и сотни шагов, как раздался надсадный вой, и залп из нескольких баллист накрыл латников. Два или три десятка каменных обломков величиной с лошадиную голову выкосили передние ряды гвардейцев, потом из-за деревьев хлестнули стрелы.

— Неплохо он тут все подготовил, Нергалово отродье. Ведь не мог же знать, что мы пойдем именно этим ущельем. Значит, все пути к цитадели дадутся нам нелегко.

Это заключение Конана прервали громовые вопли, стократ усиленные эхом. Это Хольгер и Эгиль, каждый во главе своего отряда, ударили по склонам вниз, обойдя стрелков Дигу поверху. Те, приняв бой, были сброшены на тропу, где разъяренные ратники буквально искрошили их. Пока ваниры не добрались к следующему лесистому взлобью, на склонах которого располагались баллисты, на аквилонцев, скученных на тропе, обрушился еще один водопад камней, прошибавших щиты, крушивших кости. У самого выхода из теснины из-за деревьев снова кинулись тигры, громадные черные псы в устрашающих шипастых доспехах, а по склонам на тропу покатались заблаговременно подготовленные бревна и камни.

С огромным трудом, неся большие потери, аквилонцы пробились на равнину. Здесь открывалась возможность сомкнутым строем ударить на разрепанные отряды мятежников и нанести им решающий удар. Однако с фланга, со стороны болота, ударили лучники Хвата, ломая строй врага. Когда Змееныша и его шайку оттеснили, лучники Дигу, не дожидаясь слаженного удара бронированного клина, кинулись наутек. Тут появилась долгожданная конница — части гвардейцев удалось вновь обрести своих скакунов.

— Рубите их! Гоните к замку, топчите и рубите, чтобы ни один не ушел! — кричал Конан вослед

вылетающим на равнину и разворачивающимся веером всадникам.

Однако Диго был не так уж прост. Ударившая в галоп конница вдруг стала замедлять свой бег, потом поток Черных Драконов стал раздаваться в стороны. Им навстречу из лесистого островка двинулось серое чудище. Из укрепленной на спине башенки били арбалетки, редкий в Аквилонии зверь трубил, подняв хобот, поддевая бивнями коней и затаптывая ногами-колоннами сброшенных с седел всадников. Под прикрытием бешеного зверя пехота мятежников отступила без особых потерь. Драконы пытались поразить колосса, однако трудно было заставить коней приблизиться к беснующемуся монстру. Перед боем, как это принято в Вендии и Кхитае, боевому слону давали выпить целое ведро крепчайшего вина, отчего и без того не склонный к чувствительности зверь совсем не реагировал на стрелы, впивающиеся в его толстую шкуру.

— Конан, отдай команду строю рассыпаться, иначе эта тварь вытопчет их всех! — крикнул Ройл, стараясь попасть слону в маленькие красные глазки. Рядом с ним посылали стрелу за стрелой боссонцы. Король бросился вдоль строя влево, Иллиах — вправо, выкрикивая команды. Спешенные драгуны и северяне немедленно рассыпались. Слоны бестолково завертелись, трубя и взмахивая огромными серыми ушами. Защитные шоры на глазах мешали ему разглядеть добычу, а лучники наконец сбили погонщика.

— Кром, я кажется, начинаю туго соображать. Щиты! Конечно же, щиты! — Конан подозвал к себе одного из Черных Драконов.

Вскоре кавалеристы стали на всем скаку проноситься мимо слона, бросая тому под ноги свои черные треугольные щиты, с острым закаленным умбоном. Серый гигант несколько раз, пытаясь погнаться за мельтешащими вокруг аквилонцами, наступил на стальные шипы и заревел, пританцовывая. Стрелы и

копья, что метали в него на полном скаку гвардейцы, все больше и больше беспокоили животное. Наконец, не выдержав боли, слон, грузно топая и отчаянно трубя, устремился вдаль.

— Победа, мой король! Противник бежит, — отпортовал Ройл. Конан смерил его убийственным взглядом.

— Болван, какая же это победа. Пехота врага ушла безнаказанной, нанеся нам чувствительные потери. Они били нас, как лесничий уток на пруду, на выбор! А основные силы Диго даже не пустил в ход. Предлагаю, какую рожу скорчит Конн, когда узнает, что добрая половина гвардейского полка полегла по этим лесам, так и не ударив толком по противнику.

Аквилонский отряд двинулся дальше. Невдалеке от просеки в изломанном кустарнике, где израненный серый гигант нырнул под сень деревьев, они нашли разбитую от удара о землю башню. Стрелки, видно, разбежались или присоединились к разбойному отряду Змееныша.

Следующая теснина далась войскам короны с еще большим трудом. Здесь были и волчьи ямы с заостренными кольями на дне, и баллисты. Кроме того, у лучников Ройла кончились стрелы, а подбирать их в ходе боя было некогда. У Диго же между замком и засадой разъезжали конники, подвозя стрелкам целые вязанки стрел, дротиков и прочей летучей смерти, буквально затмившей небо над ущельем. Пущенный в обход отряд ваниров напоролся на тяжелую пехоту Диго, и утомленные боем северяне были отброшены с большими потерями. А конница напоролась на замаскированные волчьи ямы. Только к вечеру измученные войска короны очистили ущелья и холмы на пути к цитадели от засад и дозоров мятежников. На равнине Диго открытого боя не принял, берег людей. Его отряды спешно вернулись в укрепление.

— Он знает, что делает. Змееныш остался где-то у нас в тылу. К началу нашего похода сил у меня было

больше, чем у мятежников, но теперь, после этой кровавой казни, наши отряды примерно равны. Ну, может, на один-два десятка аквилонцев все-таки побольше. Но посмотри-ка, Ройл, какой мощный замок. Блистательные времена даром не теряли. Для открытого штурма надо иметь по крайней мере двойное превосходство в силе.

— Если пригнать сюда баронские дружины, отряд телохранителей наместника, в конце концов, попросить Оливея...

Ройл не успел договорить, как Конан схватил его за шею, сдал и легко оторвал от земли. Затем слегка встряхнул и отбросил от себя. Лицо боссонца стало землисто-серым.

— Про Немедию лучше забудь, если не хочешь, чтобы твой король собственноручно задушил тебя. Бестолковые ратники здешней знати горазды только шитые золотом мундиры таскать да деревенских красоток по сеновалам валять. У Диго — настоящие волки. Конечно, открытого боя он не выдержит — нет у него кавалерии, тяжелой обученной пехоты — сотни полторы человек. Кроме того, мои северяне и Черные Драконы — лучшие в мире бойцы. Но вот эти стены, метательные машины, рвы...

Конан тяжело засопел. Вскоре он написал бумагу наместнику с требованием снабжать его войско провизией и стрелами. Велел гнать к цитадели коней, кроме того, требовались лекари и плотники.

Стигиец, все время сопровождавший короля, был мрачен и молчалив. Его совершенно не интересовала битва, реки крови вокруг, свист стали. Направленные в него стрелы сгорали в воздухе или вспыхивали зелеными болотными огнями, коснувшись плаща, а мысли колдуна были далеки от людских сражений. Время от времени он принимался что-то бормотать на неизвестном аквилонцам наречии, а глаза его вспыхивали желтыми огнем, словно у волка.

Глава двадцать третья

Благородный Эолабар Бан неожиданно возник на площадке, когда Диго муштровал десяток пиктов, пытаясь научить их действовать в бою слаженно, единым строем, а не ввязываться в отдельные схватки. Один из отрядов его наемников изображал нападение, а пикты должны были, сохраняя строй, отражать его. Диго с удовольствием отметил, что уроки не прошли даром — они уже не рвались вцепиться в глотку ближайшему из нападающих, а вполне сносно держали строй, ошестинившись короткими толстыми копьями с кремневыми наконечниками.

При виде знакомого чешуйчатого доспеха одноглазый наемник настолько растерялся и даже забыл прикрикнуть на пикта, вырвавшегося из строя в привычную схватку один на один с врагом.

— Откуда он здесь взялся, — вполголоса пробормотал Диго, — он ведь командовал теми, кто должен трепать тылы аквилонского отряда?

Пикт, украшенный татуировками, покрывавшими все его тело, проскочил между копьями нападающих и с диким воплем метнулся к десятнику. Он словно забыл, что это не настоящий бой, и маленький топор в его руке взметнулся над головой. Десятник, сухощавый офицер, успел отразить удар щитом, а стоявшие рядом схватили дикаря. Тот вырывался из рук, что-то громко орал на своем языке, видимо призывая

на помощь богов своего племени, но постепенно успокоился, боевое исступление покинуло его, и он знаками показал, что готов вернуться в строй.

Тем временем Эолабар подошел к Диго и негромко принялся докладывать (признав Диго командующим войсками мятежников, туранец ни разу не пытался показать, что он один из нанимателей Одноглазого, а был неизменно подчеркнуто вежлив, держа себя как младший офицер со старшим):

— Аквилонцы укрепились в лагере перед замком. Последние наши атаки приносят все меньше результатов — у них хорошо поставлены караулы. Я пытался проникнуть к палаткам, чтобы сразиться с королем, но не удалось — наткнулся на гвардейцев и ушел с потерями. Сейчас оставил командование на одного из местных и явился узнать о наших дальнейших действиях.

Он выжидательно замолчал. Диго пристально посмотрел на него, а затем неожиданно спросил:

— А как вам удалось проникнуть в замок?

— Это не составило труда. Обойдя позиции аквилонцев, я пробрался к угловой башне, и после условного сигнала замковые слуги сбросили мне веревку. Уверен, что Конан до сих пор уверен, что атаман местных разбойников находится у него в тылу.

— Гм,— неопределенно хмыкнул Диго.

Он был далеко не в восторге от того, что замковые слуги в ответ на неизвестные ему сигналы бросают веревки из башен неизвестно кому. Хват заметил это и продолжил:

— Таким образом я пробирался в замок еще тогда, когда грабил купцов на здешних перевалах и хотел появиться в замке, не привлекая лишнего внимания. Забыл предупредить.

— Гм,— вновь хмыкнул Диго.— Ну что ж, пойдемте, покажете мне на карте, где разместились аквилонцы.

Он отдал несколько коротких распоряжений и вместе с Эолабаром двинулся в сторону замка.

Войдя в комнату, туранец снял шлем и бережно, словно величайшую реликвию, положил на стол. Диго впервые смог рассмотреть его лицо. Где-то в душе он был готов к тому, что увидит перед собой нечеловеческую маску, отмеченную печатью колдовства или же лицо адепта темного искусства — такое, как у лысоголовых служителей Сета; но перед ним стоял совершенно обычный человек. Лицо ничем не выделялось среди тысяч других лиц, виденных аргосцем: нос с небольшой горбинкой и разрез глаз намекали на туранское происхождение, однако если бы Диго не знал об этом из рассказа стигийца, то принял бы этого человека за уроженца восточных провинций Офира или Кофа, где тоже часто попадались горбоносые — результат соседства с королевством Ездигерда. Темные, почти черные, волосы также не были чем-то редким в хайборийских странах, так же как и рисунок узких плотно сжатых губ.

Заметив внимание Диго к своей внешности, Хват усмехнулся. Его узкое лицо оставалось непроницаемым, и лишь слегка приподнятые уголки губ обозначили улыбку.

— Да, я туранец,— ответил он на невысказанный вопрос Диго.— Знаю, что вы, хайборийцы, считаете каждого из нас шпионами, думающими только о том, как бы открыть дорогу на запад степной коннице... Нет, я не читаю твои мысли,— добавил он, заметив недоуменное выражение лица Диго,— действительно, что еще может делать туранец там, где готовится мятеж, который подорвет могущество двух самых сильных хайборийских держав. Я и был шпионом, причем лучшим в своей стране. До моего повелителя, короля Ездигерда, дошли слухи о возникновении ордена Блистательных, и я отправился сюда, чтобы в нужный момент, когда силы Аквилонии и Немедии будут заняты подавлением мятежа, подать сигнал

армии Турана. Но то, что я увидел здесь, заставило меня забыть о своей службе. Я прошел Посвящение, став одним из Блистательных, и верен только ордену. Я говорю это для того, чтобы избавить тебя от сомнений, потому что чувствую недоверие. Поверь, что для него нет оснований. А теперь можно поговорить и о расположении аквилонцев.

Туранец умолк, раскладывая на столе карту. Диго также молчал, пытаясь переварить услышанное и понять, зачем Эолабару нужно было все это рассказывать.

Через некоторое время беседа незаметно соскользнула с военных проблем на более общие темы. Диго, подливая собеседнику вина, осторожно пытался перевести разговор на странности поведения хозяина замка. Однако Эолабар ловко переводил беседу на другое, едва только приближался к этим темам.

Вскоре Хват поднялся:

— Прошу извинить, но сегодня был тяжелый день, и у меня просто раскалывается голова. Да к тому же в последнее время сны начались какие-то странные...

Диго проводил его до двери и учтиво попрощался. Этот человек вызывал у него какое-то смешанное чувство уважения и неприятия. Диго не мог объяснить, в чем причина этого, — он всегда ценил в человеке прежде всего качества хорошего солдата и бойца (а этого у Эолабара было в избытке), но в то же время его поведение, скользкие движения и змеинообразный облик вызывали у него ощущение соприкосновения с чем-то чуждым, возможно, даже нечеловеческим.

* * *

Хват впервые в жизни чувствовал себя смертельно усталым. Это была не усталость человека, прошедшего день в седле или сражавшегося без отдыха, — к ней он привык и она вызывала у него лишь приятную расслабленность. Теперь же ему казалось, что он

утратил волю и его поступками управляет кто-то другой. Постоянно хотелось спать, но сон не приносил облегчения — его преследовали странные сны, стирающиеся из памяти после пробуждения.

Долгое время он жил с единственной мечтой — отомстить за своего родича Керим-Шаха, в смерти которого он винил Конана. Много усилий приложил он, чтобы проследить путь варвара от Химелийских гор до аквилонского престола. Туранец отрекся от имени своего рода и теперь уже даже не мог вспомнить его. Годами он учился фехтованию у лучшего мастера в мире и добился того, что Розиль Великолепный назвал его своим лучшим учеником. Когда король Ездигерд повелел ему отправиться в пеллийское герцогство, он был счастлив, как никогда в жизни: наконец-то ему представилась возможность скрестить клинки с Конаном или хотя бы с его сыном.

Он прошел Посвящение и занял одну из высших ступеней в иерархии ордена Блистательных. Поначалу он считал забавы хозяина замка причудой аристократа, но затем, к собственному удивлению, понял, что увлекается идеями Торкиля и превращается в его верного последователя. И теперь лишь изредка он вспоминал о своей цели — убийстве Конана.

— Проклятые сны, — бормотал он, укладываясь в кровать, — может быть, сегодня они не будут меня преследовать. Я готов молиться Эрлику, чтобы обрести покой хоть на несколько дней.

Он закрыл глаза и мгновенно уснул. Эту способность Хват выработал в себе за долгие годы, проведенные в опасных странствиях, когда от отдыха зависела его жизнь. Но сейчас сон не приносил отдохновения. Перед глазами встала церемония Посвящения в Орден, затем возник глубокий подземный лабиринт. Он почувствовал, как тело наливается чужой Силой, точнее, подчиняется чужой Силе, завладевшей им.

Он лежал на теплых камнях и грелся в слепом солнечном свете, скользил среди скал, преследуя

беззащитную дичь. Он был одним из хозяев мира, иоторым никто не мог противостоять. Они жили на бескрайних болотистых пустошах, усеянных папоротниками и яркой травой, а вечерами отдыхали на нагретых солнцем камнях теплых серых скал.

В полнолуние на вересковых пустошах они проводили богослужения, в круге своих любимых детей появлялся Дагон, и на каменных алтарях в муках умирали жертвы Ему.

Долгие века продолжался сладкий сон-воспоминание.

Он был завернут в нежные шелковые ткани, покой охраняли силы, неведомые никому из живущих. Вверху был незыблемый свод пещеры, и ничто не могло проникнув в убежище побеспокоить спящих. Магический кокон надежно защищал от вторжения.

Но прошли века, внезапно что-то нарушило покой, разорвав магические нити, и сон изменился.

Теперь перед ним возникли картины избиения его народа. Люди — ни на что не годные твари, тысячами умиравшие на алтарях — преследовали возлюбленных детей Дагона, и не было места на земле, чтобы укрыться от них. Всюду таилась опасность, а чтобы спастись, нужно было восстановить защиту.

Его тело пронизали незримые токи Силы и устремились наружу из кокона, а за ними вслед устремился его дух, чтобы найти для себяместилище. Магическим зрением он увидел человека и вошел в его тело. Человек был силен, сломить его волю было непросто, но теперь он полностью овладел им.

По телу Хвата пробежала крупная дрожь. Открыв глаза он немигающим взором уперся в потолок. В голове бушевал вихрь чужих мыслей и желаний. Теперь он знал, кто он и что ему нужно делать.

* * *

В оцепенении Армледер шел вслед за Торкилем. Они вышли к широкому проходу, миновали его и

опять вступили в зал, заполненный лесом извивающихся причудливых колонн. Он был похож на предыдущий, но здесь колонн оказалось гораздо меньше и сквозь них просматривалось свободное пространство колоссальной пещеры.

Если первый грот, заполненный колоннами, поражал, то второй подавлял. Призрачный голубоватый свет разливался в воздухе, в нем проскакивали небольшие искорки. Казалось, что светится сам воздух — сияние медленно двигалось, образовывало струи, завихрения, небольшие смерчи. Но вместе с тем воздух оставался прозрачным, и все пространство огромного подземного зала легко просматривалось.

Вдалеке Армледер едва разглядел противоположную стену. Где-то высоко над ним вознесся потолок грота. А в центре зала стояло то, что приковывало внимание сильнее всего.

Огромное, исполинское сооружение высилось перед ним. Сзади его огибало широкое спокойное озеро, а с противоположной стороны, по всей видимости, располагался главный вход — там виднелся большой черный провал, дыра, ведущая в никуда.

Сооружение было увенчано коротким причудливо изогнутым шпилем, который почти достигал свода пещеры. Само сооружение, хотя оно и было, несомненно, созданием чьих-то рук, не было похоже на здание.

Ни одному строителю, каким бы извращенным не был его ум, не пришло бы в голову создать что-либо, совершенно лишенное какой-либо симметрии, порядка, даже законченности.

Искривленные галереи, скрученные линии стен, лестницы, изгибающиеся под немыслимыми углами, мелкие выступы, которыми были покрыты стены — все производило впечатление неестественности.

Но в то же самое время оно подавляло своим величием — не только размерами, но и грандиозностью замысла, великолепным выполнением всех, даже

самых мельчайших деталей. Сооружение было испещрено множеством небольших отверстий входов. Каждый вход представлял собой проем, ведущий в черноту. Армледер заметил, что в некоторых из них коридор сразу же резко сворачивает. Похоже, что внутри находится целый лабиринт искривленных, извивающихся туннелей.

Оно состояло из нескольких ярусов, незаметно переходивших друг в друга. Стены каждого имели округлую форму, и все покрывал какой-то неизвестный материал. Больше всего облицовка напоминала чешую — словно тысячи чешуек облепили колоссальное сооружение. Они поблескивая матовым перламутровым цветом, переливались.

Первый ярус с одной стороны был низким, будто незаметно вырастал из пола пещеры, а на противоположной стороне поднимался высоко, закрывая второй ярус, и оставалось непонятно, где проходит граница между ними. Третий ярус с одной стороны выступал вперед, нависая над нижними, а с другой становился гораздо уже предыдущих. Они громоздились все выше и выше, крыши одного яруса служили балконом для верхнего, кое-где они сливались.

Вид сооружения и исходящая от него чудовищная аура были отталкивающими, жуткими. Люди казались непрошеными гостями в этой зале, и первым побуждением Армледера было бежать отсюда, забыв увиденное. Но Торкиль уверенно шел ко входу, приходилось идти вслед за ним.

Вблизи можно было рассмотреть мелкие детали, неразличимые раньше. По стенам сверкали многочисленные драгоценные камни, рассыпанные словно наугад, без симметрии и порядка. Черный провал входа ограждали с двух сторон колонны, напоминающие два хищных змеиных зуба. И это помогало понять, что вход представляет собой изображение раскрытой змеиной пасти, готовой схватить любого, кто приблизится.

— Это мавзолеей древних властителей мира, — раздался рядом голос Торкиля, исполненный глубокого и неподдельного почтения.

Голос его нарушил тишину, царящую в пещере. Струи воздуха потекли быстрее, мерцающие огоньки заплескали на стенах усыпальницы, то затухая, то вспыхивая ярче, а потом закрутились в вихре.

Армледер чувствовал, что вокруг собираются невидимые колдовские нити. Даже воздух сгустился и насытился текущей от мавзолея Силой. А Торкиль продолжал размеренно вещать:

— Здесь покоятся последние из великих повелителей мира, Те, Кто Извне снизошли к своим слугам и стали Теми, Кто Внутри. Сегодня — последний день их заточения, день Накануне. Завтра же, в полночь, свершится великое Действие, и в мир вернутся его хозяева. Те, кто отвергнут, будут покорены, а те, кто падет ниц перед ними, возвысятся. Но особая милость Хозяев снизойдет на тех, кто принял их еще до прихода. Мы, Блистательные, станем превыше всех пред ними. Пойдем же туда, где находится средоточие Силы.

Ты кроме меня единственный, кому дарована такая честь. Прими же в себя Тех, Что Вовне!

Он шагнул вперед, прошел между змеиных зубов. Армледер, преодолевая страх, сделал один шаг... второй... В голове его взвихрились причудливые образы, складываясь в обрывки видений. Полыхал огонь на жертвеннике змеелюдей, обильным потоком лилась человеческая кровь. Восставали из пепла древние города, овеянные холодной жутью построенные на человеческих костях. Поднимались из склепов короли змеиного народа, поднимались для того, чтобы вернуть себе власть над миром. В усмешке одного из них Армледеру почудилось что-то знакомое.

Он пригляделся. Стоявший впереди Торкиль нетерпеливо сделал приглашающий жест. Его длинная гибкая рука, скрытая под широким плащом, мельк-

нула, словно хвост змеи в густой траве. Армледер смотрел на брата и видел, как знакомые черты расплываются, обнажая его подлинный лик. словно человеческая плоть кусками отваливалась и вместо лица человека возникла морда змеи.

Армледер перевел глаза вниз. Теперь он понимал, что отображала тень Торкиля, которую тело брата отбрасывало в этом мертвом голубоватом свете. Увиденное им существо должно было отбрасывать именно такую тень.

Гулко стучала в ушах кровь. Окружающее подернулось туманом безумия — человеческий мозг не в силах был вместить ужас происходящего. Давно уже мертвые люди-змеи, извечные враги человеческого рода, исчезли с поверхности земли, даже легенды о них постепенно забылись, стали казаться пустыми рассказаниями. И вот теперь они снова готовятся к возврату, хотят ворваться в мир, вновь подчинить себе человека...

Армледер шатался от нахлынувшей волны омерзения, смешанного с ужасом и ненавистью. Скалились зубы Торкиля — того существа, что было Торкилем, а теперь, отдав свою душу новым хозяевам, превратилось в отвратительное подобие человека.

— Откройся навстречу неизбежному, брат! Не мешай Тому, Кто Вовне, войти в тебя! — звучал в ушах глухой голос Торкиля.

И уже не в ушах, а внутри головы эхом вторили ему невнятные слова. Тихий шипящий голос медленно цедил их одно за другим на древнем змеином языке, и с ужасом Армледер чувствовал, что понимает обращающегося к нему.

— Не противься, отдай мне себя. Ты сам пришел к порогу моего жилища. Шагни дальше. Здесь тебя ждет то, о чем ты и не мечтал. Твое тело наполнится новой силой. Ты станешь непобедим и грозен. Все враги рассыплются перед тобой. Сделай шаг. Приблизься ко мне, откройся мне, и я войду в тебя. Ты станешь...

Превозмогая завораживающий шепот, Армледер шагнул к Торкилю. Он сумел сосредоточить взгляд. Теперь пред ним вновь было знакомое лицо брата. Чудовищный змеиный образ исчез, сполз с него, словно змея сбросила шкуру. Но тень, медленно извивающаяся у его ног, была тенью змеи.

— Будь ты проклят! — крикнул Армледер и выхватил кинжал. — Отправляйся к своим хозяевам!

Он нанес молниеносный удар, от которого не было спасения. Кинжал распорол балахон Торкиля и глубоко вонзился в тело. Армледер отскочил назад, снова полоснувшись по начавшей расплываться и терять четкие очертания фигуре. Клинок прорезал длинную полосу на груди брата. Торкиль пошатнулся.

— Еще мгновение, и он упадет, — отметил про себя Армледер.

Но Торкиль устоял и медленно начал выпрямляться. Из длинной раны сочилась вязкая зеленоватая жидкость. Лицо превратилось в змеиную маску. Он провел рукой по груди, посмотрел на ладонь и развернулся к Армледеру.

— Ты хотел убить меня! — загремел голос, который не походил ни на голос Торкиля, ни на другой человеческий голос.

Стремительно, как атакующая змея, Торкиль бросился на своего брата. Армледер получил сокрушительный удар в грудь, но успел ответить с быстротой леопарда. словно когтистая лапа хищника, сверкнул его кинжал, а на горле Торкиля появился глубокий разрез, почти отделивший голову от туловища. Но и это не остановило его.

Как молотобоец, размеренно и сильно он наносил удары. Лицо Армледера превратилось в кровавое месиво. Последнее, что аквилонец увидел сквозь застилающий глаза туман, — это быстро затягивающаяся рана на шее Торкиля. В бешенстве он нанес наугад еще несколько ударов кинжалом, понимая, что бессильен против создания, вселившегося в тело его брата.

Глава двадцать четвертая

Барон Оливей был старым служакой. Даже ветераны немедийского воинства с трудом могли припомнить сражения, в которых не гремело имя воинственного вельможи. Многочисленные походы, изнурительные осады и кровопролитные битвы приучили его к определенному распорядку, каковому Оливей неуклонно следовал уже и сам не помнил столько лет. Распорядок этот был донельзя прост — отсутствие явного для подчиненных плана дня и ночи. Никто из офицеров, оруженосцев или простых ратников не мог сказать заранее, что будет делать на биваке их командир: или вдруг уляжется спать посреди дня, подложив под голову изукрашенное жемчугом седло, дар самого короля, или бросится к обозной страже проверять, не затупились ли тут мечи и не ослабли ли тетивы луков. Он знал наизусть не одну сотню имен простых воинов и, обходя посты, мог запросто вспомнить имя часового. А тут уже — горе нерадивому, почет и слава прилежному. Оливей в гневе был страшен, но никто не мог пожаловаться на скудность его похвал и наград.

Сейчас была бархатная ночь. Лиловые облака катили по темным небесам, словно воинство призраков объезжало свои бесплотные владения, любуясь яркими звездами и полной луной, чей молочно-белый свет изливался на отдыхающую земную твердь. По-

граничный гарнизон Немедии спал в зыбком лунном свете, спал и палаточный лагерь, раскинувшийся прямо под укрепленными стенами. Несколько дней кровавой неразберихи вокруг мятежа Блистательных были позади. Прибывшие из Бельверуса войска готовились тронуться в обратный путь, а седые ветераны посмеивались в усы на вопросы новобранцев о странных и бессмысленных маневрах. Десяток наскоро сколоченных виселиц, на которых болтались тела мятежников и их самых ярких приспешников, сейчас были пусты и чернели в серебристой тьме, словно гнилые зубья. Прохладный ветер шевелил обрывки веревок, да примостившиеся под обозными телегами псы все еще помнили, под какими кочками и корягами они зарыли последние косточки, принадлежавшие некогда Блистательным. Меж палаток шатались подвыпившие маркитантки, возле двух-трех угасающих костров слышались песни, брань и какая-то возня. Угрюмо таращились во тьму часовые, кутаясь в плащи при малейших порывах пробирающего до костей ветра, порывами налетавшего с пограничного края.

После третьей стражи полог шатра дежурного офицера внезапно откинулся, и внутрь шагнул барон Оливей, полностью вооруженный, в рыцарской броне, разве что не было на нем латных перчаток, тяжелого шлема и массивных набедренников из вороненой чешуйчатой стали. Барон довольно крикнул, разглядев, что молодой капитан при свете ламп вперил глаза в карту. Все было ясно: юный дворянин коротал время самой тяжелой, предутренней стражи, подсчитывая, через сколько дневных переходов он окажется в столице. Коротко кивнув, барон опустил полог и ухмыльнулся, гадая, что является причиной такого усердия: желание не заснуть и не осрамиться перед своим полком, скорое начало приема в бельверусскую академию, куда рвалась вся молодежь Немедии, или чье-то миловидное личико.

«Пожалуй, все-таки дело в юбке,— заключил барон, перешагивая через растянувшегося прямо поперек прохода меж палаток ратника, от которого разило, словно от бочонка с прокисшим пивом.— Не станет даже очень франтоватый капитан надевать в ночную вахту кружевной воротник поверх кольчуги. Не иначе — прихорашивается, готовя своей подружке удар в самое сердце. Как же! Юный воин возвращается из дальнего, по меркам столицы, похода, с синими кругами под глазами от неустанных ночных бдений, на лихом жеребце, и весь в кружевах!» Оливей невесело засмеялся, припоминая, каким было его возвращение из первого похода. В родной замок рыцаря привезли со вспоротым животом, из которого то и дело норовили выпасть кишки. Помимо этого в южных песках молодой барон подхватил весьма стойкую лихорадку, на поверку оказавшуюся куда более опасной для жизни, чем шемитский топор, ударивший точно между нижним краем кирасы и широким боевым поясом. Эти думы так отвлекли немедийца, что он даже не заметил стайку ярко разодетых девиц, при виде командира гарнизона юркнувших куда-то в лабиринт меж шатров и телег. Вот и южная оконечность лагеря. Барон перебрался через неглубокую канаву, в которую сотни грубых сапог и конских копыт превратили некогда весьма живописный ручей, по местным преданиям пользовавшийся славой целебного, двинулся сквозь папоротник, чьи темные верхушки шевелил ветер. Плащ барона мгновенно намок от росы, отяжелел, прилипая к плечам и остудив кольчугу. Оливей поежился, кляня себя за то, что не надел под доспех рубаху из тончайшей верблюжьей шерсти, трофей давнего и славного похода к туранским рубежам.

Впереди, в серых шевелящихся тенях, тускло блеснуло. Оливей замер, положив руку на рукоять кинжала, второй рукой разведя перед собой влажные ветви. Нет, ему не показалось. Вот под неосторожной

ногой захрустел прошлогодний мох, треснула ветка. В свете выглянувшей из-за туч луны барон разглядел человека, пробиравшегося туда же, куда шел и сам немедийский вельможа — к ближайшему дозору. Оливей вгляделся в незнакомца, гадая, трубить ли ему тревогу, благо миниатюрный серебряный свисток, известный своими пронзительными трелями, висел на поясе, или догнать смутную тень. Через некоторое время, когда в глазах от напряжения задрожали слезы, немедиец приглушенно вздохнул, скорее удивленно, чем удовлетворенно. Он узнал ночного скитальца. Это был его собственный оруженосец. Весьма исполнительный малый, храбрый, но не до безрассудства, в меру рассудительный, он сопровождал барона вот уже добрых пять лет. Парень мог бы сделать карьеру легче и вернее в столице, но оставался на порубежье, избегая монаршье гнева из-за давней дуэли, пустой повод которой молодой дворянин не мог вспоминать без черной ругани. Оливей тихо пошел следом, гадая, что бы мог делать его верный и молчаливый помощник в этой части лагеря, обращенной к самим горам спавшей вдали Аквилонии. Луна вновь пропала. При свете звезд колыхание папоротников и редких деревьев казалось барону волнами подступившего вдруг со всех сторон древнего Хаоса. Он ориентировался только по слабому блеску конического шлема оруженосца, полагаясь на свое знание местности. Несколько раз он терял преследуемого из виду, один раз оступился и едва не покатился кубарем в какую-то яму, где слышалось ворчание какого-то лесного зверя не из самых крупных. Выбравшись из папоротников, Оливей заметил, что потерял из виду своего порубежника. Приглушенно ругаясь, барон долго брел в потемках, пока не увидел вдали фигуру оруженосца, а рядом с ним — двух арбалетчиков из дозора. Они о чем-то переговаривались.

«Митра Милостивый, а сплетники тридцать раз правы! — не без удовольствия подумал немедийский

вельможа,— мальчишка во всем мне подражает. Вот и сейчас, видно, пошел обходить посты. Забавно, клянись честью. Ну и ладно. Не буду мешать». Оливей некоторое время постоял за деревом, любуясь красотой луны и звезд, затем, когда оруженосец двинулся назад к лагерю, пошел вслед за ним подсмеиваясь. Возле ямы, куда чуть не свалился барон, оруженосец слегка замедлил шаг, а Оливей двинулся быстрее, намереваясь окриком предупредить юношу об опасности. Как раз в этот миг луну закрыли облака. Оруженосец оглянулся по сторонам, явно встревоженный хрустом ветвей, поднятым Оливеем, а затем, повинуясь, вероятно, какому-то темному инстинкту, вдруг совершил несколько скользящих длинных шагов и прыгнул. Оливей так и застыл на месте, раскрыв рот. Он был уверен, что юноша понятия не имел о предательской яме — с того места, где оруженосец вышел из папоротниковых зарослей, ее совершенно не было заметно в траве, и малый неминуемо должен был свалиться туда если не переломав себе ноги, то по крайней мере вымазавшись грязью и мокрой глиной. Никогда еще за юным дворянином не водилось такой странной прыти, кроме того, барону показалось, что прямо перед прыжком глаза оглянувшегося оруженосца стали неестественно огромными, блестящими.

— Митра и все благие боги, кажется, возраст берет свое и воображение начинает играть со мной злые шутки!

Барон последовал к яме и попытался перепрыгнуть ее. Но даже точное знание того, где именно разверстая яма скрывается в густой траве, не помогло ему. Сапоги заскользили в жиже, и барон с омерзением обрушился в холодную грязь, стукнувшись загривком о какой-то корень. Посылая проклятия, он возился в луже, как кабан в тростниках, когда услышал приглушенные шаги. Видно, шум падения погнал горящего служебным рвением оруженосца назад. Ба-

рон уже поднялся на ноги, и на устах его свивалась приличествующая данной нелепой ситуации фраза, смесь иронии, сквернословия и приветствия, когда темная фигура нависла над краем ямы. Из горла Оливей послышался сдавленный крик, какой-то хрип и бульканье. Он замахал перед лицом ладонями, сию секунду стереть ясно видимый в звездном свете на фоне лилового неба силуэт. Силуэт этот никак не мог принадлежать человеку. Из-под капюшона виднелась удлинненная голова рептилии, перед грудью свисали не руки, а жалкие подобия — тонкие и короткие лапы с когтями. Глаза горели болотными огнями, вперяясь в самое сердце барона, глядя в то же самое время мимо и сквозь него.

Оливей замер, не в силах пошевелиться, а кошмарная тень колыхнулась и сгустком тьмы поплыла вниз по склону без единого звука. Не в силах сносить жадный взгляд бестии, Оливей опустил глаза, отрешенно наблюдая, как из-под плаща твари мелькают самые обычные, тысячу раз виденные щегольские кавалерийские сапожки оруженосца, меся чавкающую глину. Внезапно стало светлее — краешек луны показался из темных туч, и тускло, словно погруженные в болото, сверкнул доспех на груди твари. Холодной, словно камень, щеки немедийца коснулся раздвоенный язык, но человек ничего не почувствовал. Волосы на седых висках колыхнулись от зловонного дыхания, но все чувства Оливей словно были выпиты из него. Только сердце стучало громко, отдаваясь в виски, а барон с ужасом чувствовал, как вся жизненная сила начинает изливаться из него, втягиваясь в огненные воронки глаз страшилища.

Все вокруг казалось погруженным в некий омут. Умерли звуки леса, звон ночных насекомых, журчание воды, слабый шум, доносившийся со стороны лагеря. Осталось только слабое змеиное шипение и стук сердца старого вояки. Барон не мог пошевелить головой, как и всем телом. Поэтому он не увидел, а

каким-то предсмертным чутьем представил, как чешуйчатая лапа тянется к шее, зеленоватый коготь отгибает стальную пластину у горла и впивается в одеревенелое тело. Опущенные книзу глаза немедийца отрешенно наблюдали, как льется в лужу под ногами его кровь. Алые капли, не долетая до грязи, распадались в воздухе на блеклые брызги. А тварь, стоявшая рядом, перестала шипеть и заурчала, забулькала. Все в бароне кричало, билось, тело пронзала дрожь, но дрожь эта не могла перейти в движение руки к клинку. Он был здесь, и в то же время его уже не было. В чудовищной болотной мгле, которую распространяла вокруг себя эта тварь, существовала только она и ей подобные. А еще — чужая кровь, и древняя, мучительная жажда этой крови. Даже звук и цвет вытеснялись, уступая место шевелящимся сгусткам слабо мерцающей тьмы, клочьями плывущей вокруг.

Клубящийся мрак поглотил яму, где замерли друг подле друга тварь и ее жертва.

Сквозь гул, стоявший в ушах, барон разобрал короткий свист и звук негромкого удара. В следующее мгновение его рука, дрожавшая долгое время в страшном напряжении, устремилась к кинжалу и нанесла удар раньше, чем Оливей успел осознать происшедшую с ним перемену или поднять глаза на своего мучителя.

Змееподобное чудище корчилось с короткой стрелой в горле. Немедийский кинжал с нечеловеческой силой прорвал кольчугу и буквально вспорол тело твари. Рука Оливей онемела от удара, но он стоял, расширенными от ужаса глазами глядя, как извивается демон. По его змеиной голове, мерзким лапам и изуродованном туловищу шли волны предсмертных конвульсий, сменявшиеся зеленовато-синей призрачной рябью. Светящиеся глаза потухли, а вместе с ними исчезла и сила, сковывающая немедийца. Барон с проклятием отшатнулся, упал

в грязь, видя, как помутнел и исчез жуткий облик змея, уступая место искаженному мукой бледному лику оруженосца.

— Хвала Асуре, его больше нет в нашем мире. К сожалению, то же верно и для этого злосчастного юного воителя.

Голос, старческий, несколько насмешливый, раздался прямо над головой Оливей. Ему ответил второй, более густой и сильный, но принадлежавший, без сомнения, человеку тоже преклонного возраста:

— По крайней мере, уважаемый, вы убедились в правоте моих слов и силе моего искусства. Отбросили вы теперь черные подозрения относительно моего тайного коварства, которые на протяжении всего нашего путешествия распространялись от вас по округе, словно волны от камня...

— Раздери меня гром, кто вы такие? — взревел барон, наконец обретая дар речи. Он принял на дне грязной ямы более или менее подобающую его сану позу и грозно поглядывал на странных собеседников. Два мирно беседовавших старика только сейчас удостоили его взглядом и словом. Один из них — тот самый стигиец, что оказался втянутым в пограничные дела двух хайборийских королевств и древних сил Первозданной Тьмы против своей воли, протянул Оливей свою белую руку, помогая выбраться из ямы, со словами:

— Мы не более чем два выживших из ума старика, служители скромных божеств, которые едва не опоздали со своим вмешательством в здешние запутанные дела.

— Стигиец? Помилуй, Митра, я скорее принял бы смерть от этого зверя, чем по доброй воле принял помощь от чернокнижника!

— По меньшей мере, барон, это невежливо. Кроме того, существо, что овладело телом сего юноши, — совсем даже не «зверь», как вы изволили выразиться, а нечто большее и худшее, чем все чернокнижники

нашего умирающего, дряхлого мира. Воистину, Разрушение и Последние Времена наступают, если Темная Раса вновь разгуливает по поверхности земли. Мне, недостойному служителю Асуры, доподлинно известно, что этот змей не позволил бы вам «принять смерть» — ни сейчас, в этой яме, ни когда бы то ни было. Вы стали бы вечным вместилищем этих стустов предвечной злобы, лишенной тел в незапамятные времена королем Валузии Куллом...

— Видимо, я пьян или у меня жар. Стигиец и жрец забытого культа рука об руку спасают меня от собственного оруженосца, ставшего Нергал знает чем, да еще потчуют бредовыми рассказами.

— Барон Оливей! — торжественно обратился к немедийцу лысый стигиец, несколько наигранно взметнув руками, от чего плащ его черными крылами взмыл за спиной, придав чернокнижнику вид жутковатой темной птицы. — Я не прошу от вас благодарности или почтительных слов в адрес моего Истинного Хозяина, Мирового Змея, во имя которого я совершаю все деяния, а не ради спорных достоинств какой-то там «жалости» или «человеколюбия». Но как спаситель вашей жизни и, более того, всего вашего бессмертного существа, о котором все варвары имеют весьма превратные представления, просил бы вас не именовать при мне бледную тень Сета, которую иные недоумки и недоучки...

— Это проклятого Нергала? — ошарашенно спросил Оливей, глядя на извивающийся плащ. При этих словах стигиец зашипел так жутко, что немедиец едва не полетел назад в грязь, отшатнувшись от рассерженного жреца, как от клубка змей, а жрец Асуры залился невеселым смехом. Однако он быстро остановился и, взяв Оливея за локоть, сказал:

— Мой барон, ввиду чрезвычайной опасности, грозящей всему человечеству, равно как и вашему королевству, я вынужден просить вас впустить в лагерь немедийских войск моих воинов.

— Каких воинов? Зачем? С каких это пор жрецы Асуры разгуливают по Немедии в сопровождении военных отрядов?

— Барон, вы человек военный, и не вам задавать столько бессмысленных вопросов в момент крайней опасности. В вашем лагере находится по меньшей мере несколько подобных нападшему на вас... кхе... демонов. Обстоятельства не позволяют мне разъяснить вам их сущность, которую я и сам разумею с огромным трудом.

— Я немедленно подниму войска...

— И будете мертвы или, что еще хуже, окажетесь неодоушевленным вместилищем существ Темной Расы. — Стигиец цедил слова не без злорадства. — Дело в том, что на вашем месте сейчас находится другой Оливей, поддельный. Как, смею предположить, и на месте ваших офицеров.

— А... да? Что-то не верится. О Митра, что за дикая ночь? Но Блистательные разгромлены, их замок осажден аквилонцами...

— Дно Мира не осадить всем людским армиям, даже если они смогут проникнуть туда. Из Бездны, куда Кулл Валузийский некогда загнал Темную Расу, есть выходы повсюду. Требуются всего лишь людская воля, которая пробудит их и призовет в нужном месте к поверхности земли. Таковая воля нашлась у Блистательных. Они свое дело сделали. Теперь настал черед истинных их хозяев вновь заявить права на сей мир.

— Я ничего не понимаю из ваших путаных речей. Однако эта тварь, кстати, она, кажется, испарилась из доспехов моего несчастного оруженосца. А вместе с ним — и мой прекрасный верный кинжал... Хорошо. Зовите своих воинов, и мы вместе отправимся в лагерь королевских войск. Там посмотрим, есть ли в вашей Мировой Бездне такой наглец, что посмеет именовать себя Оливеем. Если все это — наглая ложь, прикрывающая контрабанду...

Услышав, что его приняли за контрабандиста, возмутимый с виду стигиец согнулся пополам и не столько засмеялся — этого он делать не умел, а хрипло закаркал. А жрец Асуры поднял вверх свой небольшой резной посох, конец которого вдруг засветился, словно живая звезда. Такой же блеск появился в дальней роще, затем еще один и еще. Целый рой живых огней двигался к ним из зарослей. Предупреждая вопросы Оливей, жрец негромко заговорил:

— К сожалению, ваши часовые в этой части лагеря оказались уже одержимы существами из Бездны, и на них я израсходовал весь свой запас стрел из Небесного Серебра. Те три десятка воинов, которые сейчас будут тут, — наша храмовая стража. Борьба с тварями из глубин — прямая их обязанность.

— Однако любопытно будет посмотреть, как они будут справляться с Темной Расой. — Стигиец не скрывал недоверия, разглядывая приближающийся отряд людей, одетых в длинные, на первый взгляд очень неудобные одежды, словно сотканые из серебристых нитей не толще паутины. В руке у каждого был невзрачный посох и полотняный мешочек с невидимыми в ночном полумраке письменами.

— Нам обоим, любезный, предстоит не только наблюдать этот, не скрою, спорный случай применения магических сил в бою, но и поучаствовать. Конечно, храмовая стража никогда не имела дела со столь древней силой, но некоторые тщательно хранившиеся валузийские манускрипты в храме...

— Что общего между служителем Сета и Асурой? — пробормотал Оливей, косясь на груды хлама, оставшуюся от его оруженосца и твари на дне ямы. Меж тем отряд храмовой стражи Асуры собрался, и странная процессия двинулась к лагерю. Ответил стигиец, задумчиво скребя бритую голову:

— Видимо, предсказанные смутные времена наступили, если возможен столь противоестественный союз. Дело в том, что в наш мир вползает столь чуж-

дая ему сила, что пред ней бледнеют полярные крайности ткани современного нам мироздания, именуемые привычными терминами Свет и Тьма. Удайся главе Блистательных его затея — пробудить Темную Расу и выпустить ее на волю, человечество, все народы обитаемого мира, все без исключения, потерявшие знания древности, постепенно исчезнут с лица земли. А вместе с людьми уйдут из мира и все боги, ибо Детям Предвечного Мрака нет нужды в символах, вере и богах. Зеленая слизь покроет алтари, густой туман расстелется по полям, черная тайнопись природы, равно как светлые эманации, окажутся вытеснены чистым мраком, в котором будут бродить, пожирая друг друга, Люди-Змеи, Нетопыри, Черви Земли и иные представители Первой Расы...

Его перебил жрец Асуры, причем в довольно резкой сварливой форме:

— Нет предела стигийской лукавости, воистину! Это служители Сета беспокоились, что на их место придут самые любимые дети Бездны и у Змея упадет надобность в приспешниках-людях. Жрецы светлых богов будут сражаться с Темной Расой в любом случае, пусть даже победа над ней стоит неимоверно дорого — полного ухода из мира светлой магии и чистого, не замутненного некромантией волшебства!

— Свет — еще более лукавая штука, чем Тьма! Ха. Или я не знаю, что ваши оракулы возвестили: или весь мир окажется проглоченным Бездной, или же до срока грянет Последняя Битва, и в мир ворвутся, чтобы отвратить приход Древнего Мрака, такие силы, что ни Асуре, ни Митре, ни более мелким светлым богам уже не будет места в Грядущем! Именно по этой причине я и обратился за помощью именно к вам, а не в далекую Стигию.

Оливей слушал эту перепалку без особого интереса, сразу же поняв, что ничего не поймет из слов двух, без сомнения, безумных стариков. Однако тревога его

нарастал. Лагерь сворачивался. Повсюду бродили заспанные воины, в ручье купали коней, слышался характерный для выступающего в поход воинства звон, гомон и ругань.

— Что такое? Эй, лучник! Чем занят лагерь?

Заспанный и полуодетый немедийский солдат хлопал глазами и бормотал что-то о приказе барона Оливей немедленно выступить в столицу. Он клялся и божился, что сию минуту видел барона на коне, в полном доспехе и в сопровождении старших офицеров, требовавших немедленного выступления.

— Ну — что я говорил? — прокаркал стигиец. Жрец Асуры только тряхнул седой шевелюрой, отдавая приказ своим воинам. Храмовая стража встала полукругом, обращенным к центру гудящего лагеря. Посохи засияли в свете бледной предутренней луны, а из полотняных мешочков повалили струйки сизого дыма, которые стелились по земле, словно впитывались в нее. Стигиец презрительно сощурился, скинул с плеч свой плащ. Под ним он оказался только в коротких кожаных штанах. Тело его было телом весьма сильного молодого человека, что неприятно поражало рялом с морщинистой шеей и немолодым лицом. Плащ, вместо того чтобы упасть вниз, вдруг вздулся, словно пузырь, заискрился и медленно поплыл к палаткам.

Оливей смотрел на все это, гадая, кто же выглядит страшнее — его невесть откуда свалившиеся союзники или та тварь в лесу. Уже не один десяток солдат остановился и с недоумением рассматривал процессию, вынырнувшую из леса. Барон вдруг понял, что вызывает не меньшее удивление, чем храмовая стража, чернокнижник, его плащ и жрец Асуры. Еще бы! Ведь совсем недавно барон Оливей пролетел со своей свитой по лагерю и умчался в пограничную крепость. Многие из тех, кто стоял теперь напротив них, разинув рты, могли это подтвердить даже перед статуей Митры или даже под пытками!

Плащ меж тем принял форму человеческой фигуры, с той лишь разницей, что рукава были пусты и головы на положенном ей месте не было.

— В чем дело, что раззявили рты? Сотник, почему не выступаем? — Меж палаток и телег протиснулся один из главных помощников барона, командир его небольшой конной дружины. Увидев Оливей, он замер. Оливей окликнул его, но офицер в тот же миг развернулся и побежал, толкнув по дороге двоих-троих из зазевавшихся ратников.

— Стой, стой! — закричал было барон, не успевший даже удивиться странному поведению своего помощника, когда вдруг увидел краем глаза, что среди храмовой стражи произошло движение. Служители Асуры что-то завопили вразнобой, поднимая мешочки, из которых посыпались неестественно длинные и какие-то медленные искры. Вокруг убегающего из земли взметнулись дымные столбы, он закричал и остановился, словно пойманный в невидимые тенета. А плащ стигийца повис над визжащим человеком и стал медленно опускаться.

— Митра Треславный! — вырвалось из уст барона, когда на его глазах буквально воющий от страха офицер вдруг странно задержался, по нему пошла знакомая Оливейю рябь, а на месте головы показалась змеинная морда. Стоявшие поотдаля воины стали разбегаться, а плащ обрушился на тварь сверху, причем у всех присутствующих появилось внизу живота неприятное ощущение, какое бывает при внезапном падении. Когда трепыхавшаяся в безветренных сумерках ткань накрыла шипящего человеко-змея, почва под ногами вздрогнула, словно на землю обрушилась целая скала или началось землетрясение.

Оливей выхватив из ослабевших рук одного из своих воинов обоюдоострый топор, бросился к месту падения плаща, а стигиец не успел его остановить. Что-то крикнул жрец Асуры, и дымные столбы пропали, втянувшись в землю. Барон остановился, опас-

ливо поддел угол затихшего плаща концом окованной рукояти топора. Под ней ничего не было.

— Милейший, мы откровенно мешаем друг другу. Наши методы, мягко говоря, различны, — раздался над ухом немедийца скрипучий голос жреца, обращенный, вероятнее всего, к стигийцу. — Вот, например, сейчас, я с уверенностью не могу сказать, сбежал ли он вглубь, когда мы убрали барьеры...

— Нет, клянусь Сетом. То есть вы мне конечно, несказанно мешаете, но молот Глубин достал бы его и внизу, разве что вход в их усыпальню находится поблизости, а мы знаем, что это не так.

— Страшно другое, уважаемый. В лагере начался нешуточный переполох, эти твари разбегутся...

— Или, что еще хуже, начнут внедряться во всех подряд. Помилуй меня Черный Судья Мировой Бездны, не можем же мы перебить всех немедийцев в округе. В Стигии меня бы дурно поняли...

— Как так перебить всех немедийцев? — взревел барон, взметнув топор, словно собираясь рубить всех подряд.

— Будем надеяться, что до этого не дойдет, — вмешался жрец. Его молчаливая свита двигалась внутрь лагеря стройным клином. Странно смотрелся воинский строй, в котором шли на первый взгляд, абсолютно невооруженные люди, к тому же необычно одетые. — Барон, я быстро попытаюсь ввести вас в курс дела.

— Уж будьте любезны. — Оливей был взбешен, а в таком состоянии он становился смертельно опасен. Однако двух старых магов, казалось, совершенно не волновал барон и его состояние. Беседа велась для видимости, а на самом деле... У обоих на лбу выступил пот, как у людей, совершающих усилия на грани возможного. Они сражались — здесь Оливей ошибиться не мог, он чувствовал запах схватки, — маги бились на свой собственный колдовской манер.

— В вашей палатке сейчас находятся несколько из этих выползней. Они приняли ваш облик и ваших

ближайших помощников, равно как, скорее всего, и офицеров из Бельверуса. Предварительно захватив... э... саму сущность этих людей. Вы — счастливое исключение. Они, а не вы, командуют сейчас войсками. Или мы остановим их немедленно, или же эти порождения бездны распространятся отсюда повсеместно, начав со столицы Немедии. Поверьте старому служителю Асуры — у них есть возможности. Их мерзкая мощь почти неодолима...

— Так вперед, убьем их! — воскликнул барон и устремился в глубь лагеря, не особо заботясь, следуют ли за ним остальные, созывая ратников. Некоторые воины с сомнением перешептывались и оставались на месте, продолжая сворачивать палатки, готовясь к объявленному выступлению. В основном это были солдаты, прибывшие из Бельверуса накануне мятежа Блистательных, которые не видели в бароне Оливее своего непосредственного начальника. Старые же воины пограничной стражи устремились вслед за своим командиром, нисколько не задаваясь вопросами, что, собственно, происходит.

— А как мы определим, немедиец перед нами или демон? — спросил на бегу барон у поравнявшегося с ним стигийца, плащ которого, уже заброшенный на плечи, развевался, подобно шлейфу из живого мрака.

— Руби всех, кто попытается нас остановить, Сет, Митра и Асура отберут своих.

— Нергалово отродье, что ты говоришь такое... — возмутился барон, на что стигиец мгновенно отреагировал:

— Не именуй его, или я обрушу Молот на тебя, варвар. Побереги прыть для змеелюдей, я чувствую, что они близко.

— Разумеется, вон мой шатер. Верно, сам Митра надоумил меня разбить его посреди бельверусского полка, а не то — пришлось бы штурмовать мою собственную цитадель. Вот бы темные боги потешились.

— Что ты знаешь о темных богах?

На этом перепалка закончилась, так как оба спорщика окончательно выдохлись от быстрого бега. Кроме того, у палатки их ждали.

Свой бег не остановил только сам барон, два мага и храмовая стража. Валившие следом гурьбой ратники замерли, видя, что им навстречу шествует сам барон Оливей, его оруженосец, три старших офицера... и толпа самых настоящих демонов.

Глава двадцать пятая

Двое слуг вытащили бесчувственное тело Армледера на замковый двор и швырнули его рядом с колодцем. Один из них наклонился, вытащил ведро воды и окатил гвардейца. Он застонал и открыл глаза. Сознание медленно возвращалось. Армледер жадно втянул холодный ночной воздух. Он разительно отличался от душного зловония подземелий.

«Неужели я еще жив? — пронеслось у него в голове. — Жив и, судя по всему, на поверхности земли».

Перед ним выросла фигура Торкиля, что-то говорившего Одноглазому Дигу. Торкиль указал на лежавшего, протянул аргосцу связку ключей и лениво пнул Армледера под ребра носком сапога.

— Он хотел убить меня. Посади его за решетку, пока не придет в себя, — услышал Армледер слова Торкиля. Голос доносился глухо, издалека, словно брат говорил сквозь забрало шлема.

Диго посмотрев на лежавшего капитана, хмыкнул, потом повернулся и подозвал двоих наемников-пикетов.

— В темницу его. Там, за нашей казармой, в стене есть отличная камера.

Армледера еще раз окатили ледяной водой, заставили встать на ноги и, подхватив с двух сторон под руки, потащили в указанном направлении. Диго не

торопясь последовал за ними, позвякивая полученной от Торкиля связкой ключей.

Армледер уже полностью пришел в себя. Улучив момент, он рванулся в попытке освободиться, но его охранники отлично знали свое дело, что показала боль в вывернутой руке. Доведя арестованного до камеры, они втолкнули его внутрь. Камера представляла небольшую нишу в крепостной стене, отгороженную толстыми железными прутьями, раздвинуть которые было не под силу даже буйволу.

Одноглазый аргосец запер дверь, некоторое время смотрел на Армледера сквозь решетку, затем обернулся к своим подчиненным:

— Идите найдите Кранка и пришлите ко мне, а я пока что покараулю его. — Подождав, пока пикты отошли на достаточное расстояние, чтобы не слышать разговора, продолжил, обращаясь к Армледеру: — Так ты, капитан, из Черных Драконов. Могу тебе сказать, что раньше я этих хлыщей вообще ни во грош не ставил, а теперь, глядя на тебя, вижу, что ошибался. По крайней мере капитаны у них толковые попадают.

Армледер молчал. Говорить что-нибудь было бесполезно, даже если одноглазый наемник поверит ему, то не пойдет против человека, нанявшего его. Он успел приглядеться к Дигу и понимал, что для старого «пса войны», как ни странно это казалось аквилонцу, главным были не деньги, а своеобразное представление о чести, основанное на неписаных законах наемного братства. А основным из этих заков была верность тому, кто платит деньги отряду. Бывали случаи, когда командиры наемников шли на верную смерть только потому, что не желали покрыть свое имя позором, — в этом их можно было сравнить с присягнувшими королю воинами и, пожалуй, наемников, нарушивших свою неписаную хартию, было меньше, чем предателей, забывших слова присяги.

Диго присел на корточки и невозмутимо продолжал:

— Что, честь офицера не позволила оставить мятежника в живых? Или узнал, что змееныш — туранский шпион и только ждет случая призвать сюда своих степных братьев? Если так, то могу тебя успокоить: такого случая ему не представится. А в то, что ты пытался убить своего брата, я не верю. Я видел тебя в схватке и знаю, что ему не удалось бы остаться в живых, да еще при этом без единой царапины. Расскажи, что случилось на самом деле?

Армледер изумленно смотрел на наемника. Он был уверен, что Диго не подозревает о сложных интригах Торкиля. Помимо воли у него вырвалось:

— Да, лучше бы это были туранцы. Они, по крайней мере, люди.

И затем, неожиданно для самого себя, он начал рассказывать Дигу обо всем, что произошло с ним в подземельях под замком. Аргосец, слушая его, задумчиво теребил повязку на глазу.

— Клянусь Митрой, Диго, это страшнее, чем можно представить. Его нужно остановить, иначе... я не знаю точно, что он будет делать дальше, но в мир вползет такое зло, которого не было в нем уже многие тысячи лет.

— И что ты собирался делать после того, как убьешь его? — поинтересовался одноглазый аргосец.

— Перебрался бы через стену и направился к Конану, объяснить, что здесь творится. Вам бы остались сокровища, а король разрушил бы замок, уничтожив даже воспоминания об этом проклятом святилище.

Подошедший Кранк стоял неподалеку, краем уха прислушиваясь к разговору. Диго задумчиво смотрел на Армледера, затем решительно поднялся и отпер решетку:

— Если ты говоришь правду, а похоже, что это так, то мне с моими ребятами нечего здесь делать. Впрочем, нужно еще убедиться в том, что это не бред после выпитого тобой вина. Пойдем. Ты помнишь

дорогу в подземелье? А ты, Кранк, всем говори, что Диго повел предателя в пыточную камеру. Если кто-то интересоваться будет, сразу мне передашь. Потом оставь здесь верного человека, собери других десятников и идите ко мне в комнату.

Ошеломленный Армледер, еще не веря в удачу, выскользнул из камеры. Одноглазый наемник, быстро оглянувшись по сторонам, потащил его, изображая на лице крайнюю свирепость, грубо затолкнул в свою комнату и рывкнул так, что любой услышавший решил бы, что аквилонцу пришел мучительный конец:

— Я же тебе говорил, что делают с предателями, Нергалово семья! — Диго захлопнул дверь и, еще не вполне выйдя из роли, продолжал так же яростно: — Вон там твой палаш валяется, ты его в казарме оставил!

Через некоторое время в комнате начали собираться десятники из отряда Диго. Некоторые с радостью приветствовали Армледера, другие, до которых уже дошел слух, что он пытался убить хозяина замка, недоуменно смотрели на арестованного, спокойно сидящего в комнате командира. Однако вопросов никто не задавал — все ждали, что скажет Одноглазый.

Когда наконец собрались все, Диго коротко объяснил им, что сейчас всем придется отправиться в подземелья замка.

— Здесь творятся странные дела, — веско говорил Одноглазый. — Наши хозяева не так просты, как кажется. Внизу, я думаю, вы увидите такое, о чем даже не подозревали. А потом уже поговорим поподробнее. По пути всем молчать. Если нас заметит кто-нибудь, сделайте так, чтобы он тоже замолчал. Вопросы — потом.

Диго подошел к стене комнаты и открыл потайной ход.

* * *

Во второй раз Армледеру пришлось спускаться по нескончаемой лестнице. По пути они не встретили ни

одного человека. Наемники спускались по лестнице осторожно, не производя ни малейшего шума. Внизу Армледер быстро сориентировался и нашел туннель, ведущий к мавзолею. Ворота, открытые Торкилем с помощью заклинаний, так и остались открытыми, на что он и надеялся.

Первые тихие возгласы раздались, когда люди увидели колоннаду, освещенную призрачным, неземным светом. Кто-то вполголоса призвал Митру, кто-то украдкой сделал знак, охраняющий от чар. Армледер чувствовал, что только приказ Диго удерживает некоторых от того, чтобы опрометью броситься наверх. Но когда отряд достиг центра залы и перед глазами заблестело рассыпанное по полу золото, заискрились драгоценные камни, страх отступил, сменившись изумлением. Даже Диго, знавший, что Торкиль владеет огромными богатствами, не представлял себе размеров казны герцога.

На полу были груды свалены золотые украшения, драгоценные камни сверкали в голубоватом свете, струившемся словно ниоткуда, в беспорядке были свалены разнообразные чаши, кратеры, кубки. Ноги ступали по рассыпанным монетам, кто-то поднял ожерелье и рассматривал его, поворачивая перед собой.

— Ты что, нашел клад, капитан, — окликнул Армледера один из наемников, — и хозяин замка решил отобрать его у тебя?

Вместо Армледера ответил Диго:

— Нет, Нордок, это не клад. Это сокровища хозяина замка.

Раздался общий вздох разочарования. Они бы не отказались от клада, не принадлежавшего никому, но ограбить нанимателя считалось у наемников одним из худших преступлений.

— Ну и зачем ты нас сюда привел? — недовольно спросил кто-то.

Постепенно все взгляды остановились на Диго.

— Мы еще не пришли,— коротко ответил аргосец.— Капитан, веди дальше.

— Приготовьте оружие и будьте настороже,— сказал Армледер, когда они достигли выхода из пещеры и двинулись по берегу подземной реки, вспомнив чудовище, выскочившее навстречу им с Торкилем.

На этот раз ларк не появился, но когда они почти достигли следующего подземного зала, вода в реке внезапно забурилась, и из нее поднялось черная кожистая тварь. Белесые глаза уставились на людей, и длинные черные щупальца устремились на берег. Один из наемников вскрикнул, когда щупальце обвилось вокруг его ноги и потащило в воду.

Мгновенно оказавшийся рядом Диго рубил щупальце мечом, но сталь соскальзывала с кожи, а щупальце неумолимо тащило человека в воду. Армледер оказался единственным, кто сохранил самообладание,— он смутно ожидал чего-то подобного поэтому, вместо того чтобы попытаться отрубить щупальце, выхватил кинжал и метнул его, целясь в глаза чудовища. Бросок был удачным. Осьминог забился от боли. Щупальца разжались, и люди смогли отбежать от берега.

Это происшествие изменило настроение отряда. Все уже свыклись со странным светом, даже причудливые колонны в предыдущем гроте не казались чем-то особенным, но нападение неизвестного обитателя подземных вод показало, что в этих подземельях жизнь каждого висит на волоске.

Поэтому, когда они оказались перед мавзолеем змеиных властителей, все особо остро почувствовали черную силу и мощь, истекающую из этого мрачного сооружения. Кто-то плюнул, кто-то крепче сжал в руке амулет, охраняющий от чар. И когда Диго отдал приказ возвращаться к сокровищнице, подгонять никого не пришлось.

— Теперь вы видели, какому богу поклоняется хозяин замка,— начал Одноглазый, вертя в руках

подобранный золотой кратер.— Вот он,— тут Диго показал на Армледера,— может рассказать кое-что еще. Половина слуг здесь не люди, а мертвецы. Я сам видел таких, что не отбрасывают тени, а капитан говорит: здесь, внизу, в одной пещере лежат целые горы живой падали. Да и сам хозяин — из таких же, если не хуже. Из ран у него течет не кровь, а зеленая слизь, и раны затягиваются сразу же. Все видели, как дерется Капитан. Но он не смог убить его — раны исчезали на глазах. Поэтому я говорю: мой меч не будет служить ему.

Это была ритуальная фраза, означавшая, что наемник отказывается от службы. Но, по законам «псов войны», отказаться можно было лишь до того, как получены деньги, или же в случае, когда наниматель сам нарушает договор. Верность слову была для них главным правилом, и эти слова Диго были все равно что кружка пива, выплеснутая в лицо.

— Хартия! Хартия! — раздалось сразу несколько голосов.— Ты что, забыл клятву?!

— Кто-нибудь может сказать, что я хоть раз нарушил свое слово? — загремел в ответ Диго.— Да, мы поклялись отдать наши мечи и не жалеть жизни. И мы никогда не предаем людей, которым клялись. Но это не человек. Мы не обманываем людей, но с теми, кто уже не человек, не может быть договора. Кто из вас пошел бы служить Сету? Или вы хотите, чтобы ваши тени не знали покоя на Серых равнинах?

Наемники постепенно умолкли, обдумывая сказанное. Диго продолжал:

— Капитан рассказал мне об этом там, наверху. Еще он сказал, что завтра все эти трупы оживут. Это и будет та подмога, что ожидают в замке. Я не буду стоять в одном ряду с мертвецами. Поэтому я предлагаю — вот перед нами сокровищница. Пусть каждый берет столько, сколько сможет унести, а на рассвете уходим из замка.

— И далеко мы уйдем? — насмешливо спросил кто-то. — Ты что, забыл, что аквилонцы стоят под стенами? Конан только обрадуется, когда мы сами пойдем ему в руки.

— Ах да, я и забыл сказать. Сегодня капитан (он, кстати, действительно капитан, только не немедийской пограничной стражи, а аквилонских Черных Драконов) отправится к своему королю и передаст ему, что мы уходим. Конан, если он не совсем дурак, пропустит нас без боя. Зачем ему подставлять под мечи своих людей, если замок и так будет его.

— А как же остальные? — спросил Кранк, давно уже согласившийся с предложением Диго.

— Здесь что, золота мало? — ответил Одноглазый и не глядя пнул ногой подвернувшуюся чашу, стоявшую столько, сколько получал весь отряд за неделю службы. — Вынесем сейчас все во двор и всем расскажем. Кто хочет — пойдет с нами, а кто останется — его дело.

На мгновение повисло молчание. Потом кто-то наклонился и начал собирать лежавшие под ногами драгоценности. Один за другим наемники последовали его примеру. Армледер понял, что решение принято.

— На рассвете жди сигнала, — шепнул он аргосцу. — Как только увидишь дым трех костров, можете выходить. Прощай.

— Подожди прощаться, — угрюмо бросил в ответ Диго. — Пойдем, я тебя из замка выпущу, а то мои часовые еще пристрелят ненароком.

— Ну что, пойдем, что ли? — сказал Кранк, наваливший на себя столько золота, что еле стоял на ногах. Надо всех разбудить, пусть таскают...

Глава двадцать шестая

Первые солнечные лучи начали пробиваться сквозь черноту ночи.

На дворе замка лежали груды золота, люди расхаживали, попирая их тяжелыми сапогами, и в неясном утреннем свете эта картина напоминала легенды о счастливицах, попавших в заброшенные сокровищницы древних королей. Несколько повозок стояли, нагруженные золотом, и их окружал десяток наемников, готовых отбить попытку хозяев замка вернуть себе драгоценности.

Одноглазый Диго в одиночестве ходил на стене и вглядывался вдаль, ожидая условленного сигнала.

Когда среди ночи раздался сигнал общего построения, все решили: аквилонская армия пошла на штурм. Диго порадовался, увидев, что за короткое время ему удалось сколотить из разношерстного сброда хорошо вымуштрованную армию. Не было криков и суеты; люди выбегали из казарм собранные, держа наготове оружие. Некоторые сразу же устремились на стены, и пришлось останавливать их на полпути.

Выслушав командира, большинство защитников замка без возражений согласились, что в любом случае нужно уходить. Они сразу же принялись за работу, и вскоре золото перекочевало из подвала на площадь.

Были и такие, кто решил остаться и защищать замок до конца. То, что остались пикты, никого не удивило — им было некуда уходить. Пересечь Аквилонию, когда все войска лихорадочно ищут мятежников, не под силу даже таким мастерам скрытно передвигаться, таясь в лесах. Остались также несколько шемитов, боссонцев. Эта немногочисленная группа собралась у донжона, кто-то побежал будить Торкиля и Хвата. Это слегка беспокоило Одноглазого — неизвестно было, что готовят хозяева. Но еще больше его тревожило отсутствие обещанного сигнала аквилонцев. Диго понимал: если Конан откажется пропустить уходящих из замка наемников, от его отряда останется в лучшем случае немногочисленная горстка уцелевших.

Диго решил ждать ответа до поры, когда солнце поднимется над горизонтом. Подходил конец срока.

— Не хотят пропустить мирно, придется драться, — вполголоса пробормотал он.

В следующее мгновение ему показалось, что эти слова начали осуществляться. Внизу, на площади, раздался шум и звон клинков. Обернувшись, Диго увидел, что остающиеся в замке наемники, предводительствуемые Эолабаром, устремились в атаку на занятых погрузкой. Хвату удалось быстро построить своих людей в ошетилившийся копиями четырехугольник, который угрожающе двинулся в сторону повозок.

Послышались окрики. Стоявшие у повозок часовые, почувствовав опасность, сомкнули ряды. На помощь бросились остальные. В окнах замка появились лучники, засвистели стрелы, направленные во взбунтовавшихся.

Все это Диго отметил краем глаза, поскольку уже мчался вниз по лестнице. Число остающихся было столь малым, что он пренебрег предосторожностями, и его ребятам теперь приходилось расплачиваться за это.

Атака воинов Хвата захлебнулась, покатилась назад еще до того, как Диго достиг земли, — слишком неравны были силы. Оставив на земле нескольких раненых, часовые бросились вдогонку. На площади началась свалка. Даже самые опытные из людей Диго с азартом бросились в бой, и Одноглазый оказался единственным, кто заметил, что из дверей замка на площадь неторопливо выдвигался отряд вооруженных людей.

Безумная атака была всего лишь отвлекающим маневром. Эолабар хладнокровно пожертвовал остатками наемников, чтобы ввести в бой своих неизвестных союзников. Его змеиная фигура теперь мелькала впереди нового отряда — ускользнув из самой гущи разгоревшейся схватки, он построил атакующих в каре и уверенно повел их в атаку. Диго понял, что эти воины и были теми умершими, о которых говорил Армледер. Оживленные чьей-то чудовищной волей, они размеренно двигались вперед, с бесстрастными лицами, остановившимся взглядом. В первом ряду аргосец заметил горбуна, командовавшего заморийцами, что бесследно исчез из своей комнаты.

— Назад! — заорал Диго, вложив в этот крик всю мощь своего голоса.

Еще немного, и задуманная Хватом ловушка должна была захлопнуться. Отряд мертвецов отрезал бы наемников от ворот и от нагруженных повозок, после чего неумолимо двинулся вперед, избивая людей, — разрозненные воины, увлекшиеся дракой со своими бывшими товарищами, не смогли бы оказать никакого сопротивления.

Их спас только вовремя появившийся Диго и отличная дисциплина отряда. Пожалуй, даже воины королевской армии не смогли бы, увлекшись схваткой, так четко отреагировать на команду, как эти наемники. Услышав голос командира, они моментально бросились к повозкам. Но построиться уже не успевали.

Строй мертвецов настиг бегущих людей, но сокрушительного удара уже не получилось. Рассыпавшись, наемники растянули строй атакующих, превратив бой во множество отдельных схваток.

Это был странный, жуткий бой: раны мертвецов не кровоточили, и даже смертельный удар не мог их остановить. Диго понял, что Золабар рассчитывал на страх, который вселят эти неумирающие существа в наемников. Уже неоднократно убитые, они поднимались на ноги. Скользя на кусках собственной плоти, падая, они упорно двигались вперед.

Действительно, кое-где сражающиеся опускали оружие, с ужасом глядя на то, как туловище с отсеченной головой, прежде чем упасть, еще некоторое время продолжает двигаться и размахивать оружием; как разрубленные воины неотступно движутся вперед. Но Диго не чувствовал страха — в нем клочкотала ярость. Аргосец бросился вперед, командуя своими людьми так же, как в обычном бою и это подействовало.

Мертвецов было чересчур мало, чтобы одержать победу, к тому же движения их были вялыми, словно у спящих людей. После того как их строй развалился, они стали легкой добычей для наемников — их тела были буквально разорваны на куски.

Диго искал глазами Золабара, но не мог найти — покинув свое обреченное воинство, туранец исчез в замке.

* * *

— Кром! Вот это бойня! — Конан, подбоченясь, сидел в седле своего громадного черного жеребца. Рядом, с трудом справляясь с перепуганным конем, был Армледер, вновь облаченный в форму капитана Черных Драконов. Как только ветер пахнул на аквилонцев со стороны замка, лошади почуяли мертвецов, и как взбесились. Драконы вынуждены были спешиться.

— Где этот стигиец? Как раз теперь от него был бы толк. Без некромантии тут не обойтись, — пробормотал Армледер, стараясь удержаться в седле и не упустить ничего существенного из того, что творилось в замке Блистательных.

Ворота были распахнуты настежь. Через них выезжали повозки, груженные сокровищами. Лошади и мулы выказывали немалую прыть, стараясь отдалиться как можно дальше от жуткого воинства Золабара. Бой внутри почти закончился — Диго вырвался из жуткого замка. Его растрепанный отряд беспорядочной толпой вывалил из ворот, и тут же спешно принялся строиться при виде нового противника. Аквилонское войско замерло, только ветер шевелил плюмажи на шлемах да солнце играло на кольчугах, сомкнутых щитах и копейных жалах.

— А хороши! Хороши, разрази меня Нергал! — Конан откровенно любовался мужеством обреченных, с каким маленький отряд «псов войны» сплотился вокруг своих повозок, намереваясь или прорваться через во много раз превосходящих врагов, или погибнуть с честью.

— Мой король, я уже говорил вам, что столь блистательного офицера я не видел...

— Ладно, ладно, капитан. Я ценю воинское умение и мужество, а кроме того — наглость. Этот Диго — настоящий волк, и не мне, клянусь Кромом, травить его собаками. Пусть уходит. Кроме того, Конн и Троцero никогда не простят мне, если я положу наши лучшие полки в бесславной стычке. А что до сокровищ... они заслужили их.

Пока продолжался этот разговор, отряд Диго, оцетинившись клинками и копьями, медленно двигался на аквилонцев. По приказу короля штурмовые колонны стали расходиться, давая возможность наемникам пройти. Запела труба, и сверкающие ряды воинов двинулись к распахнутым воротам.

— Капитан, ты знаешь внутреннее устройство цитадели. Веди войска, а я потолкую с этим «псом».

Армледер спрыгнул с коня, который с жалобным ржанием помчался назад, к покинутому аквилонскому лагерю, подозвал к себе командиров отдельных отрядов и двинул войска на штурм оставшейся почти беззащитной крепости. Король же поскакал к наемникам.

Ноздри Конана трепетали, словно он чувствовал опьяняющий запах свободы, мощи, радости жизни, глядя на утомленных боем солдат аргосца. Перед его взором пронеслись пальмы далекого юга, виденные им с палубы корсарского корабля, моря песчаных барханов и пыльные развалины чарующих пустынь востока, блеск льда далеких Ильбарских Гор, гулкое эхо ущелий и рокот водопадов. Шум и лязг бесчисленных сражений, запах крови и пота, блеск клинков и ржание коней. Навстречу королю из плотного строя вышел Диго, и киммериец увидел все то, что промелькнуло в его голове, в глубине единственного глаза аргосца.

Они сошлись, и враги, и друзья. Два хищника, одинаково принадлежащие буйному прошлому хайборийской эры, один молодой и полный сил, второй старый, но несломленный. Вдали раздался клич аквилонцев, бросившихся в атаку на последних, живых и мертвых защитников цитадели, но оба не обратили на этот звук ни малейшего внимания. Вскрапнул и дернулся конь киммерийца, но король твердой рукой заставил его сделать шаг вперед, а затем спрыгнул на землю и встал напротив наемника.

Текли мгновения, на стенах крепости шел бой, груженные золотом телеги уходили все дальше, а двое все стояли посреди поля, читая в душах друг друга, словно в странных зеркалах. Потом глаза Конана загорелись. Он рванул из ножен меч, холодным огнем блеснувший в косых лучах солнца. Ни один мускул не дрогнул на лице Диго. Он толь-

ко заворуженно следил, как меч разворачивается рукоятью к нему. Затем сильная рука аргосца легла на истрепанную кожу рукояти. Заржал конь короля, взрывая копытами землю, а Конан поглядел на жеребца пустым взглядом, словно увидел впервые. Затем он отстегнул потемневшую от времени бронзовую пряжку, и в траву упали обшарпанные ножны. Нетвердой походкой он направился к коню и вскочил в седло. Не оборачиваясь, киммериец медленно поехал к кучке телохранителей, дожидавшихся его в стороне. Он не видел, как за спиной его меч взлетел острием вверх, а губы Диго прошептали: «Амра...», после чего, немного замешкавшись, одноглазый бросился догонять свой отряд, уже скрывавшийся под сенью леса. Он уносил с собой нечто большее, чем старомодный, излишне тяжелый по хайборийским меркам меч, и чувствовал это. За спиной словно выросли крылья, а плечи слегка дрожали, как под тяжестью невидимой, но ценной ноши.

Король также почувствовал облегчение, будто грузная железная птица, сидевшая на плечах и пригибавшая его к земле, устремилась в неведомое. Он ехал к распахнутым воротам покоренной крепости, размышляя, как трудно быть героем легенд в пресыщенном и дряхлом мире. Конь шарахнулся в воротах от шевелящегося на земле живого трупа, изрубленного на куски, но еще не оставленного пылающим в нем темным пламенем. Думы короля были далеки от ликующих криков его воинов. Взгляд его еле скользнул по знаменам с золотым львом, взметнувшимся над всеми башнями почти одновременно.

Глава двадцать седьмая

От Конна и Троцера прибыл гонец с известием о блестящей победе аквилонцев над гирканцами, спешившими поучаствовать в событиях вокруг заговора Блистательных. Не ожидавшие встретить основные силы королевства степняки смешались и дрогнули.

Троцера даже не успел развернуть все полки в боевые порядки, так стремителен оказался бой. Конн во главе пуантенцев в скоротечной схватке буквально стоптал гирканский авангард и бросился развивать успех. На плечах бегущих он врубился в плотные ряды походной колонны противника, причем основной беспорядок внесли не его бронированные рыцари, а в панике отступающие силы авангарда. Грозная на равнине, маневренная, легко управляемая восточная конница оказалась сбита в огромную кучу и зажата в горной теснине.

Ее предводитель пытался навести порядок, снеся саблей пару-тройку голов нерадивым командирам и начальнику передового дозора. А тут еще таранный удар пуантенцев завяз в хаосе коней, людей и повозок, словно топор в сыром полене, однако к месту битвы подоспели основные аквилонские силы. Гирканские полки, что вырывались из предательской теснины в поле, натолкнулись на несокрушимую стену гандерладских копий, со склонов лесистых холмов

по перемещавшейся восточной кавалерии хлестнули боссонские стрелы. Перед тем как Конн разрубил его без малого до седла, предводитель гирканцев успел отдать приказ спешно отступать, ибо с запада, словно бесконечная сверкающая змея, тянулись аквилонские рыцари, охватывая конницу степняков со всех сторон, словно удав кролика.

Отступление быстро переросло в паническое бегство — к вечеру Троцера отдал приказ прекратить преследование, ибо тяжеловооруженное рыцарство едва ли не пострадало в ходе его больше, чем во время битвы: знойное солнце раскаляло доспехи, кони, не привыкшие к жарким в это время года степям, бесились и норовили скидывать седоков.

Однако гирканцам досталось еще раз — немедицы, желая показать всему миру, кто хозяин в восточной части хайборийских земель, выслали на перехват степнякам значительные силы, довершившие разгром.

Вести эти, без сомнения, были радостными, однако гонец не торопился подойти с ними к королю. Конан расхаживал по парапету пеллийской твердыни в полном вооружении, алый плащ и алый плюмаж его шлема трепетали, словно языки пламени, предвестники пожара, а из-под опущенного забрала можно было расслышать явственное рычание. Киммериец в бешенстве хлестал своей перчаткой по камням крепостной кладки с самого раннего утра, а подойти к нему рисковали только Ройл да трое его ближайших телохранителей.

Причина королевского гнева была такова — когда северяне и Черные Драконы, платя немалую цену за каждую ступеньку или площадку башни, очистили замок от живых мертвецов и оставшихся верными Блистательным наемников, оказалось, что сам Торкиль и Змееныш бесследно исчезли. Поиски продолжались ночью. Немногочисленные пленные на допросах в один голос утверждали, что в последний раз видели обоих

по пути в мрачные подземелья. Туда и направил Конан своих воинов. Впотьмах им пришлось столкнуться с различными хитроумными ловушками и последними защитниками замка, живыми и мертвыми, которые дрались отчаянно — им совершенно нечего было терять. Когда затих на холодных камнях последний изрубленный труп, а Иллиах перерубил ноги последнему пикту, кинувшемуся на него с балок перекрытия с обсидиановым ножом в зубах, выяснилось, что главари мятежа пропали. Конан приказал бросить поиски во тьме только тогда, когда троих Драконов, кинувшихся на подозрительный шорох в одно из боковых ответвлений туннеля, нашли в каменной яме насаженными на стальные колья. Оказалось, что под ними провернулась бесшумно мраморная плита.

В подземелье повсюду слышались стоны, скрежет, нечеловеческий смех, под сводами проносились неясные крылатые тени, в воздухе вдруг вспыхивали и гасли странные тревожные огоньки. Аквилонцы выбрались наверх бледные, перепуганные, хотя при свете звезд и луны трудно было сказать, что же их, собственно, так напугало. Конан до самой зари бродил по замку, сжимая в руках кинжал в тщетной надежде, что заговорщики притаились где-то среди мебели и колышущихся портьер. Однако никто не кинулся на киммерийца в гулких пустых коридорах или полумраке библиотеки Эйольва-Валлана.

А наутро с немедийской стороны пришла весть о том, что на пограничное укрепление совершено нападение, рассеявшее гарнизон, однако барон Оливей непонятным образом отвел угрозу, погибнув в жестоким бою.

— Троцero будет безутешен, клянусь Кромом! — воскликнул Конан. — Барон был великолепным противником и славным человеком. Однако речь идет, без сомнения, о том, что проклятые Торкиль и Хват все еще живут, напуская на соседей каких-то чудищ. Этому надо положить конец.

— Его зовут Эолабар Бан, мой король, — сказал Ройл. — По крайней мере так говорят пленные. Это действительно родственник вашего давнего врага, великий шпион... и сам Сет, или по крайней мере, Нергал.

— Что, что ты мелешь, старый дурак! — Конан желал выместить на ком-нибудь накопленную злобу. Ройл, как и положено старому служаке, привыкшему и не к такому обращению, и ухом не повел:

— Опять-таки, если верить пленным...

— И мне, мой король! — Это появился Армледер. Одежды его были изорваны, лицо — в копоты от факелов, доспехи покрыты какой-то отвратительной слизью. Несмотря на приказ, он в одиночку продолжал поиск главарей заговора, но добился немногого.

— Да, я помню, ты что-то такое рассказывал... Мне все равно, во что он там превратился. Я знаю одно: он великий воин, и я, Конан-киммериец, перед тем, как Кром заберет меня с этого покрытого пылью и тленом мира, хочу скрестить с ним клинки.

— Я думаю, в Мировую Бездну не пошлешь герольдов с вызовом на турнир... — пробормотал Армледер, потирая красные глаза, однако король его услышал и рассвирепел еще больше:

— Ему не сбежать от меня, равно как и твоему сумасшедшему брату, пусть он даже усядется верхом на Сета или превратится в клубы дыма! Или ты просто не хочешь, чтобы мерзкое существование Торкиля было прервано честной сталью?

Глаза Армледера вспыхнули, а тело непроизвольно напряглось. Иллиах и Эгиль, бесшумно возникнувшие с обеих сторон от капитана, встали между ним и королем.

— Моего неразумного брата я буду преследовать даже в преисподней... только вряд ли его возьмет честная сталь. Я уже пробовал...

И Армледер бессильно опустил руки вдоль тела. Конан, засопев, резко развернулся и отправился на

крепостную стену. Там и пребывал все утро, ни с кем не общаясь, бормоча бессвязные ругательства на всех известных ему языках. А внизу Хольгер с Ройлом объясняли встревоженному гонцу, насколько незначительным является факт победы Конна над какими-то гирканцами и в какое именно место рва швырнет его король, подвернись ему гонец под руки в таком настроении. Возле ворот так же метался Армледер, с ужасом вспоминая, во что превратился его брат, давая страшные клятвы всем темным и светлым богам достать его в любом месте, куда бы ни закинула Торкиля черная судьба.

И тогда появилась тень. В саване, сотканном из тумана, Король-Призрак парил над пеллийской твердыней безмолвно, словно живая гора, готовая вот-вот рухнуть и погresti под собой все живое вокруг. От него изливалась чудовищная мощь. Кони разбили копытами стены конюшни и метались по двору с диким ржанием, бесновались собаки, люди растерянно жались по стенам, задрав кверху головы. Повсюду валялось брошенное оружие.

Конан некоторое время смотрел на призрачную фигуру, чувствуя, как на затылке вздыбливаются волосы. Вечный его спутник — звериный инстинктивный страх перед потусторонним — не дал киммерийцу возможности сразу распознать призрака. Но в памяти всплыли портреты, что видел киммериец на пластинах тусклого древнего золота и почерневшего от времени серебра Валузийской эпохи, хранившиеся в сокровищнице Тарантии.

— Будь я проклят... это Кулл, король Валузии!

За спиной киммерийца толпились северяне и Ройл, зачарованно следившие, как Король-Призрак, медленно ступая, идет прямо по воздуху к квадратной башенке.

Вместе с ним к замку полз густой туман, покрывавший все вокруг белесым колыхающимся морем, куда боялись нырнуть люди, кони и собаки.

— Мой король, не делайте этого! — взмолился Армледер, взбегая снизу по ступеням и устремляясь к Конану. Но было поздно — словно зачарованный, киммериец шел к башенке. Ройл и Иллиах попытались следовать за ним, но невидимая рука остановила их, мягко уперевшись в грудь, равно как и Армледера, Хольгера и Эгиля.

Им оставалось только смотреть. Король-Призрак возвышался над киммерийцем, словно башня — Кулл и при жизни был богатырем громадного роста, широким в плечах и мощным, словно дикий тур. Однако в лицах обоих героев, бывших на престолах мощнейших государств своих эпох, двух варваров, без усталости сражавшихся с врагами человеческого рода, было что-то сходное.

Слов, конечно, разобрать не удалось — слова тонули в наползающем тумане, в котором даже свет зажженных факелов расплывался и тускнел.

— Если он поднимет руку... — пробормотал бледными губами Иллиах, поднимая метательный нож дрожащей рукой, — на лице его долг боролся с суеврым страхом.

— А я бы не стал... — пробормотал Ройл, — да и что ему сделает твоя железяка.

— Прах тебя разбери, Ройл! — вмешался Хольгер, отбросивший всякие сомнения и высвобождающий из ременной петли на поясе топор. — Он, в конце концов, не сам Кром!

— А ты бросился бы на самого Крома? — Пока они обменивались фразами, призрак вдруг надвинулся и оказался прямо возле них. За ним шел Конан, а Иллиах, позабывший свой страх, уставился на него во все глаза, столь разительны были перемены, произошедшие с королем. Пропала сутулость, поникшие плечи распрямились, глаза сверкали из-под поднятого забрала, словно две голубые звезды, походка стала величавой и грозной, как десятилетия назад.

— У меня хорошие слуги, Кулл, — произнес киммериец, и Армледер вновь стал растерянно тереть крас-

ные глаза. Голос короля стал густым и звучным, как боевой рог.

— О да! — сказала призрачная тень. — Они похожи... похожи на моих атлантов и валузийцев. Только они не могут пройти там, Конан...

— Да, я помню: взять с собой одного... Армледер, ты готов ринуться в погоню за своим братом? Вместе со своим королем?

— Куда? — вырвалось у капитана.

— Примерно туда, куда ты только сегодня утром обещал Митре ринуться за ним, если потребуется! — произнес Король-Призрак, — и хоть голос его, доносящийся отовсюду, словно рожденный колдовским туманом, не имел человеческих эмоций, но все разобрали усмешку, прятанную в этих словах.

— Да, мой король! — решительно сказал капитан.

— Тогда вперед! — Призрак поднял руки, вокруг гроыхнуло так, что у всех зарябило в глазах. — Помни, киммериец, Кром смотрит на тебя!

Когда стихли раскаты призрачного голоса, Ройл растерянно огляделся. Конана и Армледера не было. Исчез и Кулл, король Валузии, восставший из мертвых, чтобы настичь своих вечных врагов. Не стало и тумана. Только на повлажневших гранитных плитах крепостной стены четко отпечатались ступни, обутые в грубые сапоги.

Вначале киммериец и капитан почувствовали, весь мир стал таять вокруг: фигуры странно замерших северян и Ройла показались бесплотными тенями, величавый же владыка сгинувшей Валузии, напротив, стал весьма реальным. Затем исчезло все: слух, зрение, осязание, все чувства отказали им. Оба словно превратились в частички колдовского тумана, что повлек их куда-то в глубь земной тверди. Пронеслись, мелькая, пещеры и гроты, захватывающие подземные озера и реки, застывшие водопады и ручейки, ледники и сгустки непроглядной тьмы. Когда Армледер уже решил, что они умерли и их привело

на Серые равнины, головокружительный полет оборвался.

Они лежали на блестящих черных камнях. А кругом расстилалась Мировая Бездна или что-то до такой степени на нее похожее, что капитан решил пощупать себя.

— Ты не тень, Армледер. Мы все еще живы, насколько смертный может быть жив так далеко от света и свежего воздуха.

Это произнес Конан, задумчиво озиравший бескрайнюю равнину, где среди унылых черных камней текли реки лавы и вздымались клубы разноцветного дыма. Дым этот лишал возможности осмотреться, видно было только, что впереди — какое-то громадное строение странных для человеческого глаза угловатых очертаний.

— На, возьми! — Король протянул Армледеру точно такой клинок, какой сам держал в руке. Это были тонкие, длинные мечи, почти без перекрестий, обоюдоострые лезвия странно сужались в середине клинка. Рукоятки странной и не очень удобной формы, а присмотревшись, капитан разглядел какие-то незнакомые письмена.

— Бронзовый меч, ха! Кулл утверждает, что только это древнее оружие способно поразить те существа, в которых превратился твой брат и этот Эолабар. Видишь письмена? В них вбита рукой нечеловеческих кузнецов тончайшая проволока из серебра, что в моей родной Киммерии именуют Громовым. На землю иногда падают с Небесной Тверди камни с прожилками подобного металла.

— Я слышал об этом, мой король. Подобное серебро хорошо для борьбы с оборотнями и демонами, если верить сказкам.

— Ты не веришь сказкам, капитан? — насмешливо спросил Конан.

— Нет, мой король... хотя в нашем положении...

— Вот и я не верю. В них, как я понял после разговора с владыкой Валузии, и не надо верить. Нужно просто осознать, что мы сами — часть сказки. Это так же, как, ха-ха, если седло не будет верить в лошадь.

Армледер вздрогнул от раскатистого, молодого и сильного смеха Конана. Он никогда не видел короля таким. Сейчас перед ним был Амра, Черный Лев, победитель колдунов и демонов, варвар, задушивший дряхлого короля Аквилонии на ступенях его собственного трона. Всю жизнь во дворце капитан привык видеть короля, а не неистового великана, готового хохотать посреди Мировой Бездны и отпускать сомнительные шутки. И в эту сказку — о былом легендарном величии Конана Армледер мгновенно поверил.

— Итак, вперед. Где-то тут скрываются наши приятели. Если их вовремя не остановить — вот тогда-то и начнется самое страшное.

И король бросился вперед, перепрыгивая с камня на камень. Армледер еле за ним поспевал, сжимая неудобный меч.

Конан упивался вновь обретенной силой. Могучие ноги упруго несли его вперед, звериное чутье подсказывало, какой камень не выдержит веса его тела и черного доспеха, глаза великолепно видели даже в черном дыму, а руки гудели от скрытой мощи. Таким он был на палубе пиратской «Тигрицы», в подземельях Стигии, джунглях пиктов, в родных киммерийских скалах и пустошах. Он мчался, словно огромный и смертельно опасный зверь, а вместе с ним вперед мчалась вся его жизнь. Он одновременно был удачливым атаманом мунган, и аренджунским вором, черным корсаром и наемником.

Меж тем они уже неслись вверх по гигантским ступеням храма. Армледер краем сознания понял, что видел в подземельях замка лишь бледное отражение этого титанического строения. Это была усы-

пальница королей Темной Расы. Конан чувствовал тугую неизбывную злобу, клубящуюся где-то под каменными плитами. На миг варвару показалось, что он попал в жуткое сновидение первых существ, выползших на юную землю, чтобы опоганить ее, наполнить черными тенями и ужасом. Он закричал, вышибая ногой засов каменных ворот, и люди бросились дальше, а навстречу им выносились чудища, одно страшнее другого. Мечи в руках гудели, словно сами рвались в бой.

Разрубая тварь, полностью состоящую из оскаленной пасти, когтей и шипов, Конан почувствовал в глубине усыпальницы радость пробуждения королей Темной Расы. Капитан и король одновременно поняли, и знание это пришло им откуда-то извне, что, открыв врата Храма Ночи, ускорили пробуждение исчадий Бездны.

Они ворвались в громадный зал, подпираемый целым лесом колонн, выполненных в форме омерзительных жаб, змееподобных людей и иных чудищ. Здесь под самым потолком плавала совершенно непроглядная тьма, внутри которой клубилось багровое пламя, а пол был изрыт канавками и нелепыми низкими ступенями в самых неожиданных местах.

Почти в самом центре зала возвышался хрустальный купол, внутри его бились и расплетались черные тучи, какие-то жирные кляксы и неясные угрожающие силуэты. К одной из стен прислонился плавник, затем — ряд присосок, мелькнули глаза, взгляд которых сулил гибель.

— Ага, я вижу, мой братец проник даже сюда. Ты счастливчик, Армледер. Я в последний раз предлагаю тебе Вечность.

В тени усыпальницы, где билась и пробуждалась первобытная злоба, стояли две фигуры. Армледер вздрогнул от омерзения, заметив, как странно искажены под плащами некогда человеческие фигуры

Эолабара и Торкиля. Только лица еще оставались человеческими. Вернее, почти человеческими. Глаза уже напоминали глаза рептилий, слова Торкилю удавались с трудом, словно на месте его языка за зубами билось раздвоенное жало.

— И жалкий король из жалкого мира! — продолжил Торкиль, спускаясь по нелепой канавке. Человек давно бы споткнулся и свернул себе шею, но то, что скрывалось под плащом отпрыска пеллийского рода, вполне свободно двигалось по всем каменным извилам. — Глубоко символично, что первой жертвой разбуженных Спящих будет именно Конан.

— Ты говоришь так, словно меня здесь нет, червяк! — вскричал Конан, берясь за тяжелый меч и вращая им над головой.

— А тебя и нет уже. Ты тень мира, который через день сам станет тенью. Не будет Последнего Разрушения, не будет и восстановления! Хватит светлым и темным богам играть в Великое Равновесие. Проснутся Спящие и наполнят эту пустоту иным содержанием.

— Эй, Хват, Эолобар или как там тебя! Если в тебе осталось что-то от человека, бери сабли, и сражайся. По крайней мере, я не раздавлю тебя, как червяка.

Эолобар двинулся вниз, к Конану. Лицо его было совершенно застывшим, только меж губ мелькал змеиный язык, а ноздри странно подрагивали. Однако его рука потянулась к эфесам двух сабель, висящих на боку.

— Вы узнаете этот меч? — вскричал король, взмахнув своим оружием и устремляясь на своего противника. Слова его были обращены к тем силам, что бились внутри усыпальницы, и их слышали. Оттуда раздался то ли рев, то ли стон, затем раздался глухой удар, и поверхность купола треснула.

А Конан и Змееныш закружились в жутком танце, звеня клинками. У капитана от оглушающего рева

из из ушей и носа пошла кровь, и он упал на колени. К нему скользнуло то, что миг назад было Торкилем. Увидев желтые глаза, подернутые радужной пленкой, кривые желтоватые клинки, Армледер вскочил с проклятием и нанес удар. Голова получеловека-полузмеи отделилась от тела и полетела вбок. А в следующий миг купол окончательно раскололся. Оттуда не вышли, не выбежали, а вытекли и выползли короли змеинового народа.

Армледер приготовился умереть. Он отрешенно глядел, как накатывается на него вал голодных глаз, щупалец, лягушачьих лап, слышал, как что-то скрипит и трещит в тех местах, где камень окрашивала липкая чешуя и ядовитая слизь.

Конан теснил своего противника. В голове у киммерийца проносились совершенно не относящиеся к бою мысли. Он думал, что давно не чувствовал такого упоения, не чувствовал, как оживает в руке клинок. Однако получить удовольствия от этой схватки было невозможно. Эолобар на глазах превращался в такое же страшилище, что выползали из разрушенной усыпальницы. И Конан торопился.

Краем сознания он понял, что пока Змееныш был человеком, он был величайшим бойцом. Без сомнения, старый король Аквилонии пал бы от его порхающих сабель спустя мгновение. Та же участь ждала и Армледера. Однако щедро возвращенные киммерийцу силы и его несравненный опыт сделали свое. Из немыслимой позиции, едва не вывернув себе запястье, он располосовал змеечеловеку живот, затем упал на колени, почувствовав, как сабли срывают у него с головы тяжелый шлем, и наискось ударил снизу вверх. Змееныш, разрубленный пополам почти до самого горла, молча упал, и на мгновение королю показалось, что он видит в мутных глазах рептилии человеческий ужас.

Волна кошмарных тварей готова была поглотить капитана, который даже не поднял для защиты брон-

зовое оружие. И Конан заговорил. Он говорил слова из древнего заклатья, те самые, которые устами Кулла замкнули ход Темной Расе в мир людей. С каждым словом демонические существа отшатывались, оставляя на камнях чешую и слизь, вереща, рыча и шипя, и с каждым словом Конан чувствовал, что подаренная ему к королем Валузии молодость вытекает по капле. Вот последнее щупальце втянулось внутрь купола, который так и остался треснувшим, но был заперт неснимаемым заклатьем.

— И что теперь? — едва шевеля губами, спросил Армледер, когда все кончилось.

— А теперь — возвращайтесь! — раздался голос, услышав который Конан смертельно побледнел и посмотрел вверх, где на миг показалась величавая вершина горы, не виданной в обитаемых землях.

Они очутились на том же самом месте, откуда их увлек к корням Бытия призрак владыки Валузии. Армледер упал без чувств, а Конан, седой, ссутуленный, подошел к зубцу крепостной стены и тяжело облокотился на холодный камень.

— Иллиах! — крикнул он, и все северяне, и Ройл вздрогнули, услышав слабый голос. — Иллиах, мы немедленно трогаемся в столицу. Гвардейцев оставьте здесь, ждать приказа Конна.

Никто не посмел спрашивать ни его, ни Армледера. Вскоре король и его поредевшая свита тронулись в Тарантию. В столице Конан направился в усыпальницу королевы и сел там, надолго замолчав. Там его и застали Конн и Троцero, с триумфом въехавшие в столицу во главе победоносного воинства.

— С этого все началось, — грустно сказал граф, указывая на понурую фигуру короля и неусыпных стражников.

— По крайней мере теперь он не хочет отрекаться от престола и мчаться в Вендию, — сказал Конн, поворачиваясь, чтобы уйти.

— В Вендию? — переспросил Конан, поднимаясь и уставляя на них долгий пристальный взгляд. — Троцero, готовы ли мои полки, а? Или я уже не король?

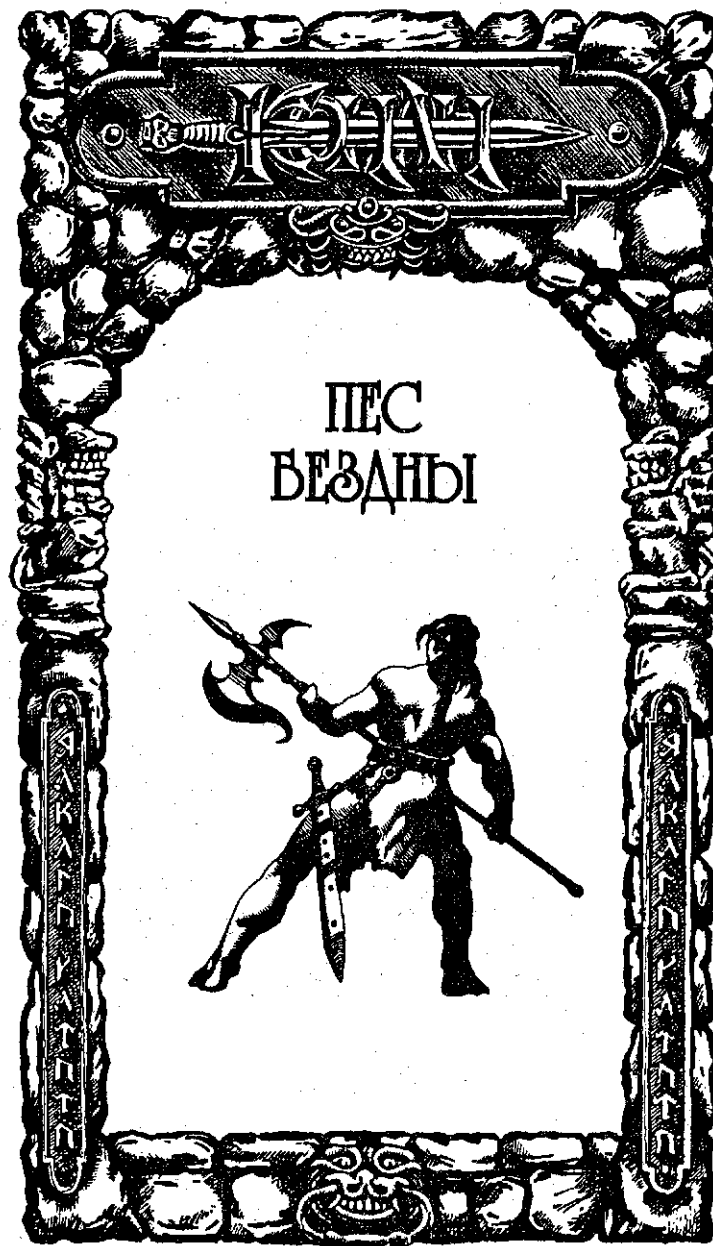
— Кром! — воскликнул сын киммерийца, воздевая руки в точно таком же жесте, как и его отец в гневе. И тут же за низкими тучами громыхнул осенний гром, исчертив небо сетью бело-золотых молний.

Эпилог

Над Тарантией и ее окрестностями разразилась небывалая гроза. Людям казалось, что грянули последние трубы мира. Под вой и свист ветра, с корнем выворачивавшего вековые деревья и срывавшего крыши, шли службы во всех храмах столицы, и причудливые тени клубились возле алтарей. Хорот вышел из берегов, заливая улицы. Пять дней в некоторых частях города можно было передвигаться лишь на лодках. Не было числа зловеющим предсказаниям и мрачным пророчествам. Пока бушевала стихия, люди прислушивались сквозь затворенные ставни к вою ветра, к которым в небесах, сошедших с ума, примешивались жутковатые женские голоса. Сверкали молнии, смешав день и ночь, опустились на землю свинцовые тучи. Земля содрогалась от грома, словно от топота копыт дикой охоты. Зигзаги молний казались отблеском щитов спутников и спутниц Дикого Охотника. Мелькнули воительницы на крылатых конях, и прекрасные их лица были искажены в ледящем душу смехе. В свете молний сверкнули чешуей брони серебряные шеренги эйнхериев. И в этот миг остановилось сердце полководца Аквилонии графа Троцero.

Наутро после похорон в королевских покоях на столе оружейной обнаружили указ Золотого Льва об отречении от престола в пользу сына.

Сам Конан исчез.

НЕРАЗМЕННЫЙ ЗОЛОТОЙ

Глава первая

Конан проснулся в скверном настроении. Всю ночь ему снились колдуны, которые прыгали вокруг него, корчили рожи и безумно хохотали. Он сражался с ними, как лев, однако ни одного не сумел даже ранить, не говоря уж о том, чтоб снести хотя бы пару голов. Но самое неприятное ждало его впереди. Юная прелестница возникла вдруг перед его глазами в самый разгар битвы. Она смотрела на него молча, не улыбалась и не звала, а только протягивала руки, словно взывала о помощи. Конан попытался прорваться к ней сквозь кольцо воющих и рычащих магов; меч его летал и разил, да все без толку. Наконец круг разомкнулся. Варвар бросился к девушке и... рукою дотронулся лишь до густого вязкого тумана. Конан некоторое время лежал, скрипя зубами, и, не открывая глаз, морщился, словно только что разжевал гнилой орех. Наконец это бесполезное занятие ему надоело, тем более что призраки сна, видимо испугавшись его гримас, унеслись в сторону Серых Равнин.

Варвар повернулся на бок и подпер могучей рукой черноволосую голову, в результате чего топчан под ним тут же плаксиво пожаловался на судьбу. Взгляд синих глаз Конана obeжал каморку, приютившую его на ночь, и остановился на человеке, который, укрывшись с головой каким-то тряпьем, мерно поса-

пывал на грубой циновке в противоположном углу. Была видна лишь его тонкая смуглая рука с обгрызенными ногтями.

— Вставай, крысеныш! — рявкнул Конан. — Ты проспал все на свете!

Ши Шелам высунул наружу нос и мутными глазами уставился на Конана, словно не понимая, кто это, что ему надо и почему он так нагло себя ведет в его берлоге.

— Ты что, не слышал, пройдоха, что я сказал? Вставай! День уже сожрал утро, а мы еще даже не ели! — снова рявкнул Конан и рывком принял горизонтальное положение.

Ши Шелам вздрогнул и мгновенно пришел в себя.

— Жратва-а-а... — мечтательно произнес он. — О-о-о... А как насчет того, чтобы наполнить наши карманы звонкой монетой? Митра давно обгляделся, разыскивая нас, чтобы послать нам удачу.

— Вздор! Удача всегда с нами.

Ши Шелам был другого мнения, но посчитал неразумным его высказывать. Он уже понял, что его юный гость (ему лет девятнадцать, не меньше считал Ши Шелам, но точно не знал, хотя они с Конаном обтяпали уже не одно дельце) находится в дурном расположении духа, а значит, лучше его не злить ни понапрасну, ни по делу. Иначе, несмотря на общность интересов в иные дни и в какой-то степени дружеские отношения, если можно назвать таковыми отношения между ушлым заморийским скупщиком краденого в годах и юным, горячим киммерийцем, занимающимся воровским ремеслом лишь последние два года, ему не убежать свою брентную плоть от крепкого тумака.

Вместо этого он, сладко постанывая, потянулся, отчего тряпье, которым он был укрыт, зашевелилось, словно это были не тряпки, давно потерявшие вид и цвет, а полчище насекомых, внезапно пришедших в движение. Конан брезгливо отвернулся и как бы нехотя сказал:

— Не испытывай моего терпения, Ловкач. Я хочу есть, и если через несколько вздохов что-нибудь стоящее не окажется в моем желудке, клянусь Кромом, я разнесу твою вонючую лачугу... — Немного подумав, он добавил: — Или сожру твою печень...

Ши Шелам испуганно зарылся в тряпье, словно оно могло спасти его от этого буйного варвара. Конан усмехнулся:

— Я передумал.

— Ты о моей печени? — пискнул Ши.

— Угм-м... — кивнул киммериец. — Уж лучше проглотить кучу навоза...

Взгляд его переместился на колченогий стол, отодвинутый ночью к стене, чтобы освободить место для ложа Ши Шелама.

— Как думаешь, выдержит эта рухлядь хотя бы один мой удар? — Он привстал и решительно занес руку.

— Стой, стой! Зачем же сразу мебель ломать?!

Мальчишечье озорство киммерийца не на шутку беспокоило Ши и прежде. Будь Конан поменьше ростом, пожиже плотью и не столь суров, он давно нашел бы на него управу. Может быть.

— Конечно, пора подкрепиться! — затараторил Ловкач. — Я и сам так думаю. А мой стол не трогай, прошу тебя, отважный лев. Сие большая редкость, другого такого не сыщешь ни в Шадизаре, ни во всей Заморе, ни даже в Туране. Сейчас что-нибудь придумаем. Я сам голоден, как Нергал в мгновения печали. — И он полез под топчан.

— Наши желания начали совпадать. Если и дальше так пойдет, мы, может быть, и поужинаем вместе.

Конан поднялся и поставил стол на середину комнаты. Сделал он это без особого напряжения, но мышцы спины и рук вздулись, являя свою мощь поднимающемуся с колен с горшком в руках Ши Шеламу. Тот видел подобную картину неоднократно, но неизменно впадал в легкий транс восхищения, по-

скольку, как и все коренные заморийцы, был невысок ростом и узок в кости. Вот и сейчас он замер с идиллической ухмылкой на тонких губах, только руки крепче сжали горшок.

Конан повернулся и, увидев оторопевшего Ши Шелама, слегка прихлопнул его ладонью по плечу:

— Я же тебе сказал — проснись!

Ши Шелам присел, едва не выпустив из рук посудину с едой.

— Ну, что тут у тебя? — добавил Конан, забирая у Ловкача горшок. Сбросив на пол деревянную плашку, служившую крышкой, и заглянув внутрь, Конан расшвырнул. — Кром! Что это за мерзость?! — Его синие глаза уставились прямо в душу Ловкача Ши, и тот мгновенно втянул голову в плечи, опасаясь кулаков своего юного гостя.

— Это тушеные овощи, которые я стянул позавчера, — пролепетал он.

В тот же миг Конан швырнул горшок в стену и сгрэб Ши Шелама за грудки.

— Ты же ночью говорил, что у тебя на утро припасена еда, достойная королей!

— Так я пьян был от твоего вина, вот и преувеличил немного, — попытался свалить вину на киммерийца Ши.

— Немного? — Конан прикинулся. — Тут воняет, как в логове сдохшего медведя.

Действительно, горшок, ударившись о стену, разлетелся по всем углам вместе со своим содержимым, и запах протухших овощей заполнил небольшое помещение, сделав невыносимым и без того спертый воздух.

— Но ты принес такое хорошее вино, что не опьянеть было невозможно, — Ши Шелам сморщил свою крысиноу физиономию, словно собираясь расплакаться, — а овощи в тот день, когда я их себе подарил в квартале торговцев, на самом деле были приготовлены для особ королевских кровей. Я ведь в тот вечер

съел половину и ручаюсь за свои слова. Кто ж знал, что они так быстро испортятся?

— Тыфу! Сам набивай желудок этим гнильем, а мне пора.

С этими словами Конан приподнял Ши Шелама на локоть от земляного пола, подержал пару мгновений на весу и, словно тряпичную куклу, посадил на топчан. Ловкач только хлопал глазами, а когда Конан надел перевязь с мечом и вышел, чуть не сорвав занавеску, служившую входной дверью, тонко заскулил от обиды. Он ведь не был виноват, что Конан проснулся в ужасном настроении! Наоборот, он ему оказал всякие почести, как уважаемому гостю. Даже свой топчан уступил...

Насчет топчана Ши Шелам сам с собой лукавил. Дело в том, что, отчаянно храбрый (по его собственному убеждению) днем, ночью он безумно боялся — всего. И демонов, кои кругами бродили вокруг его жилища (опять же по его личному убеждению), и диких зверей, воющих за стенами Шадизара после полуночи, и самого Нергала, который, судя по всему, беспрестанно ломал голову, как бы ему заполучить в свое мрачное царство Ловкача Ши. А потому маленький замориец был несказанно рад, если огромному мощному варвару случилось переночевать в его халупе. Ясное дело, что Конан всегда раполагался на топчане, хотя тот ему был и короток, и узок, а хозяина отправлял на пол.

Но в данный момент это лукавство помогало Ши Шеламу чувствовать себя правым.

Конан, выйдя из лачуги приятеля, зажмурился: огненный глаз Митры стоял почти в самом зените и в полную мощь изливал на тварей, копошащихся на земле, свою жаркую любовь. Поправив меч, варвар вышел в проулок и направился в сторону восточных ворот. Каких-либо планов на день у него не было, а о ночи думать было еще рано. Все, чего Конан хотел сейчас, это набить желудок. А уж потом можно было пораскинуть мозгами относительно дальнейших дел.

Киммериец шагал широко и уже подходил к восточным воротам, когда услышал позади себя тяжелое дыхание. Он не обернулся. За короткое время, которое ему потребовалось на то, чтобы выйти из Пустыньки — окраинного района Шадизара, в котором проживал Ши Шелам и другие подобные ему, — собственно к городу, он встретил всего двух прохожих, которые не привлекли его внимания по причине своей полной никчемности. Но, судя по дыханию за спиной и легкому топоту босых ног, этот третий, кем бы он ни был, либо очень спешил по своим делам, либо догонял его, Конана. Даже если окажется верным последнее предположение, интуиция подсказала киммерийцу, что опасность ему не грозит, и он продолжал путь как ни в чем не бывало и повернул голову в сторону преследователя только тогда, когда тот поравнялся с ним, а ушей Конана достиг вопрос:

— Не гневайся на меня за назойливость, бычий заривок, но мне бы хотелось знать, что испортило тебе настроение настолько, что ты облил мое жилье моими же вонючими овощами.

— Ты поступил разумно, догнав меня, крысеныш. Я тут обдумываю одну идею, в которой есть место и для тебя, и Кром и молния, если она нехороша, — ухмыльнувшись, сказал Конан, проигнорировав вопрос.

Глаза Ши Шелама загорелись. Еще не зная, о чем идет речь, он тут же представил себе результат воплощения этой идеи в дело — тяжелый кошель с монетами, обильные еда и питье, а также постель с какой-нибудь милрой, но дешевой девицей.

— Можешь на меня рассчитывать, Конан, даже если это будет более чем опасно, — поспешил он заверить киммерийца на случай, если тот вдруг решит, что лучше проверить дело самому, чтобы не делиться добычей.

— Опасно?! — Конан громко захохотал. — Ну конечно, это может быть очень опасно. Ведь можно

захлебнуться вином или подавиться костью. Нет, пожалуй, рискованно брать тебя с собой.

— Ты сначала объясни, что ты задумал. Если опасность слишком велика, я и сам не пойду, — проявил разумную осторожность Ловкач Ши.

— Проще простого. Я иду в таверну Абулетеса, чтобы немного подкрепиться, а заодно хотел и тебя угостить. Как думаешь, это не слишком опасно для такого заморыша, как ты? — Конан вновь разразился громким смехом.

— Во-первых, не заморыша, а заморийца. А вторых, я же не знал, что ты собрался трапезничать. В этом я всегда готов тебе помочь, даже на Серых Равнинах можешь на меня рассчитывать, — приосанился Ши, удивительным образом успевая при этом смешно подпрыгивать. — Но откуда у нас деньги? У меня и ломаного медяка нет.

Конан запустил руку в шаровары и вытащил потертый кожаный кошель, стянутый у горловины сыромятным засаленным ремешком. Судя по внешнему виду, кошель был пуст, как и желудки двух приятелей, но Конан, помяв его пальцами и ослабив ремешок, выкатил на ладонь монету — это был золотой.

— Видишь, Ловкач? На это мы можем с тобой знатно погулять.

— Ой, проклятие, чтоб тебя Нергал сожрал с потрохами! — вдруг возопил Ши Шелам и присел.

Конан развернулся, его лицо окаменело, а глаза превратились в две синие льдинки.

— Я слышал много предсмертных слов и могу сказать, что твои не отличаются новизной, — процедил он сквозь зубы.

Ши Шелам сидел в пыли и, скособочившись, разглядывал подошву левой ноги, потирая ее пальцем. На Конана он не обращал никакого внимания. Киммериец скрипнул зубами и рывком выхватил меч — наглость этого проходимца возмутила его, подняла с

глубин души все осевшие до поры на дно темные варварские инстинкты. Короткая предполуденная тень от его могучей фигуры почти коснулась Ловкача. Тот поднял страдальчески сморщенное лицо и, едва сдерживая слезы, прошепел:

— Подумать только, такой острый камень — и прямо мне под ногу. О, Конан, за что мне такое мучение? Или Бел больше не любит меня? Или я чем-то прогневал Митру, что он ослепил мои глаза? — Тут он заметил сверкающее лезвие меча. — А зачем тебе меч. Или на нас кто-то собирается напасть?

— Ты оскорбил меня, крысеныш!

— Я? Тебя? — удивился Ши Шелам, с охами да ахами поднимаясь на ноги. — Ты, верно, что-то не так понял, отважный воин. Я наступил на камень, и мне стало так больно, так больно... Поверь, я такой боли никогда не испытывал. Так мы идем в таверну или ты передумал?

Тяжелый взгляд Конана некоторое время не отрывался от лица Ши Шелама, словно киммериец раздумывал, убить его на месте или отвести на центральную площадь и лишить жизни при всем честном народе. Наконец как бы нехотя он спрятал меч в ножны и, сплюнув в пыль у самых ног приятеля, зашагал в прежнем направлении. Ловкач облегченно вздохнул и двинулся следом.

Глава вторая

Несмотря на разгар дня и летнюю жару, в таверне Абулетеса стоял полумрак и было прохладно. Это очень нравилось Конану, который вместе с Ловкачом Ши расположился в дальнем углу за покрытым пятнами и изрезанным ножами столом, причем киммериец сидел спиной к стене, чтобы видеть все, что происходит в таверне, а Ши Шелам устроился напротив него. Перед ними стоял большой поднос с только что зажаренным каплуном, кувшин дорогого красного вина из Шема и две полные до краев тем же вином глиняные кружки. Пустой кувшин и такой же поднос, но с обгрызенными костями предыдущего каплуна Ловкач сдвинул на край стола, откуда их вскоре уволок подавальщик.

Еще одно обстоятельство благотворно сказывалось на нынешнем настроении Конана — в таверне было мало народу. Редкие посетители, завершив трапезу, сразу уходили, а из пяти подавальщиков, обычно работавших в поте лица, когда лавки в таверне ломились от жаждущих насытить свое нутро, при деле были только двое: один вяло бродил по залу, а второй дремал у стойки. Короче, было прохладно и тихо.

С первым блюдом приятели расправились настолько быстро, что будь тот петух живым, он бы успел прокукарекать не более одного раза. Правда, в этом была заслуга одного Конана, оголодавшего, как зем-

бабвийский лев в период засухи. Так что ко второму каплуну Конан приступил не торопясь — взял жирными руками тушку и разорвал ее на две, как он посчитал, равные части. Большую — шею и крылышко — он со всем присущим ему благородством бросил на блюдо перед приятелем, а в меньшую вонзил зубы, такие крепкие, что он сам не заметил, как, отрывая кусок мяса, перекусил петуху пару ребер. Впрочем, тому сие было уж все равно.

Ши Шелам, ничуть не обиженный малой долей, тоже принялся за еду. Ему не так уж много было нужно, чтобы ощутить себя сытым, и он уже почти достиг предела, за которым начинается обжорство. Правда, запивая мясо вином, как сейчас, он бы мог и поросенка съесть, но, увы, поросенка ему никто не предлагал, а жизнь давно научила не привередничать и брать все, что дают.

В скором времени Конан раскусил последнюю кость, высосал из нее сок, бросил на стол и вытер руки о шаровары. Ши Шелам не понял, к чему такая чистоплотность, но гадать не стал — Конану видней, что бы он ни делал. По крайней мере, нынче, когда с самого утра настроение юного киммерийца по непонятным причинам (протухшие овощи Ловкач за причину не считал: еда портилась слишком часто, чтобы так из-за этого переживать) было ужасным.

Конан выудил свой кошель, достал золотой и, щелкнув пальцами, подкинул его в воздух. Несколько раз перевернувшись, монета зазвенела, ударилась о столешницу и, пару раз подпрыгнув, улеглась у края стола.

— Эй! — гаркнул Конан во всю мочь. — Еще мяса и вина!

Подавальщик появился сразу, словно соткался перед глазами из воздуха.

— Опять каплуна?

— Кром! Ты хочешь, чтобы я закукарекал? — грозно спросил Конан.

Подавальщик подобострастно поклонился, как бы прося извинения за свою недогадливость. Буйный нрав Конана был ему хорошо известен, поскольку киммериец частенько навещал это место и не всегда уходил с миром, после чего хозяин с грустью подсчитывал убытки и с гневом обвинял в них слуг, хотя те (и на самом деле такие же воры и мошенники, как прочие шадизарцы) не были виноваты. Ссоры и драки возникали только между посетителями и только по поводам, ведомым им самим.

— Неси поросенка. И вино не забудь, — велел Конан, запуская пальцы в рот, чтобы выдернуть осколок куриной кости, вонзившийся в десну у самого дальнего коренного зуба. — И не вздумай притащить ту кислятину, которой вы потчуете оборванцев и которую ты хотел мне подсунуть с самого начала!

— А мы съедим целого поросенка? — вдруг засомневался Ши Шелам, забывший, видимо, что сотню вздохов назад он в своих смелых мечтах как раз на него и замахивался.

— Хоть пять поросят и десять баранов, были бы деньги! — рыкнул Конан и обратил свой взор на подавальщика. — А ты что стоишь? Или у тебя вместо ног ножки от стола?

— Смею ли я спросить об оплате трапезы? — как можно вежливей поинтересовался подавальщик.

— Кром! У тебя не только с ногами, но и с глазами плохо, — Конан указал пальцем на край стола, — это что, по-твоему, лежит? Кусок дерьма или деньги?

Подавальщик, разглядев, из какого металла сделана монета, вдруг обрел жизненную энергию и проворство. Одним движением правой руки он и подхватил пустой кувшин, и смахнул со стола золотой, а другой рукой при этом стал собирать на блюдо разбросанные по столешнице кости, не забывая бросать на богатого гостя умильные взоры. Конан мрачно наблюдал за ним, и, заметив этот взгляд, подавальщик радостно сообщил:

— Вам повезло, о достойные жители Шадизара. Один поросенок из трех, которых мы сегодня насадили на вертелы, уже готов. Как раз сейчас его снимают. Еще пара мгновений, и он будет красоваться на вашем столе.

— Вот это другой разговор, — удовлетворенно сказал Конан, поднося ко рту кружку с остатками вина.

Когда подавальщик, убрав со стола все ненужное, принес очередной кувшин и удалился за поросенком, Ши Шелам, прихлебывая вино и от этого все больше и больше смелея, спросил как можно равнодушнее, словно суть вопроса не больно-то его интересовала, а спрашивал он просто так, чтобы оказать услугу собеседнику, поддерживая разговор:

— Что тебя так прогневало утром?

Конан отнял кружку от губ:

— Ты меня уже спрашивал, Ловкач.

— Но ответа не дождался.

— И не дождешься.

— Но мы же друзья и должны доверять друг другу, — проявил Ши Шелам настойчивость. Ему очень хотелось узнать эту маленькую тайну.

— Кром! — Конан наклонился вперед и устался в переносицу Ловкача. — Уж кому-кому, а детям Бела доверять нельзя, будь они хоть трижды твои друзья.

— Вот как?.. — запыхтел Ши Шелам, всем своим видом демонстрируя оскорбленную невинность. — Значит, спать на моем топчане можно, а доверять мне нельзя?

— Нельзя, — авторитетно заключил киммериец. — И не суй свой крысиный нос в чужие дела!

— Твои дела — мои дела, ибо спишь ты на моем топчане как на своем, — продолжал настаивать Ловкач, понимая, что играет с огнем, но будучи не в состоянии остановиться из-за присущего ему с ранних лет болезненного любопытства, которое, кстати, очень часто давало приятелям необходимую для ночных

дел информацию. — И мое уютное жилище ты разнес нынешним утром как свое собственное...

Желваки на лице Конана напряглись.

— Я и пальцем не тронул твою жалкую развалину, а если бы тронул, она бы рассыпалась в прах.

Он одним огромным глотком допил вино из кружки и вновь наполнил ее до краев. Ши Шелам ожидал, что он вот-вот рассвирепеет, но неожиданно киммериец успокоился и даже немного помягчел (хвала двум каплунам!):

— Ладно, скажу тебе, Ловкач, коль у тебя зудит в заднице от любопытства. Колдуны мне снились.

— Ну и что?

— А то ты не знаешь. Я им не доверяю. Все они либо выродки Нергала, либо у него на службе. Уж поверь, я их повидал достаточно. Бр-р, отвратительные создания. И давай оставим этот разговор. У меня от него вся жратва наружу лезет.

— Позволь еще спросить — ужель колдуны, да еще ненастоящие, так тебя разозлили?

— Гм-м... Там была еще девушка... Таких я в Шадизаре не видал. Она звала меня, но я не мог подойти. А когда смог — она растаяла, как облако на вершине горы.

— Значит, в скором времени ты встретишь свою любовь, — авторитетно заявил Ловкач.

— Э, — остановил его варвар, — ты что, толкователь снов?

— Нет.

— Кром! Я думаю, эта девушка из моей будущей жизни, и кто знает, сколько лет пройдет, пока я встречу ее наяву.

Такой мудрости замориец от юного приятеля никак не ожидал. Он с почтением поглядел на него и надолго задумался.

Вскоре подавальщик принес поросенка, и раздумья Ши прервались сами собой по причине более чем уважительной.

Наконец Конан похлопал себя по тугому животу и, рыгнув, глубокомысленно изрек:

— Ну вот, теперь можно и о делах поговорить.

— Конечно, надо и о делах подумать, — поддакнул Ловкач, — тем более что наш последний золотой — уже не наш. Или он был не последним?

— Последним, — хмуро мотнул головой Конан и вдруг, немного поразмыслив, добавил: — Был бы он на веревке... Чтобы дернул за нее — и он снова у тебя в кулаке. Белу никогда до такого не додуматься. — И захохотал, приятно удивленный неожиданным поворотом своей мысли.

Взгляд Ши Шелама, наполовину мутный от вина, начал постепенно проясняться, и Ловкач впал в глубокую задумчивость. Вскоре Конан обратил на это внимание и грохнул по столу кулаком, чтобы привести приятеля в чувство. Ши также задумчиво посмотрел на киммерийца.

— А ну, выкладывай, что у тебя на уме! — Потребовал Конан.

— Да вот не знаю, стоит ли говорить?

— Кром!

— Вдруг ты опять впадешь в ярость?

— Угр-р-р...

— Хорошо, смелый тигр, я сейчас открою тебе свои думы, — поспешно сказал Ши, про себя весьма довольный тем, что Конан заставил-таки его говорить — прежде он не решился бы на это, но теперь, после сытной трапезы и хорошего вина, чувствовал себя достаточно отважным для откровенной беседы с юным своим другом. Отхлебнув вина, он утер губы и, вприв в Конана таинственный взор, начал:

— Слышал ли ты про Граттара, который появился в Шадизаре пол-луны назад?

— Что-то слышал, но не припомню что. А чем он знаменит?

— Да вроде бы и ничем. Ни мешков с драгоценными камнями, ни сундука с золотом у него нет. Но

поговаривают, что ему это и не нужно, потому как есть у него золотой.

— Тьфу. Нашел, чем удивить. Совсем недавно и у меня был золотой. А повезет — к утру еще раздобуду.

— Твой золотой был да сплыл, а у Граттара он неразменный.

— Говори ясней, крысеныш.

— Заплатишь этим золотым, а он опять к тебе в кошель возвращается. Точно — как ты сказал — на веревочке. Только на магической. Короче, колдовством разит на всю округу, поэтому я и раздумывал, рассказывать тебе об этом или нет. Тебя ведь от черно-книжной науки и магов всяких с души воротит...

Услышав это, Конан оскалил зубы, словно перед ним сидел не Ши Шелам, хорошо знакомый шадизарский пройдоха, а демон, вызванный Нергалом из самых мрачных закоулков своего царства, с которым надлежало немедленно вступить в смертельную схватку. Но спустя несколько вздохов киммериец все же решил узнать, что Ши Шелам скажет дальше. Хищно сощурив глаза, он произнес:

— Воротит, это уж точно. Но не настолько, чтобы поучить кого-нибудь из них уму-разуму. Кто он и откуда — этот Граттар?

— Люди разное говорят, но никто толком не знает. По внешности вроде замориец, но...

— А, — бодро махнул рукой Конан. — Кем бы он ни был, но сегодня этот золотой станет моим!

Он всегда был скор на решения, и, к удивлению Ши, капризную удачу сие ничуть не отпугивало от юного варвара.

— Не спеши, отважный воин. Тут с наскока ничего не сделаешь. У него четыре телохранителя, — все же попробовал остудить он пыл приятеля.

— Я не ослышался? Ты посмел пугать меня четверкой чучел?

Ши Шелам попробовал заговорщически наклониться к Конану насколько мог, но из-за тщедушности телосложения просто навалился грудью на стол, подбородком прижавшись к крышке стола, и шепеляво, зато горячо зашептал:

— Я сказал «не спеши» не потому, что сомневаюсь в твоей доблести и силе. Бел мне свидетель, тебе нет в Шадизаре равных. Но прежде чем ты сделаешь хоть один шаг в сторону Граттара, дослушай меня до конца. Дело в том, что некоторые люди — кстати, кое-кто из них тебе известен — уже пробовали, пусть не будет суров с ними Нергал на Серых Равнинах, завладеть этой хитрой монетой, если она существует.

— Конечно, существует, коль об этом говорят выродки Бела.

— Но, видно, магия распространяется не только на золотой, но и на телохранителей. Их нельзя одолеть ни в бою, ни спящими. Они заговоренные. Их оружие разит без промаха, а доспехи не пробиваются ничем. Одна банда попыталась ограбить мага днем, их было десять человек, но уцелело лишь двое. Вот откуда известно про оружие и доспехи. А один разбойник по имени Ясдет пробрался в дом к Граттару ночью и попробовал перерезать горло спящим охранникам. Заметь, один из телохранителей обязательно не спит, охраняя хозяина, они сменяют друг друга через каждую четверть дня. Так вот, Ясдет решил, что, без усилий расправившись с тремя спящими, он как-нибудь одолеет и четвертого, а в результате ушел на Серые Равнины вместо них.

— Почему? — удивился Конан. — Я его знал. Не чета мне, конечно, но крепкий, умелый и храбрый боец.

— Я тебе уже десять лун твержу, что они заговоренные. Если бы с Ясдетом не было Хруга, мы бы об этой истории не узнали, а он своими глазами видел, как остро отточенный нож не сделал на шее спящего даже царапины. Телохранитель проснулся и заколол

Ясдета, как поросенка, а Хруг успел убежать. Он до сих пор вне себя от ужаса *и, кажется, слегка окосел на один глаз. Нет, тут нужно придумать что-то другое.

— Так думай скорей, или у тебя вместо мозгов куча навоза?! Я хочу этот золотой, а после того, что ты рассказал, особенно хочу, — сверкнул Конан глазами и крикнул невидимому подавальщику: — Эй, тащи на остатки золотого еще вина! Да загаси курительницу, от этих благовоний дышать нечем!

Подавальщик шустро принес новый кувшин и отправился было выполнять пожелание Конана, однако его остановил чей-то тонкий, но властный голос:

— Пусть горит.

Глава третья

Конан, предаваясь чревоугодию, не забывал следить за обстановкой и этого тощего заморийца в кожаной куртке с нашитыми бронзовыми пластинами и коротким легким мечом заметил сразу. Тот ничем особым не выделялся, пока не посмел выступить против воли варвара. Непонятно, на что он рассчитывал, так открыто нарываясь на стычку, ведь даже любому ослу было ясно, что, случись им обнажить клинки, замориец через пару вдохов уйдет в последнее путешествие.

Но, во-первых, Конан — ввиду набитого желудка — находился в благодушном настроении. Во-вторых, его голова наполнилась под завязку мыслями о неразменном золотом, и не беда, что мыслей было раз-два и обчелся, зато каждая была массивна и крепка, как кулак варвара. В-третьих, замориец слишком уступал Конану по всем показателям, и демонстрировать на нем свою удаль в кабаке варвар считал унижительным для истинного воина. Поэтому он сделал вид, что не обратил внимания на глупую выходку смуглокожего ублюдка, и повторил, но громче и нетерпимей:

— Загаси курительницу, мне надоела эта вонь!

На что замориец не преминул ответить:

— Будет так, как я сказал.

Ши Шелам, сидящий спиной к зале, заинтересованно обернулся, чтобы посмотреть на недоумка, пока

тот еще живой, но, увидев его, мгновенно спал с лица и стал делать Конану, который мощным рывком поднялся на ноги, едва не опрокинув при этом стол, предостерегающие знаки. Киммериец отмахнулся и шагнул в сторону наглеца. Ловкач вскочил на лавку и, схватив Конана за руку, быстро стал шептать ему на ухо:

— Не ввязывайся в драку, сын льва. Это один из телохранителей Граттара. Помнишь, я тебе рассказывал об их неуязвимости и смертоносности оружия?

— Так вот почему он такой смелый, эта худосочная ящерица пустыни?! Сейчас мы проверим, насколько верны все твои рассказы. А ну-ка, отпусти руку, не то покалечишься. — Конан тряхнул рукой, и Ловкач Ши свалился на лавку, но не удержался на ней и оказался на полу. За дальнейшими событиями он наблюдал уже оттуда.

Конан, показывая свое превосходство, а посему как бы явное нежелание применять силу, расслабленно подошел к заморийцу. Но внушительные размеры варвара, его литые мышцы, кои не скрывала расстегнутая безрукавка, и длинный меч оставили того равнодушным.

Он скорей насмешливо, нежели внимательно смотрел на приближающегося синеглазого гиганта, чем еще больше разъярил Конана. Щуплый замориец тоже был уверен в своем превосходстве, и это делало ситуацию, если смотреть со стороны, крайне забавной.

Расслабленность киммерийца на самом деле была обманчивой — внутренне он был готов к любым неожиданностям. В основном из-за своего боевого опыта, а еще благодаря предупреждению Ловкача Ши. Это и спасло Конана, когда он, схватив правой рукой заморийца за горло, выдернул его из-за стола и, удерживая на весу так, чтобы их глаза были на одном уровне, прорычал:

— Ты не должен был вмешиваться, помойная крыса. И если я не сломаю тебе сейчас гнилой отросток, который ты называешь шеей, то только потому, что ты не достоин того, чтобы я марал об тебя руки. А теперь убирайся от...

Договорить Конан не успел, потому что, болтаясь между небом и землей, замориец изловчился и вытащил из ножен меч, который неминуемо должен был вспороть Конану живот и вывалить оттуда двух съеденных петухов, если бы не звериная реакция варвара.

Конан левой рукой блокировал выпад противника и, сделав телом пол-оборота, бросил его на стену. Любой другой после такого удара остался бы лежать со сломанным позвоночником, но этот тут же вскочил на ноги, выставил вперед короткий клинок и двинулся на киммерийца, который уже стоял в боевой стойке, но держал меч в левой руке, потому что правую тер о шаровары, дабы очистить ладонь от жира. Из неглубокого пореза на его боку текла кровь: лезвие каким-то странным образом все-таки задело ловкого варвара.

Замориец, криво улыбаясь, приблизился уже достаточно, чтобы Конан, пользуясь своим преимуществом в росте и длине меча, мог начать атаку. Перехватив рукоять и сделав пару ложных выпадов, киммериец понял, что его противник малосведущ в воинском искусстве, и нанес смертельный удар — лезвие его меча вонзилось в правый бок заморийца и прошло вверх по диагонали, распарывая тело. Вернее, должно было вонзиться и должно было распороть. На деле этого не произошло.

Три посетителя таверны — один торговец и два мелких воришки, — забившиеся в угол при первых звуках ссоры, не поверили своим глазам. Зато четвертый, не по своей воле нашедший под лавкой укромное убежище, прекрасно знал, в чем дело, и вознес проклятия Нергалу. Даже риск навлечь на себя его

темный гнев не остановил Ловкача Ши от этого выпада, настолько он переживал за своего юного и горячего приятеля. А еще Ши Шелам неожиданно для себя обратился к киммерийскому Крому, умоляя его помочь сыну народа, которому покровительствует бог могильных курганов.

И то ли Конана надоумил Кром, растроганный страстным обращением Ловкача Ши, то ли сыграла свою роль могучая интуиция киммерийца, но он вдруг понял, что нужно делать, и понял также то, что, если не поступит единственно верным способом, предсказать исход поединка, как это ни унижительно и ни печально, будет несложно. (Только что он едва увернулся от разящего выпада заморийца, когда тот умудрился поднырнуть под его лезвие, и в тот же момент острое его короткого меча, направленное в левое бедро, чтобы перерезать мышцы, чуть не лишило Конана подвижности. Он чудом увернулся, и дело закончилось всего лишь еще одним порезом и рассеченными шароварами.)

Выждав пару вдохов, варвар атаковал рубящим ударом справа, но сделал это нарочито медленно, чтобы замориец сумел среагировать. И тот попался в ловушку, поймав длинный меч варвара своим коротким.

Именно на это Конан и рассчитывал. Он молниеносно прихватил рукоять левой ладонью и вращательным движением выбил у противника оружие. Тот еще не понял, что произошло, как его шея вновь оказалась в железных пальцах киммерийца, а ноги заболтались в локте от пола. Конан сжал пальцы, но они внезапно ощутили какую-то преграду, словно эта хрупкая шея была защищена обсидиановым кольцом в несколько пальцев высотой и толщиной. Ясно, что побежденный и не подумал задохнуться, а сверлил Конана ненавидящим взглядом и делал попытки освободиться из его мертвой хватки. С тем же успехом он мог бы жевать камни.

— Говори, дерьмо Нергала, кто ты и откуда?! — рывкнул Конаню. — Не то я отправлю тебя на Серые Равнины вслед за теми, кто вставал на моем пути!

— Ты не сможешь убить меня, юнец, будь ты хоть в несколько раз сильнее.

— Это еще почему? — деланно удивился Конан, проявив вдруг весьма удивившую Ши Шелама хитрость.

— Потому что я заговоренный.

— Кто тебя заговорил?

— Этого я тебе не скажу.

— Не скажешь? Кром! Но только знай, ублюдок, кем бы он ни был, я найду его. Заставлю снять заклинание. И тогда тебе уже ничто не поможет.

Замориец в ответ лишь рассмеялся.

— Слушай, бычий загривок, у меня есть идея, — сказал довольный Ловкач, который, как только закончилась схватка, выбрался из-под лавки и теперь стоял рядом с Конаном.

Больше в зале никого не было: испуганные посетители из страха безвинно пострадать покинули таверну, как только представился удобный случай.

— Ну? — буркнул Конан.

— Мы и так знаем, что заговорил его Граттар, — продолжил Ловкач и с удовлетворением отметил, что у заморийца испуганно округлились глаза, — и обычным способом убить заговоренного нельзя. Но если он нам не расскажет всю правду, мы его опоим сонным зельем, отнесем в мешке к старому колодцу и сбросим вниз. А сам колодец завалим камнями. Клянусь Белом, Граттар не станет его искать. Зачем понапрасну тратить силы и время, когда можно нанять и заговорить любого другого? Верно? — закончил Ши Шелам и добавил, увидев, что приговоренный к пожизненному заключению в колодце стал истерически извиваться в могучих руках Конана: — Э-э, да я погляжу, тебя проняло. Могу еще добавить, что к тому колодцу никто никогда не ходит, потому что этой местности люди боятся из-за каких-то страшных развалин.

— Знатно придумал, Ловкач, — ухмыльнулся Конан, — ты понял, отродье гиены, что тебя ожидает?

— Хорошо, я расскажу, как меня заговорили, но только пообещай, синеглазый, что отпустишь меня, — взмолился побледневший от ужаса замориец.

Конан вопросительно посмотрел на Ши Шелама.

— Пусть говорит, — рассудил тот, — какой нам прок тащиться в пустыню, чтобы заживо похоронить этого ублюдка, когда у нас и в городе дел хватает? Но только не отпускай его, пока он не закончит болтать.

— Ладно, — сразу согласился Конан, правильно истолковав фразу приятеля про дела: у них с недавнего времени есть лишь одно дело — заполучить неразменный золотой Граттара, и пора этим вплотную заняться. — Начинай, — велел он обмякшему заморийцу и встряхнул его несколько раз, чтобы придать живости.

— В нашей банде было четыре человека. Я — замориец, туранец, бритунец и коринфиец. Мы промышляли воровством в Заминди и грабили путников на торговой дороге между Заминди и Шадизором.

— Почему тайшь свое имя? Или твой язык лжив, как все слуги Нергала?

— Клянусь Затхом, не вру. А меня зовут Пирус.

— Ты поклоняешься этому восьминогому чудовищу? — возмутился Конан.

— Я родился и вырос в деревне возле Йезуда, — объяснил Пирус.

— В Заморе поклоняются многим божествам, бычий загривок, — счел нужным вступить за земляка Ши Шелама, — а также уважают чужих богов, как, например, шемитского Бела. Вспомни, хоть кто-нибудь выражал недовольство твоим Кромом?

— Я б его... — сверкнул глазами Конан.

— Выражал или нет? Ведь нет, правда?

— Правда. Кром!

— Пусть и этот чтит кого хочет. Ну, так что дальше?

— Примерно луну назад мы засекли одинокого путника. Он шел открыто и никого не боялся. Мы подумали, что раз он не боится, то у него ничего нет. Но Тагир припомнил, что видел в городе, как этот человек расплачивался золотыми и отказывался от сдачи. Значит, сказал Тагир, у него этих золотых столько, что он с нами наверняка захочет поделиться. Мы согласились и, как только этот путник расположился на ночлег, напали на него. — Пирус внезапно замолчал.

— Давай дальше, — вновь тряхнул его Конан.

— Мне до сих пор жутко вспоминать эти мгновения, — признался заговоренный замориец, — но вы уже догадались, что это был Граттар. И он был заговоренный, как мы сейчас. Ножи его не взяли, хотя он спал под открытым небом и не слышал, как мы к нему подкрались. Но, проснувшись, он что-то сказал, что-то просыпал в догорающий костер и что-то начертил в воздухе. Мне показалось, что вся ночь мира придавила меня к земле, а из тьмы ко мне тянут когтистые лапы всякие ужасные твари. Я не мог пошевелиться и чуть не умер от страха. То же самое было и с остальными. А Граттар громко смеялся, наблюдая за нами, а потом предложил стать его телохранителями. Он обещал хорошую еду, хорошие деньги и неуязвимость от любого оружия. Взамен же потребовал лишь преданности и дисциплины. Грех было не согласиться на такие условия.

— Правда ли, что у него есть неразменный золотой? — спросил напрямик Конан. Ши Шелам чуть не задохнулся от такой прямоты, ожидая, что про хозяйское добро Пирус либо соврет, либо скажет, что ничего не знает. Но тот лукавить не стал:

— Поклясться не могу, он всегда просто расплачивается, и все. Но судя по тому, что с собою у него только один кошель, который не пустеет, что бы он ни покупал, наверное, это правда.

— Ладно, хватит. Иди к своему хозяину. Только предупреждаю, не бросайся на меня, как только коснешься пола, а то повторится старая история, — наставительно сказал Конан.

— Я не буду сейчас пытаться отомстить. Но обещаю, что если мы снова встретимся, я постараюсь убить тебя, синеглазый.

Конан захохотал:

— А еще говорят, что заморийцы лживый и коварный народ.

— Как ты мог подумать такое? — возмутился Ши Шелам. — Неужели ты, проводя со мной лучшие дни твоей жизни, не понял, что такие высказывания — ложь от начала и до конца?

— Вот потому я и сомневаюсь, что провожу дни своей жизни именно с тобой, пройдоха, — заявил Конан и вновь разразился гулким смехом, крайне довольный этой, как он посчитал, очень остроумной шуткой.

— Пирус, а ты когда охраняешь Граттара? Ночью или днем? — внезапно спросил Ловкач, когда Конан поставил заморийца на пол.

— Утром. Ночью я сплю, — машинально ответил телохранитель и, подобрав под одним из столов меч, покинул таверну.

Конан и Ши Шелам вернулись к своему столу. Киммериец взял кувшин и залпом опустошил его. Ловкач благоразумно промолчал, хотя от волнения у него давно уже пересохло в глотке, но он мечом не махал и не подвергал свою жизнь опасности, а значит, может потерпеть. Затем Конан осмотрел раны и покачал головой.

Кровь в порезах в основном запеклась, но от движений свежая корочка лопалась, и раны вновь начинали кровоточить. Ши тоже принял участие в осмотре и поцокал языком, но ни Конан, ни сам Ловкач не поняли, какое чувство он пытался выразить. Однако, о чем бы ни цокал Ши Шелам, киммерийца занимало совсем другое:

— Ты обещал придумать, как нам заполучить золотой.

— У меня не было на это времени. Я молился за твою победу, даже твоего Крома вспомнил, — важно сообщил Ши.

— Ты прятался, трусливый крысеныш, а не молился, — заклеил хвостуна Конан и нахмурился.

— О-о, какой я молодец, я придумал! — возликовал Ши Шелам.

— Хвала Крому, у тебя все-таки что-то есть в голове.

— Я придумал, как быстро залечить твои раны, бычий загривок.

— Это не раны, а царапины. А насчет твоей головы я ошибся.

— Идем, идем быстрее. Главное, чтобы старик не лег спать, а он ложится сразу, как только глаз Митры закрывается на ночь, — затараторил Ловкач, увлеченный своей идеей, и, видя, что Конан словно врос в скамью и не собирается следовать за ним, принялся его уговаривать: — Ты что, не понимаешь, что даже царапины надо залечить, потому как с заговоренными скоро придется повстречаться опять. Я тебе обещал что-нибудь придумать и обязательно придумаю, но только, прошу тебя, пойдем со мной к старику.

— Заткнись! Твоя болтовня мне надоела.

— Ну, тогда проводи меня к нему как телохранитель, — не унимался Ши Шелам.

— Ах ты, задница Бела, — рассвирепел Конан и так грохнул кулаком по столу, что кувшин из-под вина подпрыгнул и свалился на пол, — ты считаешь, что я должен охранять твою вонючую жизнь?

— Ты меня совсем не так понял, о храбрый лев, — поспешил объяснить свои слова Ловкач. — Я только хотел сказать, что если, не дай мне Бел, я встречу на улицах Пируса, он не раздумывая убьет меня, и лишь ты во всем Шадизаре сможешь меня защитить. А к

старику мне надо сходить по нашему общему делу. Я чувствую, что он поможет мне быстрее придумать план, как нам добыть золотой.

Конан почесал затылок, повел плечами и только тогда принял решение:

— Ладно, пошли вместе.

Подавальщик рискнул появиться в зале только тогда, когда за беспокойными гостями захлопнулась входная дверь.

Глава четвертая

Марконий жил почти у самой городской стены, между северными и восточными воротами. В этом районе селились люди, имеющие промежуточное положение между средним классом, чьи кварталы располагались вблизи четырех ворот, и дном общества, представители которого могли обитать, в сущности, в любом месте, где можно было преклонить голову, но в основном жили в Пустыньке. Впрочем, там, где поселился Марконий, можно было встретить домовладельцев разного достатка. Он выбрал это место из-за нежелания привлекать к себе лишнее внимание и врожденной скромности.

Именно к Марконию направился сопровождаемый Конаном Ши Шелам после того, как они покинули таверну Абулетеса. Ловкач сразу отметил, что течение времени не столь стремительно, как он думал, поскольку глаз Митры хотя и покраснел, но висел над самым горизонтом, только-только собираясь коснуться его своим краем, а значит, старый Марконий еще не лег спать. Но нужно было торопиться, и Ши прибавил ход, смешно семеня ногами, тогда как Конан шел ровным широким шагом, и по его виду совсем нельзя было сказать, что он идет быстро.

Родиной Маркония была Коринфия. Там он родился, и там он прожил почти всю жизнь, служа

тайному магическому обществу, известному как Белый Квадрат. Старик имел чистую и благородную душу и никогда не жалел ни сил, ни времени для того, чтобы своей деятельностью способствовать процветанию идеалов Белого Квадрата. А только это магическое общество направляло свое могущество во благо людей, тогда как маги Серого Квадрата полностью игнорировали нравственные аспекты во всех вопросах, связанных с магическими науками, а Черный Квадрат использовал свое мастерство только для обогащения и достижения различных степеней власти, начиная от городов-государств Коринфии до экспансии на всю территорию Хайбории. Но постепенно маги всех Квадратов настолько погрязли во внутренних распрях и интригах, что чуть не все свои усилия стали направлять лишь на то, чтобы парализовать деятельность остальных. Марконий тоже был втянут в борьбу, но не смог этого принять и ушел по Дороге Королей на восток, чтобы осесть в каком-нибудь понравившемся месте и использовать свои знания и навыки мага для помощи нуждающимся. Первым большим городом, что встретился ему на пути, был Шадизар, и старый чародей больше не стал испытывать судьбу.

В Шадизаре Марконий купил небольшой дом в зеленом квартале. Хотя средства позволяли ему приобрести в собственность хоть дворец, он их потратил на внутреннее обустройство жилища в соответствии со своими потребностями и продолжил изучение магических наук, никого не посвящая в тайны своей деятельности. Однако, если кто-нибудь обращался к нему по каким-либо вопросам, он всегда помогал. Правда, было одно крайне важное ограничение — в этих случаях бывший маг Белого Квадрата никогда не использовал собственно магию. Знания — да, но не заклинания. И еще, он отказывал людям, стремящимся с его помощью достичь каких-то низменных или корыстных целей. Как он их распознавал, оставалось

секретом, но факт есть факт — Марконий знал, что у кого за душой, и никогда не ошибался.

Но самым странным было то, что слава о нем почему-то не шла по Шадизару, как от брошенного камня — круги по воде. Уж тут точно не обошлось без магии, и, надо думать, Марконий хорошо постарался, чтобы с помощью магических средств и заклинаний оградить себя от толп страждущих и алчущих людей. Оно и понятно. Во-первых, маг привык работать в одиночестве и не терпел суеты. Во-вторых, Марконий каждый день проводил по строгому распорядку — это касалось еды, сна, всяких занятий — и не любил, когда его режим грубо нарушался. И в-третьих, маг считал, что, несмотря на меры предосторожности, предпринятые им, Митра всегда приведет к нему тех, кто действительно нуждается в помощи.

В доме Маркония кроме комнат, в которых он спал и принимал пищу, были две кладовых (одна — для хранения магического инвентаря и вспомогательных приспособлений, а вторая — для книг и артефактов), лаборатория, кабинет и внутренний дворик, из которого маг читал звездные письма. Про подвальные помещения ничего сказать нельзя, потому что в них никто не бывал, но ходили слухи, что они есть.

— Вот здесь живет человек, который нам нужен, — сказал Ши Шелам, остановившись у двери, обитой крест-накрест двумя полосами железа, и нажал на штырек, выступавший из двери на три пальца. Тотчас по ту сторону раздалось мелодичное позвякивание колокольчика, который извещал хозяина о гостях. Вскоре дверь открылась, и на пороге возник старик, чье смуглое лицо и руки резко выделялись на фоне белого халата и седины. Он внимательно посмотрел на приятелей, сложил пальцы в форме кольца и кивком пригласил их следовать за собой. Конан недовольно оскалится, но Ши Шелам умоляюще посмотрел на него и сделал несколько гримас не хуже вендийской обезьяны, чем вызвал у киммерийца при-

ступ смеха. Но Конан сунул в зубы кулак и пару раз хмыкнул, после чего они степенно вошли в дом Маркония и, миновав три комнаты, оказались во внутреннем дворике. Четыре горящих светильника, установленных в его углах, разгоняли мрак надвигающейся ночи.

— Я вас ничем не угощаю, потому что осталось совсем немного времени до сна, а нарушать свой распорядок у меня нет никаких причин, — сказал старый маг, предложив гостям сесть на низкие табуретки, и сам опустился на такую же. Ши Шелам и Конан молча сели.

— Прости нас, Марконий, за поздний визит, — начал было Ловкач Ши, но тот перебил его:

— Ты уже однажды приходил, скупщик краденого, и я отказал тебе в помощи. Что тебя привело ко мне на этот раз? Могу предположить, что коль ты все-таки пришел, зная, что я не помогаю проходимцам и вора в их грязных делах, значит, причина у тебя веская, не так ли?

— Ты совершенно прав, Марконий, — сказал елевым голосом Ши Шелам, — я до сих пор не могу понять, то ли ты так мудр, то ли твое магическое могущество так велико, но ты всегда видишь суть вещей.

— Так ты маг?! — вскричал Конан, вскакивая с табурета. Его губы плотно сжались, а глаза сверкали. — Как же ты, сын шакала и крысы, посмел привести меня сюда? — грозно спросил Конан у Ловкача.

— Прости, Марконий, Конан не любит вашего брата, как бы хорошо ни подавали его к столу, — ответил Ши Шелам на немой вопрос хозяина дома, — слишком много неприятностей натерпелся он от твоего сословия.

— Твой юный друг ошибается, — с улыбкой произнес Марконий. — Ну какой я маг? Я просто исцеляю раны и болезни, а также даю людям советы. И

делаю это без всякой волшбы. Позволь, я взгляну на твои царапины, киммериец? — внезапно добавил Марконий и подошел к Конану.

— Откуда ты меня знаешь, старик? — с подозрением спросил Конан.

— Тебя очень многие знают, северянин. За то время, что ты провел в Шадизаре, ты успел прославить свое имя.

Поскольку Марконий не назвал порезы ранами, а употребил то же слово, что и Конан, — царапины — и поскольку старый маг говорил очень просто, без пафоса, Конан не стал противиться, когда он осторожно ощупал пальцами порезы.

— Сушная ерунда, — наконец сделал он заключение.

— Вот и я говорю — ерунда, — кивнул головой Конан.

— Однако следует их протереть моей настойкой. Не беспокойся, воин, я пользуюсь обычными травами, которые растут на этой земле и в горах, — мягким тоном сказал Марконий, быстро вышел за дверь и тут же вернулся с небольшим глиняным кувшином и обрывком цветной ткани.

Окуная лоскут в кувшин, он обработал раны Конана, затем обильно смочил их жидкостью и вернулся на свое место.

Для Ши Шелама самым удивительным во всей этой процедуре было то, что Конан проявил совершенно несвойственную ему покорность. Видимо, спокойствие и уверенность в себе, с которыми действовал маг, оказали на неукротимый характер варвара благотворное влияние.

— Но не эти царапины, видимо, привели вас ко мне, друзья, — сказал старик. — Поторопитесь, уже близок миг, когда я попрошу вас покинуть мое жилище.

— Изволь, мудрый Марконий, я скажу, — начал Ши Шелам, — Конан вступил в схватку с заговорен-

ным. И как он ни был искусен, едва не потерял жизнь. Вот я и хотел спросить у тебя, есть ли способы, которыми можно одолеть этих детей Нергала?

— Одному заклятию можно противопоставить другое, более сильное. Но вряд ли вы найдете в Шадизаре человека, который сможет или захочетвязаться в магический поединок, — покачал головой Марконий.

— Значит, зло будет процветать и дальше? — с напускной горечью воскликнул Ши Шелам.

— Увы, — вздохнул старый маг. — Я рискую удивить вас, но это справедливо. Всемирный закон равновесия никто не отменял, а значит, никто не отменял и зло. Что касается заговоренного, я могу предположить, что заклинание само перестанет действовать, когда этот человек окажется в зоне, где полностью отсутствует магическая энергия.

— Но где, где могут быть такие места? — вкрадчиво спросил Ши Шелам, а Конан рывкнул:

— Если ты их знаешь, старик, скажи нам!

Марконий некоторое время раздумывал, затем внимательно посмотрел на Конана и спросил:

— Сколько заговоренных существует?

— Четверо, — ответил за приятеля Ши Шелам. — Они служат у Граттара.

— У Граттара? — Старик нахмурился. Видно, это имя говорило ему о многом. — Он приносит в мир слишком много зла...

— Вот видишь! — обрадовался Ши Шелам. — А я с твоей помощью его одолею! То есть... то есть — мы одолеем.

— Ну что ж, — продолжил старый маг, все так же глядя на Конана, — мне ясно одно — ты, северянин, рано или поздно встретишься с ними, но против четверых тебе не выстоять. А мне бы не хотелось, чтобы ты преждевременно ушел на Серые Равнины. Ты мне интересен. Поэтому я помогу вам, хотя, уверен, помыслы ваши не так чисты, как вы хотите показать.

В общем, слушайте. Зоны, в которых отсутствует магия, есть в заморийской пустыне. Как они там появились, сказать трудно, но некоторые мудрецы считают, что пустыня была выжжена магией во время войн, полыхавших в Хайбории после Великой Катастрофы.

— Но как мы найдем эти места? — с нетерпением спросил Конан.

Маг ответил не сразу. Поглаживая пальцами седую бороду, он какое-то время размышлял, видимо, о том, правильно ли он поступает, нарушая свои принципы, а также о том, нарушает ли он их вообще. Наконец легкий вздох возвестил, что решение принято.

— Я дам вам карту, на которой отмечено несколько таких мест, а как вы ею распорядитесь — дело ваше. — С этими словами Марконий вновь ушел в дом.

Воспользовавшись отсутствием хозяина, Ши Шелам начал делать Конану знаки, но киммериец, как ни напрягал мозги, ничего в них не понял и пренебрежительно отмахнулся от Ловкача. Тот уже было раскрыл рот, чтобы словами передать свои мысли, но в это время во дворик вошел Марконий со свитком в руке и вручил его Конану, после чего проводил гостей на улицу, сумев мягко, но решительно пресечь все их попытки рассмотреть карту у него в доме.

Глава пятая

Местность, в которой жил Марконий, по ночам почти не освещалась, а тьма сгустилась настолько, что нечего было и думать о том, чтоб рассмотреть свиток под открытым небом. Поэтому приятели решили дойти до ближайшего фонаря и там разобраться, что же все-таки всучил им старый маг.

— Ну и рожи ты корчил, крысеныш, когда старик ходил за картой, — одобрительно сказал Конан, пока они шагали по улице, — умора.

— Никакие не рожи, — обиделся Ши Шелам, — я хотел показать тебе, что кое-что придумал, но не говорил вслух, чтобы Марконий не услышал, а то он мог не дать нам это, — кивнул Ловкач на свиток в руке Конана.

— И что ты придумал? Где стащить гнилых овец? — хмыкнул Конан.

— Как занять неразменный золотой, — парировал Ловкач Ши.

— О-о, Кром! Что же ты молчал, репейник из хвоста Нергала?! — взревел Конан, останавливаясь под фонарем.

Ши Шелам проводил взглядом прохожего, который, испугавшись, видимо, внушительной фигуры Конана, постарался пройти мимо них как можно скорее, а только потом спросил:

— Помнишь ли ты, бычий загривок, про магический кситар?

— Конечно.

Еще бы он не помнил, ведь это волшебное зелье Конан пытался раздобыть совсем недавно. Он перерезал всю стражу Кривого Хиджа (главаря банды Синие тюрбаны, которому привезли кситар из Замбулы), отправил на Серые Равнины самого Хиджа, но — в последний момент сосуд с кситаром разбился. Однако Конан успел воспользоваться его магией. Став на некоторое время невидимым, он нашел сундук с золотом и самоцветами и унес часть сокровищ. Правда, про кситар он ничего Ши Шеламу не сказал, рассудив, что все равно тот потерял безвозвратно, а посвящать приятеля в свои неудачи он не желал.

— Так вот, никто не знает, есть ли на самом деле на свете этот кситар или нет и как он действует. — Тут Конан не то кашлянул, не то насмешливо хмыкнул. Ловкач с подозрением посмотрел на него и, увидев, что Конан внимательно слушает, продолжил: — Но вряд ли найдется человек, который бы про него не слышал. Тем более если он маг.

— Ты можешь говорить короче, болтливый язык Бела? — поторопил его Конан.

— Я и так сама краткость, — надул губы Ловкач, — а идея заключается в том, чтобы заманить Граттара в нужное нам место. Мы продадим ему карту, на которой обозначим крестиком, где спрятан кситар. Он отправится туда, а мы его там уже ждем.

— Ловко придумано, — одобрил замысел Конан, — а если он не пойдет?

— Будь уверен, за кситаром пойдет. Давай посмотрим, что нарисовано на карте.

Конан развернул свиток, присел на корточки, а Ши Шелам встал сбоку, чтобы не загораживать свет, и они стали изучать вытравленный на куске кожи план заморийской пустыни.

— Крестик надо ставить здесь, возле трех скал, — наконец сказал Конан, ткнув пальцем в карту северо-восточней Шадизара.

— Да. Это не так далеко от города, и если человек отправится в путь, как только Митра откроет свой божественный глаз, то к полудню он уже увидит эти скалы, — согласился Ловкач. — А если у него будут лошади или верблюды, то и того быстрее.

— Значит, сейчас мы идем к Граттару, ты продаешь ему свиток, и мы тут же отправляемся в пустыню, — рассудил Конан, потягиваясь, как молодой лев перед охотой.

— Зачем торопиться? — удивился Ши Шелам. — Мы вполне успеем поужинать, отдохнуть, а утром купим лошадей и опередим Граттара.

— Кром! У тебя, Ловкач, мозги ящерицы, — рявкнул Конан, видимо забыв, что именно Ши Шелам только что предложил эту идею. — Без карты в пустыне легче ориентироваться по звездам. Это раз. Наши следы не должны насторожить Граттара. Это два. Довольно?

— Вполне. Вполне довольно, мудрый сын Крома. — Ши покивал головой, одновременно сворачивая свиток. — Пошли? Я знаю, где живет этот ублюдок, и помоги нам Бел не столкнуться с городской стражей.

— Постой. А ты не боишься, что Пирус тебя узнает? — насмешливо спросил Конан. — Там ведь под лавкой не отсидишься.

— Боюсь, — честно признался Ши Шелам, — но я надеюсь, что сейчас он спит. Он ведь сказал, что охраняет этого выроodka Нергала с утра, а утром мы уже будем далеко.

— Только скажи ему, что кситар находится в сосуде, который лежит в дорогом ларце шангарской работы, а сосуд светится волшебным голубоватым светом, — наставительно сказал Конан.

— А ты откуда знаешь? — удивился Ловкач.

Конан на миг смешался:

— Ну... Кром!.. Рассказывали как-то. Хватит болтать. Пошли!

И приятели растворились во тьме, словно их никогда и не было.

Глава шестая

Граттар жил в богатом, хорошо освещаемом районе, и Конан с трудом нашел затененное место, откуда он смог наблюдать, не привлекая внимания, за дверью, поглотившей его поделщика. Он видел, как появился охранник, судя по внешности — бритунец, он видел, как Ловкач, отчаянно жестикулируя, что-то ему толковывал, после чего они вместе вошли в дом.

Киммериец наблюдал за этим издали, но мог поклясться Кромом, что у Ши Шелама зуб на зуб не падал от страха. Однако, посчитав, что тому полезно изредка рисковать собственной шкурой, он ухмыльнулся своим мыслям и стал ждать. Конан всегда был нетерпелив, когда дело касалось какой-нибудь заманчивой цели, но если было нужно, он мог находиться без движения очень долго, как зверь, залегший в засаде.

В это время Ловкач Ши желал здравствовать и преумножать свои богатства человеку, которого на следующий день он вместе с Конаном собирался лишить и того и другого.

Комната, в которой происходил разговор, была обставлена без лишней роскоши, но богато. Граттар, одетый в роскошный фиолетовый халат, развалясь, сидел на мягком ложе, накрытом дорогим шелковым покрывалом и заваленном расшитыми подушками, и, прищурившись, разглядывал незваного гостя. Сам он и в самом деле был заморийцем со всеми

чертами, присущими этому народу, вот только ростом казался повыше и кожей побледней. Темные странные глаза его с короткими, очень густыми черными ресницами смотрели спокойно, без тени настороженности. По всему чувствовалось: этот человек привык доверять себе самому более, нежели неким магическим формулам и заклинаниям. Сила волнами исходила от него, и чуткий Ловкач сразу ее ощутил.

По обеим сторонам от Граттара, на расстоянии нескольких шагов, стояли два телохранителя, туранец и коринфиец, но, хвала Белу, Пируса среди них не было. Таким образом Ши Шелам смог увидеть всех четверых заговоренных и уже сделал вывод, что, если снять заклятие, Конан с этими бродягами справится без особого труда. Но сначала надо заманить в ловушку их хозяина, заинтересовав его магическим кситаром.

— Ты посмел нагло потревожить мой покой, грязный шакал с помойки Шадизара. Я надеюсь, причина, по которой ты сделал это, смягчит мое недовольство, иначе я и медяка не дам за твою жизнь, — певуче сказал Граттар. — Выкладывай, что тебе нужно. Но знай заранее, прежде чем откроешь свой смрадный рот: я милостыню не подаю, прислуга мне не нужна, в темных делах я не участвую.

— О да, конечно, я бы и не посмел даже к двери твоей подойти, уважаемый Граттар, если бы что-то подобное было у меня на уме, — попытался так же певуче ответить Ши Шелам, но через два слова сбился на простонародную скороговорку. — Просто у меня есть товар, который я хочу продать.

— Это мне уже не нравится, — изрек маг, взяв с невысокого столика кубок с вином и поверх его края наблюдая за Ловкачом Ши. — Или скажи что-нибудь иное, или спешి унести ноги из моего дома.

— Ты немилостив, о светоч Заморы... — пробормотал перепуганный насмерть Ши. — Дозволь все же продолжить, ибо... ибо...

— Почему ты не продаешь свой товар днем? — молвил Граттар. — И почему ты пришел с ним именно ко мне? Вот два вопроса, которые возникли у меня в голове. Считай, что они тебе уже заданы.

— Товар особого свойства, достопочтенный. Я бы его мог продать любому, но уж слишком большая слава о тебе идет среди базарного люда.

— Вот как? И что же это за слава? — спросил Граттар, ничуть, впрочем, не удивившись.

— Что ты не скупись, расплачиваясь за товары и услуги, а значит, не буду врать, я надеялся получить с тебя хоть немного больше, чем мне бы заплатил какой-нибудь тупой толстосум, — единым духом выпалил Ши Шелам, почувствовав, что лоб его покрывается испариной.

— Ну что ж, твоя искренность похвальна, — одобрил маг, мелкими глотками потягивая вино. — Но это ответ только на второй вопрос.

— Я молю Бела смягчить твое недовольство по поводу моего позднего визита. Просто все дело в том, что я очень голоден. Ну и.. есть еще несколько причин, по которым я как раз этим вечером стал остро нуждаться в деньгах. Добавлю, что я берег этот товар для себя, но он находится в пустыне недалеко от Шадизара, а у меня до сих пор не было ни возможности, ни решимости отправиться за ним.

— Ты все-таки сумел заинтриговать меня, оборванец, — сказал Граттар, — я думаю, пришло время называть вещи своими именами.

— Ты когда-нибудь слышал про магический кситар, о мудрый и благородный человек?

— Кситар? — внезапно переспросил маг, и на миг с него слетела маска невозмутимости.

Ши Шелам понял, что тот ожидал чего угодно, но только не упоминания про таинственное волшебное зелье, которое может наделять человека какими-то сверхъестественными способностями. А значит, мысленно потер руки Ловкач, Граттар попался.

— Именно кситар, — подтвердил свои слова Ши.

— Расскажи-ка подробней. И ничего не скрывай. Может статься, меня это заинтересует, — велел хозяин дома и, словно спохватившись, велел одному из телохранителей налить в серебряный кубок вина и предложить его Ловкачу. — Тебе легче будет рассказывать, если ты немного промочишь горло. Мое вино из лучших. Такого тебе не подадут в вонючих шадизарских кабаках.

— Не знаю, как и благодарить тебя за твое радушие и гостеприимство, — расплылся от удовольствия Ши Шелам, беря в руки кубок и шумно делая первый глоток. — О, великолепное вино, великолепное! В общем, был в Шадизаре Кривой Хидж, очень богатый разбойник. Ему однажды привезли из Замбулы этот самый кситар, но он не умел держать язык за зубами и похвалялся покупкой направо и налево. Естественно, его решили ограбить его же друзья, если могут быть друзья у такого отродья. Но всех опередил слуга, укравший этот кситар и сбежавший в пустыню. Погоня, снаряженная из трех головорезов Хиджа, нагнала его у трех скал, но, убив слугу, они рассорились, в результате чего в живых остался всего один (не буду называть его имени, чтобы Нергал не мучил его больше других). Он спрятал кситар, вернулся и сказал Хиджу, что слугу они не догнали, а по дороге на них напала большая банда грабителей, от которой он один еле-еле унес ноги. Хидж не поверил и запытал его до смерти, а потом велел сбросить тело в канал. Там я его и обнаружил. За то, что я облегчил бедняге его последние мгновения, он рассказал мне эту историю и сообщил, где лежит карта. Вот эту карту я и хочу тебе предложить. — Ши Шелам закончил свою сказку и с наслаждением окуснул пересохшие губы в вино.

— Эта интересная история звучит красиво. Ну а ты сам кситар видел?

— Да как же я его мог видеть, если я туда так и не сумел отправиться?! А вот этот несчастный видел.

— Расскажи мне, как он его описывал? — вкрадчиво попросил Граттар.

Ши Шелам понял, что наступил самый ответственный момент его игры, когда окончательно решится, поверит маг рассказу или нет. И тут он вспомнил наставление, которое дал ему Конан под фонарем, и удовлетворил любопытство Граттара:

— Он сказал, что кситар находится в сосуде, который лежит в богато украшенном ларце шангарской работы. Если открыть ларец, кситар начинает светиться волшебным голубоватым светом.

— Ну что ж, это соответствует описанию, которое я знаю, — подвел итог хозяин дома. — Сколько же ты хочешь за карту?

— Только не изволь гневаться на то, что я могу, по твоему разумению, попросить много, — робко сказал Ловкач, — но поскольку я так хотел получить его сам, а потом продать (ведь согласишься, это зелье может стоить больших денег), то если ты мне заплатишь золотой, я буду просто счастлив.

Глаза Граттара опасно блеснули, и Ши Шелам подумал, что от жадности перегнул палку, но тот вдруг растянул тонкие губы в некое подобие улыбки и сказал:

— Пусть будет по-твоему. Я не хочу торговаться: я не купец и не скупец. Ты получишь свои деньги, как только карта окажется у меня в руках.

Ловкач сунул руку за пазуху, и тут же телохранители обнажили мечи.

— Я только хотел достать карту, — испуганно проблеял Ши Шелам. — Бел свидетель, у меня ничего дурного на уме не было.

Граттар махнул рукой, и мечи скрылись в ножнах. Ловкач достал свиток и вложил его в протянутую руку мага. Тот несколько мгновений изучал рисунок, потом удовлетворенно кивнул, снял с пояса внушительный кошель, в котором, судя по полноте, было не меньше двадцати монет, но, почему-то пере-

думав, вернул его на место. Ши Шелам уже решил было, что платы не дождется и неплохо бы вообще унести отсюда ноги, как Граттар запустил руку в недра халата, а когда достал ее, на ладони лежал большой блестящий золотой.

— Я хочу заплатить тебе монетой, — пропел он, — которая мне не раз приносила удачу. Это в благодарность за твою услугу. Бери и проваливай.

— Ши ловко поймал брошенный золотой.

— Вышвырните его отсюда! — велел Граттар телохранителям и тут же забыл о существовании гостя, погрузившись в изучение карты.

Глава седьмая

Конан облегченно вздохнул, когда увидел, как Ши Шелам, получив пинок под зад, растянулся посреди улицы. По крайней мере, он жив, и, что тоже немаловажно, Граттар не оставил его при себе в качестве заложника. Значит, удача пока вновь на их стороне. Вот только еще неизвестно, попал этот плевок Нергала в расставленные силки или нет.

Ши Шелам, жалобно скуля, шел по улице и чуть не сел от неожиданности на большое место, когда перед ним, словно из ниоткуда, вдруг возник киммериец.

— Я вижу, ты жив и здоров, шадизарская крыса,— пророкотал Конан,— но другого я и не ожидал. Выкладывай скорей, чем ваш торг закончился?

— Хвала Белу, он купил карту! Слышишь ты, бычий загривок?! Я был просто великолепен! Я обвел вокруг пальца этого ублюдка! Я достоин самой дорогой награды! — раздуваясь от собственного величия, шепотом выкрикивал Ловкач.

— Сколько он тебе заплатил? — вернул его Конан с небес на землю.

— Целый золотой.

— Тогда идем к Абулетесу и возблагодарим Крома за покровительство!

— И Бела!

— Хоть всех богов, кроме Нергала, но сейчас отдай мне монету. В твоих дырявых карманах ей не место,— потребовал Конан.

— Я, значит, добывал деньги, а пользоваться будешь ты? — попробовал воспротивиться Ловкач.

— Проклятие! Какая разница, кто зарабатывал, главное, чтобы сейчас монета была в сохранности.

— Ладно, пусть золотой будет у тебя,— согласился Ши Шелам и полез в карман. — Постой, а где же он?

— Кто?

— Золотой! Он ведь только что был тут, в кармане.

Конан сжал плечо приятеля крепкими пальцами:

— Ты, ублюдок, потерял нашу единственную монету? Кром! Это из-за твоего дырявого кармана!

— Ой-ей,— заверещал Ловкач Ши, извиваясь в железной хватке,— больно же, львиная лапа! Конан отпустил его.

— Смотри, никакой дыры в моем кармане нет.— Ши вывернул карман, и киммериец сам убедился, что карман цел.

— Тогда где же монета? — грозно спросил он.

— Откуда я знаю?! Была, а теперь нету.

— Кром! — вдруг хлопнул себя по лбу Конан и захохотал.— Неразменный золотой! Теперь я вижу, что это не рассказы базарного жулья, а правдивая история. Ну погоди, колдун,— резко оборвал смех киммериец,— завтра мы с тобой рассчитаемся.

Глава восьмая

Слепящий глаз Митры подбирался к зениту, когда вдали показалась группа всадников. Ши Шелам, выполнявший в это дневное время роль дозорного, разбудил Конана, который спал, укрывшись от зноя, льющегося с неба, под одной из скал. Киммериец проснулся с тяжелой от дневного сна головой и некоторое время с трудом приходил в себя. Наконец, сообразив, кто он и что здесь делает, Конан укрылся за скалой и стал наблюдать за приближением Граттара с телохранителями. А в том, что это явились именно они, он ни вдоха не сомневался.

Можно было сказать, что вчера они сыграли на равных. Сначала Конан в таверне хотя и одержал верх в поединке с Пирусом, но не смог ничего тому сделать, поскольку заморийца хранило заклятие. А потом Ши Шелам продал магу подложную карту, но получил за нее неразменный золотой, который тут же вернулся к Граттару, оставив Конана с приятелем на бобах. Зато сейчас все встанет на свои места: когда Граттар со свитой въедет в зону, где не действует магия, киммериец со своим мечом скажут свое веское слово, положив конец этой короткой, но интересной истории.

Конан почувствовал азарт охотника и бойца, к которому примешивалась легкая злость на Граттара за то, что вчера они с Ловкачом Ши остались без ночной трапезы и были вынуждены полночи месить

ногами песок, разыскивая эти три скалы, находящиеся почти в самом центре бесплодного для магических уловок участка пустыни.

Прошло какое-то время, прежде чем пять всадников оказались внутри пространства, ограниченного скалами. Эти природные монолиты являли собой довольно живописное зрелище. Они располагались по дуге, как бы очерчивая половину невидимого, но существующего круга, и, будучи высотой в три роста Конана, напоминали сточенные временем зубы какого-то древнего чудовища.

Всадники спешили. Четверо стали снимать с лошадей поклажу, а Граттар принялся внимательно осматривать скалы, пытаясь определить, откуда следует начать поиск заветного ларца, чтобы сохранить драгоценное для всякого уважающего себя мага время. К тому же, хотя как замориец он давно привык к жесткому климату пустыни, естественно, не хотел дольше необходимого находиться на жаре.

Конану же, как северянину, было труднее: он изнемогал от зноя и испытывал раздражение оттого, что был вынужден постоянно вытирать ладони от пота, дабы они не скользили по рукояти меча. Он не торопился, подгадывая момент, чтобы обнаружить свое присутствие в удобной для себя ситуации. Его молодая кровь неслась по жилам, разгоряченная предстоящей схваткой, а глаза горели темным огнем хищного зверя, выследившего добычу и готового вот-вот вонзить в незащитную шею острые клыки.

Ши Шелам лежал за другой скалой, закопавшись в песок почти с головой, и с ужасом думал о том, что если старый маг Марконий ошибся на счет того, что в некоторых районах пустыни нет магической энергии, то Конану при всех его достоинствах не удастся выиграть этот бой, а это значит, что рано или поздно, разыскивая кситар, охранники Граттара обязательно наткнутся на него. О Бел, как Ловкачу Ши не хотелось на Серые Равнины! Но он не видел, как развора-

чиваются события, и, тихо поскуливая, готовился к самому худшему.

— Вы трое копайте у средней скалы, а ты, Пирус, наблюдай за округой,— наконец распорядился Граттар.

В этот момент Конан решил, что время пришло, и возник перед оторопевшей компанией, как сам дух пустыни. Они уставились на его обнаженный меч длиной в два с половиной локтя и удивленно хлопали глазами.

Киммерийцу претило промедление, и он рявкнул:

— Клянусь Кромом, я не стану убивать вас, вонючее дерьмо шакалов, пока вы не возьмете в руки оружие! А именно этого я и жду!

Тут, видимо вспомнив о своей неуязвимости, трое охранников засмеялись и вытащили мечи, а Пирус, заслонив глаза от солнца, чтобы лучше видеть, сообщил:

— Хозяин, это тот самый северянин, который напал на меня в таверне.

— Ну так убейте его! — взвизгнул Граттар.

Четыре прирученных магом разбойника бросились вперед. Конан только этого и желал. Он отпрыгнул вправо, легко ударив по мечу бритунца, оказавшегося в непосредственной близости от него, и с небольшого замаха снес ему голову. Пока скудные мозги остальных пытались осмыслить, как это могло случиться, каким образом заговоренный вдруг погиб как простой смертный, Конан повернулся к туранцу. Низкорослый, но крепкий и мускулистый, он обладал огромной силой, которая была видна в нем с первого взгляда.

Гибель собрата ничуть не испугала его, и, расставив ноги, обеими руками держась за рукоять меча, он встал перед юным варваром. Усмешка играла на его устах — до тех самых пор, пока клинок противника не вонзился ему в живот.

Коринфиец, увидя, с какой легкостью этот парень справился с двумя воинами, ахнул и попытался бежать, но повелительный окрик Граттара остановил его. Видимо, мага он боялся еще больше, чем северя-

нина, потому что вновь повернулся лицом к врагу и поднял меч. Бледный как полотно, он смотрел, как варвар заносит свой смертоносный клинок над его головой, и не делал даже робких движений, чтобы защититься.

— Хей! — гневно рыкнул Конан, отводя меч в сторону. — Какого Нергала ты тут стоишь? Или думаешь, что я буду убивать того, кто не сражается со мной?

Наверное, коринфиец именно так и думал, потому что не сдвинулся с места и все стоял, глядя на варвара в упор, но без вызова.

Проклятие вырвалось из уст Конана. Он и в самом деле не мог убить его вот так — это было бы то же, что снести голову безоружному. Резко развернувшись — так, чтоб краем глаза видеть коринфийца, — Конан снова поднял меч. Сейчас его противником был Пирус.

— Ты обещал убить меня при встрече, ублюдок. Я перед тобой и жду, когда ты сдержишь свое слово!

В тот момент, когда варвар сказал последнее слово, со стороны мага вылетело что-то длинное и блестящее. Конан не успел бы уже увернуться от разящей стрелы, если б она была направлена в него. Но нет! Граттар целил в коринфийца, который оказался нерадивым охранником его плоти, а проще говоря, был самым обыкновенным трусом.

Наконечник стрелы вонзился несчастному под кадык. С хрипом он упал в песок, скрюченными пальцами пытаясь вытащить стрелу из горла. Напрасно. Через несколько мгновений жизнь его закончилась, и душа полетела по многожды проторенному другими душами пути к Серым Равнинам.

Варвар только мельком взглянул на него, а потом сразу вновь оборотился к Пирусу.

— Чего ж ты ждешь? — проревел Конан, обходя последнего бойца Граттара по дуге так, чтобы одновременно на кратчайшее расстояние приблизиться к магу, который в этот момент, заламывая руки и закатывая глаза, читал какое-то заклинание.

— А-а-а! — с диким криком и безумными глазами кинулся на Конана Пирус, но киммериец, поймав его клинок на крестовину своего меча, левой рукой схватил противника за глотку, приподнял и, сжав пальцы, сломал ему шею.

Посмотрев на четырех поверженных телохранителей мага, Конан огляделся. Не обнаружив Ши Шелама, он заорал во всю мочь:

— Выползай, крысеныш! Клянусь бородой Крома, все кончено! — И двинулся к Граттару.

Тот, как раз заканчивая творить заклинание, начертил пальцем в воздухе какую-то фигуру и дунул в сторону киммерийца. Но ничего не произошло, и маг схватился за кинжал. Это его и погубило. Конан никогда бы не тронул безоружного, будь он хоть трижды колдуном, но, когда Граттар кинулся на него с клинком, норовя подлым обманным способом вонзить его в живот киммерийцу, тот играючи выбил стилет из его руки и нанес ему сокрушительный удар в голову, в результате чего тот рухнул на песок бездыханным.

Конан покачал головой, осуждая роковую глупость этого человека, наклонился к нему и освободил тело от тугого кошель, пристегнутого к поясу. Неразмennyй золотой найти было трудней, но киммериец отыскал монету в потайном кармане, после чего пошел к лошадям, возле которых уже отряхивался от песка Ловкач Ши. Конан выбрал для себя самую крепкую лошадь, посадил Ши Шелама на другую, а остальных связал в караван. Через несколько мгновений они тронулись в обратный путь, весело обсуждая перспективы хорошего ужина: оба были голодны даже более, нежели вчера, когда Конан проснулся в лачуге Ловкача в скверном настроении из-за того, что ему снились колдуны.

Для стервятника, который парил над пустыней в поисках падали, нынче выдался удачный день. У трех скал он разглядел наконец добычу, коей ему хватит надолго — если не налетят другие.

Глава девятая

По возвращении в город приятели припрятали в одном укромном месте похищенный у Граттара кошель (на черный день, который мог наступить когда только богам угодно), продали на базаре лошадей и отправились в один из самых дорогих трактиров Шадизара — «Улыбку Иштар», у дверей коего состоялось их знакомство пару лет назад.

Конан, со всем нетерпением, свойственным юным сыновьям Крома, жаждал проверить магическую монету в деле и, кроме того, насладиться самой мыслью о том, что они надувают жирных трактирных кабанов.

Набив желудки изысканными яствами, напившись под самую завязку прекрасного ароматного вина, Ши Шелам попросил, чтобы Конан заказал еще акульи плавники в сметанном соусе. Но подавальщик, с лицом таким надменным, какое и положено иметь слугам в богатых заведениях, не принял заказ, заявив, что они с лихвой получили на один золотой, а если хотят что-либо еще, то пусть платят снова. Тогда Конан с самодовольной усмешкой полез в кошель, чтобы достать заветную монету, и...

К его величайшему изумлению, кошель оказался пустым. Мысль варвара, порядком размягченная после сытной трапезы, со скрипом завертелась, но к пониманию ситуации пока не пришла.

Ловкач, заметив остекленевший взгляд Конана, глянул через его руки и тоже обнаружил, что золотой к ним не вернулся. Он нахмурил брови, бросил короткий взгляд на раздувшегося от сознания собственной значимости подавальщика, что застыл перед ними с гордо вскинутым подбородком, и — тут его осенило. «Золотой потерял магическую силу на этой бесплодной земле у трех скал!» Ши Шелам поглядел на Конана и с ужасом понял, что, кажется, сейчас получит крепкую оплеуху. За всех магов и колдунов сразу. Но, хотя и это было несправедливо по отношению к скромному скупщику краденого, варвар ограничился порцией отборных ругательств, после чего встал и пошел к двери.

— Конан! — пискнул вслед ему Ши Шелам.

— Я же говорил тебе, что не доверяю этим прихвостням Нергала! А ты мне не верил! — прорычал в ответ варвар.

— Но ведь есть еще кое-что! — возопил Ловкач, вытягивая из-за пояса кошель с деньгами, которые они получили за лошадей.

Юный варвар остановился и пристально посмотрел на приятеля. Лоб его прорезали две глубоких морщины, в глазах тускло горел огонек гнева. Но постепенно чело Конана вновь стало чистым. И в самом деле: что с того, что магический золотой потерял свою силу? У них с Ши есть еще немало обыкновенных монет! Кром свидетель — Конан всегда предпочитал иметь дело с вещами, созданными руками человека, а не какими-то паршивыми заклинаниями.

Он вернулся на свое место, едва сдерживая предвольную ухмылку. Одним богам известно, из чего они сотворили киммерийцев. Одно и то же происшествие почти одновременно вызывает у них и гнев и радость... Да, наверное, в глубине души Конан был даже рад, что золотой потерял свою силу. Подмигнув Ши Шеламу, он щелкнул пальцами, призывая подавальщика, и гаркнул во всю мочь:

— Вина!

ПЕС БЕЗДНЫ

М рачно уставившись в полупустую глиняную кружку, Конан слушал глупую болтовню Длинного Анто — бритунца с выцветшими голубыми глазами и белесыми, как у поросенка, ресницами. Ростом он превосходил даже его, зато фигурой и статью не удался. Он был тощ и костляв, хотя жрал в три горла, а пил во все четыре. Конан познакомился с ним недавно — всего около луны назад — в таверне Абулетеса. Там Анто визгливо распевал песни бритунских скотоводов, заливая в себя пиво вперемешку с вином, с неимоверной скоростью поглощал жареных куропаток, щипал за пухлые зады местных знойных див, хвастался перед ними древним, кривым туранским ятаганом с зазубренным лезвием, а под конец еще и осквернил нефритовую статую Бела, облив ее с головы до ног наполовину уже переваренной им трапезой.

Тогда Абулетес выгнал его из своей таверны взащей, посулив в будущем оторвать ему голову и засунуть ее под хвост шелудивому барану, если бритунец еще раз появится в его богоугодном заведении. Но вскоре ему пришлось простить парня: Анто оказался удачливым вором и спустя всего восемь дней после появления в Шадизаре стал швырять направо и налево полновесные золотые, кои у него до сих пор так и не переводились. Теперь ему кланялся не только Абулетес. Хозяева кабаков, трактиров и постоянных дворов при виде Длинного Анто оживлялись и скалили зубы в милых, лишь слегка кривоватых улыбках;

местные красотки сражались меж собою за право обладания его костлявым телом; воры и мошенники, тая в недрах своих жалких душ зависть и ненависть, липли к нему, как мухи к навозной куче, зная, что бритунец не пожалеет и последней монеты для того, чтоб накормить и напоить приятеля.

Конан, некоторое время наблюдая за парнем со стороны, скоро пришел к выводу, что ум его короток, а сердце мягко. Для истинного вора сие сочетание было все равно что камень на шее у пловца. Тем не менее пока удача не покидала его. Впрочем, таково вообще свойство удачи: она норовит исчезнуть в момент триумфа, а потом издалека смотреть с наслаждением на муки несчастного, коему судьба наносит удар за ударом (ибо всем известно то, что беда не приходит в одиночку).

— Вот так-то... — Протяжным вздохом Длинный Анто прервал умные мысли варвара. — Так-то покинул я мою родную Бритунию — самую большую и самую красивую страну на всем свете.

— Самую большую? — встрепенулся Конан, до этого пропускавший мимо ушей болтовню вора. — Да будет тебе известно, бритунский петух, что самая большая и самая красивая страна — Киммерия!

— Что ж, — легко согласился покладистый Анто, — я не против. Но что ты скажешь насчет Турана и Вендии?

— Наплевать на Туран и Вендию, — мрачно ответил варвар, приходя к решению не терять более времени, а прямо спросить у бритунца о том, ради чего он высиживал рядом с ним весь вечер в надежде, что тот проговорится сам. — Ты знаешь Куршана?

— Ну, — кивнул Длинный Анто.

— Он украл у меня одну вещь...

* * *

Конан проговорил эти слова медленно, отвернувшись от собеседника. Всяк, кто знал киммерийца достаточ-

но близко, мог бы сейчас понять: он порядком растерян и не ведает, как повести разговор дальше.

Анто, вопреки домыслам варвара об его коротком уме, догадался об этом сразу. Озарившись лукавой улыбкой, он подмигнул затылку Конана и сказал:

— Вижу, друг, что тебе нужна моя помощь. Я готов, ибо прежде никогда не встречал мужа столь могучего и столь хитроумного, как ты. Всем сердцем желаю, чтобы ты доверился мне. Вместе мы обчистим Шадизар до нитки и...

— Плевать на Шадизар, — поморщился Конан, однако явил Длинному Анто свое суровое лицо, а в синих его глазах мелькнуло нечто похожее на одобрение.

Он и в самом деле всегда ценил мысль, высказанную ясно и прямо. Здесь, в Заморе, где люди облекали истину в пышные одеяния из лишних слов, так что трудно было докопаться до смысла (коего порой и вовсе не оказывалось), речь простая являлась редкостью — вроде жемчужного зерна в навозной куче. А потому вздох облегчения родился в груди киммерийца, освобожденного собеседником от такой обузы, как ложь и притворство. Признаться Длинному Анто в своей нужде? Что ж. Если потом он окажется пройдохой и доносителем — ему же будет хуже...

— Да, — решительно сказал Конан. — Я хочу, чтоб ты помог мне. В долгу не останусь, и сам Кром тому свидетель.

— Ты сказал, Куршан украл у тебя одну вещь?.. Могу я спросить, что за вещь и насколько она дорога тебе?

— А, — небрежно махнул рукой Конан. — Совсем не дорога. Но ни одно отродье Нергала не смеет грабить меня как простого торговца!

Длинный Анто с уважением посмотрел на киммерийца, потом перевел взор на собственные кости, едва обтянутые гусиной кожей. Тень уныния промелькнула в его выцветших глазах.

— Да,— вздохнул он,— ни одно отродье Нергала не смеет покуситься на твое добро безнаказанно, северянин. Но ответь мне все же: какую вещь украл у тебя малоумный Куршан?

— Тьфу! — ответил Конан.

— Только и всего? — удивился бритунец, про себя рассуждая, что не стоит такая дешевая вещь гнева юного варвара.

— А нынче утром он прислал ко мне гонца — тощего паршивого козла в грязных шароварах. Клянусь Кромом, я чуть не свернул ему шею, когда услышал, что Куршан требует от меня сотню золотых! Сотню золотых за мою же вещь!

— За какую вещь?

— Тьфу!

— Гм-м... А имеет ли вещь сия еще какое-либо название?

— Имеет,— буркнул варвар.— Его зовут Ши Шелам, иначе — Ловкач.

— О-о-о... — Голубые глаза Длинного Анто пораженно уставились на Конана.— Я слыхал об этом достойном... э-э-э... господине. Полагаю, он несравненно умен и несказанно находчив, но... Но зачем он сдался Куршану? У него же целая армия воров и разбойников, и каждый отдает ему треть своей добычи!

— Вызов,— коротко ответил Конан.

— Вызов? Да, теперь я понимаю.— И бритунец замолчал, задумчиво грызя ногти. В действительности он совсем ничего не понимал. Зачем Куршану, который только что не купался в золоте, лести и раболепий окружающих, бросать вызов нищему киммерийскому мальчишке? Пусть мощь его велика, ум быстр, а взор горд, однако он — всего лишь один из множества. Шадизар недаром прозывается городом воров. Здесь полно и сильных, и хитрых, и ловких, и отважных. Суть в том, чтоб найти свое место, а потом не позволить другому занять его. Кажется, северянин нашел тут свое место (как и сам Анто), и все же это

не причина для происков Куршана... Да, скорее всего, парень слишком много о себе возомнил...

Бритунец выплюнул откусанный ноготь на стол и поднял глаза на Конана:

— Значит, Куршан украл у тебя приятеля и потребовал за него выкуп?

— Да,— хмуро кивнул Конан.

— Сотню золотых?

— Хвост от дохлого ишака он получит, а не сотню золотых.

— Ну, это ясно,— важно молвил Длинный Анто.— Никакой сотни мы ему не дадим. И полсотни тоже. Впрочем, может быть, он согласится на двадцать?

— И дырявого медяка не дам! — прогремел варвар, сжимая в кулак огромную лапу.

Он и не заметил, что бритунец сказал «мы», тем самым вступая в его игру. А Длинный Анто, который за все время пребывания в Шадизаре так и не обзавелся верным товарищем, и впрямь решил помочь грозному варвару. Ум его вовсе не был так короток, как представлялось многим. Он отлично понимал, что свора нахлебников, с утра до ночи жужжащих ему в ухо ластивые речи и жрущих на его деньги, исчезнет в тот миг, когда удача отвернется от него — и даже наверняка на долю мига раньше. В Конане же он узнал того, кто без лишних рассуждений отдаст за друга правую руку и никогда ничего не потребует взамен. И пусть сейчас он твердит сколь угодно, что Ши Шелам есть суций хлам и дешевизна, что и дырявого медяка он не даст за него Куршану, что скорее земля уйдет у него из-под ног, чем он хоть на вздох пожалеет о приятеле, было ясно: он не успокоится до тех пор, пока парень не вернется целым и невредимым. Не стал бы он иначе заводить беседу с полужнакомым вором, не стал бы слушать его болтовню (Длинный Анто не заблуждался на свой счет и в душе всегда весело хохотал над тем, кто внимал ему почтительно, безуспешно пытаясь уловить смысл рас-

сказа). Судя по тому, что говорили о юном варваре в городе, он не любил терять понапрасну время; он был решителен, смел и ловок; речи его отличались краткостью, а взгляд — гордостью. В общем, именно такой друг был просто необходим бритунцу.

— Но если мы не станем платить Куршану, он убьет Ловкача, — пожимая плечами, сказал Анто.

— Тогда я убью его, — мрачно отозвался Конан.

— Жизнь за жизнь, смерть за смерть? Вряд ли мне разумно. У меня есть другой план...

Варвар поднял на него синие, чуть помутневшие от выпитого пива глаза:

— Что за план?

— Мы выкрадем Ловкача обратно.

— Нет. Сын Крома никогда не будет воровать свою собственную вещь.

— У вора не грех украсть.

— Чужое — не грех. А мое он должен вернуть сам... — Конан вдруг умолк, с подозрением посмотрев на Длинного Анто. — Хей, приятель, а тебе-то что за дело?

В отличие от бритунца, в голове его не было и тени мысли о дружбе с этим парнем. Прознав о том, что он часто видит разбойника Куршана и даже в некотором смысле является его наперсником, Конан решил найти его и выяснить, каковы намерения похитителя, каков его образ жизни и как распределяется охрана в его доме. Ибо план освобождения Ши Шелама уже был разработан им нынешним утром и менять его он не собирался.

— Я только хочу помочь тебе, — растерянно сказал Анто.

— Тогда скажи, имеет ли Куршан обыкновение покидать дом и сколько охранников его сопровождает?

— Имеет... Два охранника и большой черный пес по кличке Мухруз. У него сильные лапы, острые зубы и мощные челюсти — я его боюсь.

— Вздор! Я насажу его на свой меч, как петуха.

— Ох, северянин, отважны твои речи, да не так просто убить этого пса. Кажется, даже бойцы Куршана стараются не подходить к нему ближе чем на три шага. Не раз мне приходилось наблюдать, как они скрежещут зубами при виде этой мерзкой злобной твари, которая рычит на всех, кроме хозяина, и норовит окатить твою ногу при первом удобном случае. Клянусь, друг, я замечал в ее красных глазах презрение ко всем людям. Можно подумать, что сам Нергал выродил отвратительное чудовище, в поганом нутре его посадив и взрастив ростки ненависти.

— Вижу, не нравится тебе этот зверь, — усмехнулся варвар.

— Не нравится, — с жаром подхватил Длинный Анто, прижимая руки к сердцу. — Еще как не нравится! Слышал я, — он понизил голос и далее продолжал таинственным шепотом, — что лет этак шесть назад Куршан заплатил тысячу золотых одному колдуну и тот вынул сердце у одного молодого зингарского рыцаря, а потом... Ты понял, Конан? Потом это сердце забилося в груди Мухруза! О, если б Куршан не лелеял его, как себя, не осыпал поцелуями его слюнявую морду, я бы наверняка давно отравил гадину! Или всадил бы кинжал в брюхо.

— Хм-м... — Печать скуки и раздражения спала с лица Конана, и в глазах (первый раз за все время) появился интерес к беседе с бритунцем. Пожалуй, он готов был внести в свой план некоторые изменения. — Говоришь, лелеет его? Осыпает поцелуями?

— Угу, — угрюмо кивнул вор, не в силах отделаться от неприятных воспоминаний. — А может, я утопил бы его — напихал в мешок камней потяжелее, сунул туда чудовище и...

— Э, остынь. — Киммериец сделал знак подавальщику, и тот заспешил к их столу с кувшином свежего пива. — Думаю, он откусит тебе руку или еще чего-нибудь, едва ты подойдешь к нему поближе. Нергал

с ним! Ты лучше скажи, насколько дорог он Куршану и насколько Куршан дорог ему?

— Никогда не видал, чтоб зверь и человек так обожали друг друга, — ответил Длинный Анто.

— Кто тебе сказал, что Куршан человек... — пробормотал варвар, вновь погружаясь в свои мысли.

— Конан...

Он не ответил.

— Конан... Сдается мне, я понял, к чему ты ведешь...

— Ну? — слегка усмехнулся киммериец, поднося ко рту полную кружку.

— О, достойнейший муж с силой льва и головой мудреца, — торжественно начал Анто, — каждое слово твое стоит золотого, каждый поворот мысли твоей стоит десятка золотых. Так позволь же рассказать тебе о высоких чувствах, порожденных душой моей, которая восхищена и обрадована...

— Плевать на чувства, — отмахнулся Конан. — Да и душе твоей рано радоваться. Вот дня через два...

Он снова замолчал, но не потому, что не хотел посвящать вора в свой замысел, а потому, что вдруг остро ощутил уходящее зря время.

— Дня через два, — повторил он, поднимаясь. — Не позже, клянусь бородой Крома. Прощай пока.

— Я с тобой, — твердо сказал бритунец и поспешил следом.

* * *

Куршан — огромный, как холм, пузатый, толстозадый, покрытый черным густым волосом с ног и до самой шеи — возлежал на широкой скамье в своем чудесном внутреннем дворике, пил дорогое вино и вкушал яства. Его самодовольная физиономия с обвисшими щеками была обращена к небольшому круглому предмету, зажатому в толстых коротких пальцах, — то бишь к зеркалу. Собственная внешность казалась несчастному идеалом красоты, и он никогда

не устал любоваться ею, справедливо полагая, что прекрасное благотворно влияет на развитие и здоровье человека. Именно для этой цели им были приобретены зеркала в таком количестве, какого вполне достало бы для того, чтоб проложить дорогу из Шадизара в Султанapur.

Утро Куршан начинал обычно с внимательного осмотра своего носа, мясистого и угреватого крючка. Затем он постепенно, дабы не упустить и краткого мига наслаждения, переводил взгляд на правую щеку, потом — на низкий морщинистый лоб, потом — на левую щеку и, наконец, на тройной подбородок. Этому занятию он предавался неспешно, со вкусом, во время утренней трапезы. Когда же блюда и бутылки опорожнялись, Куршан, испытывая священный трепет, взбирался на вершину блаженства: уставившись в зеркало, он пожирал глазами свою широкоскулую морду целиком, вовсе не подозревая о том, что она могла бы явиться образцом подлинного безобразия.

Слуги, числом около двух десятков, давно привыкли к столь странному времяпрепровождению хозяина. Некоторые даже всерьез считали, что он не так уж и страшен (во всяком случае, бывают и страшнее), но все они были записными льстецами, проходимцами, аллигаторами, готовыми за кусок хлеба сказать древнему как мир карлику, что он юный и стройный великан. Кстати, этот карлик также жил здесь. Он один умел читать и писать, за что Куршан и держал его в доме, время от времени пользуясь его услугами для составления од неземной красоте одного заморийца, имя коего из скромности называлось только в последних десяти стихах, зато в каждой строке по три раза.

Вдоволь налюбовавшись собою, разбойник обратил взор на отвратительное существо, громко пыхтящее у его ног. Мордой оно так походило на него самого, словно их родила одна мать, только у Куршана на лбу и щеках не было такой густой жесткой шерсти.

— Мухру-уз,— пропел первый красавец, с умилением глядя на второго красавца,— мой пёсик, пёсушка, псюшка. Поди ко мне, я облобызаю твои ушки и глазки. Умр-р-р...

Большой черный пес тяжело вскочил на скамью, и два мордоворота слились в нежном объятии. Мурлыкая, они обмазали друг друга слюнями, после чего хозяин тщательно вытер губы полой шелкового халата, устроился поудобнее и принялся обсуждать с другом новый день, дарованный им богами. Таков был ежеутренний ритуал.

— Сердце мое, дорогой Мухруз, обливается слезами. Мошенник Грат отдал мне из тридцати золотых, украденных им у купца из Офира, только пять, тогда как должен десять. О, велика подлость и жадность в нашем ужасном мире! Конечно, мне пришлось послать к нему отрока Изидора, снабдив его нижайшей просьбой перерезать горло обманщику. Ты-то знаешь, мой друг, как я страдаю, когда проливается кровь. Но — боги учат нас, что виновные непременно понесут наказание! Так пусть лучше я накажу греховодника, чем жестокосердое божество. Что смерть! Муки совести куда страшнее! Я оказал услугу бедному Грату, избавив его от скорби душевной. Уже нынешним вечером он будет гулять по тропам Серых Равнин и с благодарностью вспоминать обо мне. Да, я добр и мягок, я...

— Гр-р-р-р... — Черный пес сорвался с места и ринулся под скамью. Сначала оттуда, к вящему неудовольствию Куршана, раздавалось грозное рычание, потом послышался короткий взвизг, а за ним протяжный стон — Мухруз упустил мышь, которая перед тем, как скрыться в густой траве, укусила его за нос.

— Ты не слушаешь меня, дорогой,— брюзгливо произнес разбойник. — Зачем тебе эта вонючая мышь? Возьми вон кусочек барашка или ветчины, коль тебя так мучает голод, и развесь уши — я продолжаю.

Мухруз, преданно уставившись на хозяина, покорно уселся у его ног и развесил уши. Но маленькие красные глазки его то и дело косили в ту сторону, куда побежала мышь,— такова уж была его собачья природа, и он ничего с нею поделать не мог.

— Ты не ходил нынче к клетки с петухами? — спросил друга Куршан.

Черный пес помотал огромной башкой.

— А зря. Надо бы проверить, как там наш пленник. Не начал ли еще кукарекать...

И разбойник, весьма довольный своей шуткой, зашелся в тонком противном смехе. Мухруз вторил ему, старательно визжа во всю глотку. Вдвоем они подняли такой шум, что слуги повыскакивали из дому в ужасе, решив, что хозяина медленно режут. За годы, проведенные в этом доме, они так и не смогли привыкнуть к таким гнусным звукам.

— Хо,— сказал Куршан, когда приступ веселья миновал,— опять я пошутил, и, как всегда, удачно. Так что ж наш пленник, а? Сходи-ка, дорогой, погляди на него.

Пес неохотно поднял с земли толстый зад и вразвалку двинулся по тропе, что исчезала в узкой темной арке и потом, выползая на свет, вела к клетям. С гораздо большим удовольствием он погонялся бы за мышкой, но — хозяин не терпел, когда его приказы не выполнялись тотчас, а ссориться с ним не решался даже его любимый друг.

— Р-р-р! — сказал Мухруз, подойдя к сетке.

Ворох соломы у стены зашевелился, вызвав негодование петухов, кои до того бродили бесцельно по своему царству. Заготовав, словно гуси, они подскочили к соломе и начали яростно клевать ее.

— Р-р! — с укором в голосе повторил пес. — Агр-р-р-р!

По всей видимости, петухи отлично поняли, о чем он предупреждал их, потому что вдруг отскочили в стороны и стали как ни в чем не бывало гулять

дальше. Из растрепанного вороха соломы медленно высунулась голова, потом показались плечи, руки, тело и, наконец, тонкие кривые ноги. Испуганно таращась на черного пса, в глазках которого при виде человека тут же появилось презрительное выражение, пленник петухов отряхнулся и на два шага приблизился к сетке.

Он был смугл, мал ростом и очень худ; тощая хитрая мордочка его с чертами весьма подвижными напоминала хорька, гибкие маленькие ручки и столь же гибкие пальцы словно были созданы для того, чтоб шарить по чужим кошелькам и карманам. Звали его Ши Шелам по прозвищу Ловкач, и именно о нем прошлым вечером вели беседу Конан и Длинный Анто.

— Хей, Мухруз, какого Нергала твой хозяин запер меня тут? — сипло спросил он, изо всех сил пытаясь выглядеть высокомерным.

Мухруз легко раскусил его плохую игру и усмехнулся, то есть спустил губы набок. Он отлично видел, как боится его этот глупый человек, и наслаждался его страхом, в темном маленьком уме своем рассуждая, что люди — трусливые твари, равные разве что только мышам или кошкам, и их надобно уничтожать по одному, ибо весь окружающий мир принадлежит собакам, одним собакам, и никому более. Пожалуй, лишь Куршан имел право жить и есть мясо, и то потому, что тоже был собакой. Так считал Мухруз.

— Хр-р, — насмешливо ответил пес Ши Шеламу, повернулся и не спеша пошел прочь, вовсе не обращая внимания на призывные вопли пленника.

Хозяина он застал на прежнем месте и за привычным занятием: уставив морду в зеркало, тот с увлечением разглядывал свой нос, поворачивая его пальцем то так, то этак.

— Ур-р-р... — вежливо доложил Мухруз, снова пристраиваясь у его ног.

— Вот и прекрасно, — улынулся Куршан, не отрывая зора от зеркала. — Надо бы еще раз послать гонца к киммерийцу — что-то он не спешит выручать своего друга.

Мухруз громко залаял.

Из дома тут же выбежал слуга, на ходу пристраивая к лицу умильную улыбку, подскочил к господину и согнулся в низком поклоне.

— Иди, любезный, скажи Дану, чтоб сбегал к Конану-варвару. Пусть напомним ему, что нынче ночью Ши Шелам отбывает на Серые Равнины. Может, он захочет передать для него пару сотен золотых? Говорят, жизнь там дорога... Ха-ха-ха-ха!

Куршан снова завизжал, по-детски радуясь очередной своей тупой шутке, и Мухруз, занятый мыслью о коварной мышке, по привычке завизжал тоже. Красные глазки его при этом были устремлены задумчиво вдаль, так что визг его походил скорее на тоскливый собачий вой, чем на веселый хохот. Разбойник этого не заметил.

Слуга, натужно улыбаясь, ждал, когда друзья успокоятся. Наконец хозяин умолк.

— Что тебе еще? — сердито вылупившись на слугу, спросил он.

— Господин, я как раз спешил к тебе, чтоб сказать... Дан уже ходил к киммерийцу и... Вернулся без двух зубов.

— Хм... Какое мне дело до его зубов! Я хочу знать, что ему ответил мальчишка.

— Э-э-э... Дан не помнит.

— Как... Как это не помнит? — Куршан задохнулся от возмущения, но не забыл при этом посмотреть в зеркало. Алые пятна на своих жирных щеках он принял за легкий румянец, чем остался очень доволен. — Да я ему голову велю снести!

— Киммериец ударил его кулаком по лбу, господин, и несчастный Дан забыл даже свое имя! — горестно сводя брови, сказал слуга. — Сейчас он сидит в

сарая и печально о чем-то поет. Я поднес ему кувшин с пивом, а он укусил меня за палец и начал бегать кругами, да еще и на четвереньках...

Жалобы укушенного слуги не произвели впечатления на хозяина. Он думал о киммерийском волчонке, который появился в этом городе едва ли год тому назад, но успел уже сделаться почти таким же знаменитым, как сам Куршан, уроженец Шадизара. Конан был ловок, силен, храбр и, как ни удивительно, хитер, что для северянина вовсе не свойственно. Но не эти достоинства привлекли к нему внимание разбойника.

Куршану от него требовалось только одно: чтоб он пришел к нему в дом и отсюда напрямик направился на Серые Равнины. Для того-то и велел он своим парням выкрасть жалкого плута Ши Шелама, дабы заманить его приятеля в ловушку и убить его. Нрав варвара был ясен: он не станет платить сотню золотых — он придет сюда и попытается освободить этого червя, мошенника из грязной дешевой Пустыньки. Не золото, но смерть — вот что нужно Куршану. Никто и никогда более не вспомнил бы о киммерийце — мало ли пришлых орудует нынче в Шадизаре? Не сочтешь, ибо велико число их и не всяк остается тут надолго. Кто возвращается на родину, кто уходит искать счастья в других городах и странах, а кто исчезает навеки в здешних вонючих и пыльных трущобах.

Вот так и варвар — исчезнет, словно и не бывало его, и тогда никто, никто не посмеет встать на пути Куршана, что бы он ни задумал и что бы он ни натворил. А этот парень — разбойник недовольно фыркнул, вспоминая доносы слуг, — уже не раз осмеивал его в кабаках, тавернах, базарных рядах; однажды он осмелился даже обокрасть купца Жамбаи за половину дня до того, как люди Куршана приблизились к его дому с той же целью. Если так будет продолжаться, то он, неповторимый писанный красавец и умница,

недолго продержится на троне короля шадизарских бандитов.

Задумавшись, Куршан не заметил, как опустилась его рука с зеркалом и пола халата съехала с ноги. Мухруз стыдливо опустил глаза, а слуга уставил очи в небо и принялся старательно разглядывать крохотные белые облачка, плывущие косяком прямо под солнцем.

— Как чует твое зингарское сердце, дорогой? — очнувшись от этих преступных мыслей, пробормотал Куршан. — Киммериец придет за своим приятелем?

— Р-р,— утвердительно сказал Мухруз.

— Придет... Я знаю. Вот я бы не пришел, потому что нет на свете ни одного человека, который стоил бы того, чтоб я тратил на него свои драгоценные мысли и силы.

— Р-р-р,— согласился пес.

— Что ж... Мы встретим его, как самого высокородного гостя, не так ли?

— Р-р-р!

— Как самого высокородного... — Куршан опять пошутил, и, конечно, опять удачно. Он затрясся от хохота. Халат его распахнулся еще больше, и смущенным взорам Мухруза и слуги предстал огромный, вялый и красный живот, под которым висел некий странный на вид отросток. — Как самого... высокородного!..

Черный пес вздохнул устало и, набрав полную грудь воздуха, в унисон хозяину завизжал. Да, вдвоем им обычно бывало очень весело...

* * *

Незадолго до заката солнца перед роскошным домом Куршана произошло одно незначительное происшествие: удачливый вор Длинный Анто, в последнее время бывший чуть ли не приятелем знаменитого разбойника, не дойдя всего-то пяти шагов до ворот, подвернул ногу и упал. Привратник видел, как это случилось, и поспешил на помощь бедняге. Он

попытался поднять его с земли, но тот так извивался, стонал и выл, что справиться с ним не было никакой возможности. Тогда привратник подозвал охранников, и втроем они втащили Анто сначала в сад, а затем в дом.

Конечно, будь на его месте простой прохожий, он бы так и валялся в пыли, но бритунца здесь хорошо знали. Не раз он пивал с хозяином его лучшее вино, не раз вкушал с ним его чудесные яства, не раз перебирал струны на его дорогой лютне — Куршан благоволил к нему настолько, насколько было способно его сердце, маленький красный комочек из дерьма и камня, замурованный в груди разбойника.

Один из слуг немедленно побежал к господину с печальным известием, и Куршан вскоре прибыл из внутреннего дворика в дом.

— О, горе мне! — возопил он, простирая руки к небесам. — О, горе! За что боги так наказывают меня, благочестивейшего из благочестивых, за что я должен испытывать такие страдания, глядя на корчи лучшего друга моего!

После этой пламенной речи он опустил руки и деловито осведомился у слуг:

— Что с ним?

— Ногу подвернул, господин, — с поклоном отвечал привратник.

Длинный Анто в подтверждение этих слов взвыл так, что разбойник вздрогнул и едва не бросился бежать.

— Печаль в моем сердце, — пробормотал он, — никогда не пройдет. Почто сломал ты ногу около моего дома? Неужто не мог пройти за угол?

— Увы, distinguished Куршан, увы, — вздохнул Длинный Анто. — В тот злосчастный миг, когда проходил я мимо твоего обиталища, странная мысль посетила меня: а не отпал ли у несравненного Мухруза хвост?

— С чего ты взял? — недовольно фыркнул Куршан.

— Видел во сне, — быстро ответил вор. — Видел, будто с севера налетел буйный ветер, ворвался в дом твой и оторвал у Мухруза его прекрасную черную метелку, коей так мило прикрывает он свои великие достоинства снизу. Оторвал, охальник, и забросил в сточную канаву.

— О-о-о? — удивился и встревожился разбойник. — Да так ли это?

— Так, уважаемый. И вот я в волнении замедлил шаг, а в глазах у меня помутилось и...

— Да-да, — услужливо подтвердил привратник, — он замедлил шаг, споткнулся о камень и рухнул в пыль.

С душераздирающим воплем Длинный Анто повернулся на скамье, вперил умоляющий взгляд в Куршана.

— Позволь мне остаться у тебя до утра, любезный друг. Едва боль моя утихнет, я уйду, вспоминая о тебе с любовью и благодарностью.

Разбойник нахмурился. Он терпеть не мог, когда чужой человек на ночь оставался в его доме, но обещание Анто вспоминать о нем с любовью и благодарностью решило дело.

— Могу ли я отказать тебе, о чахлая роза Бритунии? Оставайся, только расскажи мне еще раз твой сон. До сих пор с хвостом Мухруза ничего не произошло, но вдруг он и впрямь отвалится? Я не переживу такой беды.

Длинный Анто важно принял из рук слуги серебряную чашу с красным аргосским вином, расположился на скамье поудобнее и, дождавшись, когда Куршан займет место в кресле, начал пересказывать ему свой сон.

* * *

На рассвете следующего дня вор пришел на постоянный двор, известный в Шадизаре тем, что там по ночам происходили блошинные скачки. Длинный Анто сам не раз ставил на Пфаль-Митилену-Гво — блоху,

выкрашенную хозяином в цвет ночи, — и никогда не уходил без выигрыша, впрочем, совсем небольшого.

На сей раз он даже не вспомнил о скачках. Взяв по ветхой лестнице на второй этаж, он пробежал по грязному темному коридору до конца, остановился перед обшарпанной дверью и дважды с силой треснул по ней кулаком.

С той стороны послышался лязг дверного засова, скрип петель, а потом в коридор вдруг выпрыгнула растрепанная девица с пылающими щеками и предовой улыбкой на розовых устах. Она кинула на вора быстрый лукавый взгляд и проворно поскакала туда, откуда только что явился он.

Анто вошел в темную тесную комнату. Там, на тахте, возлежал Конан. От него несло, как от винной бочки, черные длинные волосы были спутаны, глаза тусклы, туника разодрана, а на обнаженной груди алели три короткие царапины. Зато настроение киммерийца явно было превосходно.

Он махнул рукой новому приятелю, приглашая его сесть на край тахты.

— Ну? Хорошо ли тебе спалось в доме Куршана? — с усмешкой спросил варвар.

— Ах, Конан, я вовсе не спал! — воскликнул Длинный Анто, хватая наполовину опорожненную бутылку и делая два больших глотка. — Сначала толстяк до-нимал меня беседой о своей красоте, потом слуги передрались из-за пары рваных туфель, потом глупый петух заверещал во всю глотку, а потом я и сам не мог уснуть. И ты знаешь почему! Говори же скорей, как удалось тебе задуманное нами предприятие и удалось ли! Говори, я в нетерпении!

— Ха, — сказал Конан, пожимая плечами. — Еще бы не удалось!

— О-о-о... — с облегчением простонал Анто. — Какое счастье... Какое счастье!.. Ну, чего ж ты ждешь, северянин? Поведай мне об этом приключении!

— Погоди...

Киммериец легко поднялся, сунул руку под тахту и выволок оттуда мешок, из коего вынул и положил на низкий стол всякого рода снедь. Вор с удивлением и восхищением узнал то, что прошлым вечером едал в доме Куршана.

— Ну, Конан... — Он покачал головой и улыбнулся.

А Конан уже ловко забрасывал в рот куски, глотал их, почти не жуя, и на приятеля не смотрел. Однако самодовольная ухмылка не сходила с его губ. Он и сам знал, что провернул это трудное дело как нельзя лучше, но восторг в голубых глазах Длинного Анто был ему весьма приятен.

Наконец он закончил трапезу, допил вино из бутылки и, словно отпрыск благовоспитанных родителей, вытер подбородок и рот рукавом туники.

— Я рад, что встретился с тобой, парень из Бритунии. Вдвоем мы неплохо потрудились, — сказал наконец Конан, и Анто порозовел от удовольствия. — Когда я услышал, как ты вопишь перед воротами дома, я чуть было не поверил, что ты и впрямь расшибся. Голос у тебя уж больно громкий.

Тут вор совсем покраснел. Он не ожидал похвалы от столь сурового мужа, как киммериец. Впрочем, тот более не собирался его хвалить, а начал свой рассказ о прошедшей ночи:

— Когда парни поволокли тебя в дом, я быстро прошел в сад, а оттуда — к наузу. Ты оказался прав: его окружают густые высокие кусты патины, которая воняет так, что заглушает все прочие запахи. Потому, наверное, пес не учуял меня, хотя прошел совсем близко. Тогда с ним шли два охранника, и я решил подождать — кто-нибудь из них точно успел бы крикнуть, и вся наша затея провалилась бы, не начавшись.

— Ты верно поступил, Конан, — похвалил его Длинный Анто, который никак не предполагал в этом буйном варваре такой выдержки.

— Еще бы не верно,— ухмыльнулся Конан.— Вот и вышло: едва я съел кусок хлеба, что завалился в кармане моих шаровар, как пес уже шел обратно; и шел без охранников. Посидел, поглядел по сторонам, а после сунул морду в науз и начал лакать воду. Вот тут-то я и подобрался к нему.

— Надеюсь, ты не убил его? — с тревогой в голосе спросил вор.

— Нет,— успокоил его киммериец.— Куршан — дерьмо, но и такое дерьмо не станет менять живого пленника на мертвую собаку. Я просто схватил его сзади за шею и немного придушил. Потом обвязал веревкой его морду, чтоб не вопил и не кусался, и затолкал в мешок. Вот и все.

— Все? А как ты вышел обратно? Ведь привратник к тому времени уже снова стоял у ворот. И охранники тоже... Почему не подождал утра? Тогда бы смог выйти следом за мной.

— Кром! Да я и не ходил больше к воротам! Я только прошел в дом и забрал со стола половину жратвы этого жирного недоумка, а после того вернулся в сад, перелез через стену...

— О-о? Но ведь стена так высока!..

— Только с той стороны. А в саду деревья упираются в нее ветками...

— Так ты залез на ветку и с нее перебрался на самый верх стены?

Конан не ответил, а только фыркнул. Для него не представляло труда одолеть и более высокую стену, снаружи или внутри — все равно. Не раз ему приходилось карабкаться даже на отвесную гладкую скалу, но прошедшей ночью он не мог рисковать. Если бы в саду оказался кто-либо из челяди Куршана, он непременно поднял бы шум и весь план сорвался бы в тот же момент.

Длинному Анто не надо было растолковывать. Он понял маневр Конана и снова исполнился восхищения и гордости за нового приятеля. Но каково же

было его изумление, когда варвар вдруг бросил ему на колени черную мохнатую палку, издающую пренебрежительный запах. Бритунец отшатнулся и с брезгливой гримасой сбросил странный предмет на пол.

— Что это, Конан?

— Не узнаешь?

— О, нет... Неужели это хвост почтенного Мухруза?

— Так оно и есть,— сказал юный варвар, доставая из-под тахты непочатую бутыль.

— А... А сам Мухруз где?

— Да тут, в сарае.

Длинный Анто молча смотрел, как Конан заливает в себя кислое дешевое вино, и думал о том, что на сей раз Куршану изменили его инстинкты: напрасно он связался с этим парнем, напрасно бросил ему вызов (а в том, что то был все-таки вызов, бритунец теперь не сомневался). Вся будущая жизнь Конана вдруг показалась ему совершенно ясной, и взгляд, которым он до сих пор взирал на варвара, стал даже несколько робок и почтителен.

— Ах,— пробормотал он, покачивая головой,— ужель ты избранник богов? Ужель судьба столь милостива ко мне, ничтожному, что подарила великое счастье быть с тобою рядом, друг?..

— Тьфу! — сердито сказал Конан, передавая Анто бутыль.— Клянусь бровями Крома, ты опять несешь вздор!

Бритунец пожал плечами и совсем было собрался продолжить дифирамб, как тут осторожный стук в дверь заставил его отвлечься и отвести взор от Конана.

Миг спустя в комнату вошел пухлый человечек с редкой пегой бородкой. Круглое лицо его украшал большой лиловый нос, а темные глаза были полны неизбывной грусти.

— Э-э-э,— вежливо произнес он,— не ты ли, о могучий муж, есть Конан из Киммерии?

— Ну,— ответил варвар.

— Меня прислал к тебе наипрекраснейший, именующий бриллиантом Заморы и светочем всего земного царства, великий и мудрый...

— Он от Куршана,— пояснил киммерийцу Длинный Анто.

— Я от Куршана,— подхватил человек,— обладателя нефритового жезла, коим восторгаются все прелестницы благословенного Шадизара.

Конан, который не понял, что такое нефритовый жезл и с каких пор Куршан является светочем всего земного царства, нахмурился. Заметив это, Длинный Анто поспешил вмешаться.

— Наплюй на нефритовый жезл, Конан,— сказал он, возвращая варвару бутылку.— И отдай посланцу хвост — пусть эта грязная метелка утешит великого и мудрого в мгновения печали.

С этими словами он показал слуге Куршана узкий розовый язык, добавив к этому весьма неприличный жест, и с достоинством отвернулся к окну. Он знал: слуга непременно передаст хозяину, что видел его в обществе самого варвара, в его комнате и за одним столом, но ничуть того не смущался. Ему давно надоел старый жирный бахвал, хам и жадина, однако прежде он не осмеливался разорвать с ним узы, которые только тупица мог считать дружескими. Теперь же Анто ничего не боялся, ибо на его стороне был Конан.

А Конан совсем запутался в витиеватых речах и посему молча швырнул посланцу хвост Мухруза и вновь принялся за вино.

— Э... э-э...— в диком ужасе залепетал слуга Куршана, двумя пальцами поднимая с полу мохнатый обрубок.— Бедный, бедный господин Мухруз...

— Передай хозяину эту дрянь,— важно сказал Длинный Анто,— и еще скажи: коли он хочет получить свое отродье живым, пускай отпустит Ши Шелама нынче же вечером. Ты понял?

— Д-да...— пискнул слуга Куршана, задом нащупывая дверь.

Несколько мгновений спустя он уже неся по коридору с выпученными глазами и проклинал судьбу, что десять лет назад привела его в дом разбойника и оставила там на службе. Куда спокойнее было бы тащить сапоги или строить дома...

* * *

— ...Или строить дома.— Ши Шелам глубоко вздохнул. Мысль его далее постройки домов не простиралась, но, видимо, даже этой скромной мечте не суждено было сбыться — петухи совсем обнаглели и все подбирались к нему с тайной целью нагадить на ноги, в животе от голода бурчало и стонало, да и у клетки его с прошлого вечера никто не появлялся. Что касалось петухов, так тут Ловкач дал себе клятву питаться ими одними в течение целой луны, если, конечно, удастся уйти отсюда живым. Гораздо более волновало его то обстоятельство, что ни одна собака (включая Мухруза) из свиты Куршана к нему не приходила. Пожалуй, сие могло означать лишь одно: скоро ему предстоит долгий путь на Серые Равнины. К чему кормить пленника, который в скором времени все равно должен умереть? Вот только каким образом умереть?.. Этот вопрос чрезвычайно беспокоил Ши Шелама. От Куршана можно было многого ожидать.

Ужасные, просто омерзительные картины одна за другой вставали перед мысленным взором Ловкача. То он представлял себя, восседающего на колу с печальной улыбкой на устах, то чудилась ему окровавленная секира и голова с той же печальной улыбкой, катящаяся по пыльной земле, а то... Но нет, он еще не был готов к переходу в мир иной, а потому прогонял от себя жуткие видения и мыслями возвращался к своей уютной камерке, откуда его уворовали люди Куршана несколько дней тому назад. Вот шкаф, вот стол, вот топчан, а вот... Вот Конан, который принес

вина и половину жареного барашка. Значит, будет пир. Конан запоем своим густым хриплым голосом песнь о далекой Киммерии, а он, Ловкач, станет тихо ему подпевать...

Увы. И это ему только чудилось.

— Пш-ш-ш...

Совсем рядом вдруг послышалось шипение, более похожее на змеиное, нежели на петушиное. Ши Шелам поднял голову.

Перед клетью холмом возвышался уродливый толстый старик в алом парчовом халате. Глазки его злобно посверкивали, а короткие толстые пальцы, унизанные золотыми перстнями, яростно крутили концы кушака. То был сам Куршан.

— Встань, раб... — процедил он сквозь зубы. — С тобой говорит повелитель Шадизара!

— Чего? — удивился Ловкач.

По правде говоря, прежде он никогда не слышал о причудах разбойника, так что подобное заявление могло вызвать у него один только хохот, и ничего больше. Он и расхохотался, ненадолго забыв о том, что это может быть очень опасно.

— О, червь! — воскликнул Куршан, белея от злости. — Я раздавлю тебя немедленно! Я...

К великому изумлению Ловкача, уже успевшего перепугаться и сжаться в комок, толстяк закрыл рот пухлой ладонью и замолк. Он так и стоял перед клетью, вращая глазами и то багровея, то снова бледнея. Жидкие, черные с проседью волосенки его вздыбились, однако весь вид был отнюдь не грозен, а, напротив, довольно жалок.

Ши Шелам несмело поднялся и подошел к сетке, предусмотрительно оставив меж собой и Куршаном несколько шагов. Чуть подумав, кланяться он не стал.

— Не захворал ли ты, любезнейший? — учтиво спросил он, в глубине души опасаясь, что этот странный человек сейчас плюнет в него, а то и попытается просунуть пальцы в сетку, чтоб оцарапать.

— Умх... — помотал головой Куршан.

— Не явился ли во сне тебе сам Нергал?

— Умх...

— Так в чем же твоя беда? Может, я смогу чем-либо помочь?

Разбойник отнял ладонь от губ, дабы скорбным шепотом поведать:

— Мухруза украли...

— О-о-о...

Ловкач слегка растерялся, потому как вовсе не понимал столь горячей привязанности Куршана к мерзкому псу. По его мнению, он должен был только радоваться тому, что это чудовище наконец-то убралось из его дома.

— С утра я стенаю и плачу, — сообщил Куршан Ши Шеламу. — Горькие слезы таким бурным потоком извергались из глаз моих, что совершенно замочили мой любимый желтый халат, и мне пришлось надеть вот этот. А еще...

Тут он уселся прямо на землю, желая подробнее поведать гостю о своем горе.

— ...А еще туфля слетела с моей ноги и утонула в науге.

— Как же она могла слететь? — недоверчиво заинтересовался Ши.

— Очень просто. Я ударил ногой одного охранника и собирался ударить второго, тут она и слетела.

— Теперь понятно.

— А хочешь, я расскажу тебе, как я узнал об исчезновении моего песика?

— Конечно, хочу, — отозвался Ловкач, подавляя тяжелый вздох.

— Я спал — так сладко, как спят обычно праведники, дети и я сам. Мне снился чудесный сон, один из тех, какие боги посылают лишь особам королевских кровей и мне. Представь, на рассвете пришел в мой дом Бел (ну, ты знаешь, покровитель воров) и сказал: «О, прекраснейший из прекрасных! Красота

твоя затмила солнце, и боги недовольны. Они велют тебе хоть изредка прикрывать лицо шелковым платом, ибо невозможно им посмотреть на мир без того, чтоб не зажмурить глаза от яркого сияния твоего. А за то, что ты исполнишь их пожелание, они подарят тебе...»

Ши Шеламу так и не довелось узнать, что боги подарят Куршану, если он закроет свою физиономию платком. С тихой грустью поведал толстяк гостю, что как раз в этот момент его сна дико завопил охранник у дверей опочивальни и ему пришлось пробудиться.

— С чего ж он завопил? — с интересом осведомился Ши.

— Видишь ли, о сырная корка, он привык слышать не один храп, мой, а два — мой и Мухруза. Лишь к рассвету он разобрал, что из опочивальни доносится только мой голос, приоткрыл дверь и увидел, что Мухруза на месте нет. Тогда он снова закрыл дверь и заорал.

Ловкач, обиженный тем, что его называли сырной коркой, молчал. Однако Куршан ничуть этим не обеспокоился. Прерывисто вздохнув, он достал из кармана халата зеркало, придирчиво осмотрел свои щеки и нос, выдавил маленький прыщик под глазом, потом убрал зеркало и продолжил рассказ:

— Все утро в панике бегал я по дому и по саду, рыдал, кричал, звал моего бесценного песика. Увы. Напрасны были надежды. Он не выскочил из-за куста, не бросился в мои объятия, не залаял так нежно, как умеет лишь он один... В довершение ко всем несчастьям мой слуга Раху принес... О, язык не повернется вымолвить это слово...

— Какое слово? — поллюбопытствовал Ши Шелам, уже забывший о сырной корке.

— Хвост... Его хвост!

— Чей хвост? Мухруза?

— Да-а-а-а... — снова заплакал Куршан, осторожно пытаясь выдрать клочок волос из своего затылка.

— Какое горе... — пробормотал Ловкач, в душе ликуя. Он терпеть не мог это черное косматое чудище с человеческим именем и готов был благословить того, кто оборвал ему хвост.

— Еще б не горе, — буркнул разбойник, успокаиваясь. — Каково ходить без хвоста? Все равно что без головы.

— Без головы хуже, — не согласился Ши.

— Потому что у тебя нет хвоста.

— У тебя тоже.

— Фу! Ты запутал меня, племянник крысы из мусорной ямы. Конечно, у меня нет хвоста, да только мне он и не нужен. А Мухрузу — просто необходим.

Ши Шелам опять обиделся. Этот разбойник ловко придумывает прозвища — остается лишь порадоваться, что его не слышит Конан, а то бы на всю жизнь быть Ловкачу сырной коркой или племянником крысы, которая живет в мусорной яме. Но потом Куршан сказал то, от чего обида испарилась бесследно...

— Так что теперь придется мне выпустить тебя на волю, — так неожиданно закончил толстяк свой рассказ.

— На волю? — выпучился Ши Шелам.

— Ну да, на волю. Твой приятель заодно с гадким воришкой Длинным Анто украл моего драгоценного красавчика и требует, чтоб я отпустил тебя до нынешнего вечера. Вот, вечер уже наступает, иди себе, раб...

— Я не раб! — гордо вскинул подбородок воспрявший духом Ловкач.

— А-а, — махнул пухлой рукой Куршан. — Мне-то что за дело...

Он встал, вынул из кармана ключ и пошебуршил им в замке. Дверь клетки со скрипом отворилась.

— Так ты меня отпускаешь?

— А зачем ты мне сдался? — грубо ответил Куршан. — Иди, мои парни проводят тебя до постоянного двора Артекса — там этот глупый варвар ждет тебя...

Ши Шелам, все еще не веря своему счастью, выскочил из клетки и прытко поскакал по тропе. Сердце его стучало так громко, что казалось, на шум сейчас выбегут стражники и вернут его к петухам... Ну уж нет!

Но возле ворот его и в самом деле поджидали стражники. Они не стали хватать его за руки и бить — они просто отправились следом за ним, не приближаясь, но и не отдаляясь. Так, впятером, они и достигли постоянного двора малопочтенного Артекса.

* * *

Пока друзья праздновали освобождение Ши Шелама, заливая в глотки лучшее вино и закусывая лучшими кушаньями, в доме Куршана происходило вот что.

Водрузив в хрустальную вазу хвост бедного Мухруза, предварительно расцелованный в каждую шерстинку, разбойник уселся в глубокое мягкое кресло и приготовился ждать возвращения друга в родную обитель. Но проходило время, а стражники, посланные с Ловкачом на постоянный двор, как сквозь землю провалились.

Куршан поплакал, повыл, покатался в истерике по мягкому туранскому ковру, однако вскоре все эти занятия ему порядком наскучили. Тогда он осушил кубок крепкого красного вина и с холодной яростью в душе начал раздумывать о том, как ему поймать варвара и какой смерти предать. О, он не забыл и о Длинном Анто с мошенником Ши Шеламом! Для них он тоже найдет нечто особенное — они умрут не сразу, нет, не сразу...

Киммериец ошибся: Мухруз был не просто другом Куршана. Друга он не стал бы выручать из плена — к Нергалу всех друзей! Но за Мухруза он готов был отдать не только шивую мелочь вроде Ловкача, но и всех своих слуг в придачу к дому, саду и богатству.

Несколько лет назад он, мучаясь мыслью о краткости земного бытия, пришел к колдуну Аникосу и испросил у него истинного бессмертия. Старик посмеялся над ним, сказав, что и сам смертен, а посему ничем помочь не может. Однако за пять десятков золотых дал хороший совет: ищи зверя, злобного и беспредельно тупого. Потом ищи человека — все равно какого. Сердце этого человека совмести с телом зверя и тогда лишь, сотворив особое колдовство и окропив голову пса своей кровью, получишь часть себя — часть, которая необходима для того, чтоб жить вдвое более положенного тебе срока. Куршан нашел зверя — черного пса, злобного и беспредельно тупого. Он привел его в каморку колдуна, привязал к кольцу у порога, потом молча положил на стол кошель с тысячью золотых монет. Старик понял его без слов.

— Поди,— сказал он с усмешкой,— на дорогу и жди прохожего либо всадника. Убьешь его и тело принесешь сюда.

Он так и сделал. Первый, кто проезжал по узкой лесной дороге этой ночью, был молодой зингарский рыцарь, беспечный и доверчивый, как девица. Куршан без труда вогнал ему кинжал под кадык, стащил с коня и приволок в каморку.

А там... Колдун ловко и быстро взрезал ему грудь, достал трепещущее еще сердце... Затем, не теряя времени, ударил колотушкой по лбу черного пса и тем же клинком рассек грудь и ему. Через несколько мгновений все было кончено. Сердце зингарского рыцаря забилося под густой шерстью зверя — с этого момента пес обрел имя и друга...

...Воспоминания разбойника прервал шум в саду. Он вскочил и бросился туда. Из четырех охранников, кои отправились вместе с Ши Шеламом на постоянный двор, он увидел только двоих, но взволновало его совсем не это. Оба парня, бледные и дрожащие, держали за концы огромный мешок, в котором что-то яростно барахталось.

— Мухруз! — крикнул Куршан, вне себя от счастья.

Он подскочил к мешку и, оттолкнув охранников, трясущимися руками принялся развязывать веревку. Вот оно — его бессмертие! Вот оно! Оно рычит и извивается, зато теперь они вместе навсегда!..

— Не выпускай его, господин! — вдруг отчаянно завопил один из парней. — Он безумный! Он загрыз Астида и Матха!

Но Куршан не слушал его.

— Мухру-уз, — ласково шептал он, раздирая узлы на веревке, — ты вернулся ко мне, мой песик...

Так и не сумев развязать мешок, Куршан выхватил из-за пояса кинжал и одним махом распорол холст. Черная косматая голова с оскаленной пастью высунулась в дыру, вращая злобными красными, как угли, глазами. Слюни, смешанные с кровью, ручьями стекали с губ, желтые зубы громко клацали. Разбойник быстро поцеловал пса в нос и обеими руками стал тащить его из мешка. Наконец Мухруз оказался на воле.

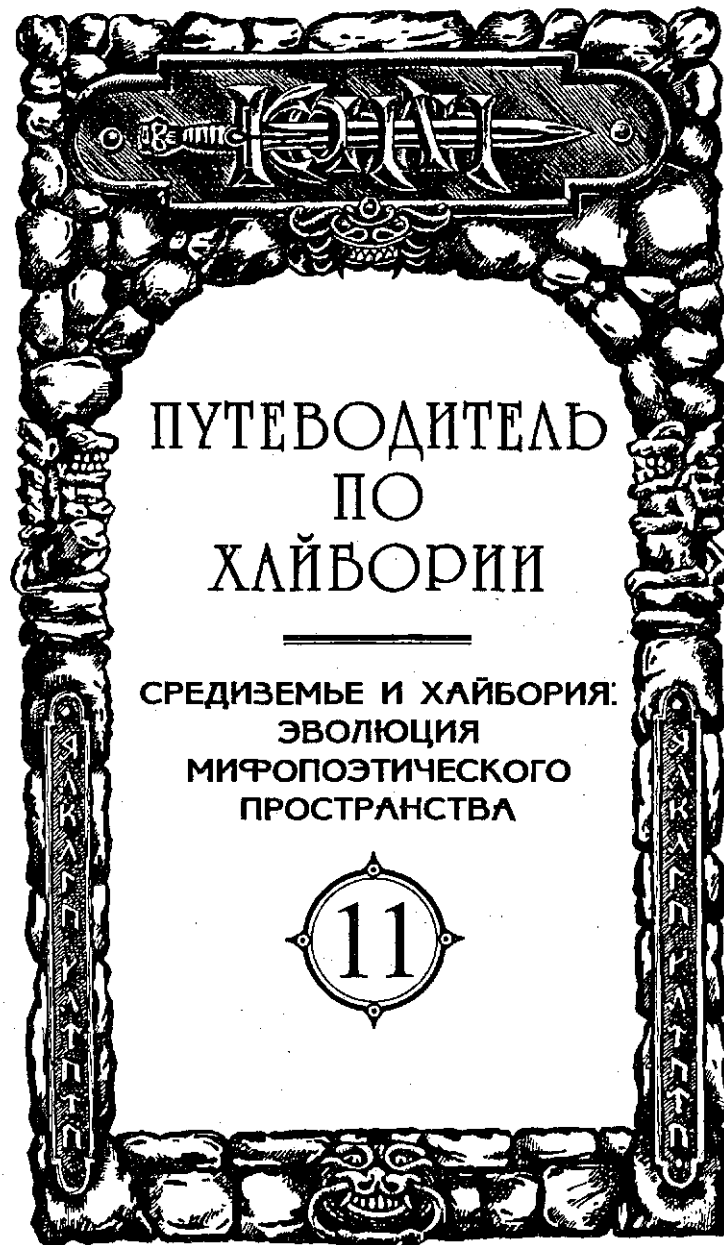
Заорав, охранники кинулись бежать в дом, за ними поспешили и слуги, наблюдавшие за освобождением хозяйского друга издалека.

С умилением и слезами на глазах смотрел Куршан на вновь обретенное бессмертие, мысленно воздавая хвалу колдуну Аникосу.

А пес постоял с мгновение, озираясь и рыча, потом медленно повернулся к хозяину.

— Мухру-у-уз... — прошептал тот, делая шаг навстречу другу и раскрывая объятия.

И Мухруз прыгнул. Только в последний момент, когда острые зубы пса уже смыкались на его горле, Куршан понял, что колдун его обманул. Бессмертия не существует.

СРЕДИЗЕМЬЕ И ХАЙБОРИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ МИФОПОЭТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Приступая к решению любой задачи, полезно сначала ознакомиться с ее условием, то есть ответить, хотя бы кратко, на три вопроса: *Что? Где? Когда?*

Итак, *Что?*

Во-первых, необходимо учесть, что к изучению мира Толкина и мира Говарда следует подходить не только с позиций географии физической, исторической, политической и прочее, но и постоянно памятуя, что пространство Средиземья и Хайбории — а обойтись без более или менее четкого определения категории пространства невозможно (иначе непонятно, что именно изучать и как) — является пространством мифопоэтическим, то есть отличным от привычного пространства физического. С точки зрения современной физики, пространство — это нечто абстрактное, отделенное от своего наполнения. Все направления и части его равнозначны, да и сами понятия о каком-либо направлении и членении в таком пространстве относительны.

В восприятии же мифопоэтического пространства является гармоническим равновесием соподчиненных частей и имеет эстетическую ценность, а потому доступно отражению в Слове. Пространство противоположно не-пространству, космос противостоит хаосу, мир — пустоте (вспомним, что Арду и Эа Толкина окружает Кума — Бездна, Пустота, Ничто).

В то же время в центре пространства (а мифопоэтическое пространство имеет центр) всегда существует неосвоенный, не переработанный космосом очаг хаоса — источник конфликтов. Возьму на себя смелость утверждать, что в Средиземье таковой локализуется как Ородруин. Вторым центром (и он обязательно присутствует в мифопоэтике), через который проходит ось мира, осуществляется связь мира горного с миром дольным, является вершина Манвэ, Ойолоссэ.

Мифопоэтическое пространство неотделимо от предметов, его наполняющих, и от времени, в котором они пребывают, ибо и ценно оно их содержанием и взаимосвязями, меняющимися непре-

рывно. В связи с этим различны и неравноценны направления в пространстве и его части: Север — колдовской, демонический, Запад — обожествленный, духовный, но там же и вход в царство мертвых (Чертоги Мандоса, например), Восток — необъятный и таинственный. Пространству надлежит быть познанным, пройденным и освященным, для чего эпический, сказочный, литературный герой продвигает путь — притом весьма окольный (и Фродо тоже подходит к цели далеко не прямым путем) — не путешествие, но миссию, и каждый шаг его символичен (мост, пещера, ворота, перекресток, гора, лес, болото — всюду преодолевается некая граница между «своим» и «чужим», делается выбор между истинным и ложным) и неслучаен. Некий сакральный символ должен быть доставлен в центр пространства, дабы утвердить приятие мира перед Творцом, провозглашая объединение частей пространства одним телеологическим замыслом, восстановление на более высокой духовной ступени былого единства горного и дольного, признание жертвы Творца, ограничившего себя этим актом первотворения, путем Спасения Творения, переход (эвкатастрофа) от мира старого к миру новому.

Приступая к анализу предполагаемой эволюции мифопоэтического пространства от толкиновского Средиземья до говардовской Хайбории и сопредельных с ней стран, необходимо прежде всего условиться о месте действия этой эволюции. Профессор Толкин отвергал любые попытки перенести построенный, а точнее, реконструированный им мир на другую планету, в другое измерение, в «параллельную реальность». Действие «*Сильмариллиона*» и «*Властелина колец*» происходит на Земле. «На той самой Земле, где мы с вами сейчас обитаем», — подчеркивал он в одном из своих писем. То же самое можно утверждать и по отношению к Хайбории. Документальными свидетельствами, ссылающимися на мнение самого Р. Говарда, автор не располагает, однако реалии мира Хонана, топонимика, имена персонажей, описания ландшафтов — все это позволяет сделать однозначное заключение: писатель оставляет своих героев на Земле, не прельщаясь возможностями, предоставляемыми для творчества иными звездными системами и мирами.

Третий вопрос из определяющей триады *Что? Где? Когда?* — вопрос *Когда?* Из самого названия данной статьи явствует, что автор ставит Средиземье в хронологическом порядке раньше Хайбории. Дело здесь, разумеется, не в личных симпатиях, хотя субъективных моментов, скорее всего, избежать не удалось. Хронология толкиновской вселенной весьма детально, начиная с Первой эпохи, разработана самим Профессором и исследователями его творчества, в частности Р. Фостером, поэтому временные привязки в этом случае определяются достаточно четко. В письмах сам Толкин отмечает, что временная эпоха «*Властелина колец*» реконструирована согласно законам литературной достоверности и отнесена к «лакуне» в истории человечества — периоду между Великим оледенением и появлением первых цивилизаций, то есть между VIII и VI тысячелетиями до н. э. Отправной датой может также служить низвержение Нуменора, сиречь гибель Атлантиды, отнесенное Платоном на 10 000 лет назад (по сравнению со временем, когда жил сам автор

«*Тимея*» и «*Крития*» соответственно). События Войны Кольца имеют место в 3019 г. Третьей эпохи. Таким образом, получается приблизительная дата окончания Третьей эпохи — 7000 г. до н. э. До возникновения рабовладельческих государств Египта, Месопотамии, Индии и Китая остается, по меньшей мере, 2000 лет, к тому же следует учесть: Ближний Восток, а тем более Индия и Китай — регионы очень и очень далекие от запада Средиземья, уместающегося целиком на территории Западной Европы.

Переходя теперь к определению местоположения Хайбории на временной карте последних 10 000 лет до новой эры, уместно будет воспользоваться тем же ориентиром, то есть архетипическим мифом, привлекавшим внимание несчетного числа писателей, историков, теософов, географов, геологов и специалистов из других областей науки и искусства — мифом об Атлантиде. Со времени основания Аквилонского королевства Эпимитриусом до захвата престола Тарантии Конаном минуло около 1300 лет. По «*Немедийским хроникам*» Трон Дракона (Бельверуса) существует на тот период уже 3000 лет. Колонизация атлантами Киммерии относится на 4000 лет назад. Хайборийское завоевание совершалось уже после Великой Катастрофы, но не сразу после нее, а приблизительно 1000 лет, если не больше, спустя. Получается, что Конан I стал королем Аквилонии через 1000 лет после смерти Арагорна и ухода на Заокрайный Запад последних участников Содружества Кольца — Леголаса и Гимли. На дворе был 6000 г. до н. э.

Возникает вопрос: не следует ли из приведенных хронологических подсчетов, что Хайбория и государства Третьей эпохи, такие, как Гондор, Рохан, королевство Беорнингов, Эсгарот, существовали в одно и то же время на одном и том же месте и при этом ухитрились не замечать друг друга? Разумеется, следует, и автор весьма этому рад. Противоречие здесь кажущееся. Если бы речь шла об истории материальной культуры с ее археологическими находками, поиском и анализом письменных источников и прочими атрибутами, главным из коих является пространство физическое, повод усомниться в реальности существования либо Хайбории, либо Средиземья имелся бы, притом более чем основательный. Но здесь, когда речь идет о пространстве мифопоэтическом, не об истории (читай «хронике»), а о «трагедии (сиречь мистерии — прим. автора) материальной культуры», подобные совпадения не просто возможны. Более того, их наличие доказывает единство и преемственность мифологического и мифопоэтического мышления в литературе, а значит, доказывает и реальность существования мифопоэтического пространства в наши дни, а следовательно, и присутствие влияния его на современную действительность.

С помощью той же системы аргументов снимается еще одно противоречие, кажущееся очень существенным. Автор статьи предвидит возможные возражения по построенной временной схеме в связи с тем, что сам Р. Говард относил действие своих романов и новелл на 15 000 лет назад, и Хайбория, таким образом, должна предшествовать не только Средиземью, но и Атлантиде Платона. Однако датировку Говарда, на мой взгляд, нельзя воспринимать

всерьез, как по приведенным выше соображениям, так и по иным причинам.

Эпоха, указанная Говардом, — это время наибольшего распространения оледенения, когда ледяной покров занимал территории современных Нидерландов, Чехии и Польши. Естественно, что о наличии в Европе каких-либо земледельческих культур не могло быть и речи. В антропосфере господствовали неандертальцы, уподобить хайборийцев которым было бы шагом сколь смелым, столь и сомнительным. Мало того, известный чешский геолог Зденек Кукал в своем исследовании *«Атлантида в свете современных знаний»* убедительно показал наименьшую вероятность существования Атлантиды и любых иных высокоразвитых материальных цивилизаций в эпоху оледенения.

Если же обращаться к мифологии, то ни одна из ныне существующих мифологических систем, кроме индуистской, не оперирует столь большими временными отрезками. Даже эльфы Валинора не были в состоянии удержать в памяти столько лет, и все датировки до восхода солнца у Толкина сокрыты туманным понятием «несчетные годы». Мифология вообще не склонна к точным временным ссылкам там, где речь идет о годах доисторических. Р. Говард попытался ограничить архаичный период на оси времени и, как видно, «промахнулся», ибо фраза «Хайбория началась 15 000 лет назад» выглядит столь же нелепо, как и слова «сейчас идет 7197 год от сотворения мира». Нелепость не в самих цифрах, а в том, что ни у монахов, решивших, что мир был сотворен в 5199 г. до н. э., ни у Говарда эти цифры ничем серьезным не обоснованы.

Ничем не обоснованы и «10 000 лет» между Атлантидой Платона и самим Платоном. Позволю себе повториться: миф об Атлантиде — миф архетипический, мотивы коего были использованы и Толкином и Говардом (причем у обоих в трактовке Платона), а посему именно данные великого грека избраны автором статьи для определения точки отсчета мифопоэтического времени.

...Концепция Средиземья Толкина построена прежде всего на языковой основе греческого, латыни, финского, кельтских и германских языков. С появлением языков Средиземья с необходимостью возникли и носители этих языков, их мифология и культура, и само Средиземье с его историей. Этим во многом объясняется стройность, гармоничность и глубина Малого Творения, созданного (или воссозданного) профессором. Нельзя, конечно, исключать литературных, исторических, географических и иных аллюзий, но они скорее следствие избранных за основу языков, нежели первоначальная причина становления Средиземья именно таким, каким оно получилось.

Подход Говарда явно не отличался подобной основательностью, и уж вовсе нет предпосылок искать у американского писателя даже попытки создания какой-либо лингвистической системы. В случае Хайбории имеет место простая калька, элементарный перенос привычных исторических имен и названий на почву вымышленной эпохи. Тем не менее эта ономастика там прививается и не вызывает у читателя неприятия, ощущения языкового дискомфорта.

та. И вовсе не потому, что Р. Говард случайно рассовал по карте своего мира страны, народы и языки чудесным образом, по наитию, и вышло удачно. Несомненно, писатель знал, чего он хочет и как этого добиться. Герои и боги европейских и ближневосточных эпосов, мифов, религий от древности и античности до средневековья, поставленные Говардом в начальные условия некой достаточно развитой аграрно-ремесленной цивилизации при необходимом разнообразии природных и исторических факторов, начинают жить и действовать логически обоснованно, сообразно стереотипам западноевропейского менталитета, выраженным в мифе.

Прежде всего, рассуждая о линии эволюции мифологического мировосприятия, восходящей от Толкина к Говарду, следует остановиться на том, что объединяет их построения. Это идеи христианства, монотеизма, борьбы с внемировым злом, стремящимся к абсолютной власти, ушедшего тысячелетия назад «золотого века» с неизбежным грехопадением и глобальной катастрофой и не слишком светлым будущим в ожидании старого зла в новом обличье и апокалиптического финала.

Разумеется, у разных писателей (естественно, не только Толкин и Говард руководствовались теми же идеями) эти мотивы получили разное воплощение. Нет смысла сравнивать интеллигентную, филигранно стилизованную, эпически мудрую прозу Дж. Р. Р. Толкина с простоватой, безыскусной и лаконичной речью Р. Говарда — это разные жанры, да и задачи авторы ставили перед собой различные. По тем же причинам не нужно взаимно анализировать глубину философских изысканий английского и американского писателей, измерять количество и качество метафор, эпитетов, гипербола, аллюзий. Оба прежде всего рассказывали истории, истории о *Небытии*, или о *Возможно Бывшем*, или о *Могущем Быть В То Время*, то есть занимались мифотворчеством в высшем и лучшем понимании этого слова.

Различало их в этом очевидном единстве то, что Профессор Толкин — продолжатель традиций английской литературы, выросший из нее, черпающий свое вдохновение от самых древних ее истоков: народного эпоса, римской античности, раннехристианских философов и богословов. Говард же, явно знакомый с легендами древности и средневековья, остается ярко выраженным представителем литературы американской, литературы Нового Света, многое привнесшей в английскую, из которой она и выросла, но и многое утратившей. Отсюда и героем у Говарда выходит не Гэндальф (архетип «Старого мудреца», для американской прозы крайне редкий), не благородный рыцарь Арагорн (будто только что вставший из-за Круглого Стола), не хоббит Фродо — из тех маленьких героев, что вертят колеса истории, а Конан-варвар, для коего главным является понятие *challenge* (не самый адекватный русский перевод — «вызов»). Вот именно на этом понятии, восходящем ко времени войны за независимость и покорения Дальнего Запада, и построены многие американские романы — от *«Моби Дика»* и *«Алой буквы»* до *«Мартина Идена»* и *«Финансиста»*.

По вполне понятным причинам американской мифологии (или, создавая новую громоздкую конструкцию, «мифологии США») не существует. То есть не существует мифологии пришлого, белого населения. Американцы — этнос довольно молодой, с подробной сохранившейся письменной историей, так что для появления легенд и мифов Америка — земля не благодатная. Мало того, добрая старая Англия на поверку оказалась не столь уж старой, так что Толкин даже взялся воссоздавать ее мифологию и «легендариум». Естественно, что природа не терпит пустоты.

В США место мифологии заняла литература. Сами американские писатели — в особенности в XIX в. — личности почти легендарные. Все высказывания вроде «нет пророка в своем отечестве», «поэт — невольник чести», «поэт в России — больше, чем поэт» и ярлыки по образцу «проклятый поэт», коими столь щедро награждали русских, французских, английских поэтов и писателей, — более чем подходящие для немногочисленной, но ярчайшей плеяды их американских собратьев по перу: Натана Готторна, Германа Мелвилла, Эдгара Аллана По, Генри Торо, Эмили Дикинсон, Уолта Уитмена, Джека Лондона — вот уж судьбы не менее трагичные и загадочные, чем у Лермонтова, Рембо или Шелли. Но если в их творениях образ героя, лично принявшего вызов — вызов стихии, судьбы, врага и всего, чего душе угодно, — еще не до конца четко выведен и оформлен и виден скорее в личности самого автора, нежели в персонажах его произведений, то, начиная с «Северных рассказов» Дж. Лондона и «Финансиста» Т. Драйзера, на страницы книг выходит он — сильный герой, *challenger*, редкий гость в западноевропейской и российской литературе.

Конан Р. Говарда — типичное выражение американского мифа, американской мечты, если угодно. Мужчина с железной волей, железными мускулами и железным кредо — творец своей судьбы. При этом пусть Говард и наряжает киммерийца в одежды варвара, тот ведет себя как самый примерный христианин и гражданин, непреложно соблюдая десять заповедей и «*Билль о правах*». Конан никогда не становится на позицию сверхчеловека (то есть *сатаны*), хотя имеет для этого самые благоприятные возможности: ему это и в голову не приходит! Попробуйте отыскать такого на дорогах современного Запада! Не вдруг выйдет, если выйдет вообще. Либо в течение тысячи страниц герои раздумывают, остаться им высоконравственными и жалкими или же стать предателями и убийцами, но возвыситься в мощи своей, а в результате поступают и право и неправу, либо ничтоже сумняшеся предаются всем порокам, после чего немножко каются и цинично грешат напропалую дальше.

Разумеется, автор статьи далек от того, чтобы судить замечательных художников слова и литературу Старого Света вообще, — каждое время заслуживает своих героев. Разумеется, и в американской прозе хватает тонких мятущихся душ и откровенных негодяйчиков, да и Европа не совсем оскудела цельными натурами, но Конан — явление американское от начала до конца. За Лондоном, Драйзером и Говардом эстафету подхватили в первую очередь,

пожалуй, знаменитые фантасты США: Хайнлайн, Азимов, Гаррисон, Саймак и, как ни парадоксально это может прозвучать, Рей Брэдбери. Но именно Конану-варвару суждено было стать мифом, Вечным Героем. Именно поэтому мир Говарда, а не воображаемую вселенную какого-либо иного писателя должно рассматривать как преемственную по отношению к Средиземью.

Здесь читатель вправе засомневаться, не купил ли он kota в мешке: в заглавии фигурирует термин «пространство», а ему пока предлагается эссе по истории литературы. Где же материки, океаны, горы, реки и поля? О них еще будет сказано, а как же! Но в пространстве мифа перемещения по направлениям «воля — распущенность», «страстность — инстинкт самосохранения», «аттрактивность (стремление к идеалам истины, красоты, справедливости) — эгоизм» столь же естественны, как походы «север — юг», «восток — запад». Так кому же на смену пришел Конан, какие территории освоил, кому пришлось потесниться, а кто ушел из мифа насовсем?

Конан пришел в Средиземье, которое к его времени уже перестало быть таковым, обернувшись Хайборией, как и США не являются Европой, оставаясь исторически закономерным ее продолжением. Говард и Толкин жили и творили в одно и то же время, но Средиземье старше, неизмеримо старше. История его уходит корнями во времена не то что легендарные или эпические, но в библейские. Она начинается ни много ни мало, а с мифов творения. Создатель всего сущего, боги, бессмертные (в определенном смысле) эльфы, хранящие живую память о невообразимо древних временах, — все они действующие лица грандиозной летописи Средиземья, и ни единое звено не может выпасть из этой цепи событий. Все во «*Властелине колец*» восходит к «*Сильмариллиону*» и происходит из него.

Иначе в Хайбории. Да, что-то помнится о давних временах, когда были на земле могучие атланты и жестокие кхарийцы, какие-то руины прячутся в песках и джунглях, великий Эпимитриус некогда низверг Великого Змея, где-то в надмировых сферах есть высшая правда — солнцезарный Митра. Вот и все, что помнят хайборийцы, кхитайцы, туранцы, за исключением особо просвещенных и посвященных. Да их это и не занимает: дел хватает и без того. И только киммериец Конан, северный варвар, взявший «римский престол», своего рода марсианин в среде эклектичных городов земледельческих цивилизаций юга, ухитряется за отпущенные ему полвека коснуться самых сокровенных тайн древности и шаг за шагом, от романа к роману, от Говарда к его подражателям и продолжателям (не будем здесь рассматривать сугубо коммерческие продолжения — они легко отличимы и малоинтересны), проходит от края и до края весь говардовский Материк и вытаскивает на свет его историю, хотя это ему не очень нужно. Но уж таков Конан — он должен найти вызов, принять его и действовать.

Как же получилось, что именно Конан пришел вослед героям Белерианда, Нуменора и Средиземья? Предвосхитил ли это Толкин? Каким путем шел мир от королевств дунаданов и их потомков

до Аквилонии, Немедии, Турана и предшествовавших им империям ххарийцев?

Попробуем сначала обнаружить предшественников Конана в Средиземье. Таковые найдутся: Турин Турамбар и Боромир. И дело здесь не только в физической мощи, искусстве владеть оружием и определенном сходстве характеров. Все трое — а компания Конану подбирается достойная! — мятежники, принявшие вызов судьбы, пошедшие ей наперекор. И все трое, с одной стороны, в этой борьбе выстояли и, с другой стороны, своей судьбы все же не избегли, получили по делам своим. Разница лишь в финалах: для Турина он трагедийный, для Боромира — очистительный, для Конана — и вовсе туманный, ибо нам неизвестно, что поджидало Вечного Героя в конце пути. Но можно предположить, что конец этот был вполне благополучный: смерть от старости в здравом уме и твердой памяти в окружении благодарных и любящих наследников.

Чем же обязан киммерийский варвар-наследник столь благополучному по сравнению с его величественными предшественниками исходу? Тем, что над ним не тяготело проклятие прошлых тысячелетий. Гигантский, давящий груз памяти и ответственности за прошлое связывал и сына Хьюрина, и сына Денетора II. Им суждено было идти заповеданной многочисленными предками и их праведными и худыми деяниями стезей, сознавая при этом неизбежность конечного поражения. Вот против неизбежности они и бунтовали, но каждый по-своему. Турин мужественно взвалил на себя тяжесть родительского проклятия да так всю жизнь и провел с ним. Он силился преодолеть проклятие, верша как раз тот путь, который был проклятием предначертан, доказывая самому себе и всем, что он, Турин, столь силен, что проклятие не имеет над ним власти. Но от ненависти родилась ненависть. Турин сразил своего дракона — Глаурунга, но, только бросившись на собственный меч, сумел убить дракона в себе. Боромир мог пойти по той же дороге, и он почти повторил судьбу Турина, но сумел в решительный момент распознать и преодолеть искушение, чем и заслужил прощение, и смерть, а значит, и жизнь его не были тщетны.

Над Конаном прошлое не довлеет. Ему неведомы идеи метафизического добра и зла, незнакомо понятие греха, а потому нет и опасности искушения, опасности впасть в грех — он язычник. Достаточно того, что все указанные понятия были известны Говарду, и уж он-то позаботился о том, чтобы логически непротиворечиво вести линию судьбы героя, изображать историю его попыток поспорить с ней. Для самого Говарда путь Конана был невозможен — он ведь знал, чем все кончится! Покрывало Иисиды¹ было приподнято, что и повлекло за собой добровольную преждевременную смерть писателя.

И Толкин сетует на то, что знания прежних эпох утрачиваются (надо думать, имеются в виду знания не технические, но мудрость, истинное учение), и страницы Говарда пестрят упоминаниями о

невозвратно канувших в бездны времени великих культурах, куда более славных, чем нынешние, сиречь хайборийские. Память бесчисленных поколений ушла из сознания людей, поменялись даже архетипы. Конан — человек настоящего, он сам не сознает, что живет в мифе и творит его, воспринимая лишь день сегодняшней. Само время, кажется, Конан считает по-иному, чем это привыкли делать наши современники или герои Толкина. Для киммерийца существует легендарная эпоха, когда по земле запросто расхаживали Кром, Имир и Митра, и время настоящее, когда живут Канахи, Нумедилесы и Тот-Амоны. Для него не существует понятия «пять лет», «десять лет», «век», «эпоха». Порою думается, что если бы у Конана спросили, сколько ему лет, он бы затруднился с ответом. Для него есть зима, весна, лето и осень, и время совершает этот цикл, не зная линейного отсчета. Для него концепции времени не существует. Оно циклично — «от урожая до урожая», «от дела к делу».

И в повседневной жизни, несмотря на пребывание в нетипичной для киммерийца урбанизированной среде, он продолжает руководствоваться правилами, традициями и устоями киммерийского кланового быта, по-своему понятыми Говардом и успешно применяемыми Конаном на реалии новой обстановки. Естественно, что для XX в. с его весьма шаткими моральными устоями, всеобщим релятивизмом, отсутствием духовных (да и душевных зачастую) ценностей и ориентиров, апокалиптичностью событий (на деле лишь кажущейся) такой взгляд на мир был для Говарда выходом. В этом взгляде, а вовсе не в грубости, невежестве и культе силы состоит «варварство», воспетое Говардом в образе киммерийца.

Мир — мир, по крайней мере, американской, новой для нас (англичан, французов, германцев, русских) цивилизации — требует именно такого героя. Героя, не знающего святости и греха, забывшего обиды, унижения и падения былого, мученичеству пути духовного предпочитающего обращение к ценностям душевным. Не случайно светлый бог, истинные последователи коего идут путем духа, стыдливо скрыт Говардом под именем Митры, бога некогда весьма уважаемого, но все же языческого, то есть *одного из многих*. Говард разуверился в торжестве добра, эвкатастрофе, ищет выхода в ином — и находит для Конана, но не для себя. Языческое мировоззрение киммерийца легко интегрирует в себя и десять заповедей (почему нет?), и монотеизм (в Хайбории Митра — Бог Единый? — извольте, но это не мешает попросить помощи у Крома), и все прочее, типичное для христианского мира. Для Говарда такое было невозможно — он-то жил в США, а не в Хайбории! И он ушел, сотворив миф о герое остывающего в забвении мира и предвещая грядущий приход пиктов и гирканийцев — еще в большей степени варваров, нежели Конан.

В этом — Америка. «Антицивилизация», несущая крах личности и разрушение души. «Антицивилизация», составившая свое кредо на трех камнях: Доллар, Удача, Соперничество. «Антицивилизация», которую я, как шотландец, воспитанный под знаменем святого Георгия, возвращенный культурой Европы, человек с глубокими

¹ Покрывало Иисиды (египт., миф.) — смерть.

корнями, уходящими во времена, когда о господах Линкольне и Вашингтоне и слыхом не слыхивали, принять не могу. И никогда не уподоблюсь ее адептам. Америка — внешний мишурный блеск для европейца, но и для личности шотландца (немца, француза, румына, русского или итальянца) — смерть, духовная гибель для человека *нашего* покроя!

Иное дело Дж. Р. Р. Толкин и его уходящие герои. Оксфордский профессор и весь кружок его товарищей — *Inkling*'ов — это один из последних островков грандиозного духовного прошлого Chrétienne, «христианского мира», западной культуры. Попытка воссоздания мифологии, предпринятая *Inkling*'ами, была выдающейся и даже небезуспешной на какой-то период, но время необратимо, и далеко не всеми эта попытка была воспринята адекватно. Не случайны обвинения именно в адрес *Inkling*'ов в эскапизме (бегстве от действительности) — на их более мелких подражателей попросту не обращают внимания. Никакого бегства нет, только вот подходящая действительность осталась в прошлом. Поэтому и уплывают Прямым Путем герои Толкина, поэтому и воспринимаются мысли и настроения английского писателя столь близко к сердцу образованным российским читателем: российский путь духа еще не пройден до конца, и эра «русского Конана», если воспринимать образ киммерийца в вышеизложенном контексте, пока что далеко впереди.

Всем развитием своего «легендариума» (термин «*legendarium*» предложен в письмах самим Профессором) — от «*Музыки Айнур*» до «*Новой тени*» — Толкин предвосхищает и подготавливает приход на смену Средиземью, не выдерживающему груза памяти прожитых тысячелетий, даже временами тонущему в волнах Великого Моря (море — символ забвения), эклектичной Хайбории, вслед за коей уже видятся на Востоке прообразы древнейших археологических культур — Индии (Вендии), Китая (Кхитайя), Египта (Стигии), Месопотамии (Турана). Если в конце Третьей эпохи еще присутствуют в Средиземье свидетели возвышения и низвержения Нуменора, двух пришествий Саурона («тьма с востока») и даже падения Моргота, Первого Врага, то во времена Конана Великая Катастрофа Атлантиды — лишь последние отголоски громкого эха, приход кхарийцев — и вовсе смутная полупеленда, а от колдовского Севера остается довольно убогий осколок — Гиперборея.

Но преемственность сказанного о Средиземье и о древнем прошлом Хайбории — если отслеживать отдельные сходные мифы, связывающие эти два образа мифопоэтического пространства, — наблюдается. У Толкина сказано, как менялось поведение нуменорцев (атлантов) по отношению к народам Средиземья (материка) с течением времени: сначала они приходили как дарители, просветители, позже — как колонисты и, наконец, как завоеватели, работодатели — могучие, прекрасные и жестокие. Такими в памяти большинства народов они и остались. То же самое помнят об атлантах жители Хайбории и более ничего помнить не могут: эльфы давно ушли за море, а Гондор — единственное место, где еще были

какие-то письменные памятники, давно исчез с лица земли, и «*Новая тень*» — пророчество тому.

Кхарийцы Говарда нагрянули откуда-то с востока, при этом были они сколь искусны в ремеслах и магии, столь же и злы и преисполнены гордыни по отношению ко всем иным, некхарийцам. Кхарийцы, собственно, и принесли с собой культ Великого Змея, Сета, бога тьмы и зла. А именно такой культ и насаждал усердно в подвластных ему землях Саурон. Мало того, на заре Аквилонии Эпимитриус бился с Сетом и низверг его — это ли не память о Войне Кольца? Не суть ли кхарийцы просто племена и народы, принявшие руку Саурона и вооруженные его знаниями и магией? А ведь были те народы очень и очень многочисленны, и если королю Элессару (Арагорну) удалось оттеснить их на восток, то совсем не очевидно, что положение не изменилось по его кончине. Кроме того, ни истерлинги, ни харадримы, ни всадники Кханда, ни пираты Умбара не спешили как-либо раскаиваться в своем обращении ко злу, и при описании битвы у врат Мораннона Толкин отмечает это. Напоминается также сходство между кхарийцами и Черными Нуменорами — основателями королевских династий Юга и Востока Средиземья — в области архитектуры: и те, и другие отдавали предпочтение монументальному, «египетскому» стилю с его пирамидами, гигантскими богатыми усыпальницами и грандиозными фиванскими храмами.

В связи с поединком Эпимитриуса с Великим Змеем (хотя и длился он около двухсот лет) возникает еще одна линия преемственности, а именно деятельность Гэндальфа. Митрандир боролся с Сауроном, начиная с его возвращения в Дол Гулдури в Третью эпоху, то есть с 2460 г. Но узнал он в хозяине замка в Чернолесье Саурана только в 2850 г. Развоплощение Саурана свершилось в 3019 г. Значит, поединок лицом к лицу, с открытым забралом, длился неполных 169 лет — для событий более чем тысячелетней давности расхождение в 30 лет не кажется очень значительным. Кроме того, Гэндальф, как и Эпимитриус, пусть и победил, но в ходе борьбы был убит — балрогом. Балрог в продолжение схватки принимал облик «скользкого чешуйчатого гада» (вспомните воплощения Сета!)

Мотив колдовского Севера исчезает со страниц непосредственно повествовательной части произведений Профессора после разрушения Тангородрима и Ангбанда, но появляется вновь в «*Хрониках*», когда речь идет о королевстве Верховного Назгула — Ангмаре, королевстве колдунов. То же встречается и у Говарда: его Гиперборея, пусть там и нет чернокнижника, равного по мощи Королю Моргула, — весьма вероятный плод семян того нового зла, которое, словами Гэндальфа, «еще опоганит Средиземье». Что касается финских корней в именах гиперборейских чародеев, то об этом разговор чуть впереди.

Что касается древних руин, более чем часто обнаруживаемых у Говарда в самых труднодоступных местах, различных волшебных артефактов, духов и зон повышенной концентрации магической энергии, то есть они и у Толкина, и Хайбория должна была унас-

ледовать их у Средиземья, тем более что магическим именуется обычно все рукотворное, что действует, но необъяснимым образом. С утратой прежних знаний после исчезновения Гондора, Ривенделла, Лориэна и Линдона и даже легенд о них все так или иначе оставшиеся в Средиземье диковины вроде палантиров и иных гораздо менее мощных инструментов должны были быть объявлены волшебными, а сохранилось их немало.

То же и с древними руинами: к эльфам/альвам и в конце Третьей эпохи относились с опаской и неприязнью даже соседи (достаточно вспомнить рохирримов), а уж после их ухода места их поселений непременно назывались «дурными», и дорогу к ним напрочь забывали и детям туда ходить заказывали. Памятники покрывались землей, песком, зарастали лесом и травой, но волшебство — где доброе, как (вспомним поход Хранителей) в Эрегионе, где злое, как в Дол Гулдуре — оставалось и ощущалось. А было волшебство и вовсе не эльфийское и не Саураново — это, к примеру, Курганы древнего Кардолана, где хоббиты сталкиваются с нежитью, или Старая Ива в Старом Лесу. Такие урочища совсем не должны были утрачивать своих волшебных свойств, ведь инициировавшие их появление люди или духи природы и вовсе никуда не уходили.

Таким образом, медленно, но верно автор статьи перешел от литературных и философских моделей эволюции пространства мифопоэтики к сфере куда более материальной: географии, ономастике, частным вопросам и аллюзиям в религии, истории. Как выясняется, и здесь имеет место наследование, причем опять-таки Средиземье фигурирует в роли предшественника, а Хайбория — в роли промежуточного звена между Средиземьем и всемирной историей, зафиксированной археологически и летописно.

Если обратить внимание на очертания побережий, то не надо вооружаться сканером и компьютером, чтобы обнаружить несомненное сходство береговой линии северо-запада Средиземья от Фордвайта до Умбара и Хайбории от Ванахейма до Куша. Омываемый с запада бескрайним океаном берег тянется откуда-то с арктического севера почти строго на юг, а затем, достигнув субтропиков, резко поворачивает к востоку, образуя угол, близкий к прямому, после чего вновь уходит круто к югу. При этом первый из вышеперечисленных участков пустынен и малонаселен, второй — средоточие портов, торговых городов, выход к морю великих держав, третий — экзотичен, дик, но также имеет крупные порты и является прибежищем пиратов. То есть вид побережий почти не изменился, за исключением того, что берег Средиземья имеет на северо-западе значительный выступ, где располагался Линдон. Но линдонские эльфы, пусть и последними, покинули Круги Мира, «и песням их не звучать». Нет в Хайбории места и Земле Песен — Линдону. Если рассматривать наследников Линдона на карте современной Европы — Ирландию и Уэльс (одно из названий последнего — Земля Песен!), то и они в Хайбории оказываются лишними: утонченная и фантастичная кельто-латинская христианская культура Ирландии в Хайбории неведома, как и свет, приходящий с Заокраинного Запада.

С другой стороны, всему вышесказанному о забвении прежних эльфийских владений как нельзя лучше соответствует расположение на месте толкиновских Линдона, Минхириата, Энедвейта пиктских пустошей (вернее, все же будет говорить «пиктской пуши», поскольку на пустошах пикты не жили, они обитали в диких лесах). Линдон и в Третью эпоху был зеленым краем, а с отплытием эльфов стал и вовсе девственным лесным массивом. Невысокие, сточенные временем старые Синие горы (Эред Луин) можно отождествить с плоскогорьями пуши, а далее лес доходит на востоке до самого Брендивайна, поскольку и хоббитского Заселья уже нет — Малый Народ скрылся от людей в чашобах и болотах. Вырубленные во Вторую эпоху нуменорами и в Третью арнорцами густые леса Эриадора также могли постепенно восстановиться. Так или иначе, северо-западное и западное побережье Средиземья так и осталось заброшенным и малонаселенным. Охотники-пикты — потомки дунландцев, рыбаков и пастухов Энедвайта — заняли прежние эльфийские владения и надежно хранили их древнюю тайну.

Суровые северные берега Средиземья от Форлиндона до Форохельского залива и дальше на полночь адекватно представлены хайборийским Ванахеймом, но к ним уже вышли ваниры — предки скандинавов, пришедшие из глубин континента.

Ту часть побережья, где жизнь бьет ключом, где находятся Зингара, Аргос и Шем в Средиземье занимал Гондор, моделирующей у Толкина древние средиземноморские цивилизации. Профессор, не копируя карту северного и восточного Средиземноморья, поместил на берегах Анфаласа и Белфаласа все ландшафты от пиренейского до палестинского, если следовать с запада на восток. Точно так же поступил и Говард, но у него уже нет ни Дол Амрота, ни Пеларгира. Американец вообще строит свой мир, преимущественно не развивая придуманные им мифологические мотивы древности, как поступает Толкин, но, напротив, мифологизирует известное из истории древней и средневековой Европы, а затем производит экстраполяцию этого мифа на еще более удаленную древность. Тем более удивительно, что эти два пути оказываются единым, если проследить до конца движение каждого из них по заданным авторами векторам.

Единственное неосвоенное место на рассматриваемом участке берега — леса вампиров меж Зингарой и Аргосом — тоже локализуется на карте Средиземья: это полуостров Андраст, горы и леса которого населяли друэдаины, которые впоследствии, когда добрая память о них окончательно стерлась, вполне могли быть объявлены злыми вампирами за свое умение скрываться в чаще и побеждать на своей территории, таким образом, сколь угодно многочисленного и мощного противника.

Рекам Говард не придает столь же большого значения, что и Толкин, и самая крупная из хайборийских водных артерий — Хоррот — не в состоянии равняться с Андуином, Брендивайном или Хойрой (Гватло). Тем не менее речная граница между миром привычным, домашним и «черными» (это слово здесь можно трактовать

во всех смыслах) побережьями существует: у Толкина это Андуин, у Говарда — Стикс.

У Говарда вообще слабо развита система координат «свое — чужое», весьма типичная для мифологического и мифопоэтического пространства. Если у профессора Толкина существуют для этой цели Туманные горы, великий Андуин, то Говард таковым делением зачастую пренебрегает. Впрочем, для бродяги Конана, которому можно сказать, всюду родина и всюду чужбина, грань между домом и внешним миром давно потеряна, и даже рубеж Кезанкийских гор является только разделителем двух в общем похожих по способу хозяйствования и управления оседлых цивилизаций — хайборийской и туранской.

Зато у Говарда оживает иное деление пространства, бытовавшее у Толкина в Первую эпоху, — деление по принципу «север — юг». Во все эпохи, а особенно в Третью, оно уступало по напряженности противостоянию «запад — восток», и есть отчет: на западе был Валинор, Эрессеа, Белерианд, Нуменор, Арнор, Гондор, на востоке — лежащее под тенью бескрайнее Средиземье. Это противопоставление Ойкумены и колдовского мира, мира великанов, мира мертвых, расположенного на севере, характерное для мифов всех финно-угорских и индоевропейских народов, возникает у Толкина постоянно: твердыни Мелькора Утumno и Ангбанд, Ангмар, пустоши драконов — все это грозит миру людей. Нет нужды проводить здесь анализ причин, почему именно север был наделен такими мифологическими функциями, это уже сделано. Вызывает интерес другое: почему у Говарда север вновь поднялся в своей мощи, ведь оплот Моргота был сокрушен уже очень и очень давно?

Это не случайно. Хайборийцам, за полторы тысячи лет перешедшим к оседлости и создавшим свой остров цивилизации, кажется, как в свое время римлянам обеих империй, что за порогом обитают варвары, которые рано или поздно все равно хлынут нескончаемыми и непобедимыми толпами через все рубежи, и остров цивилизации будет ими затоплен. В Хайбории успели забыть о предстоянии Эарендила, а до пришествия Заратустры и Христа еще весьма далеко. Борьба Митры и Сета происходит в основном в незримом мире, в душах людей, если вообще происходит, — в Хайбории культ Сета малопопулярен, и вот соперничество космоса (порядка) и хаоса (энтропии) выходит на первый план по сравнению с противостоянием предвечного добра и внемирового зла.

Того же страшился и Говард, коему американская цивилизация представляется таким последним островом. И он возводит Эйглофианский хребет, за которым помещает «суровое и беспощадное королевство гиперборейцев», первобытно диких киммерийцев, асиров и ваниров, а далее к востоку гирканийцев, западный же рубеж заселяет пиктами. Ожидание эвкатастрофы в сфере духовной заменяется ожиданием Рагнарёка. За гибелью Хайбории, считает Говард, должно произойти завоевание Запада пеласгами, иберами, дорийцами, кельтами, германцами, прежде чем воссияет свет христианства.

Но свет этот видит через громаду темных лет Толкин. Для Говарда христианство исчерпало себя как источник и символ надежды,

и варварство, побеждая цивилизацию, приводит к сумеркам земли, переходящим в вечную ночь.

Если же задаться вопросом, почему «суровым и беспощадным» гиперборейским колдунам присвоены имена вовсе не воинственных и никогда не посягавших на Западную Европу финнов, то стоит вспомнить, что германцы, изначально населявшие Скандинавский полуостров, сталкивались там с финнами и лопарями и, поскольку те вели ярко выраженный отличный от германского образ жизни, считали их колдунами. Даже в карело-финском эпосе разделение на финнов-лесовиков и лопарей — тундровых кочевников зафиксировано в борьбе героев Калевалы с чародеями Похьелы (Лапландия). Вот Похьела и перемещается на карту Хайбории, приобретая звучное имя «Гиперборей».

Таким образом, мотивы демонизации Севера у Толкина и Говарда одни и те же, но природа исходящей с полуночи опасности — разная. Христианин Толкин выходит в битве с колдовством Севера на Армагеддон, духовный язычник с христианской этикой Говард — на Рагнарёк.

Даже тот самый необходимый для мифопоэтического пространства источник конфликтов, очаг хаоса среди упорядоченного космоса, о коем упоминалось в начале статьи, Говард помещает на севере: это гора Бен Морг — потухший вулкан, средоточие необузданной яростной хтонической силы, обитель Крома.

Ось мира проходит у Толкина через Ойолоссэ. Там восседает на своем троне повелитель ветров и воздуха — вала Манвэ, лишь оттуда можно обратиться к создателю Эа, Всего Сущего — Эру Илуватару. Но Валинор постепенно исчезает как место событий из толкиновского эпоса, постепенно все дальше и дальше удаляется из Кругов Мира, а следом возникает целая иерархия связующих звеньев от мира дальнего к миру горнему. Не случайно Средиземье в оригинале именуется *Middangeard* (староангл.) или Мидгард — Средний мир в германо-скандинавской системе девяти миров, Ойкумена. Единое пространство Эа постепенно разграничивается на составляющие части, структурируется, усложняется, но связь между этими составляющими не должна прерываться. И вот в Нуменоре возникает священная вершина Менелтарма, связанная с Аваллонэ на Эрессее. После низвержения Аталантэ Менелтарму сменяют эльфийские белые башни Элосторион на Эмин Берайд, откуда печальный Элендил смотрит сквозь палантир на ту же Аваллонэ. Со временем и Эмин Берайд предается забвению, без Элендила его палантир отказывается служить кому-либо другому, и функцию оси мира принимает гора Миндоллуин в Белых горах близ Минас Тирита. Там и заканчивает Арагорн свое возвращение на королевский трон.

Толкин очень тщательно следит за этой преемственностью, как и за преемственностью вообще. Присутствие Творца в мире людей обязательно, иначе нет места надежде, и оно сохраняется посредством ли мировой оси или существования династии избранных. Имя «Дети Илуватара» можно и должно понимать почти в прямом смысле: Эру создал Айну́р, те — майар, майа Мелиан заключила брак с Эльвэ Тинголом, Лутизн — с Береном, Идри́л — с Ту́ором, Арвен —

с Арагорном. Связь миров и времен непрерывна, и в этом один из главных принципов организации вселенной Дж. Р. Р. Толкина.

У Говарда поиски мировой оси весьма затруднительны. Мир становится иным, опять же, с уходом эльфов. До событий на горе Синай, горе Фавор и на Голгофе остаются еще тысячелетия. Человечество мелькает, династия Королей угасает вновь, новая тень шествует по земле. Связь с истинным Творцом теряется. Толкин упоминает о многочисленных языческих и магических культах, насажденных на юге и востоке Средиземья как Сауроном, так и Черными Нуменорцами, назгулами, и Синими Магами — из тех пяти майа, в числе коих прибыли в Средиземье Гэндальф, Радагаст и Саруман. Эти культы не умерли с развоплощением Саурана, и если не послужили злу, то и процветанию истинной веры не способствовали.

Толкин сознательно исключил почти из всех своих произведений — из «Властелина колец», во всяком случае, — любые упоминания об отправлении религиозных культов, но присутствие теократической монархии в Нуменоре и Гондоре несомненно: лишь король имеет право восходить на Менелтарму и Миндоллун и говорить оттуда с высшими силами, и, таким образом, указания на то, где же искать ось мира в Средиземье, даются ясно. Говард, напротив, создает несколько пантеонов богов, моделируя пестроту религиозных верований эллинистического мира и Востока, и такое моделирование ему неплохо удается: на границах Рима, германских и кельтских территорий, Ирана, Эфиопии, Великой Степи, в Аравии в I тысячелетии до н. э. и в I тыс. н. э. действительно существовало множество сект и школ, зачастую довольно эклектичных, но весьма интересных верований и течений в рамках одной веры. Эпоха мировых религий еще не наступила. Но среди всего многообразия религий говардовского мира должна присутствовать та самая единственная, наследуемая от начала времен, по которой мы могли бы проследить, как мифопоэтический мир приходит от мира Толкина к миру Говарда. Для Толкина это христианство *теперь* и вера в Эру Единого в Средиземье.

На роль такой истинной веры в Хайбории может претендовать только митраизм. Митраизм — реально существовавшая религия, выросшая из зороастризма и очень популярная в Иране, Средней Азии, в Римских империях. Несомненно, во многом митраизм, как и зороастризм, похож на христианство и до некоторой степени предвосхитил его. Но лишь до некоторой степени. Пары Бог-Отец — Иисус в христианстве и Ахурамазда — Митра в «Авесте» и Митра — Эпимитриус у Говарда весьма отличаются друг от друга. И говардовская система гораздо ближе к авестийской, нежели к христианской, и вот почему.

Митра у Говарда, как и Митра зороастрийский, — прежде всего благодетель общемирового нравственного закона — Брты, овеществленного в огне и свете. Он следит за соблюдением этого закона именно среди людей, в их Среднем мире, в Мидгарде или Средиземье, являясь устроителем социального космоса прежде всего. Митра выступает гарантом святости договора (само слово «*Mitra*» значит «договор», «согласие»), то есть посредником между верховным бо-

гом, Ахурамаздой, и людьми. Отсюда и роль Митры как защитника, ибо он должен наказывать тех людей и те страны, кои отвергают договор, преступают его, живут по лжи, то есть склоняются ко злу. И наоборот, Митра поощряет тех, кто чтит нерушимость договора и следует нормам нравственности и морали — как договору между человеком и богом, живет в чистоте и правде. Отсюда же и вседущность Митры, ибо он обязан присутствовать всюду как наблюдатель за исполнением договора, за тем, как люди соблюдают три канона чистоты (явный мотив Святой Троицы!): чистоту помыслов, чистоту слов и поступков. Естественно, происходит, что вмешательство самого Митры в борьбу со злом в мире долгие за частую не требуется, ибо люди, исполняя каноны и нормы митраизма, осуществляют эту борьбу сами.

Мотив умирающего (гбнущего) и воскресающего бога знаком многим религиям, в том числе и зороастризму. Митра гибнет в битве с чудовищем и снова оживает. Хотя многие раннехристианские авторы считали сходство митраизма с христианством «дьявольским соблазном», некоторые думали иначе. Святой Климент Александрийский писал: «Мистерии есть предугадывание истины». Миф о схватке Гэндальфа с балрогом может служить прообразом мифа о Митре, тем паче что Митрандир (!) называл себя «слугой Тайного Пламени». Эру Илдуатар у Толкина, разумеется, не есть авестийский Ахурамазда, ибо этики христианства и зороастризма сильно рознятся. Но принципы «Музыки Айну» и зороастризма сходны в том, что как Эру единственен и предвечен, а зло появляется после, из внемирового Ничто, и Мелькор соблазняется им, так и в зороастризме создатель Ахурамазда породил Спента-Майнью («дух святой») и Ангро-Майнью, духов добра и зла, братьев-близнецов, причем Ангро-Майнью принял зло и стал его апологетом, злоупотребив свободой воли.

Таким образом, прослеживается цепочка мифологических связей (по степени близости): христианство — мифология Толкина — зороастризм — митраизм Говарда. Христианство для Говарда устарело, он стесняется прямого взгляда Бога Единого, его не удовлетворяет обещание воздаяния в Конце Времен, и подобно Юлиану Отступнику он ищет иного, ищет чудес — и отчасти находит их — в митраизме, преобразуя его на современный ему по-тexasски пуританский христианский лад. Мифопоэтика, как видно, эволюционирует от мифа-эвкатастрофы к мифу-аватару, от примата духовности к примату добронравия, от этики любви к этике договора. Что же, на фоне безверия и релятивизма, во многом захвативших мировую литературу, вариант совсем не плохой!

Но Митра (у Говарда Ахурамазда назван Митрой, роль же авестийского Митры выполняет Эпимитриус) не является спасителем: он лишь один из предвестников Спасителя — аватар, как и Гэндальф, является лишь «эmissаром» валар (выражение, принадлежащее Дж. Р. Р. Толкину). Очевидно, потому тщетно будет искать в Хайбории «ось мира» — она может быть повсюду.

Следует отметить, что аватар-Эпимитриус (он же Митра, он же Спента-Майнью) периодически является своей пастве. Замечатель-

но, что после свержения Нумедидеса Эпимитриус является именно Конану-варвару! Конан, как известно, пришел из ирландской саги «Преследование Диармайда и Грайне», то есть он — и это прослеживается по киммерийским именам, истории и некоторым традициям киммерийцев — кельт. Западный кельт-ирландец, шотландец или, в крайнем случае, галл. Именно к кельтской культуре перешла эстафета сохранения канонов веры, христианской учености и искусства в Западной Европе после упадка Рима; к кельту-киммерийцу Конану является хайборийский эмиссар мира горного, вручая ему право на владение Мечом и Ключами от столицы митраизма, делая его не просто монархом Аквилонии, но монархом-богопомазанником! Что ж, еще раз можно повторить: «Каждое время заслуживает своего героя!» — и заметить, что ни профессор Толкин, ни мастер Говард не избегли-таки очарования древней кельтской и кельто-латинской культурой и светом кельтского возрождения, начавшегося в конце XIX века в Ирландии.

Но этого мало: странствия Конана отныне обретают тот самый смысл, о котором говорилось в начале статьи. Избранный Король, он осуществляет теперь Путь, Миссию, познавая замысел Творца, побеждая зло, порой спасая от него мир и утверждая, таким образом, единство горного и дольного, продолжая путь героев Средиземья и предваряя путь героев грядущего.

Алекс МАК-ДУФ

СОДЕРЖАНИЕ

Д. Фрост
ХРАМ НОЧИ

Глава первая	7
Глава вторая	37
Глава третья	46
Глава четвертая	71
Глава пятая	93
Глава шестая	107
Глава седьмая	120
Глава восьмая	138
Глава девятая	170
Глава десятая	183
Глава одиннадцатая	190
Глава двенадцатая	197
Глава тринадцатая	205
Глава четырнадцатая	211
Глава пятнадцатая	223
Глава шестнадцатая	235
Глава семнадцатая	242
Глава восемнадцатая	250
Глава девятнадцатая	275
Глава двадцатая	281
Глава двадцать первая	286
Глава двадцать вторая	293
Глава двадцать третья	299
Глава двадцать четвертая	310
Глава двадцать пятая	327
Глава двадцать шестая	335
Глава двадцать седьмая	342
Эпилог	356

ПЕС БЕЗДНЫ

А. Кроу. Неразменный золотой	359
Д. Мак-Грегор. Пес бездны	411

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ХАЙБОРИИ

А. Мак-Дуф. Средиземье и Хайбория: эволюция мифопоэтического пространства	443
--	-----

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ
можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140,
АСТ — «Книги по почте».

Литературно-художественное издание

АЛЕКС КРОУ
ДУНКАН МАК-ГРЕГОР
ДОНОВАН ФРОСТ

КОНАН И ХРАМ НОЧИ

Ответственный редактор *Наталья Баулина*
Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*
Главный художник *Сергей Шикин*
Художественный редактор *Елена Иванова*
Художник *Владислав Асадуллин*
Верстка *Елены Посадовой*
Корректор *Вера Чаленко, Татьяна Мельникова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.02.98 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Школьная». Печать высокая
с ФПФ. Бумага типографская. Усл. печ. л. 24,36.
Тираж 11 000 экз. Заказ № 1724.

Издательство «Северо-Запад».
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:
197110, Санкт-Петербург, а/я 171
E-mail: sevzap@info-pro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
ППИ им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных
издательством диапозитивов.

ЧИТАЙТЕ дилогию «ПОЛУНОЧНАЯ ГРОЗА»

том 49
«Конан и подземный огонь»
том 50
«Конан и матаж четырех»

Роман выдающегося мастера
героической фантастики Олафа Бьорна
Локнита заставит вас пережить
катастрофу, едва не погубившую
Хайборнию, и позволит раскрыть
самую сокровенную тайну мира
Конана.

«Северо-Запад»®

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

"СЕВЕРО-ЗАПАД"

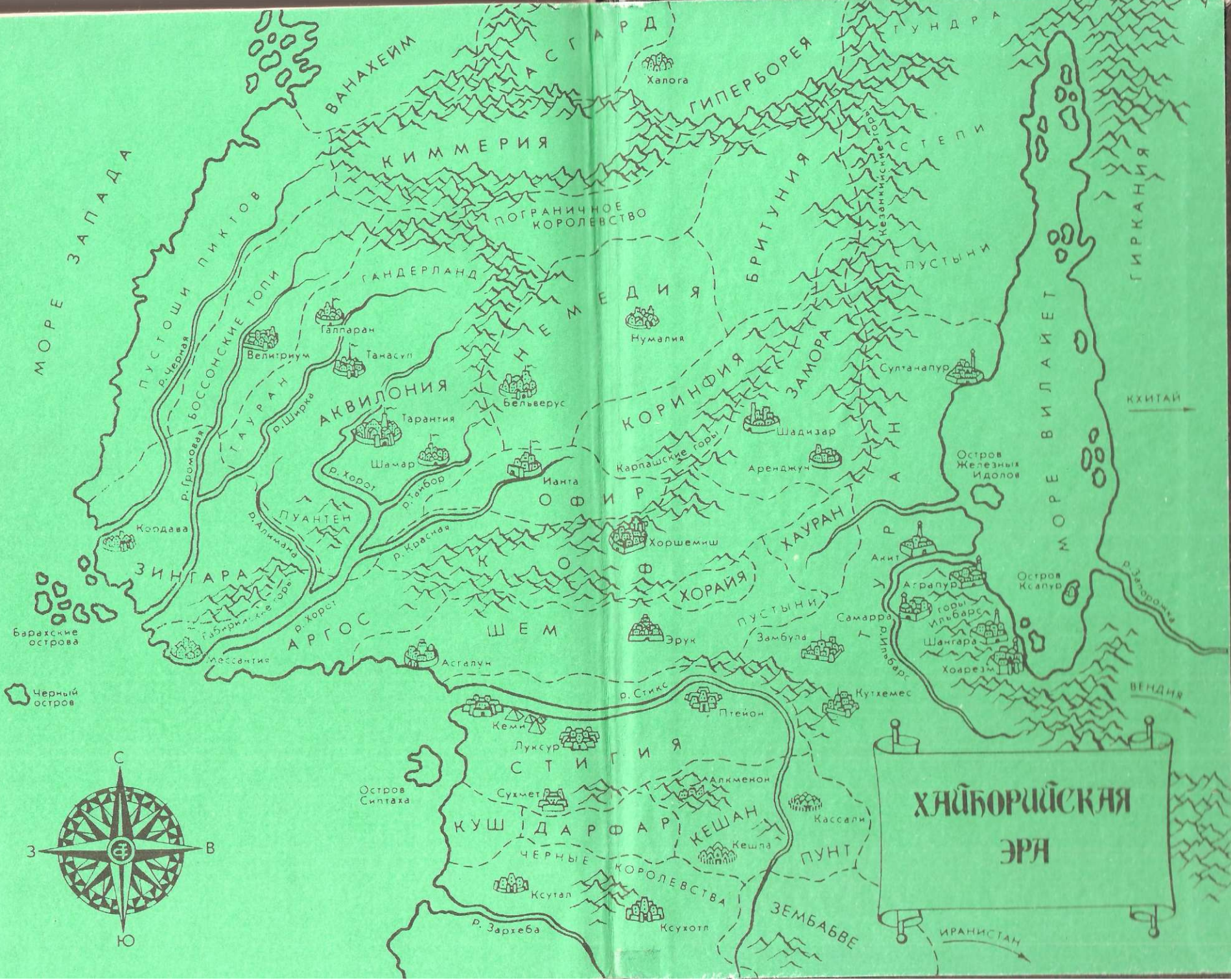
ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ

"АСТ"

По вопросам покупки книг обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж.
Тел. (095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

N 5-7906-0072-7

5790 600722